

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ.

SCIENTIFIC JOURNAL

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2026. Том 53, № 1

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

2026. Том 53, № 1

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.6.1 – Отечественная история, 5.6.2 – Всеобщая история, 5.5.1 – История и теория политики, 5.5.2 – Политические институты, процессы и технологии, 5.5.4 – Международные отношения). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

О.Н. Полухин, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы института экономики и управления НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Литовченко, профессор кафедры всеобщей истории педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, доцент

И.Т. Шатохин, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Галушко, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета (Ереван, Армения)

С. Атлигич, доктор политических наук факультета политических наук Белградского государственного университета (Белград, Сербия)

И.Ю. Ващева, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

А.В. Глухова, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Москва, Россия)

Г.Д. Гумба, доктор исторических наук, доцент кафедры истории, этнологии и археологии Абхазии Абхазского государственного университета (Сухум, Республика Абхазия)

М. Казански, доктор истории Центра изучения византийской цивилизации (Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии, профессор политологии Университета штата Теннесси (Мерфрисборо, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия (Белгород, Россия)

В.М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

И.М. Пушкарёва, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)

ISSN 2687-0967

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Мишенина. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. Редактор англоязычных текстов Е.С. Данилова. E-mail: galushko@bsuedu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Уч.-изд. л. 27,5. Дата выхода 30.03.2026. Оригина́л-макет подготовлен центром полиграфического производства НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- 5 **Худавердян А.Ю.**
Биоархеологическое исследование материалов поздней бронзы и раннего железного века из могильника Кучак (Армения)
- 30 **Рябцева М.Л., Прокопенко С.Н.**
Исследование варварских древностей Боспора в первой четверти XXI в. (по материалам ведущих отечественных периодических изданий)
- 40 **Васильков Н.В., Василькова Е.Е.**
Формирование индо-римских торговых связей в эпоху Октавиана Августа
- 51 **Крыжановский Ф.А.**
Современные исследования римского культа Сильвана в Паннонии и Далмации: накопление и анализ данных эпиграфики
- 59 **Казаков М.М.**
Константинов град: мифологизация столицы
- 70 **Сахаров С.А.**
Диалог Секундина-манихея и Аврелия Августина в контексте раннехристианской этики. Анатомия зла
- 81 **Жуков А.А., Дронова Я.А.**
К эволюции муниципальных обязанностей и магистратур в ранневизантийском городе
- 89 **Руднева М.А., Родина Е.О.**
К вопросу о представлении Александрии в латинской топографической литературе IV–IX вв.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- 97 **Шаповалов В.А., Истомина И.В.**
Негатив и сарказм в русских народных пословицах о священниках
- 109 **Шатохина С.Б., Бредихина И.Г.**
Академическая мобильность отечественных профессоров Императорского Харьковского университета (1804–1917 гг.)
- 118 **Тимиряев Д.О., Коробкова Д.В.**
Первые организационные мероприятия по подготовке заграничного похода русской армии против европейских революций 1830 года
- 129 **Абдрахманов К.А., Ефименко М.Н.**
Реклама как индикатор развития предпринимательства в Средней Азии в конце XIX – начале XX века: стационарная торговля и сфера услуг
- 146 **Сергиенко М.А., Галушко И.Г.**
Деятельность органов местного самоуправления по оказанию помощи беженцам на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны
- 157 **Пантелеев П.В.**
Взаимодействие войск Юго-Западного фронта Русской императорской армии при подготовке наступательной операции летней кампании 1916 г
- 168 **Попова Е.П.**
Особенности организации труда и социальной поддержки в инвалидных артелях в период Великой Отечественной войны (на материалах Астраханского региона)
- 178 **Тумаков Д.В., Кищенко М.С.**
Государственно-политическая деятельность А.В. Руцкого и А.И. Лебеда в середине 1990-х гг.
- 189 **Белов Г.О.**
Выстраивание новых форм и механизмов социально-экономического сотрудничества Псковской области и Латвии в 1998–2004 гг.
- 199 **Прилуцкая Г.И.**
Государственная политика в сфере исторической памяти и кинематографическая репрезентация русского средневековья в современной России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

- 211 **Гамерман Е.В.**
Российско-северокорейские отношения на современном этапе и их влияние на региональную и глобальную безопасность
- 222 **Орехова М.С., Колычева С.К.**
Экономические последствия Brexit: результаты и перспективы
- 232 **Дьячковский С.Н., Шишкина С.К.**
Взаимоотношения власти и коренных народов Якутии в социально-пространственных проекциях и литературных образах
- 239 **Безбородов М.И., Сидоров И.П.**
Государственная политика России в Арктической зоне Республики Карелия в контексте Стратегии социально-экономического развития до 2030 года
- 247 **Пачина Н.Н., Разомазова М.Н.**
Национальная идентичность молодежи: воздействие, эффекты, авторитетность приоритетных информационных систем

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2026. Volume 53, No. 1

Until 2020, the journal was published as "Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Political science"

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of Candidate of Science and Doctor of Science should be published (5.6.1 – Russian History, 5.6.2 – World History, 5.5.1 – History and policy theory, 5.5.2 – Political institutions, processes and technologies, 5.5.4 – International relations). The journal is included in Russian Science Citation Index (РИНЦ). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: Federal state autonomous educational institution of higher education "Belgorod State National Research University".

Publisher: Belgorod State National Research University "BelSU".

Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin, Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Doctor of Sciences in Politics, Professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, Professor of the Russian History and Records Management Department, Doctor of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

Deputy Editors-in-Chief:

E.V. Litovchenko, Professor of the Department of World History, Doctor of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

I.T. Shatokhin, Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

L.S. Polovneva, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in Politics (Belgorod State National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Galushko, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in History (Belgorod State National Research University)

Members of the Editorial Board:

M.G. Abramzon, Doctor of Sciences in History, Professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, Doctor of Sciences in History, Professor (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, Doctor of Sciences in Politics (Belgrade State University, Serbia)

I.Yu. Vashcheva, Doctor of Sciences in History, Associate Professor, Professor (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia)

A.V. Glukhova, Doctor of Sciences in Politics, Professor of the Department of Sociology and Political Science (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, Doctor of Sciences in History; Corresponding Member of Russian Academy of Sciences; Director of the Museum of Anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstammer) Russian Academy of Sciences

G.D. Gumba, Doctor of Sciences in History, Associate Professor (Abkhaz State University, Republic of Abkhazia)

M. Kazanski, PhD in History (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in Political Science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, Doctor of Sciences in Politics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy (I.D. Putilin Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

V.M. Marasanova, Doctor of Sciences in History, Professor (Yaroslavl Demidov State University)

V.A. Perepelitsyn, Doctor of Sciences in History, Professor (Voronezh State Pedagogical University)

I.M. Pushkareva, Doctor of Sciences in History, Leading Scientific Worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

ISSN 2687-0967

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77960 of 19 February 2020.

Publication frequency: 4 times per year.

Commissioning Editor Yu.V. Mishenina. Page proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. English text editor E.S. Danilova. E-mail: galushko@bsuedu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. 27.5 publishing sheets. Date of publishing: 30.03.2026. Dummy layout prepared by Belgorod State National Research University Centre of Polygraphic Production. Address: 85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

- 5 **Khudaverdyan A.Yu.**
Bioarcheological Study of Late Bronze and Early Iron Age Materials from the Kuchak Burial Ground (Armenia)
- 30 **Ryabtseva M.L., Prokopenko S.N.**
Study of the Barbarian Antiquities of the Bosphorus in the First Quarter of the 21st Century (Based on the Materials of Leading Russian Periodicals)
- 40 **Vasilkov N.V., Vasilkova E.E.**
The Formation of Indo-Roman Trade Relations during the Reign of Octavian Augustus
- 51 **Kryzhanovskii F.A.**
Modern Research on the Cult of Silvanus in Pannonia and Dalmatia: Accumulation and Analysis of Epigraphic Data
- 59 **Kazakov M.M.**
The City of Constantine: Mythologization of the Capital
- 70 **Sakharov S.A.**
The Dialogue between Secundinus the Manichean and Aurelius Augustine in the Context of Early Christian Ethics: An Anatomy of Evil
- 81 **Zhukov A.A., Dronova Ya.A.**
On the Evolution of Municipal Duties and Magistracies in the Early Byzantine City
- 89 **Rudneva M.A., Rodina E.O.**
To the Question about the Representation of Alexandria in the Latin Topographical Literature of the 4th – 9th Centuries

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

- 97 **Shapovalov V.A., Istomina I.V.**
Negativity and Sarcasm in Russian Folk Proverbs about Priests
- 109 **Shatokhina S.B., Bredikhina I.G.**
Academic Mobility of Russian Professors of Imperial Kharkov University (1804–1917)
- 118 **Timiryayev D.O., Korobkova D.V.**
The First Organizational Measures to Prepare for the Russian Army's Overseas Campaign against the European Revolutions of 1830
- 129 **Abdrakhmanov K.A., Efimenko M.N.**
Advertising as an Indicator of Entrepreneurship Development in Central Asia in the Late 19th and Early 20th Centuries: Stationary Retail Trade and Service Sector
- 146 **Sergienko M.A., Galushko I.G.**
The Activities of Local Governments in Providing Assistance to Refugees in the Kursk Province during the First World War
- 157 **Panteleev P.V.**
Interaction between the Troops of the Southwestern Front of the Russian Imperial Army during the Preparation for the Offensive Operation of the 1916 Summer Campaign
- 168 **Popova E.P.**
Features of Labor Organization and Social Support in Artels of the Disabled during the Great Patriotic War (Based on Materials from the Astrakhan Region)
- 178 **Tumakov D.V., Kishchenkov M.S.**
State and Political Activities of A.I. Lebed and A.V. Rutskey in the Mid-1990s
- 189 **Belov G.O.**
Development of New Forms and Mechanisms of Socio-Economic Cooperation between the Pskov region and Latvia in 1998–2004
- 199 **Prilutskaya G.I.**
State Policy in the Sphere of Historical Memory and Cinematic Representation of Medieval Russia in Contemporary Russia

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

- 211 **Gameran E.V.**
Russia – North Korea Relations at Present Stage and Their Impact on Regional and Global Security
- 222 **Orekhova M.S., Kolycheva S.K.**
Economic Consequences of Brexit: Results and Prospects
- 232 **Dyachkovsky S.N., Shishkina S.K.**
The Relationship between the Authorities and the Indigenous Peoples of Yakutia in Socio-Spatial Projections and Literary Images
- 239 **Bezborodov M.I., Sidorov I.P.**
Russian State Policy in the Arctic Zone of the Republic of Karelia in the Context of the Socio-Economic Development Strategy until 2030
- 247 **Pachina N.N., Razomazova M.N.**
National Identity of Young People: Impact, Effects, and Authority of Priority Information Systems

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 572

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-1-5-29

EDN AHZZTT

Оригинальное исследование

Биоархеологическое исследование материалов поздней бронзы и раннего железного века из могильника Кучак (Армения)

Худавердян А.Ю.

Институт археологии и этнографии Национальной Академии наук Республики Армения,
Республика Армения, 0025, Ереван, ул. Чаренци, 15

E-mail: akhudaverdyan@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена исследованию черепов эпохи поздней бронзы, раннего железного века из могильника Кучак (Армения). Исследование осуществлялось путём визуального осмотра скелетов, измерения, описания и рентгенографии. Дана краниологическая, краниоскопическая, одонтологическая и остеологическая характеристика и определены некоторые болезни, фиксируемые на костях скелета. Четкие следы непреднамеренной деформации головы (*tump-line deformation, cradle deformation*) отмечены у индивидов. Одонтологический комплекс относится к южному грацильному типу с высоким уровнем редукции гипоконуса вторых верхних моляров. На индивидуальном уровне проанализированы тотальные размеры и формы тела взрослого индивида. В структуре палеопатологического профиля выборки преобладают воспалительные заболевания.

Ключевые слова: Армения, Кучак, эпоха поздней бронзы и раннего железного века, краниология, краниоскопия, одонтология, остеология, палеопатология

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Худавердян А.Ю. 2026. Биоархеологическое исследование материалов поздней бронзы и раннего железного века из могильника Кучак (Армения). *Via in tempore. История. Политология.* 53(1): 5–29. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-5-29. EDN: AHZZTT

Bioarcheological Study of Late Bronze and Early Iron Age Materials from the Kuchak Burial Ground (Armenia)

Anahit Yu. Khudaverdyan

Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Science, Republic of Armenia,
15 Charenci St., Yerevan 0025, Republic of Armenia

E-mail akhudaverdyan@mail.ru

Abstract. The work is dedicated to the study of skulls from the Late Bronze and Early Iron Age discovered at the Kuchak burial site (Armenia). The research methodology involved visual examination of skeletons, measurements, descriptions and radiography. The study provides craniological, cranioscopic, odontological, and osteological characteristics, and identifies certain diseases recorded in the skeletal remains. Clear traces of unintentional head deformation (*tump-line deformation, cradle deformation*) were noted in individuals. The odontological complex was found to be of the southern gracile type characterized by a high level of reduction of the hypoconus of the second upper molars. At the individual level, we analysed the total size and shape of

the body of an average adult. The structure of the paleopathological profile of the sample is dominated by inflammatory diseases. Overall, the analysis of limited anthropological material allows us to conclude that the inhabitants of Kuchak led a sedentary lifestyle in the Late Bronze and Early Iron Ages, which is confirmed by the presence of various inflammatory changes on the bones.

Keywords: Armenia, Kuchak, Late Bronze Age and Early Iron Age, craniology, craniotomy, odontology, osteology, paleopathology

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Khudaverdyan A. Yu. 2026. Bioarcheological Study of Late Bronze and Early Iron Age Materials from the Kuchak Burial Ground (Armenia). *Via in tempore. History and political science*. 53(1): 5–29 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-5-29. EDN: AHZZTT

Введение

На рубеже XVI–XV вв. до н. э. на территории современной Армении складывается относительно целостное культурное пространство, представленное сообществами с близкими хозяйственными и социальными характеристиками. Одной из ключевых особенностей данной культурной среды является высокий уровень развития металлургии и металлообработки. Археологические комплексы включают широкий спектр изделий – боевые и хозяйственные орудия, различные типы клинкового оружия, бронзовые пояса, украшения из цветных и драгоценных металлов, элементы конской упряжи, а также детали повозок и боевых колесниц, что свидетельствует о технологической зрелости общества и специализации ремесленного производства [Деведжян, 2006].

Художественные изделия из металла, происходящие из Лчашена, Лори Берда и ряда других памятников, отражают формирование престижных форм материальной культуры и указывают на существование социальной иерархии уже на ранних этапах позднего бронзового века. Начиная с конца XIII – начала XII в. до н. э. в погребальной практике фиксируются захоронения индивидов, интерпретируемых как «профессиональные воины», что позволяет говорить о выделении специализированной военной прослойки. В раннем железном веке (XII в. до н. э.) важную роль приобретает конница, о чём свидетельствуют как биоархеологические данные, полученные при анализе костных остатков, так и иконографические материалы – изображения всадников на поясах и сосудах [Khudaverdyan, 2021; Khudaverdyan et al., 2022].

Материалом настоящего исследования послужили антропологические находки из могильника Кучак, датируемого поздним бронзовым и ранним железным веками. Памятник расположен в Апаранской котловине, на востоке Арагацотнской области. Сбор костных остатков осуществлялся археологической экспедицией Института археологии и этнографии НАН Республики Армения под руководством Л.А. Петросян.

Объект и методы исследования

В исследование были включены костные останки семи индивидов, происходящие из погребений № 39, 53, 55, 58 и 60. Сохранность скелетного материала варьировала от удовлетворительной до фрагментарной. Определение возрастно-половых характеристик осуществлялось с применением комплекса современных антропологических методик, основанных на морфологических признаках черепа, таза и посткраниального скелета, а также на показателях степени облитерации швов и изменений суставных поверхностей [Алексеев, Дебец, 1964; Lovejoy et al., 1985; Meindl, Lovejoy, 1985; Brooks, Suchey, 1990; Buikstra, Ubelaker, 1994; AlQahtani et al., 2010].

Изучение краниологических и посткраниальных элементов проводилось в соответствии с общепринятыми измерительными и описательными программами, включающими краниометрию, краниоскопию, одонтологию, остеометрию и палеопатологию [Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Зубов, 1968а, 1968б; Мовсисян и др., 1975; Buikstra, Ubelaker, 1994; Hillson, 1996; Goodman et al., 1984].

Рентгенологическое обследование костного материала выполнялось на базе Института археологии и этнографии НАН Республики Армения с использованием портативной цифровой рентгенографической системы (Portable Digital X-ray Radiography System).

Результаты и обсуждение

Погребение № 39. В пределах данного комплекса выявлены костные останки трёх индивидов.

Индивид № 39-1. Представлен фрагментарно сохранившимся черепом ребёнка возрастом 6–8 лет (± 1) (рис. 1).

Краниоскопическое обследование позволило зафиксировать ряд дискретных признаков, преимущественно наследственного характера, не связанных либо слабо связанных с патологическими процессами. К их числу относятся *spina processus frontalis ossis zygomatici* (прямая форма), *stenocrotaphia*, *processus temporalis ossis frontalis*, *os postsquamosum*, слабо выраженный *torus occipitalis* (балл 0,1), переменное положение *foramina mastoidea* (на шве и вне шва), *os asterion*, *torus palatinus* слабой степени выраженности (балл 1), *sutura palatina transversa* П-образной конфигурации, *sutura incisiva*, отсутствие *foramina spinosum*, наличие *processus paramastoideus*, а также *foramina mentalia* (табл. 1).

Рентгенологическое обследование выявило на внутренней поверхности свода черепа участки пальцевидных вдавлений (рис. 1–1), интерпретируемые как проявления гипертензионного синдрома, связанного с повышением внутричерепного давления. Формирование подобных изменений может быть обусловлено рядом патологических состояний, включая краниосиностоз, новообразования, инфекционные процессы, внутричерепные гематомы, абсцессы, паразитарные кисты и гидроцефалию.

Кроме того, на черепе зафиксирован поротический гиперостоз, представленный *cribra orbitalia* слабой степени выраженности (балл 1; рис. 1–3). Данный признак формируется преимущественно в детском возрасте и в большинстве случаев рассматривается как индикатор железодефицитной анемии, возникающей на фоне длительно протекающих инфекционных и паразитарных заболеваний [Stuart-Macadam, 1992].

У индивида также выявлены признаки воспалительного процесса среднего уха (мастоидит) и поротические изменения в области наружного слухового прохода (рис. 1–4). При поражении сосцевидного отростка инфекционный агент распространяется на клетки барабанной полости, что приводит к резорбции костной ткани.

Особый интерес представляют зафиксированные формы краниальной модификации, а также характер деформирующего воздействия. Вдоль верхнего края теменных костей, в зоне позади брегмы, отмечены локальные углубления в виде поперечных борозд, соответствующие *tumpline deformation* (рис. 2). Ширина канавки составляет 32 мм, протяжённость – 97 мм. Помимо этого, диагностирована затылочная деформация колыбельного типа (*cradle deformation*; рис. 1–2), связанная с длительным пребыванием ребёнка в лежачем положении в люльке. Формирование уплощения затылочной области происходит, как правило, в течение первого года жизни.

Индивид № 39–2. Представлен черепом подростка в возрасте 15–17 лет (рис. 3–1).

Выявило комплекс дискретно-варьирующих морфологических признаков: *foramina supraorbitalia*, *spina trochlearis*, *spina processus frontalis ossis zygomatici* (отросток), *stenocrotaphia* (К-образную форму), *processus frontalis squamae temporalis*, *processus temporalis ossis frontalis*, *os wormii suturae squamosae*, *foramina parietalia*, *os wormii suturae lambdoideae*, *sutura mendoza*, *os asterion*, *foramina mastoidea* (вне шва), умеренно выраженный *torus palatinus* (балл 1,5), *sutura palatina transversa* П-образной конфигурации, *sutura incisiva*, отсутствие *foramina spinosum*, *condylus occipitalis bipartitum*, *processus paramastoideus*, *canalis condyloideus u foramina mentalia*. Следует отметить присутствие мендозного шва, который, по данным В.В. Бунака [1927], рассматривается как один из маркеров переднеазиатского (арменоидного) морфологического типа.

Одонтологические показатели свидетельствуют о средних значениях вестибулолингвального (VL cor) и мезио-дистального (MD cor) диаметров коронок первых и вторых

моляров (рис. 3). Гипоконус первого верхнего моляра слабо редуцирован (балл 4–), аналогичная тенденция отмечена для метаконуса (балл 2). Формирование зубной системы носит выражено грацильный характер: на втором верхнем моляре фиксируется редукция гипоконуса ($M^2 \sum 3, 3+$). Бугор Карабелли (Cara M^1) присутствует на первом верхнем моляре.

В палеопатологическом спектре отмечается слабовыраженный поротический гиперостоз внутренней поверхности орбит (*cribra orbitalia*; балл 1), который может быть связан с локальными воспалительными процессами. Кроме того, зарегистрированы поротические изменения в области наружного слухового прохода.

На черепе также выявлены признаки непреднамеренной краниальной модификации: поперечные деформации теменных костей, соответствующие *tumpline deformation*, а также теменно-затылочная деформация колыбельного типа (*cradle deformation*) (рис. 3–2).

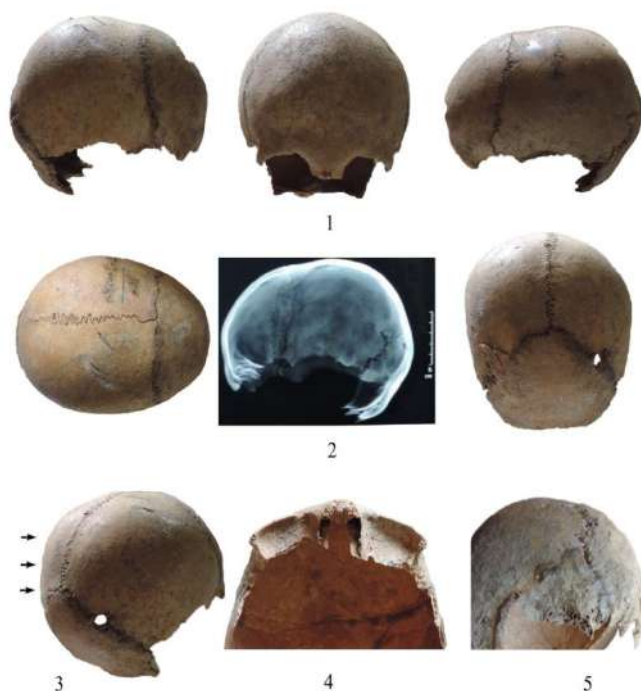

Рис. 1. Погребение 39-1, неполый череп ребенка 6–8 лет, непреднамеренная деформация, *cribra orbitalia*, поротический гиперостоз у ушного канала
Fig. 1. Burial 39-1, non-hollow skull of a child aged 6–8 years, unintentional deformation, *cribra orbitalia*, porotic hyperostosis at the ear canal

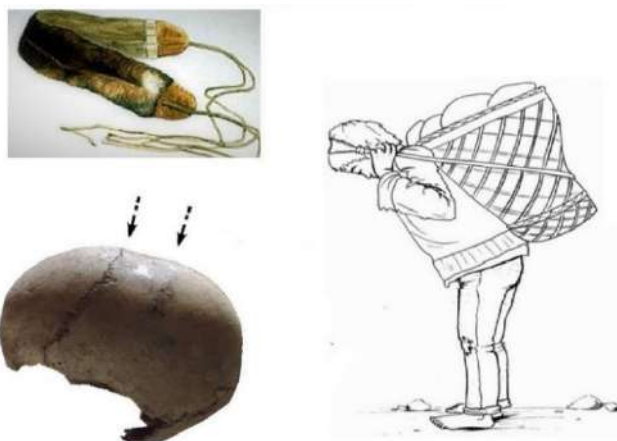

Рис. 2. Погребение 39-1. Непреднамеренная деформация: локальные понижения (*tumpline deformation*) на черепе
Fig. 2. Burial 39-1. Unintentional deformation: local depressions (*tumpline deformation*) on the skull

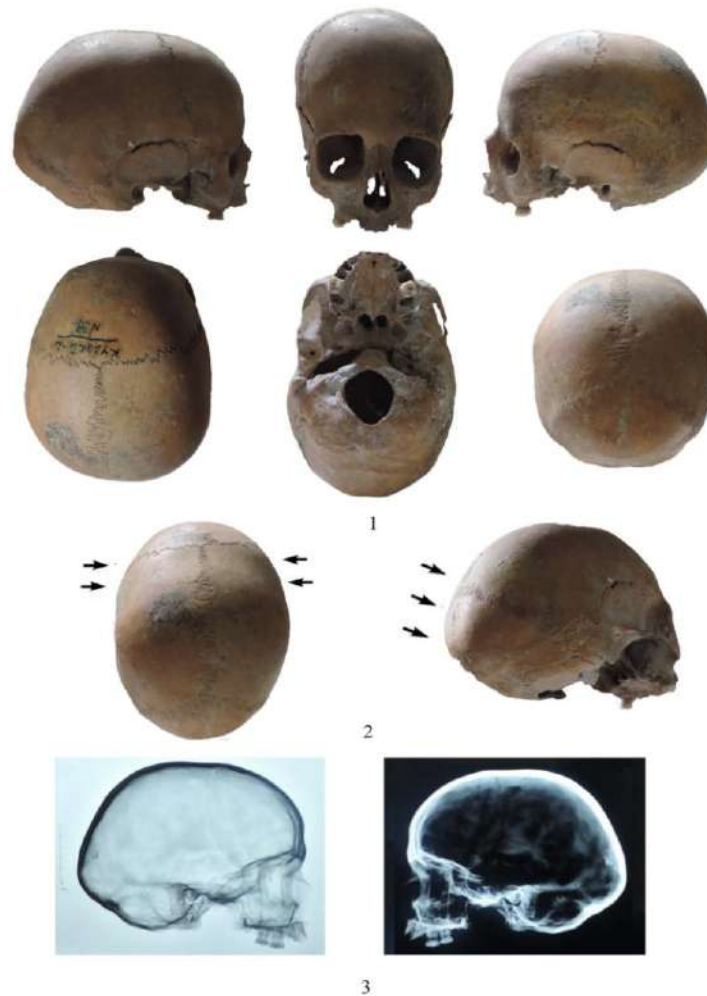

Рис. 3. Погребение 39-2. Череп юноши 15–17 лет. Непреднамеренная деформация теменной (*tump-line deformation*) и теменно-затылочной области (*cradle deformation*)

Fig. 3. Burial 39-2. Skull of a 15–17-year-old boy. Unintentional deformation of the parietal (*tump-line deformation*) and parieto-occipital area (*cradle deformation*)

Индивид № 39–3. Краниологический материал сохранён удовлетворительно. Пол индивида определяется как женский, возраст – 20–25 лет (рис. 4).

Краниологические характеристики указывают на долихокранный тип черепа с очень большими продольным и средним поперечным диаметрами (табл. 2). Вертикальные размеры свода увеличены. Надпереносье и надбровные дуги развиты слабо (балл 1). Минимальная и максимальная ширина лба находятся в пределах средних значений. Параметры верхней высоты и ширины лицевого скелета также соответствуют среднему уровню. Нос отличается значительной шириной и высотой, орбиты характеризуются средней шириной при большой вертикальной протяжённости. Длина нёба малая, при этом его ширина очень малая. Дакриальная ширина средняя, высота увеличенная.

В краниоскопическом спектре отмечены *processus temporalis ossis frontalis*, *os wormii suturae squamosae*, *foramina parietalia*, *os wormii suturae lambdoideae*, *condylus occipitalis bipartitum* и *processus paramastoideus*.

Одонтологический анализ показал, что вестибуло-лингвальные (VL cor) и мезио-дистальные (MD cor) диаметры коронок первых и вторых моляров соответствуют средним значениям (рис. 3). По среднему модулю зубной ряд демонстрирует признаки микродонтизма, что характерно для грацильных, в том числе южноевропейских популяционных групп. На втором премоляре вестибулярный бугор несколько превышает лингвальный по размерам, однако их соотношение соответствует 2 типу.

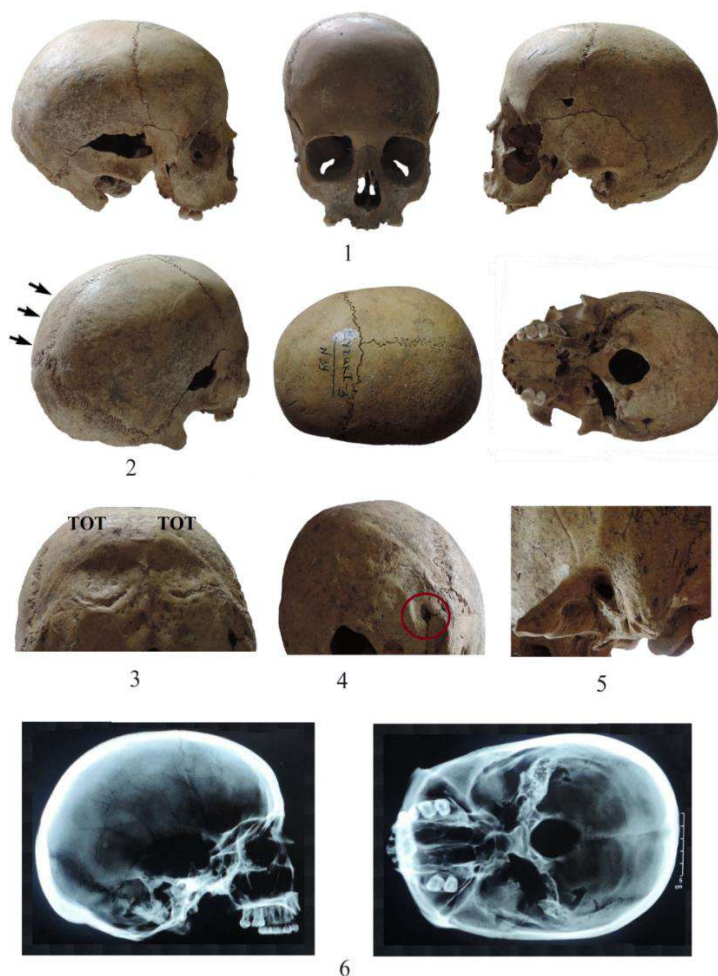

Рис. 4. Погребение 39-3. Череп женский, возраст 20–25 лет. Непреднамеренная деформация теменно-затылочной области (*cradle deformation*). Затылочные валики (TOT), мастоидит, ушные экзостозы
Fig. 4. Burial 39-3. Skull female, age 20–25. Unintentional deformation of the parieto-occipital area (*cradle deformation*). Nuchal ridges (TOT), mastoiditis, ear exostoses

В палеопатологическом комплексе фиксируется слабовыраженный поротический гиперостоз орбитальной области (*cribra orbitalia*; балл 1), а также аналогичные изменения в зоне наружного слухового прохода (рис. 4–5). Ушной экзостоз имеет билатеральный характер и, вероятно, связан с воздействием холодной воды, вызывающим сосудистые реакции в полости уха [Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1989; Standen et al., 1997].

На черепе зарегистрированы признаки непреднамеренной краниальной модификации в теменно-затылочной области, соответствующие *cradle deformation* (рис. 4–2). Кроме того, выявлены проявления воспалительного процесса среднего уха (рис. 4–4); при мастоидите инфекция распространяется на клетки барабанной полости, что сопровождается деструкцией костных структур.

В затылочной области сформированы костные валики (*torus occipitalis*; TOT, рис. 4–3), рассматриваемые как результат адаптивной реакции на длительную физическую нагрузку и повторяющиеся микротравмы [Худавердян, 2016; Hershkovitz et al., 1999]. Эти образования имеют сложную этиологию и обусловлены взаимодействием генетической предрасположенности и факторов среды [Heathcote et al., 1996, 2014]. Считается, что у предрасположенных индивидов их развитие активизируется при достижении определённого уровня функционального стресса, прежде всего связанного с мышечной гиперфункцией. В данном случае затылочные структуры локализируются вдоль верхних выйных линий, в зоне

прикрепления *musculus trapezius*, и выражены умеренно (балл 2), что может быть связано с регулярным подъёмом и переноской тяжестей через плечевой пояс.

На поверхности зубов отмечены минерализованные отложения светло-серого цвета, интерпретируемые как зубной камень.

У женщины выявлена редкая аномалия развития зубов – инвагинация эмалево-дентинных тканей («зуб в зубе», *dens invaginatus*) (рис. 5). Дефект эмбриологического происхождения диагностирован в области правого второго премоляра верхней челюсти. Согласно классификации Олера [Oehlers, 1957, 1958], данный случай отнесён к типу IIIА (подробное описание см. [Khudaverdyan, 2016]).

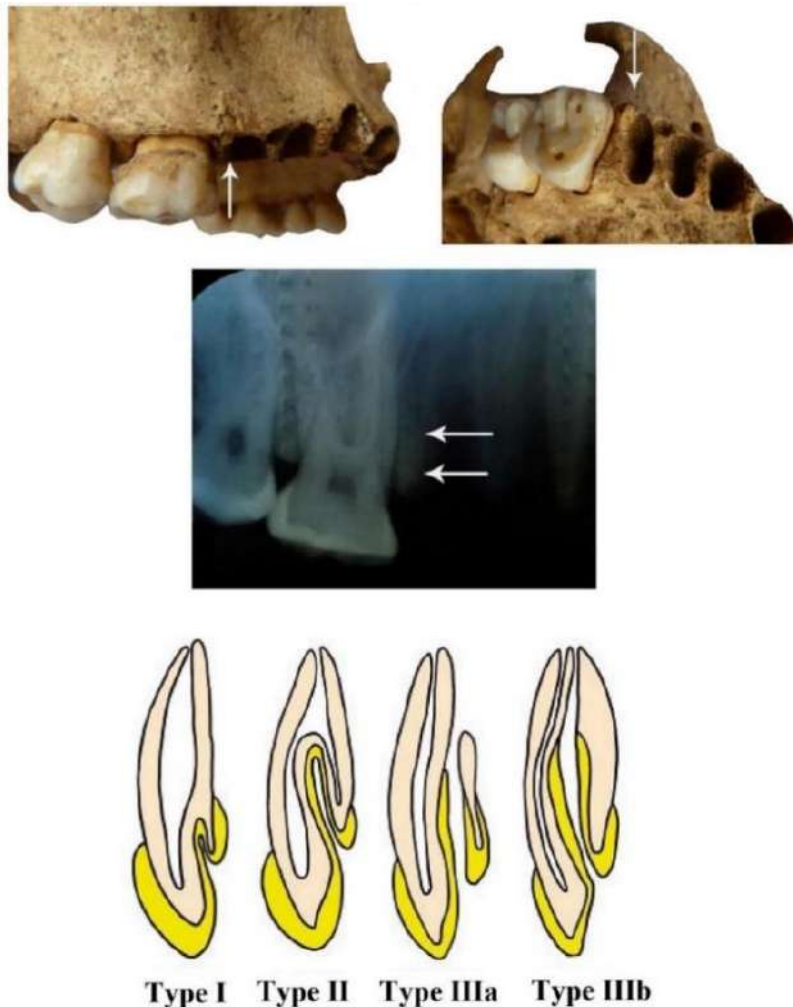

Рис. 5. Погребение 39-3. Инвагинация зубов (*dens invaginatus*) Различные типы инвагинатных зубов (классификация Олерса). Диаграмма доктора Гамбиеза

Fig. 5. Burial 39-3. *Dens invaginatus*. The different types of *dens invaginatus* (Oehlers' classification), according to Dr. Gambiez's diagram

Погребение № 53. Костный материал отсутствует. Внутри кувшина (караса) обнаружены зубы, принадлежащие ребёнку возрастом около 10–11 месяцев, представленные молочными зубами, а также зачатками постоянных зубов без сформированных корней (непрорезавшиеся элементы) (рис. 6).

В палеопатологическом аспекте на резцах зафиксированы дефекты эмали. Эмалевая гипоплазия рассматривается как маркер эпизодов выраженного физиологического стресса, перенесённых индивидом в возрасте приблизительно от шести месяцев и старше [Ortner, Putschar, 1981; Goodman et al., 1984].

Рис. 6. Погребение 53. Зубы 10–11-месячного ребенка
Fig. 6. Burial 53. Teeth of a 10–11-month-old baby

Погребение № 55. Скелет представлен фрагментами черепа и посткраниального комплекса (рис. 7). По совокупности морфологических признаков материал принадлежит мужчине в возрасте 35–45 лет.

Краниологические показатели характеризуют череп как долихокранный, с очень большими продольным и средним поперечным диаметрами, увеличенной шириной лба и основания черепа (табл. 2). Затылочная область отличается значительной шириной. Альвеолярная дуга удлинённая, при средней ширине, нёбо очень узкое. Носовая область демонстрирует очень большие размеры. Нижняя челюсть массивная: длина её тела, минимальная ширина и высота ветви увеличены, симфиз и высота тела высокие, толщина тела чрезвычайно велика.

Зафиксирован комплекс дискретно-варьирующих признаков, включающий *foramina supraorbitalia*, *foramina infraorbitalia*, *foramina zygomaticofacialia*, *spina processus frontalis ossis zygomatici* (прямая форма), *processus temporalis ossis frontalis*, *os postsquamosum*, *foramina parietalia*, *os wormii suturae lambdoideae*, *os asterion*, *foramina mastoidea* (расположенные на шве), *torus palatinus* умеренной выраженности (балл 2), *sutura palatina transversa* П-образной конфигурации, *sutura incisiva*, *canalis craniopharyngeus u foramina mentalia* (табл. 1).

Одонтологические параметры (VL cor и MD cor) коронок первых и вторых моляров соответствуют малым и средним значениям (рис. 3). На вторых молярах отмечена выраженная редукция гипоконуса ($M^2 \sum 3, 3+$). Нижние первые моляры имеют пятипугорковое строение с Y-образным рисунком, тогда как вторые и третьи моляры четырёхпугорковые, с X-типом конфигурации борозд.

Остеометрические характеристики длинных костей указывают на исключительно крупные размеры скелета (рис. 4). Реконструированная длина тела по бедренной кости оценивается как очень высокая ($196,5 \pm 3,86$ см). Минимальный диаметр диафиза плечевой кости относится к категории крайне больших значений. В проксимальном отделе локтевой кости отмечается платоленическая форма диафиза. Бедренные кости отличаются значительной длиной и массивностью, окружность середины диафиза очень велика; на шейке фиксируется костный наплыв (plaque). Большеберцовые кости характеризуются выраженной мощностью, а по индексу платикнемии диагностируется гиперплатикнемия.

Мышечный рельеф верхних и нижних конечностей развит интенсивно (от 1,5 до 3 баллов; табл. 5), что отражает высокий уровень физической активности. На плечевых костях

выявлены энтесопатии в зоне прикрепления сухожилия длинной головки двуглавой мышцы плеча (*caput longum m. biceps brachii*); гребни малого бугорка, межбугорковая борозда и дельтовидная шероховатость выражены умеренно. Локтевая бугристость и гребни пронатора значительно развиты, на головке локтевой кости присутствуют экзостозы (рис. 8–3). На бедренных костях хорошо выражены *linea aspera* и ягодичная шероховатость. Рельеф задней поверхности большеберцовых костей, соответствующий линии камбаловидной мышцы, также развит значительно.

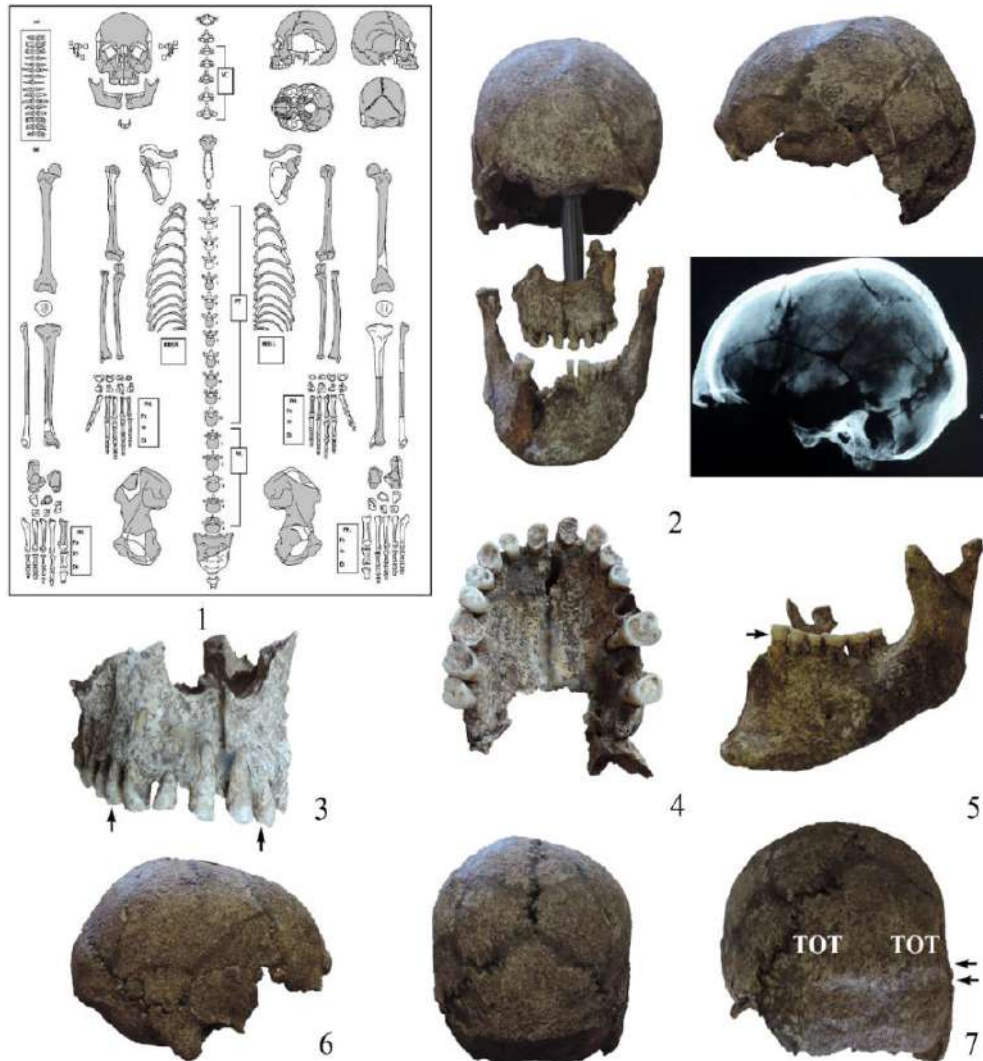

Рис. 7. Погребение 55. Скелет мужчины 35–45 лет. Необычная стертость верхних резцов, сколы, эмалевая гипоплазия, затылочные валики (TOT)

Fig. 7. Burial 55. Skeleton of a man aged 35–45. Unusual wear of the upper incisors, chips, enamel hypoplasia, torus occipitalis (TOT)

На тазовых костях зафиксированы следы интенсивных нагрузок на связочный аппарат лонного сочленения: в местах прикрепления верхней и дугообразной связок выявлены энтесопатические изменения. На симфизиальной поверхности левой лобковой кости обнаружены очаги лизиса в виде округлых отверстий диаметром 1–2 мм, что, вероятно, возникло задолго до смерти и могло сопровождаться нарушением походки. В верхних отделах крыльев подвздошных костей отмечаются направленные внутрь костные разрастания неправильной формы. Аналогичные изменения зарегистрированы на верхней границе крестцово-подвздошного сочленения, а также по верхнему краю вертлужной впадины.

Умеренно выражены на черепе затылочные валики (ТОТ; балл 2) (рис. 7). На клыках выявлена слабая эмалевая гипоплазия. Минерализованные зубные отложения присутствуют на буккальной и лингвальной поверхностях премоляров и моляров. Верхние резцы демонстрируют выраженный износ, что может свидетельствовать об использовании зубов в качестве вспомогательного инструмента (рис. 7). На верхних премолярах зафиксированы сколы эмали (*chipping, notches*), вероятно, связанные с особенностями питания. В области левого первого моляра верхней челюсти отмечено гнойное воспаление костной ткани.

Дегенеративные изменения позвоночника представлены хрящевыми узлами (грыжами Шморля) в грудном и поясничном отделах, преимущественно с центральной локализацией. Подобные образования формируются при значительных компрессионных нагрузках, особенно в период роста. По краям тел позвонков и на вершинах остистых отростков выявлены слабо выраженные остеофиты.

Рис. 8. Погребение 55. Развитие мышечного рельефа на костях скелета. Хрящевые узлы
Fig. 8. Burial 55. Development of muscular relief on the bones of the skeleton. Cartilaginous nodes (Schmorl's nodes)

Погребение № 58. Костные остатки отсутствуют. В погребальном контексте обнаружены зубы ребёнка возрастом около 10–11 месяцев, представленные постоянными премолярами и фрагментарным моляром без сформированного корня (рис. 9).

Анализ морфологии зубов показал, что вестибулярный бугорок премоляра несколько превышает язычный по размеру, однако их соотношение остаётся сбалансированным, что соответствует 2 типу. На первых верхних молярах отмечена слабая редукция гипоконусов (балл 4–) и метаконусов (балл 2).

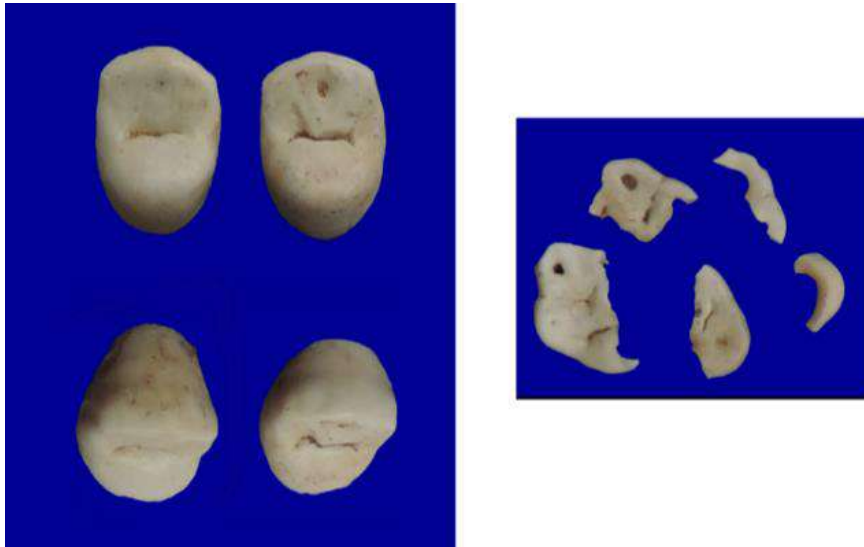

Рис. 9. Погребение 58. Зубы 10–11-месячного ребенка
Fig. 9. Burial 58. Teeth of a 10–11-month-old baby

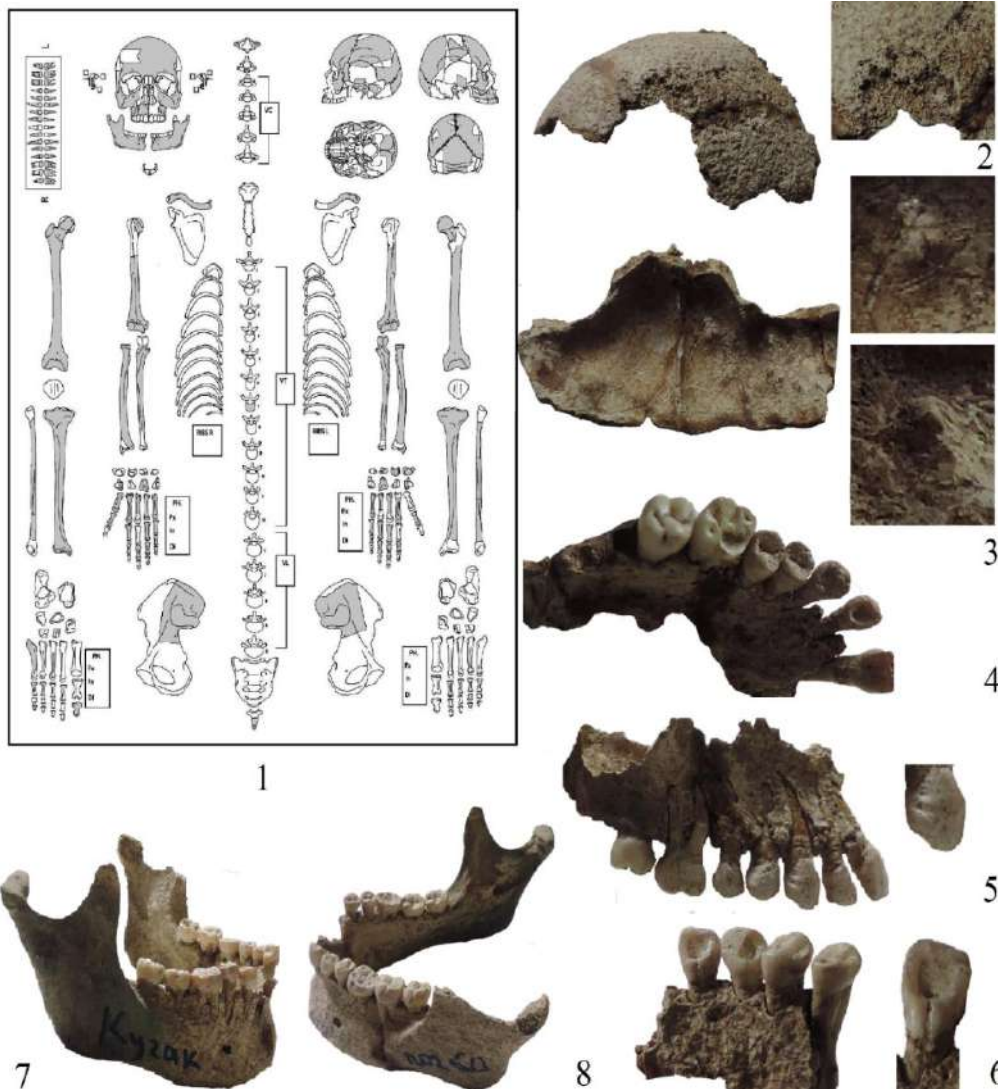

Рис. 10. Погребение 60. Скелет женщины 30–35 лет. Лобный гиперостоз, воспаление надкостницы, эмалевая гипоплазия
Fig. 10. Burial 60. Skeleton of a woman aged 30–35. Frontal hyperostosis, inflammation, enamel hypoplasia

Погребение № 60. Скелет представлен фрагментами черепа и посткраниального скелета (рис. 10–1). По морфологическим признакам индивид определяется как женщина 20–29 лет.

Краниологический анализ показал, что ширина лба и верхняя ширина лица увеличены, в то время как основание черепа отличается крайне узкими размерами. Нижняя челюсть характеризуется значительной длиной от мыщелков и большой длиной от углов. Бугристости наружной и внутренней поверхностей углов, соответствующие прикреплению *m. masseter* и *m. pterygoideus medialis*, развиты умеренно. Высота и наименьшая ширина ветви – средние, высота симфиза низкая, а параметры тела черепа остаются в пределах средних значений (рис. 10–7, 10–8).

В краниоскопическом спектре отмечены *spina trochlearis*, *foramina zygomaticofacialia*, *spina processus frontalis ossis zygomatici* (выступ), *os wormii suturae squamosum* и *coronalis*, *foramina parietalia*, *os wormii suturae lambdoidea*, *sutura incisiva* и *foramina mentalia* (табл. 1).

Одонтологические наблюдения показывают, что вестибуло-лингвальные (VL cor) и мезио-дистальные (MD cor) размеры коронок первых, вторых и третьих моляров варьируют от малых до средних значений (табл. 3). Гипоконус и метаконус первых верхних моляров редуцированы слабо (баллы 4– и 2 соответственно). На вторых верхних молярах отмечена редукция гипоконуса ($M^2 \sum 3, 3+$). Общий размер зубов указывает на склонность к микродонтизму, типичному для грацильных морфологических форм.

Особенности коронок резцов заслуживают отдельного внимания: правый латеральный резец имеет «премоляровидную» форму. Коронно-радикулярная борозда смещена мезиально, отделяя лингвальный бугорок от соответствующего гребня, и продолжается на корне. Верхние резцы демонстрируют лапотообразную форму лингвальной поверхности. Первый нижний моляр – пятибугорковый с Y-образным рисунком фиссур; вторые и третьи (левые) моляры – четырёхбугорковые с X-типом, а третий правый моляр – пятибугорковый с Y-образным рисунком, что указывает на асимметрию третьих моляров.

Остеологический анализ длинных костей показал средние значения наибольшего диаметра плечевой кости, наименьший диаметр соответствует большим размерам. Окружность диафиза плечевой кости небольшая. Верхние диаметры диафиза локтевой кости малы. Диаметры бедренной кости варьируют: сагиттальные размеры малы, а поперечные – средние. На большеберцовой кости выявлена латеральная дополнительная суставная площадка, а на левой плечевой кости – межмышцелковое отверстие.

Мышечный рельеф скелета развит умеренно и интенсивно, что свидетельствует о значительных функциональных нагрузках. Энтесопатии на ключицах указывают на перегрузку мышц верхнего пояса. Конойдальная связка (*conoid ligament*) хорошо развита (рис. 11). Дельтовидная бугристость на плечевых костях выражена явно; локтевые кости демонстрируют усиленный межкостный гребень и разрастание гребня квадратного пронатора, что отражает интенсивное вращение предплечья внутрь. На бедренных костях развита ягодичная шероховатость и *linea aspera*. Рельеф задней поверхности большеберцовых костей, соответствующий линии *m. soleus*, также выражен значительно.

Палеопатологические изменения включают признаки лобного гиперостоза (рис. 10–3), характеризующегося неравномерным утолщением внутренней пластины лобной кости. Этот синдром (Морганьи – Стюарта – Мореля) часто связан с эндокринными нарушениями, ожирением и репродуктивными факторами; у нерожавших или отказывающихся от грудного вскармливания женщин его проявления встречаются чаще [Hershkovitz et al., 1999].

На черепе отмечены маркеры эпизодического стресса – *cribra orbitalia*, а также очаг активного некротического процесса (рис. 10–2), потенциально вызванного острым воспалением или травмой, при этом внутренний слой кости не повреждён. Эмалевая гипоплазия, индикатор стрессовых воздействий детского возраста, выявлена у индивида (рис. 9–5).

Рис. 11. Погребение 60. Развитие мышечного рельефа на костях скелета
Fig. 11. Burial 60. Development of muscular relief on the bones of the skeleton

Заключение

Новые антропологические данные по жителям Арагацотнской области эпохи поздней бронзы и раннего железного века дополняют общую характеристику населения Армении и расширяют понимание адаптационных механизмов к условиям среды обитания. Исследование охватывает скелетные остатки семи индивидов: одного мужчины, двух женщин, подростка и трех детей.

Из двух индивидов, у которых было возможно измерить оба диаметра черепа, оба характеризуются долихокраниальной формой. У четырех человек зафиксированы: *processus temporalis ossis frontalis*, *foramina parietalia*, *os wormii suturae lambdaoidea u foramina mentalia*; у троих – *os wormii suturae squamosum*, *os asterion*, *sutura palatine transversa* (форма П-обр.), *processus paramastoideus*; у двух – *foramina supraorbitalia*, *spina trochlearis*, *foramina zygomaticofacialia*, *spina processus frontalis ossis zygomatici* (прямой), *stenocrotaphia* (H-образная), *spina processus frontalis ossis zygomatici* (выступ), *os postsquamosum*, *foramina mastoidea* (на шве и вне шва), *foramina spinosum* (отсутствует), *condylus occipitalis bipartitum*, *canalis condyloideus*; у одного – *foramina infraorbitalia*, *processus frontalis squamae temporalis*, *stenocrotaphia* (X-образная), *os epiptericum*, *os wormii suturae coronalis*, *sutura mendoza*, *canalis craniopharyngeus*.

Зубной ряд соответствует южному грацильному типу: отмечается высокий уровень редукции гипоконусов вторых верхних моляров и небольшие размеры зубов. Среди восточных признаков выявлена лопатообразная форма верхних резцов.

Степень развития мышечного рельефа у двух индивидов указывает на значительные физические нагрузки в ходе трудовой деятельности. При регулярных нагрузках кость в местах прикрепления мышц подвергается перестройке: формируются костные наплывы, а при травматизации и последующих миотендопатиях возможен лизис или деструкция кости. Комплексы анатомических признаков отражают специфические профессиональные занятия, например, «комплекс всадника». У двух индивидов выявлены затылочные структуры (*grebni*,

бугры, хребты), связанные с длительными нагрузками мышц с раннего детства и переносом тяжестей через плечи и затылок [Khudaverdyan, 2018].

На трёх черепах зафиксирована уплощённость теменных костей и верхнего края чешуи затылочной кости (*cradle deformation*), связанная с особенностями ухода за младенцами: длительное пребывание в колыбели («оророц» или «бешик») в первые годы жизни. На двух детских краниумах отмечена поперечная деформация теменных костей (*tump-line deformation*), которая, вероятно, является адаптивной реакцией на многолетнюю нагрузку на теменные кости при переносе грузов. Эти наблюдения позволяют фиксировать следы детской деятельности в палеоантропологическом материале.

В некоторых погребениях эпохи поздней бронзы и раннего железного века вместе с керамическими артефактами встречались зубы или фрагменты челюстей. В могильнике Кучак зарегистрированы только зубы ребёнка без остатков скелета. Сравнительно, аналогичные случаи отмечались в могильниках Бовер (32 %), Багеричала (15,63 %) и Барцрял (12,83 %) [Худавердян, Обосян, 2016], а также на памятнике Лори Берд [Деведжян, 1981].

Поротический гиперостоз внутренней области орбит (*cribra orbitalia*) выявлен у трёх индивидов, а поротический гиперостоз у ушного канала – у двух. Эти изменения могут отражать анемические состояния, хронические инфекции, паразитарные болезни, метаболические расстройства (например, цинга или рахит), а также влияние условий среды, включая антисанитарные факторы и социальное неравенство.

Косвенные свидетельства частого переохлаждения организма проявляются в воспалительных процессах, таких как мастоидит. У двух индивидов отмечены острые гнойные воспаления среднего уха, у одного – воспаление надкостницы. Лобный гиперостоз, зафиксированный у женщины 30–35 лет, может служить маркером эндокринных нарушений и специфической диеты с высоким содержанием жиров и углеводов.

В целом анализ ограниченного антропологического материала позволяет заключить, что жители Кучака в поздней бронзе и раннем железном веке вели оседлый образ жизни, что подтверждается наличием различных воспалительных изменений на костях.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность Тиграну Левонян за сканирование и обработку старых фотографий.

Таблица 1
Table 1

Индивидуальные данные краниоскопических признаков¹
Individual data of cranioscopic signs

		No 39-1		No 39-2		No 39-3		No 55		No 60	
		пра.	лев.	пра.	лев.	пра.	лев.	пра.	лев.	пра.	лев.
1	Sutura frontalis	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	Foramina supraorbitalia	–	–	+	+	–	–	+	+	–	–
3	Foramina frontalia	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
4	Spina trochlearis	–	–	+	–	–	–	–	–	+	–
5	Foramina infraorbitalia	–	X	–	–	X	X	+	X	X	X
6	Foramina zygomaticofacialia	–	X	–	–	X	X	+	+	–	+
7	Os zygomaticum bipartitumtripartitum	X	X	–	–	X	X	–	–	–	X
8	Spina processus frontalis ossis zygomatici прямой выступ	+	X			X	X	+	X		

¹ Прим.: «X» - невозможность фиксации, «+» - признак прослеживается, «–» - признак не прослеживается.

Продолжение табл. 1

		No 39-1		No 39-2		No 39-3		No 55		No 60	
		пра.	лев.	пра.	лев.	пра.	лев.	пра.	лев.	пра.	лев.
9	Stenocrotaphia Н-обр. К-обр. Х-обр.	+	+	+	+	X	X	X	X	X	X
10	Processus frontalis squamae temporalis	-		+	-	-	-	-	X	X	X
11	Processus temporalis ossis frontalis	+	-	+	+	+	+	+	X	X	X
12	Os epipterium	-	+	-	-	-	-	-	X	X	X
13	Os Wormii suturae squamosum	-	-	+	-	+	-	-	-	+	X
14	Os post squamosum	+	-	-	-	-	-	-	+	X	X
15	Os parietale bipartitum	-	-	-	-	-	-	-	-	X	X
16	Os Wormii suturae coronalis	-	-	-	-	-	-	-	-		+
17	Os bregmaticum	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
18	Os Wormii suturae sagittalis	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
19	Foramina parietalia	-	-	+	+	+	-	-	+	-	+
20	Os Incae completus	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
21	Os triquetrum	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
22	Os quadratum	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
23	Os apices lambdae	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
24	Os interparietales. sagittalis	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
25	Propcessusinterparietalis	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
26	Os Wormii suturae lambdoidea	-	-	+	+	+	+	+	+	+	-
27	Sutura mendoza	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
28	Os asterion	-	+	+	+	-	-	-	+	X	X
29	Torus occipitalis (0-3)	0.1		0		0		2		0	
30	Os Wormii sut. occipitomastoideum	-	-	-	-	X	X	X	-	X	X
31	Foramina mastoidea										
	на шве	-	+	-	-	-	X	-	+	X	X
	вне шва	+	-	+	-	-	X	-	-	X	X
32	Torus palatinus (0-3)	1		1.5		X		2		X	
33	Sutura palatine transversa (форма шва)					X				X	
	прямой										
	выпуклый										
	вогнутый										
	извилистый										
П-образный		+		+				+			
34	Sutura incisiva		+		+	X			+		+
35	Foramen pterygospinosum	-	-	-	-	X	X	X	X	X	X
36	Canalis craniopharyngeus		-		X	X			+		X
37	Foramina spinosum (բացակայությունը)	+	+	+	+	X	X	X	-	X	X
38	Condylus occipitalis bipartitum	-	-	+	+	+	+	-	-	X	X
39	Processus paramastoideus	+	+	+	+	+	+	X	X	-	-
40	Manifestatio vertebrae occipitalis	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
41	Tuberculum pracondylare		-		-		-		X		X
42	Canalis condyloideus	-	-	+	+	-	-	X	X	X	X
43	Foramina mentalia	+	+	+	+	X	X	+	+	+	-
44	Torus mandibularis (0-3)		X		X	X			X		X
45	Sulcus mylohyoideus	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
46	Foramina mandibularia	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X

Таблица 2
 Table 2

Индивидуальные размеры и указатели черепов
 Individual sizes and indexes of skulls

№ по Мартину и др.	Признак	№ 39-3 ♀	№ 55 ♂	№ 60 ♀
1	Продольный диаметр	185	219	X
8	Поперечный диаметр	134	144	X
8:1	Черепной указатель	72.44	65.76	X
17	Высотный диаметр от ba	133b	X	X
17:1	Высотно-продольный указатель	71.892	X	X
17:8	Высотно-поперечный указатель	99.26	X	X
20	Высотный диаметр от ро	125	X	X
20:1	Высотно-продольный указатель	67.84	X	X
20:8	Высотно-поперечный указатель	93.66	X	X
5	Длина основания черепа	102	X	X
9	Наименьшая ширина лба	94	102	104
9:8	Лобно-поперечный указатель	70.15	70.84	X
10	Наибольшая ширина лба	111.8	124	X
11	Ширина основания черепа	114	132	111?
12	Ширина затылка	109.9	124	X
7	Длина затылочного отверстия	38.5	X	X
16	Ширина затылочного отверстия	29.8	39	X
32	Угол профиля лба от назиона	88	X	X
-	Угол профиля лба от глабеллы	84.5	X	X
40	Длина основания лица	92.8	X	X
40:5	Указатель выступания лица	90.99	X	X
45	Скуловой диаметр	X	X	X
48	Верхняя высота лица	66	X	X
48:45	Верхний лицевой указатель	X	X	X
43	Верхняя ширина лица	101	X	110
60	Длина альвеолярной дуги	52	56	X
61	Ширина альвеолярной дуги	61.5	61.5	X
60:61	Указатель альвеолярной дуги	84.56	91.06	X
62	Длина неба	41	X	X
63	Ширина неба	31.1	31.5	X
63:62	Небный указатель	75.86	X	X
55	Высота носа	51	X	X
54	Ширина носа	25.5?	29?	X
54:55	Носовой указатель	50.0	X	X
51	Ширина орбиты от mf	40.8	X	X
51a	Ширина орбиты от d	37	X	X
52	Высота орбиты	36	X	X
52:51	Орбитный указатель (mf)	88.24	X	X
52:51a	Орбитный указатель (d)	97.298	X	X
MC	Максиллофронтальная ширина	17.1	X	X
MS	Максиллофронтальная высота	6.5	X	X
MS:MC	Максиллофронтальный указатель	38.02	X	X
DC	Дакриальная ширина	21.8	X	X
DS	Дакриальная высота	10.8	X	X
DS:DC	Дакриальный указатель	49.55	X	X
SC	Симотическая ширина	6	X	X
SS	Симотическая высота	3.5	X	X
SS:SC	Симотический указатель	58.34	X	X

Окончание табл. 2

№ по Мартину и др.	Признак	№ 39-1 ♀	№ 55 ♂	№ 60 ♀
72	Общий лицевой угол	86	X	X
73	Средний лицевой угол	84.5	X	X
74	Угол альвеолярной части	92	X	X
75(1)	Угол выступания носа	X	X	X
77	Назомаллярный угол	140	X	136
zm	Зиго-максиллярный угол	X	X	X
68 (1)	Длина н.ч. от мышечков	X	117	92
68	Длина н.ч. от углов	X	96	78
70	Высота ветви	X	66	53
71a	Наименьшая ширина ветви	X	37	32
69	Высота симфиза	X	42.8	28
69 (1)	Высота тела	X	33	28
69 (2)	Толщина тела	X	17	11

Таблица 3

Table 3

Индивидуальные размеры зубов
Individual teeth sizes

	<i>Нижняя челюсть</i>							
	№ 39-2		№ 39-3		№ 53		№ 55	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
Вестибуло-лингвальный диаметр VL_{cor}								
I1	X	X	X	X	X	X	X	5.7
I2	X	X	X	X	X	X	X	5.7
C	X	X	X	X	X	X	7.3	7.2
P1	X	X	X	X	X	X	7	7
P2	X	X	X	X	X	X	7.3	7.4
M1	X	X	X	X	X	X	9.2	9.9
M2	X	X	X	X	X	X	9.1	9.5
M3	X	X	X	X	X	X	8.9	9
Мезио-дистальный диаметр MD_{cor}								
I1	X	X	X	X	X	X	X	3.2
I2	X	X	X	X	X	X	X	3.9
C	X	X	X	X	X	X	6.6	6.8
P1	X	X	X	X	X	X	6.6	6.8
P2	X	X	X	X	X	X	6.2	7.4
M1	X	X	X	X	X	X	10.2	10.2
M2	X	X	X	X	X	X	10.3	10
M3	X	X	X	X	X	X	9.7	9.8
Высота коронки H_{cor}								
M1	X	X	X	X	X	X	5	5
M2	X	X	X	X	X	X	4.7	4.9
M3	X	X	X	X	X	X	4.8	3.8
Мезио-дистальный диаметр шейки MD_{col}								
M1	X	X	X	X	X	X	8.2	7.3
M2	X	X	X	X	X	X	7.5	7.8
M3	X	X	X	X	X	X	7.2	7.8
Площадь коронки MD × VL								
M1	X	X	X	X	X	X	93.84	100.98
M2	X	X	X	X	X	X	93.73	95
M3	X	X	X	X	X	X	86.33	88.2

Продолжение табл. 3

	<i>Нижняя челюсть</i>							
	№ 39-2		№ 39-3		№ 53		№ 55	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
Индекс коронки $I_{cor} (VL / MD) \times 100$								
M1	X	X	X	X	X	X	90.197	97.06
M2	X	X	X	X	X	X	88.35	95
M3	X	X	X	X	X	X	91.76	91.84
Модуль коронки $m_{cor} MD + VL / 2$								
M1	X	X	X	X	X	X	9.7	100.98
M2	X	X	X	X	X	X	9.7	9.75
M3	X	X	X	X	X	X	9.3	9.4
Верхняя челюсть								
Вестибуло-лингвальный диаметр VL_{cor}								
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
I1	X	X	X	X	7.2	7.4	7.2	7.2
I2	X	X	X	X	6.2	X	6.1	6.2
C	X	X	X	X	7.9	X	8.1	7.8
P1	X	X	X	X	X	X	8.4	8.2
P2	X	X	X	8.5	X	X	8.2	X
M1	10.6	10.5	10.7	10.5	X	X	10.4	10.4
M2	X	X	10.5	10.6	X	X	10	X
M3	X	X	X	X	X	X	8.6	9.5
Мезио-дистальный диаметр MD_{cor}								
I1	X	X	X	X	8.2	7.9	6.2	6
I2	X	X	X	X	6.7	X	5.6	5.7
C	X	X	X	X	7.5	X	7.1	7
P1	X	X	X	X	X	X	6.5	6.1
P2	X	X	X	6.5	X	X	7	X
M1	10.2	10.3	10	10.1	X	X	10.1	8.3
M2	X	X	9.2	9.5	X	X	9.8	X
M3	X	X	X	X	X	X	7	7.2
Высота коронки H_{cor}								
M1	6.1	4.8	6.2	6.5	X	X	5	5.2
M2	X	X	6	5.9	X	X	5.9	X
M3	X	X	X	X	X	X	4.6	3.7
Мезио-дистальный диаметр шейки MD_{col}								
M1	7.1	7.7	8.2	8.1	X	X	7.2	7.3
M2	X	X	6.7	7	X	X	7	X
M3	X	X	X	X	X	X	6	5.3
Площадь коронки $MD \times VL$								
M1	108.12	108.15	107	106.05	X	X	105.04	86.32
M2	X	X	96.6	100.7	X	X	98	X
M3	X	X	X	X	X	X	60.2	68.4
Индекс коронки $I_{cor} (VL / MD) \times 100$								
M1	103.93	101.95	105	103.97	X	X	102.98	125.31
M2	X	X	114.14	111.58	X	X	102.05	X
M3	X	X	X	X	X	X	122.86	131.95
Модуль коронки $m_{cor} MD + VL / 2$								
M1	10.4	10.4	10.35	10.55	X	X	10.25	9.35
M2	X	X	9.85	10.05	X	X	9.9	X
M3	X	X	X	X	X	X	7.8	8.35

Продолжение табл. 3

	<i>Нижняя челюсть</i> Вестибуло-лингвальный диаметр VL _{cor}			
	No 58		No 60	
	прав.	лев.	прав.	лев.
I1	X	X	X	X
I2	X	X	X	X
C	X	X	X	6.6
P1	9.6	9.8	7	7
P2	X	X	7.2	7.2
M1	X	X	9.8	10
M2	X	X	9.3	9.3
M3	X	X	8.9	8.5
Мезио-дистальный диаметр MD_{cor}				
I1	X	X	X	X
I2	X	X	X	X
C	X	X	X	6.1
P1	6.6	6.6	6.3	6.3
P2	X	X	6.7	6.8
M1	X	X	10.2	10.4
M2	X	X	10	10
M3	X	X	11	10.2
Высота коронки H_{cor}				
M1	X	X	5.1	5.2
M2	X	X	6.3	6.2
M3	X	X	5.7	5.5
Мезио-дистальный диаметр шейки MD_{col}				
M1	X	X	8.9	8
M2	X	X	9.2	7.3
M3	X	X	7.4	7.2
Площадь коронки MD × VL				
M1	X	X	99.96	104
M2	X	X	93	93
M3	X	X	97.9	86.7
Индекс коронки I_{cor} (VL / MD) × 100				
M1	X	X	96.08	96.16
M2	X	X	93	93
M3	X	X	80.91	83.34
Модуль коронки m_{cor} MD + VL / 2				
M1	X	X	10	10.2
M2	X	X	9.65	9.65
M3	X	X	9.95	9.35
Верхняя челюсть Вестибуло-лингвальный диаметр VL _{cor}				
I1	X	X	6.6	X
I2	X	X	5.5	5.2
C	X	X	7.2	7.1
P1	X	X	8.4	8
P2	X	X	8.2	8.1
M1	X	X	10.9	X
M2	X	X	9.5	X
M3	X	X	X	X

Окончание табл. 3

Мезио-дистальный диаметр MD _{cor}				
I1	X	X	7.5	X
I2	X	X	6.2	6.1
C	X	X	6.6	7.2
P1	X	X	6.5	6.7
P2	X	X	6.6	6.5
M1	X	X	9.7	X
Верхняя челюсть				
Мезио-дистальный диаметр MD _{cor}				
	No 58		No 60	
	прав.	лев.	прав.	лев.
M2	X	X	9.4	X
M3	X	X	X	X
Высота коронки H _{cor}				
M1	X	X	5.7	X
M2	X	X	5.1	X
M3	X	X	X	X
Мезио-дистальный диаметр шейки MD _{col}				
M1	X	X	6.5	X
M2	X	X	7	X
M3	X	X	X	X
Площадь коронки MD × VL				
M1	X	X	105.73	X
M2	X	X	89.3	X
M3	X	X	X	X
Индекс коронки I _{cor} (VL / MD) × 100				
M1	X	X	112.38	X
M2	X	X	101.07	X
M3	X	X	X	X
Модуль коронки m _{cor} MD + VL / 2				
M1	X	X	10.3	X
M2	X	X	9.45	X
M3	X	X	X	X

Таблица 4
Table 4

Индивидуальные размеры и указатели костей скелета
 Individual sizes and indexes of skeletal bones

	No 55		No 60	
	прав.	лев.	прав.	лев.
Плечевая кость (Humerus)				
1. Наибольшая длина	X	360	X	X
2. Общая длина	X	354	X	X
3. Ширина верхнего эпифиза	X	53	47	X
4. Ширина нижнего эпифиза	67	68	X	X
5. Наибольший Ø середины диафиза	X	27	22.3	X
6. Наименьший Ø середины диафиза	X	26	22	X
7. Наименьшая окружность диафиза	X	78	57	X
7а. Окружность середины диафиза	X	81	63	X
7:1 Индекс массивности	X	21.7	X	X
6:5 Указатель поперечного сечения	X	96.3	98.7	X

Окончание табл. 4

Лучевая кость (Radius)				
1. Наибольшая длина	270	264	X	X
2. Физиологическая длина	251	251.2	X	X
4. Поперечный Ø диафиза	20	19.9	X	X
5. Сагиттальный Ø диафиза	14	14.5	X	X
3. Наименьшая окружность диафиза	50	47	X	X
3:2 Указатель массивности	19.93	18.72	X	X
5:4 Указатель поперечного сечения	70	72.87	X	X
Локтевая кость (Ulna)				
1. Наибольшая длина	298	X	X	X
2. Физиологическая длина	250	X	X	X
11. Сагиттальный Ø диафиза	16	15	11	X
	No 55		No 60	
	прав.	лев.	прав.	лев.
Локтевая кость (Ulna)				
12. Поперечный Ø диафиза	21	19	14.5	X
13. Верхний поперечный Ø диафиза	19	16.2	13	X
14. Верхний сагиттальный Ø диафиза	28.5	26.5	13	X
3. Наименьшая окружность диафиза	44	46	35	X
3:2 Указатель массивности	17.6	X	X	X
11:12 Указатель поперечного сечения	76.2	78.95	75.9	X
13:14 Указатель платолении	66.7	61.14	100	X
Бедренная кость (Femur)				
1. Наибольшая длина	477	X	X	X
2. Длина в естественном положении	474	X	X	X
21. Мыщелковая ширина	83?	X	X	X
6. Сагиттальный Ø середины диафиза	29.5	31.2	23	21
7. Поперечный Ø середины диафиза	30	31	25	22.8
9. Верхний поперечный Ø	39	39.9	31	X
10. Верхний сагиттальный Ø	26	24	23	X
8. Окружность середины диафиза	84	86	75	70
8:2 Указатель массивности	17.8	X	X	X
6:7 Указатель пилыстрии	98	100.65	92	92.11
10:9 Указатель платиметрии	66.4	60.16	74.2	X
Большая берцовая кость (Tibia)				
1. Полная длина	X	X	X	X
2. Мыщелково-таранная длина	410	X	X	X
1а. Наибольшая длина	400	X	X	X
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	76	71?	X	X
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	X	X	X	X
8. Сагиттальный Ø середины диафиза	33.5	33	X	X
8а. Сагиттальный Ø на уровне пит. отв.	39.2	40	X	X
9. Поперечный Ø середины диафиза	22.5	23	X	X
9а. Поперечный Ø на уровне пит. отв.	25	25.5	X	X
10. Окружность середины диафиза	90	92	X	X
10б. Наименьшая окружность диафиза	87	X	X	X
9:8 Указатель сечения	67.2	X	X	X
10б:1 Указатель прочности	X	X	X	X
9а:8а Указатель платикнемии	63.8	63.75	X	X
10:1 Указатель массивности	X	X	X	X
Малая берцовая кость (Fibula)				
1. Наибольшая длина	X	X	X	X

Таблица 5
 Table 5

Балловая характеристика развития рельефа длинных костей
 Score characteristics of long bone relief development

Признак	№ 55			№ 60		
	прав.	лев.	сум.	прав.	лев.	сум.
Плечевая кость (Humerus)						
Crista tuberculi minoris, crista tuberculi majoris	X	2	X	X	X	X
Tuberositas deltoidea	X	2	X	2	3	2.25
Tuberculum majus, tuberculum minus	X	2	X	X	X	X
Margi lateralis, medialis et anterior Epicondili lateralis et medialis	2	2	2	2	2	2
Средний балл	X	2	X	2	2.5	2.25
Лучевая кость (Radius)						
Tuberositas radii	?	2	X	2	2	2
Margo unguis	2	2	2	1.5	2	1.75
Бороздки для сухожилий разгибателей	2	2	2	2	2	2
Processus styloideus	2	2	2	2	2	2
Средний балл	2	2	2	1.88	2	1.94
Локтевая кость (Ulna)						
Margo interossea, margo posterior	2	2	2	2	2	2
Crista musculi supinatoris	2	2	2	1.5	1.5	1.5
Tuberositas ulnae	2	2	2	2	2	2
Средний балл	2	2	2	1.84	1.84	1.84
Бедренная кость (Femur)						
Trochanter major	1.5	1.5	1.5	1.5	X	1.5
Trochanter minor	1.5	2	1.75	X	X	X
Tuberositas glutea	2	2	2	2.5	2.5	2.5
Linea aspera	3	3	3	3	3	3
Epicondili	2	2	2	2	2	2
Средний балл	2	2.1	2.05	2.25	2.5	2.25
Большая берцовая кость (Tibia)						
Tuberositas tibiae	2	X	X	1.5	1.5	1.5
Margo anterior, margo interossea	2	2	2	2	2	2
Linea m. solei, m. soleus	2	X	X	2	2	2
Бороздки для сухожилий разгибателей	X	X	X	2	X	2
Средний балл	2	X	X	1.88	1.84	1.88
Малая берцовая кость (Fibula)						
Развитие краев	3	3	3	2.5	2.5	2.5

Список литературы

- Алексеев В.П. 1966. *Остеометрия*. Методика антропологических исследований. Москва, Наука, 251 с.
 Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. 1964. *Краниометрия* (методика антропологических исследований). Москва, Наука, 128 с.
 Бунак В.В. 1927. *Crania Armenica*. Исследование по антропологии Передней Азии. Труды Антропологического НИИ при МГУ. Вып. 2. Москва, МГУ, 164 с.
 Деведжян С.Г. 1981. Лори-Берд. I. Ереван, АН АрмССР, 85 с.
 Деведжян С.Г. Лори-Берд. II. Ереван, 2006, 351 с.
 Зубов А.А. 1968а. *Одонтология* (методика антропологических исследований). Москва, Наука, 199 с.
 Зубов А.А. 1968б. Некоторые данные одонтологии к вопросу об эволюции человека и его рас. *Проблемы эволюции человека и его рас* / Я.Я. Рогинский, Г.Ф. Дебец (отв. ред.). Москва, Наука: 5–123.
 Мовсисян А.А., Мамонова Н.Н., Рычков Ю.Г. 1975. Программа и методика исследования аномалий черепа. *Вопросы антропологии*. 51: 127–150.

- Худавердян А.Ю. 2016. Биоархеологические подходы к изучению следов искусственного воздействия на череп (на примере популяций эпохи бронзы и раннего железного века с территории Армении). *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 1(32): 103–114.
- Худавердян А.Ю., Обоян С.Г. 2016. Зубы и челюсти людей в культурной практике населения эпохи поздней бронзы и раннего железного века с территории Лорийской области Армении. *Научные ведомости Белгородского Государственного Университета*. 39, 15(236): 5–12.
- Юлес М., Холло И. 1976. *Диагностика и патофизиологические основы нейроэндокринных заболеваний*. Будапешт: Акад. наук Венгрии, 153 с.
- AlQahtani S.J., Hector M.P., Liversidge H.M. 2010. Brief Communication: The Londonatlas of Human Tooth Development and Eruption. *American Journal of Physical Anthropology*. 142(3): 481–490.
- Aufderheide A.C., Rodriguez-Martin C. 1998. *The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology*. Cambridge: Cambridge University Press, 478 p.
- Brooks S., Suchey J.M. 1990. Skeletal age Determination Based on the os Pubis: A Com-Parison of the Acsadi – Nemeskeri and Suchey – Brooks Methods. *Human Evolution*. 5: 227–238.
- Buikstra J.E., Ubelaker D.H. ed. 1994. Standards of Data Collection from Human Skeletal Remains. Arkansas Archaeological Survey Research Series 44. Fayetteville, 272 p.
- Green M.C., Mason E.O., Kaplan S.L., Lamberth L.B., Stovall S.H., Givner L.B., Bradley J.S., TanT.Q., Barson W.J., Hoffman J.A., Lin P.L., Hulten K.G. 2011. Increase in Prevalence of Streptococcus Pneumoniae Serotype 6C at Eight Children's Hospitals in the United States from 1993 to 2009. *Journal of Clinical Microbiology*. 49(6): 2097–2101.
- Goodman A.H., Martin D.L., Armelagos G.J., Qark G. 1984. Indications of Stress from Bones and Teet. *Paleopathology at the origins of agriculture*. New York, 13–49.
- Heathcote G.M., Bansil K.L., Sava V.J. 1996. A Protocol for Scoring Three Posteriorcranial Superstructures Which Reach Remarkable Size in Ancient Mariana Islanders. *Micronesica*. 29: 281–298 p.
- Heathcote G.M., Bromage T.G., Sava V.J., Hanson D.B., Anderson B.E. 2014. Enigmatic Cranial Superstructures among Chamorro Ancestors from the Mariana Islands: Gross Anatomy and Microanatomy. *Anatomical Record*. 297(6): 1009–1021.
- Hershkovitz I., Greenwald C., Rothschild B.M., Latimer B., Dutour O., Jellema L.M., Wish-Baratz S. 1999. Hyperostosis Frontalis Interna: An Anthropological Perspective. *American Journal of Physical Anthropology*. 109: 303–325.
- Hillson S. 1996. *Dental anthropology*. Cambridge: Combridge University Press, 373 p.
- Khudaverdyan A.Yu. 2016. Radicular Dens Invaginatus in Late Bronze Age in Armenia. *Bulletin of the International Association for Paleodontology*. 10(2): 52–59.
- Khudaverdyan A.Yu. 2018. Tumpline Deformation on Skulls from Late Bronze and Early Iron Age Armenia: A Cause of Enigmatic Cranial Superstructures? *Mankind Quarterly*. 59(1): 8–30.
- Khudaverdyan A.Yu. 2021. Bronze and Iron Ages Warriors from the Qarashamb Burial Ground: Anthropological and Paleopathological Perspective. *Bulletin of the International Association for Paleontology*. 15(2): 83–97.
- Khudaverdyan A.Yu., Yengibaryan A.A., Khachatryan H.H., Hovhanesyan A.A. 2022. Warrior Burial of the Late Bronze Age and Early Iron Age: The Phenomenon of Women Warriors from the Jrapı Cemetery (Shirak Province, Armenia). *International Journal of Osteoarchaeology*. 32(2): 524–535.
- Lovejoy C.O., Meindl R.S., Pryzbeck T.R., Mensforth R.P. 1985. Chronological Metamorphosis of the Auricular Surface of the Ilium: A New Method for the Determination of Adult Skeletal Age at Death. *American Journal of Physical Anthropology*. 68: 15–28.
- Meindl R.S., Lovejoy C.O., Mensforth R.P., Carlos L.D. 1985. Accuracy and Direction of Error in the Sexing of the Skeleton: Implications for Paleodemography. *American Journal of Physical Anthropology*. 68: 79–85.
- Oehlers F.A.C. 1957. Dens Invaginatus. Part I: Variations of the Invagination Process and Association with Anterior Crown Forms. *Oral Surgery, Oral Medicine, Oral Pathology, Oral Radiology, Endodontology*. 10: 1204–1218.
- Oehlers F.A. 1958. The Radicular Variety of Dens Invaginatus. *Oral Surgery, Oral Medicine, Oral Pathology, Oral Radiology, Endodontology*. 11: 1251–1260.
- Ortner D.J., Puchar W.G.J. 1981. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. *Smithsonian Contributions to Anthropology*. V. 28. Washington: Smithonian Institution Press, 479 p.
- Polat S., Aksoy E., Serin G.M., Yıldız E., Tanyeri H. 2011. Incidental Diagnosis of Mastoiditis on MRI. *European Archives of Oto-Rhino-Laryngology*. 268(8): 1135–1138.

- Standen V., Arriaza B.T., Santoro C.M. 1997. External Auditory Exostosis in Prehistoric Chilean Populations: A Test of the Cold Water Hypothesis. *American Journal of Physical Anthropology*. 103: 119–129.
- Stuart-Macadam P. 1992. Anemia in Past Human Populations. *Diet, demography and disease. Changing perspectives of Anemia*. New York, 151–170.

References

- Alekseev V.P. 1966. Osteometriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Osteometry: Anthropological Research Methodology]. Moscow, Nauka, 251 p.
- Alekseev V.P., Debets G.F. 1964. Kranimetriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Cranimetry: Methods of Anthropological Researches]. Moscow, Nauka, 128 p.
- Bunak V.V. 1927. Crania Armenica. Issledovaniye po antropologii Peredney Azii [Crania Armenica. Research on Anthropology of Western Asia]. Trudy Antropologicheskogo NII pri MGU [Proceedings of the Anthropological Research Institute at Moscow State University]. Vol. 2. Moscow, 264 p.
- Devedjyan S.H. 1981. Lori-Berd. I. Yerevan: Academy of Sciences of the ArmSSR, 85 p.
- Devedjyan S.H. 2006. Lori-Berd. II. Yerevan, 351 p.
- Khudaverdyan A.Yu. 2016. Bioarkheologicheskiye podkhody k izucheniyu sledov iskusstvennogo vozdeystviya na cherep (na primere populyatsiy epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka s territorii Armenii) [Bioarchaeological Approaches to the Study of Traces of Artificial Impact on the Skull (On the Example of the Populations of the Bronze Age and Early Iron Age from the Territory of Armenia)]. Vestnik archeologii, antropologii i ethnografii [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. (32): 103–114.
- Khudaverdyan, A.Yu., Hobosyan S.G. 2016. Zuby i chelyusti lyudey v kul'turnoy praktike naseleniya epokhi pozdney bronzy i rannego zheleznogo veka s territorii Loriyskoy oblasti Armenii [Human Teeth and Jaws in the Cultural Practice of the Population of the Late Bronze Age and Early Iron Age from the Territory of the Lori Region of Armenia]. Nauchnyye izvestiya Belgorodskogo Gosudarstvennogo universiteta (Scientific Bulletin of Belgorod State University). 39, 15(236): 5–12.
- Movsesyan A.A., Mamonova N.N., Richkov Yu.G. 1975. Programma i metodika issledovaniya anomal'nogo cherepa [A Program and Methodology of Study of Skull Abnormalities]. *Voprosy antropologii [Anthropological issues]*. 51: 127–150.
- Zubov A.A. 1968a. *Odontologiya*. Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Odontology: Methodology of Anthropological Research]. Moscow: Nauka, 199.
- Zubov A.A. 1968b. Nekotoryye dannyye odontologii k probleme evolyutsii cheloveka i yego ras [Some Data of Odontology to the Problem of the Evolution of Man and his Races]. Problemy evolyutsii cheloveka i yego ras [Problems of the Evolution of Man and his Races]. Moscow: Nauka, 5–122.
- Yules M., Hollo I. 1976. Diagnostika i patofiziologicheskiye osnovy neyroendokrinnyykh zabolevaniy (Diagnostics and Pathophysiological Bases of Neuroendocrine Diseases). Budapest: Hungarian Academy of Sciences, 153 p.
- AlQahtani S.J., Hector M.P., Liversidge H.M. 2010. Brief Communication: The London atlas of Human Tooth Development and Eruption. *American Journal of Physical Anthropology*. 142(3): 481–490.
- Aufderheide A.C., Rodriguez-Martin C. 1998. *The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology*. Cambridge: Cambridge University Press, 478 p.
- Brooks S., Suchey J.M. 1990. Skeletal age Determination Based on the os Pubis: A Com-Parison of the Acsadi – Nemeskeri and Suchey – Brooks Methods. *Human Evolution*. 5: 227–238.
- Buikstra J.E., Ubelaker D.H. ed. 1994. Standards of Data Collection from Human Skeletal Remains. Arkansas Archaeological Survey Research Series 44. Fayetteville, 272 p.
- Green M.C., Mason E.O., Kaplan S.L., Lamberth L.B., Stovall S.H., Givner L.B., Bradley J.S., Tan T.Q., Barson W.J., Hoffman J.A., Lin P.L., Hulten K.G. 2011. Increase in Prevalence of Streptococcus Pneumoniae Serotype 6C at Eight Children's Hospitals in the United States from 1993 to 2009. *Journal of Clinical Microbiology*. 49(6): 2097–2101.
- Goodman A.H., Martin D.L., Armelagos G.J., Qark G. 1984. Indications of Stress from Bones and Teet. *Paleopathology at the origins of agriculture*. New York, 13–49.
- Heathcote G.M., Bansil K.L., Sava V.J. 1996. A Protocol for Scoring Three Posteriorcranial Superstructures Which Reach Remarkable Size in Ancient Mariana Islanders. *Micronesica*. 29: 281–298 p.
- Heathcote G.M., Bromage T.G., Sava V.J., Hanson D.B., Anderson B.E. 2014. Enigmatic Cranial Superstructures among Chamorro Ancestors from the Mariana Islands: Gross Anatomy and Microanatomy. *Anatomical Record*. 297(6): 1009–1021.

- Hershkovitz I., Greenwald C., Rothschild B.M., Latimer B., Dutour O., Jellema L.M., Wish-Baratz S. 1999. Hyperostosis Frontalis Interna: An Anthropological Perspective. *American Journal of Physical Anthropology*. 109: 303–325.
- Hillson S. 1996. *Dental anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press, 373 p.
- Khudaverdyan A.Yu. 2016. Radicular Dens Invaginatus in Late Bronze Age in Armenia. *Bulletin of the International Association for Paleodontology*. 10(2): 52–59.
- Khudaverdyan A.Yu. 2018. Tumpline Deformation on Skulls from Late Bronze and Early Iron Age Armenia: A Cause of Enigmatic Cranial Superstructures? *Mankind Quarterly*. 59(1): 8–30.
- Khudaverdyan A.Yu. 2021. Bronze and Iron Ages Warriors from the Qarashamb Burial Ground: Anthropological and Paleopathological Perspective. *Bulletin of the International Association for Paleontology*. 15(2): 83–97.
- Khudaverdyan A.Yu., Yengibaryan A.A., Khachatryan H.H., Hovhanesyan A.A. 2022. Warrior Burial of the Late Bronze Age and Early Iron Age: The Phenomenon of Women Warriors from the Jrapı Cemetery (Shirak Province, Armenia). *International Journal of Osteoarchaeology*. 32(2): 524–535.
- Lovejoy C.O., Meindl R.S., Pryzbeck T.R., Mensforth R.P. 1985. Chronological Metamorphosis of the Auricular Surface of the Ilium: A New Method for the Determination of Adult Skeletal Age at Death. *American Journal of Physical Anthropology*. 68: 15–28.
- Meindl R.S., Lovejoy C.O., Mensforth R.P., Carlos L.D. 1985. Accuracy and Direction of Error in the Sexing of the Skeleton: Implications for Paleodemography. *American Journal of Physical Anthropology*. 68: 79–85.
- Oehlers F.A.C. 1957. Dens Invaginatus. Part I: Variations of the Invagination Process and Association with Anterior Crown Forms. *Oral Surgery, Oral Medicine, Oral Pathology, Oral Radiology, Endodontology*. 10: 1204–1218.
- Oehlers F.A. 1958. The Radicular Variety of Dens Invaginatus. *Oral Surgery, Oral Medicine, Oral Pathology, Oral Radiology, Endodontology*. 11: 1251–1260.
- Ortner D.J., Putsch W.G.J. 1981. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. *Smithsonian Contributions to Anthropology*. V. 28. Washington: Smithsonian Institution Press, 479 p.
- Polat S., Aksoy E., Serin G.M., Yıldız E., Tanyeri H. 2011. Incidental Diagnosis of Mastoiditis on MRI. *European Archives of Oto-Rhino-Laryngology*. 268(8): 1135–1138.
- Standen V., Arriaza B.T., Santoro C.M. 1997. External Auditory Exostosis in Prehistoric Chilean Populations: A Test of the Cold Water Hypothesis. *American Journal of Physical Anthropology*. 103: 119–129.
- Stuart-Macadam P. 1992. Anemia in Past Human Populations. *Diet, demography and disease. Changing perspectives of Anemia*. New York, 151–170.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 14.02.2026

Received 14.02.2026

Поступила после рецензирования 25.02.2026

Revised 25.02.2026

Принята к публикации 27.02.2026

Accepted 27.02.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Худавердян Анаит Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии Национальной Академии наук Республики Армения, г. Ереван, Республика Армения

Anahit Yu. Khudaverdyan, Candidate of Sciences in History, Senior Researcher, Institute of Archeology and Ethnography, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Republic of Armenia

 [ORCID: 0000-0002-1458-783X](https://orcid.org/0000-0002-1458-783X)

УДК 94(3)
DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-30-39
EDN CSZLBH
Оригинальное исследование

Исследование варварских древностей Боспора в первой четверти XXI в. (по материалам ведущих отечественных периодических изданий)

Рябцева М.Л. , Прокопенко С.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: ryabtseva@bsuedu.ru, sprokopenko@bsuedu.ru

Аннотация. В статье анализируются работы первой четверти XXI в., опубликованные в ведущих отечественных периодических изданиях. Это, прежде всего, работы, освещающие различные аспекты варварского присутствия на Боспоре. На основе недавних открытий, сделанных на территории Крыма и Тамани, исследователи публикуют и интерпретируют новые находки, позволяющие расширить наше представление о взаимоотношениях греков и варваров в сфере социокультурного обмена, участия варваров в политической жизни Боспора. В некоторых случаях введение в научный оборот нового археологического и нумизматического материала, данных эпиграфики позволяет дополнить и даже пересмотреть устоявшиеся в научном мире представления о греко-варварских контактах на территории Боспорского царства.

Ключевые слова: Боспор, Северное Причерноморье, варварские племена, историография, исторические источники, комплексный подход к источникам

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Рябцева М.Л., Прокопенко С.Н. 2026. Исследование варварских древностей Боспора в первой четверти XXI в. (по материалам ведущих отечественных периодических изданий). *Via in tempore. История. Политология.* 53(1): 30–39. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-30-39. EDN: CSZLBH

Study of the Barbarian Antiquities of the Bosphorus in the First Quarter of the 21st Century (Based on the Materials of Leading Russian Periodicals)

Marina L. Ryabtseva , Sergey N. Prokopenko

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: ryabtseva@bsuedu.ru, sprokopenko@bsuedu.ru

Abstract. The article is historiographical in nature. It analyzes the papers on various aspects of the Barbarian presence on the Bosphorus presented in leading Russian periodicals in the first quarter of the 21st century. Based on recent discoveries made in Crimea and Taman, researchers are publishing and interpreting new findings that expand our understanding of the relationship between Greeks and barbarians. In some cases, the introduction of new archaeological and numismatic material and epigraphic data into scientific circulation makes it possible to supplement and even revise the ideas of the Greco-Barbarian contacts on the territory of the Bosporan Kingdom that have been well-established in the scientific world. In particular, the publications of epigraphic finds and archaeological materials expand our understanding of the participation of Barbarians (representatives of tribes of the Iranian-speaking circle, Germans) in government and confirm their high social status on the Bosphorus. The interpretation of the buried coin hoards makes it possible to clarify information about periods of political and economic instability caused by Barbarian invasions.

Keywords: Bosphorus, Northern Black Sea region, barbarian tribes, historiography, historical sources, an integrated approach to sources

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Ryabtseva M.L., Prokopenko S.N. 2026. Study of the Barbarian Antiquities of the Bosphorus in the First Quarter of the 21st Century (Based on the Materials of Leading Russian Periodicals). *Via in tempore. History and political science*. 53(1): 30–39 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-30-39. EDN: CSZLBH

Введение

Варварский элемент присутствовал в истории Боспора с момента его образования. Греки, переселившиеся сюда в ходе Великой греческой колонизации, соседствовали здесь со скифами. Кроме того, в Восточном Крыму и на Тамани широко представлены находки, имеющие отношение к племенам ираноязычного круга, германские, небольшое число гуннских вещей и другие. Греко-варварское взаимодействие нашло свое отражение в материальной культуре, ономастике, социально-экономической и духовной жизни Боспора. Античные государства Северного Причерноморья стали объектом научного интереса в XIX в. В Восточном Крыму начало этому было положено исследователями-музееведами: П. Дюбрюксом, И.П. Бларамбергом, А.Е. Люценко, К.Е. Думбергом и другими. В нач. XXI в. масштабы археологического освоения Боспорского царства значительно возросли. Это связано в том числе со строительными работами, которым, как правило, предшествует проведение охранных раскопок. Современные технологии обработки выявленного материала, его сравнение с уже имеющимся в распоряжении исследователей позволяют расширить наши представления о взаимоотношениях греков и варваров в данном регионе, их культурном взаимовлиянии, социальном статусе варваров, степени их участия в политической жизни Боспора.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступают отечественные периодические специализированные издания первой четверти XXI в., содержащие публикацию материала, связанного с присутствием на Боспоре варварских племен. В частности, были проанализированы журналы «Вестник древней истории», «Российская археология» и ежегодник «Нуранис» (Труды отдела классической археологии ИА РАН). Это далеко не все периодические издания, публикующие результаты археологического изучения Боспора, поэтому в перспективе это исследование может быть продолжено. При написании работы использовались методы: контент-анализ и сравнительно-исторический.

Результаты и их обсуждение

Различные аспекты взаимоотношений греков и варваров, доказательства присутствия последних на Боспоре неоднократно освещались в работах исследователей античных древностей.

Целостная картина взаимодействия греков и варваров представлена в работах Б. Канлиффа [Cunliffe, 1988], Ф. Миллара [Millar, 1981], Э. Миннза [Minns, 1913]. Упоминание о Боспоре находим в исследованиях, посвященных державе Германариха [Mommsen, 1882; Korkkanen, 1975]. У Теодора Моммзена в V томе «Истории Рима» уделено внимание периоду «готских походов», совершаемых с территории Боспора, этническому составу германских племен, представители которых были участниками данных походов [Моммзен, 1949].

Из западных работ, опирающихся преимущественно на анализ археологического материала, отметим труды Ф. Бирбрауэра [Bierbrauer, 1994], К. Годловского [Godlowski, 1992], Я. Тейрала [Teiral, 1973; Teiral, 1987]. Некоторые из анализируемых исследователями находок (отдельные типы фибул, пряжки и др.) являются хронологическими индикаторами и в

совокупности с другими источниками позволяют достаточно точно датировать изучаемые объекты, выявить следы варварского присутствия. Археологический материал, в том числе имеющий аналогии на Боспоре, публикует Мишель Казанский [Kazanski, 1992, p. 43–59; Kazanski, 1993, p. 211–235].

Из отечественных исследований, в которых также рассмотрены отдельные аспекты затронутой нами тематики, следует назвать труды М.И. Ростовцева [Ростовцев, 1918; Ростовцев, 1925], В.Д. Блаватского [Блаватский, 1985], В.Ф. Гайдукевича [Гайдукевич, 1949], И.Т. Кругликовой [Кругликова, 1966], Н.Н. Болгова [Болгов, 1996], К.К. Марченко и др. [Марченко и др., 2018] и др.

Приступая непосредственно к анализу публикаций в периодических изданиях первой четверти XXI в., исследующих варварский элемент в истории Боспора, отметим, что они базируются на комплексном подходе к источникам. В центре внимания специалистов – данные эпиграфики, нумизматики и археологии в совокупности с сообщениями древних авторов.

Эпиграфический материал позволяет сделать выводы об ономастике Боспора, социальном статусе варваров, их участии в общественной и политической жизни государства. Подтверждение высокого статуса некоторых представителей ираноязычного мира на Боспоре находим в статье А.И. Иванчика, в которой анализируются сохранившиеся в надгробной надписи имена, обнаруженные на поселении Каменная батарея. В их числе названо имя Омпсалак, которое имеет сарматское происхождение [Иванчик, 2023, с. 620–631]. К моменту возведения стелы с надписью семья Омпсалака, по мнению автора, уже была эллинизирована.

Боспор упомянут при анализе ономастики Северного Причерноморья в публикации С.Р. Тохтасьева [Тохтасьев, 2007, с. 170–208]. Изучая эпиграфический материал VI–V вв. до н. э., исследователь приходит к выводу о притоке нового населения из малоазиатских провинций. Носителей этих имен очень много, в данном регионе они уступают только греческим. Даже имена, принадлежавшие ономастикону народов, проживающих в Северном Причерноморье, находятся по сравнению с малоазийскими на третьем месте. Хотя этническую принадлежность выходцев из Малой Азии, равно как и из других районов, определить не всегда представляется возможным, для греков они выступали варварским элементом. О массовых миграциях «поверхностно эллинизированных варваров» из Малой Азии на Боспор в V–IV вв. до н. э. повествует еще одно исследование С.Р. Тохтасьева [Тохтасьев, 2006, с. 72–79]. Мигранты часто переселялись сюда вместе с семьями и сохраняли свои этнические традиции, отраженные также в личных именах. Некоторые политические аспекты взаимоотношений греков и варваров на Боспоре охарактеризованы С.Р. Тохтасьевым в ходе очередного анализа эпиграммы боспорского тирана Левкона I из местечка Семибратное (Лабрис) по случаю посмертной публикации Ю.Г. Виноградова (ВДИ. 2002. № 3) [Тохтасьев, 2004, с. 144–180]. Исследуя вышеупомянутую надпись с точки зрения ее исторической ценности как существенного источника по периоду правления Левкона I, стоит отметить расширение власти боспорского царя на ближайшие племена (в т. ч. синдгов), превращение варваров в зависимое от Боспора население.

В основе публикации Н.В. Завойкиной лежит комплексный подход к имеющимся по исследуемой теме источникам, в том числе эпиграфическим [Завойкина, 2021, с. 72–97]. Автор работы еще раз доказывает факт присутствия представителей сармато-аланского мира в составе правящей верхушки Боспора во II–III вв. н. э. В фокусе исследования лежат три составляющие: новые имена (сармато-аланские), знаки-тамги, участие представителей племен ираноязычного мира в частных обществах Боспора. Анализ имен, выявленных в рамках выбранных датировок, показал наличие сармато-аланских имен, большая часть которых обнаружена в Горгии (33). В Фанагории их гораздо меньше (8), но здесь налицо факт их активного участия в социально-экономической жизни города. Предположительно, некоторые имена могут иметь гуннскую принадлежность. Сарматские тамги Боспора, нижняя часть которых выполнена в форме трезубца, свидетельствуют, скорее, об участии некоторых сарматских семей в общественной жизни Танаиса, Фанагории и Гермонассы. В статье также озвучена мысль о завершении военных столкновений боспорян с аланами в начале н. э. и их

соглашении при посредничестве Рима, результатом которого стал брак боспорского правителя (Реметалка?) и аланской принцессы.

Проблеме «сарматизации» Боспора с I в. до н. э. посвящена статья М. Халамуса [Halampus, 2017, с. 688–695]. Польский исследователь привлекает для этого сообщения античных авторов и данные эпиграфики. По мнению автора, упоминаемые в «Географии» Страбона местные племена (т. н. «аспургиане») оказывали поддержку правителям Боспора. Развивая мысль об аспургианах, он не исключает вероятности того, что данное наименование могло применяться к отдельным социальным группам. В конечном итоге автор полагает, что аспургиане, упоминаемые Страбоном, могут быть группой сарматских поселенцев, получивших землю в обмен за службу правителям Боспора. М. Халамус приводит данные об увеличении влияния сарматских племен на Боспоре на рубеже эр. В ономастике Танаиса первых веков н. э. наблюдается следующая картина: более 40 % имен имели иранское происхождение. В боспорском войске возрастает роль тяжелой сарматской кавалерии. Но, несмотря на ошутимое сарматское влияние на Боспоре, автор приходит к выводу, что организация общественной жизни и государственное управление в своей основе зиждились на греческих традициях (упоминание буле и демоса).

Вопросы, поднимаемые в работе М. Халамуса, ранее уже затрагивались в совместной статье А.М. Иванчика и С.Р. Тохтасьева [Иванчик, Тохтасьев, 2009, с. 95–107]. Авторы анализируют эпиграфические надписи, связанные с правлением на Боспоре Динамии. Внимания заслуживает надпись в честь сына Матиана, относящаяся по времени к более позднему периоду. Ранее она уже была предметом анализа Ю.Г. Виноградова. Это посвятельная надпись, декрет в честь сына Матиана (имени его не сохранилось). Само имя Матиан упомянуто еще в двух надписях Боспора, в одной из которых он значится как сын Зайдара. Проведенный авторами статьи анализ наталкивает на сарматское происхождение обоих имен и высокий статус сына Матиана.

Анализ публикуемого в исследуемых изданиях нумизматического материала также позволяет выявить варварское присутствие как на территории Боспора, так и в непосредственной близости от его границы. Так, в большинстве своем монетные клады зарывались при внешних угрозах, связанных с перемещениями варварских племен. Кроме того, на Боспоре имеют место варварские подражания боспорским монетам. С меотскими поселениями связаны монетные находки, сокрытые на рубеже IV–III вв. до н. э. Клад выявлен в 2021 г. на поселении Тиховский 1 (территория Краснодарского края) и насчитывает 152 пантикапейские бронзовые монеты нач. III в. до н. э. [Абрамзон и др., 2023, с. 149–161]. Эти находки фиксируют восточные границы Боспора данного периода на границе меотских поселений, дают представление о характере греко-варварских контактов. Варварские подражания боспорским и римским монетам характерны и для позднеантичного периода бытования Боспорского государства, о чем публикует в своей работе в издании «Нуранис» (Т. 3) М.Г. Абрамзон [Абрамзон, 2021, с. 7–18]. Кроме территории Фанагории, подражания статерам Рескупорида VI были выявлены также на Тиритакке, Мирмекии, Кепях. Бытование варварских подражаний, схожих по облику и весу собственным монетам Боспора, было синхронно с хождением последних. По вопросу о месте чеканки и этнической принадлежности варваров, чеканящих данные монеты, вопрос пока открыт. М.Г. Абрамзон высказывает предположение о сармато-аланах Прикубанья. Подражаний римским денариям больше, чем первой группе монет. Они более низкого качества и территориально распространены в основном на южной и юго-восточной границе Боспора: от Анапы до Краснодара и Новороссийска, хотя единичные находки есть в Пантикапее, Тиритакке, Китее. М.Г. Абрамзон, соглашаясь с Д.Б. Шеловым, связывает эти подражания с сираками или сармато-аланами.

О тезаврации монет в связи с неспокойной внешнеполитической ситуацией на Боспоре говорится в совместной публикации М.Г. Абрамзона и Н.И. Сударева [Абрамзон, Сударев, 2018, с. 150–163]. Авторы анализируют клад позднебоспорских статеров из окрестностей Гермонассы. Причиной накопления и сокрытия кладов в этот период стали вторжения готов и племен иранского круга на Боспор.

В публикации М.Г. Абрамзона, С.Н. Остапенко анализируется находка золотого солида Юстиниана в слое пожара на городище Фанагории VI в. н. э. и делается попытка воспроизвести исторические условия, в ходе которых фиксируются подобные разрушения [Абрамзон, Остапенко, 2019, с. 28–33]. В VI в. на этих территориях происходили волнения гуннов, под протекторатом которых до недавнего времени находился Боспор, при императоре Юстине вошедший в состав Византии. После 560 г. здесь фиксируются перемещения аваров, теснимых тюрками [Абрамзон, Остапенко, с. 30]. Учитывая весь комплекс имеющегося в распоряжении исследователей датированного материала, они склонны считать причиной разрушений в Фанагории второе событие. Гунны же причастны к первому пожару, произошедшему на городище Фанагории во второй четверти VI в., что подтверждается находками здесь метательных снарядов, костяных наконечников «гуннских» стрел и другими. Синхронно такие пожары фиксируются на Тиритаке и на мысе Зюк [Абрамзон, Остапенко, с. 31].

Публикации на основе анализа археологического материала, выявленного как на поселениях, так и в погребениях, также позволяют сделать выводы о присутствии варваров на Боспоре. Так, Е.А. Шаблавина в своей работе исследует раннесредневековые фибулы типа «Удина Планис» или «Аквилея» [Шаблавина, 2007, с. 92–102]. Суждения по поводу хождения этих фибул на Боспоре весьма неоднозначны. Подобного рода пальчатые фибулы имеют аналогии, идущие как с некоторых территорий Западной Европы, так и со Среднего Дуная. Происхождение изделий может быть связано с племенами германского круга (гепидами, остготами). Хотя на Боспоре они могли быть изготовлены и в собственных мастерских. В любом случае столь широкое их распространение продиктовано влиянием варварской моды, повсеместно распространенной как на территории Западной Европы, там и в регионе Северного Причерноморья.

Скифо-сарматский «след» имеет множество предметов, обнаруженных в 2018 г. в каменном склепе на северном участке некрополя Пантикапея (район «Глинище») [Бейлин и др., 2024, с. 75–92]. Анализ техники изготовления и состава металлических изделий, выявленных в исследуемом склепе, позволил сделать выводы о заимствованиях, пришедших от варваров. Этническая атрибуция погребенных в статье специально не рассматривалась. Детали погребальных венков и диадем, обнаруженных в склепе, аналогичны тем, которые встречаются на варварских памятниках Крыма (мавзолей Неаполя Скифского, некрополя Усть-Альмы). Характер орнамента зеркала, изготовленного из оловянно-свинцовой бронзы с высоким содержанием олова, выполнен в русле сарматской традиции. Возможно, сарматское происхождение также имели и пряжки, хотя они могли изготавливаться и в боспорских мастерских.

В ходе исследований погребения эллинского воина вт. пол. II – нач. I вв. до н. э., выявленного близ поселения Волна (Азиатский Боспор), при погребенном обнаружены предметы вооружения, трактовка происхождения которых неоднозначна [Ворошилов, Гараев, 2020, с. 71–93]. Так, меч восходит к синдо-меотскому типу, сформированному в условиях бытования варварского окружения Боспора. В частности, здесь можно выделить меотскую основу изделия и сарматское влияние в виде серповидного навершия меча. Уникальной для Боспора является находка при погребенном боевого ножа. Прямых аналогий, по мнению авторов публикации, пока не выявлено ни в греческом, ни в варварском материале, происходящих с данной территории. Некоторое сходство есть со скифскими однолезвийными мечами (форма и сечение клинка), обнаруживается также сходство с оружием из меотских погребений, хронологически более ранних, нежели исследуемое. Находки ножей встречаются и в варварских, и в греческих погребениях Боспора. В варварских захоронениях находки ножей часто связаны с напутственной пищей.

Интерпретации истории Фанагории IV–VII вв. н. э. по данным археологии и письменных источников посвящена статья Л.А. Голофаст [Голофаст, 2021, с. 42–58]. Ссылаясь на письменную традицию, автор статьи характеризует готские походы, совершаемые с Боспора в Малую Азию. Варвары при этом опирались на помощь Фанагории и других городов

Азиатского Боспора. Гуннский «след» конца IV в. на территории Пантикапея и Фанагории прослеживается по немногочисленным находкам «степной гуннской традиции». Здесь исследователь опирается на каталог вещей из столичного некрополя, опубликованного в работе И.П. Засецкой 1993 г. Л.А. Голофаст, описывая факт прибытия на территорию Азиатского Боспора федератов Византии с семьями, анализирует предметы женского восточногерманского костюма (большие пряжки с прямоугольным щитком, пальчатые фибулы типа Удине-Планис и др.), принесенные сюда варварами.

В статье А.А. Масленникова, посвященной локализации и порядку организации земель, принадлежащих царской хоре Боспора, упоминается о небольших варварских поселениях (неукрепленных селищах, по мнению А.А. Масленникова), археологически выявленных в глубинных территориях Керченского полуострова [Масленников, 2001, с. 178–190]. По сравнению с усадьбами Генеральское-Западное, Чокракский мыс и другими эти поселения отличаются более низким уровнем строительной техники, спецификой керамического комплекса и погребальным обрядом, для которого характерны множественные погребения в курганах и иных типах погребальных сооружений. Немногочисленные находки (в основном, это синопские и гераклеийские клейма), позволяющие определить датировку их бытования, преимущественно относятся к сер. IV – первой трети III в. до н. э. Автор приводит мысль о том, что появление первых усадеб на дальней хоре Европейского Боспора сопровождалось массовым появлением такого рода варварских поселений.

Взаимоотношения греков и скифов на Боспоре стали объектом комплексного исследования в работе Е.А. Молева [Молев, 2009, с. 155–165]. Свои суждения автор строит на основе анализа письменных источников и данных археологии. Е.А. Молев затрагивает проблемы взаимоотношений упоминаемых этнических общностей с начала освоения греками территории Восточного Крыма, акцентируя внимание на том, что изначально столкновений со скифами при этом не происходило. Применительно к периоду VI в. до н. э. скифам могло принадлежать курганное погребение на Темир-горе. Ранние укрепления боспорских поселений, по мнению автора, могут быть связаны не только с внешней угрозой, которая, впрочем, могла исходить и от других племен, но и в силу внутренних противоречий. Надпись II в. до н. э. (КБН, 75), известная как посвящение Сенамотис из Пантикапея, свидетельствует о брачных союзах скифских и боспорских царских дворов.

Заключение

Публикации в анализируемых ведущих российских периодических изданиях («Вестник древней истории», «Российская археология», ежегодник «Нурапис»), в основе которых лежат исследование и интерпретация недавно введенного в оборот материала, выявленного в ходе полевых и охранных работ, позволяют значительно расширить наше представление о присутствии варварских племен на Боспоре. Привлечение данных археологии, эпиграфики, нумизматики в совокупности с уже имеющимися уточняют степень участия варваров в политической жизни Боспорского царства, их социальный статус, характер проживания на территории государства или близ его границ.

Зачастую исследователи в своих работах опираются на комплекс имеющихся в их распоряжении источников при преобладании, как правило, одного определенного вида. Анализ работ, которые, преимущественно, опираются на эпиграфический материал (публикации А.И. Иванчика, С.Р. Тохтасьева) позволяет сделать выводы об ономастике Боспора, социальном статусе варваров, их участии в общественной и политической жизни государства, в том числе управлении Боспором. В статьях М.Г. Абрамзона в соавторстве с другими исследователями (С.Н. Остапенко; Н.И. Сударевым и др.) за основу берется нумизматический материал, который весьма информативен при определении периодов нестабильности, вызванных перемещениями и вторжениями варварских племен. Е.А. Шаблавина, А.Н. Ворошилов, И.А. Гараев, Д.В. Бейлин свои суждения строят на основании данных археологии. В статьях Л.А. Голофаст, Е.А. Молева, А.А. Масленникова взаимоотношения

греков и варваров на Боспоре исследуются на основании комплексного подхода к археологическим и письменным источникам. В этой связи следует также отметить, что собственно боспорская письменная традиция была весьма скудной, поэтому авторы опирались на источники внешнего происхождения. Комплексный подход к интерпретации археологических и эпиграфических находок используют в своих работах Н.В. Завойкина, М. Халамус и др.

Таким образом, в своей работе мы проанализировали ограниченный круг периодических изданий по исследуемой тематике. В перспективе работа в рамках обозначенной темы может быть продолжена.

Список литературы

- Абрамзон М.Г. 2021. Варварские подражания боспорским статерам и римским денариям из Фанагории. *Huropolis*. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Т. 3. Москва: 7–18.
- Абрамзон М.Г., Остапенко С. Н. 2019. Солид Юстиниана I из слоя пожара 6 века в Фанагории. *Huropolis*. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Вып. 1. Москва: 28–33.
- Абрамзон М.Г., Остапенко С.Н., Сурков А.В. 2023. Клад боспорских монет начала III в. до н. э. из Восточного Приазовья (поселение Тиховский 1). *Российская археология*. 2: 149–161.
- Абрамзон М.Г., Сударев Н.И. 2018. Клад позднебоспорских статеров из окрестностей Гермонассы (2016 г.). *Российская археология*. 1: 150–163.
- Бейлин Д.В., Рукавишников И.В., Федосеев Н.Ф., Смекалова Т.Н., Антипенко А.В., Лобода А.Ю., Гурьева П.В., Коваленко Е.С., Мурашев Н.Н., Терещенко Е.Ю., Яцишина Е.Б. 2024. Металлические находки из каменного склепа на северном участке некрополя Пантикапея (район «Глинище»): комплексный анализ. *Российская археология*. 1: 75–92.
- Блаватский В.Д. 1985. Боспорское царство в позднеантичное время. *Античная археология и история*. Москва: 242–260.
- Болгов Н.Н. 1996. Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV–V вв.). Белгород, Изд-во БГПИ, 181 с.
- Ворошилов А.Н., Гараев И.А. 2020. Эллинское погребение воина на Азиатском Боспоре. *Huropolis*. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Т. 2. Москва: 71–93.
- Гайдукевич В.Ф. 1949. Боспорское царство. Москва – Ленинград, Изд-во АН СССР, 624 с.
- Голофаст Л.А. 2021. Фанагория 4–7 вв. по сведениям письменных источников и данным археологии. *Huropolis*. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Т. 3. Москва: 42–58.
- Завойкина Н.В. 2021. Представители сармато-аланского мира в городах Азиатского Боспора во 2–3 вв. н. э. *Huropolis*. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Т. 3. Москва: 72–97.
- Иванчик А.И. 2023. Новая надпись с поселения Каменная батарея на Азиатском Боспоре. *Вестник древней истории*. 3(83): 620–631.
- Иванчик А.И., Тохтасьев С.Р. 2009. Царица Динамия и Танаис. *Вестник древней истории*. 3(270): 95–107.
- Кругликова И.Т. 1966. Боспор в позднеантичное время: очерки экономической истории. Москва, Наука, 224 с.
- Марченко К.К., Виноградов Ю.А., Вахтина М.Ю., Рогов Е.Я. 2018. Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. Санкт-Петербург, Алетей, 464 с.
- Масленников А.А. 2001. «Царская» хора Боспора на рубеже V–IV вв. до н. э. *Вестник древней истории*. 1(236): 178–190.
- Молев Е.А. 2009. Скифы в политической истории Боспора VI–II вв. до н. э. *Вестник древней истории*. 3(270): 155–165.
- Ростовцев М.И. 1918. Эллинизм и иранство на юге России. Петроград, Огни, 190 с.
- Ростовцев М.И. 1925. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Ленинград, 621 с.
- Тохтасьев С.Р. 2004. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (обзор новых эпиграфических публикаций). *Вестник древней истории*. 3(250): 144–180.
- Тохтасьев С.Р. 2006. Надгробная стела сыновей Атгеса из Мирмекия. *Вестник древней истории*. 1(256): 72–79.
- Тохтасьев С.Р. 2007. Из ономастики Северного Причерноморья. XIX: Малоазийские имена на Боспоре (V–IV вв. до н. э.). *Вестник древней истории*. 1(260): 170–208.
- Шаблавина Е.А. 2007. Продукция одной боспорской ювелирной мастерской второй половины VI в. *Российская археология*. 3: 92–102.

- Bierbrauer V. 1994. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1. – 7. Jahr. *Fruhmittelalterliche Studien*. Berlin-New York: 12–176.
- Cunliffe B. 1988. Greeks, Romans and Barbarians: Spheres of Interaction. New York, 243 p.
- Godlowski K. 1992. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Period in Central Europe. *Probleme der relativen und absoluten chronologie ab latenezeit bis zum Frühmittelalter*. Krakow: 76–89.
- Halamus M. 2017. Barbarization of the state? The Sarmatian Influence in the Bosporan Kingdom. *Вестник древней истории*. 3(77): 688–695.
- Kazanski M. 1992. Les Goths et les Huns. A propos des relation entre les Barbares sedentaires et les nomads. *Archeologie Medievale*. XXII: 43–59.
- Kazanski M. 1993. The Sedentary Elite in the «Empire» of the Huns and its Impact on Material Civilization in Southern Russia during the Early Middle Ages (5 th – 7 th Centuries AD). *Cultural Transformations and Interactions in Eastern Europe*. Aldershot: 211–235.
- Korkkanen I. 1975. The Peoples of Hermanaric: Jordanes, Getica.116. Helsinki, 89 p.
- Millar F. 1981. The Roman Empire and its Neighbours. New York.
- Minns E. 1913. Scythians and Greeks. Cambridge, University Press.
- Mommsen Th.1882. Jordanis Romania et Getica. MGH Auct. ant. Berlin.
- Teiral J. 1973. Mahren in 5 Jahrhundert. Praha, 167 p.
- Teiral J. 1987. Zur Chronologie und Deutung der südöstliche Kulturelemente in der frühen völk-kerwanderungszeit im Karpatenbecken. *Anzeiger der germanischen National museums*: 87–99.

References

- Abramzon M.G. 2021. Varvarskie podrazhanija bosporskim stateram i rimskim denarijam iz Fanagorii [Barbaric Imitations of Bosporan Staters and Roman Denarii from Phanagoria]. *Hypanis. Trudy otdela klassicheskoy arheologii IA RAN*. T. 3. Moskva: 7–18.
- Abramzon M.G., Ostapenko S.N. 2019. Solid Justiniana I iz sloja pozgara 6 veka v Fanagorii [Solidus of Justinian I from the Layer of the 6th Century Fire in Phanagoria]. *Hypanis. Trudy otdela klassicheskoy arheologii IA RAN*. Vyp. 1. Moskva: 28–3.
- Abramzon M.G., Ostapenko S.N., Surkov A.V. 2023. Klad bosporskih monet nachala III v. do n. je. iz Vostochnogo Priazov'ja (poselenie Tihovskij 1) [A Hoard of Bosporan Coins from the Early 3rd Century BC from the Eastern Azov Region (Tikhovsky 1 settlement)]. *Rossijskaja arheologija*. 2: 149–161.
- Abramzon M.G., Sudarev N.I. 2018. Klad pozdnobosporskih staterov iz okrestnostej Germonassy (2016 g.) [A Treasure Trove of Late Bosporan Staters from the Vicinity of Hermonassa (2016)]. *Rossijskaja arheologija*. 1: 150–163.
- Bejlin D.V., Rukavishnikova I.V., Fedoseev N.F., Smekalova T.N., Antipenko A.V., Loboda A.Ju., Gur'eva P.V., Kovalenko E.S., Murashev N.N., Tereshhenko E.Ju., Jacishina E.B. 2024. Metallicheskie nahodki iz kamennogo sklepa na severnom uchastke nekropolja Pantikapeja (rajon «Glinishhe»): kompleksnyj analiz [Metal Finds from a Stone Crypt in the Northern Section of the Necropolis of Pantikapeya (Glinishche District): A Comprehensive Analysis]. *Rossijskaja arheologija*. 1: 75–92.
- Blavatskij V.D. 1985. Bosporskoe carstvo v pozdneantichnoe vremja [The Bosporan Kingdom in the Late Antique Period]. *Antichnaja arheologija i istorija*. Moskva: 242–26.
- Bolgov N.N. 1996. Zakat antichnogo Bospora. Ocherki istorii Bosporskogo gosudarstva pozdneantichnogo vremeni (IV–V vv.) [Sunset of the Ancient Bosphorus. Essays on the History of the Bosporan State of the Late Antique Period (IV–V centuries)]. Belgorod, Izd-vo BGPI, 181 p.
- Voroshilov A.N., Garaev I.A. 2020. Jellinskoe pogrebenie voina na Aziatskom Bospore [The Hellenic Burial of a Warrior on the Asian Bosphorus]. *Hypanis. Trudy otdela klassicheskoy arheologii IA RAN*. T. 2. Moskva: 71–93.
- Gajdukevich V.F. 1949. Bosporskoe carstvo [The Bosporan Kingdom]. Moskva – Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 624 p.
- Golofast L.A. 2021. Fanagorija 4-7 vv. po svedenijam pis'mennyh istochnikov i dannym arheologii [Phanagoria of the 4th-7th Centuries according to Written Sources and Archaeological Data]. *Hypanis. Trudy otdela klassicheskoy arheologii IA RAN*. T. 3. Moskva: 42–58.
- Zavojkina N.V. 2021. Predstaviteli sarmato-alanskogo mira v gorodah Aziatskogo Bospora vo 2–3 vv. n. je. [Representatives of the Sarmatian-Alan World in the Cities of the Asian Bosphorus in the 2–3 Centuries AD]. *Hypanis. Trudy otdela klassicheskoy arheologii IA RAN*. T. 3. Moskva: 72–9.

- Ivanchik A.I. 2023. Novaja nadpis' s poselenija Kamennaja batarejka na Aziatskom Bospore [A New Inscription from the Stone Battery Settlement on the Asian Bosphorus]. *Vestnik drevnej istorii*. 3(83): 620–631.
- Ivanchik A.I., Tohtas'ev S.R. 2009. Carica Dinamija i Tanais [Queen Dynamia and Tanais]. *Vestnik drevnej istorii*. 3(270): 95–107.
- Kruglikova I.T. 1966. Bospor v pozdneantichnoe vremja: ocherki jekonomicheskoj istorii [Bosporus in the Late Antique Period: Essays on Economic History]. Moskva, Nauka, 224 p.
- Marchenko K.K., Vinogradov Ju.A., Vahtina M.Ju., Rogov E.Ja. 2018. Greki i varvary Severnogo Prichernomor'ja v skifskuju jepohu [The Greeks and Barbarians of the Northern Black Sea region in the Scythian Era]. Sankt-Peterburg, Aletejja, 464 p.
- Maslennikov A.A. 2001. «Carskaja» hora Bospora na rubezhe V–IV vv. do n. je. [The "Royal" Bosporus Choir at the Turn of the 5th–4th Centuries BC.]. *Vestnik drevnej istorii*. 1(236): 178–190.
- Molev E.A. 2009. Skify v politicheskoj istorii Bospora VI–II vv. do n. je. [Scythians in the Political History of the Bosporus of the VI–II Centuries BC.]. *Vestnik drevnej istorii*. 3(270): 155–165.
- Rostovcev M.I. 1918. Jellinstvo i iranstvo na juge Rossii [Hellenism and Iranism in Southern Russia]. Petrograd, Ogni, 190 p.
- Rostovcev M.I. 1925. Skifija i Bospor. Kriticheskoe obozrenie pamjatnikov literaturnyh i arheologicheskikh [Scythia and the Bosporus. Critical Review of Literary and Archaeological Monuments]. Leningrad, 621 p.
- Tohtas'ev S.R. 2004. Bospor i Sindika v jepohu Levkona I (obzor novyh jepigraficheskikh publikacij) [Bosporus and Syndica in the Era of Leucon I (Review of New Epigraphic Publications)]. *Vestnik drevnej istorii*. 3(250): 144–180.
- Tohtas'ev S.R. 2006. Nadgrobnaja stela synovej Attesa iz Mirmekija [The Tombstone of the Sons of Attes from Myrmecia]. *Vestnik drevnej istorii*. 1(256): 72–79.
- Tohtas'ev S.R. 2007. Iz onomastiki Severnogo Prichernomor'ja. XIX: Maloazijskie imena na Bospore (V–IV vv. do n. je.) [From the Onomastics of the Northern Black Sea Region. XIX: Asian Names on the Bosporus (V–IV Centuries BC)]. *Vestnik drevnej istorii*. 1(260): 170–208.
- Shablavina E.A. 2007. Produkcija odnoj bosporskoj juvelirnoj masterskoj vtoroj poloviny VI v. [The Products of a Bosporan Jewelry Workshop in the Second Half of the Sixth Century]. *Rossijskaja arheologija*. 3: 92–102.
- Bierbrauer V. 1994. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1. – 7. Jahr. *Fruhmittelalterliche Studien*. Berlin-New York: 12–176.
- Cunliffe B. 1988. Greeks, Romans and Barbarians: Spheres of Interaction. New York, 243 p.
- Godlowski K. 1992. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Period in Central Europe. *Probleme der relativen und absoluten chronologie ab latenezeit bis zum Frühmittelalter*. Krakow: 76–89.
- Halamus M. 2017. Barbarization of the state? The Sarmatian Influence in the Bosporan Kingdom. *Вестник древней истории*. 3(77): 688–695.
- Kazanski M. 1992. Les Goths et les Huns. A propos des relation entre les Barbares sedentaires et les nomads. *Archeologie Medievale*. XXII: 43–59.
- Kazanski M. 1993. The Sedentary Elite in the «Empire» of the Huns and its Impact on Material Civilization in Southern Russia during the Early Middle Ages (5 th – 7 th Centuries AD). *Cultural Transformations and Interactions in Eastern Europe*. Aldershot: 211–235.
- Korkkanen I. 1975. The Peoples of Hermanaric: Jordanes, Getica.116. Helsinki, 89 p.
- Millar F. 1981. The Roman Empire and its Neighbours. New York.
- Minns E. 1913. Scythians and Greeks. Cambridge, University Press.
- Mommsen Th.1882. Jordanis Romania et Getica. MGH Auct. ant. Berlin.
- Teiral J. 1973. Mahren in 5 Jahrhundert. Praha, 167 p.
- Teiral J. 1987. Zur Chronologie und Deutung der südöstliche Kulturelemente in der frühen völkerwanderungszeit im Karpatenbecken. *Anzeiger der germanischen National museums*: 87–99.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 30.10.2025

Received 30.10.2025

Поступила после рецензирования 26.01.2026

Revised 26.01.2026

Принята к публикации 28.01.2026

Accepted 28.01.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рябцева Марина Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0004-5180-572X](https://orcid.org/0009-0004-5180-572X)

Прокопенко Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0002-8304-4844](https://orcid.org/0009-0002-8304-4844)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina A. Ryabtseva, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Sergey N. Prokopenko, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(37).07

DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-40-50

EDN CWBSIZ

Оригинальное исследование

Формирование индо-римских торговых связей в эпоху Октавиана Августа

Васильков Н.В. , Василькова Е.Е.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308007, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: 1200072@bsuedu.ru, babaskina_e@bsuedu.ru

Аннотация. В статье с опорой на комплекс письменных, археологических и нумизматических источников рассматриваются основные вопросы, связанные с развитием индо-римской торговли в период правления Октавиана Августа (30 г. до н. э. – 14 г. н. э.). Прямые торговые отношения Римской империи со странами Востока стали возможны только с завоеванием Египта в 30 году до н. э. Начальный этап этой торговли во многом определил её облик. В статье уделяется большое внимание внешнеполитическому контексту экономических взаимоотношений между Римом и Индией, рассматривается география этих отношений на раннем этапе, а также вопрос создания римского торгового флота на Красном море. Делается вывод о том, что подъёму индо-римской торговли на начальном этапе способствовала гражданская война в Парфии, а сам этот этап сопровождался заметной дипломатической активностью, а также о том, что корабли, используемые при торговле с Индией, вероятно, были построены специально для этой цели, при этом их команды должны были набираться не только из египтян, но и из набатеев.

Ключевые слова: индо-римская торговля, Октавиан Август, римский Египет, Элий Галл, Арикамеда, Миос-Гормос, Страбон

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Васильков Н.В., Василькова Е.Е. 2026. Формирование индо-римских торговых связей в эпоху Октавиана Августа. *Via in tempore. История. Политология.* 53(1): 40–50. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-40-50. EDN CWBSIZ

The Formation of Indo-Roman Trade Relations during the Reign of Octavian Augustus

Nikita V. Vasilkov , Ekaterina E. Vasilkova

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: 1200072@bsuedu.ru, babaskina_e@bsuedu.ru

Abstract. The article deals with the main issues related to the development of trade between the Roman Empire and Indian states during the reign of Octavian Augustus. The research is based on a complex of written, archaeological, and numismatic sources. Direct trade relations between the Roman Empire and the countries of the Distant East became possible only with the fall of the Ptolemaic dynasty and the Roman conquest of Egypt in 30 B.C. The initial stage of these trade relations largely determined their features and shape. The article focuses on foreign policy during the reign of Octavian Augustus and its impact on the economic relations between the Roman Empire and India, examines the geography of these relations at the early stage, as well as the issue of problems connected with the building and manning the merchant fleet of the Roman Empire on the Red Sea. The authors conclude that the rise of Indo-Roman trade at the initial stage was

facilitated by the civil war in Parthia, and this stage in itself was accompanied by significant diplomatic activity. The study allows a suggestion that the ships used in trade with India were probably built specifically for this purpose, while their crews had to be recruited not only from the Egyptians, but also from the Nabataeans.

Keywords: Indo-Roman trade, Octavian Augustus, Roman Egypt, Aelius Gallus, Arikamedou, Mios-Horos, Strabo

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Vasilkov N.V., Vasilkova E.E. 2026. The Formation of Indo-Roman Trade Relations during the Reign of Octavian Augustus. *Via in tempore. History and political science*. 53(1): 40–50 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-40-50. EDN CWBSIZ

Введение

Стартовой точкой, после которой стала возможна прямая морская торговля Рима с Востоком, было правление Октавиана Августа (30 г. до н. э. – 14 г. н. э.). После завоевания Египта в 30 году до н. э. римляне получили контроль над побережьем Красного моря, и теперь римские торговые корабли могли самостоятельно добираться до берегов Индии, Аравии и восточного побережья Африки, что не фиксируется в предшествующей истории Римского государства.

Торговые связи Римской империи с Индией представляют большой интерес для исследователей, в связи с чем проблема индо-римской торговли широко представлена в историографии. Однако, несмотря на значимость эпохи Августа в развитии торговых отношений с Востоком, ученые обычно не заостряют отдельного внимания на этом периоде, предпочитая строить повествование по географическому, а не хронологическому принципу. Тем не менее те или иные вопросы, связанные с индо-римской торговлей во времена Октавиана Августа, рассматривались Т. Моммзенем, М. М. Хвостовым, Э. Уормингтоном, М. Уиллером, Р. Хеннингом, С. Сайдботомом, Г. Янгом, М. Д. Бухариным, Р. Маклафлином, Л. Пейном и др. [Хвостов, 1907; Моммзен, 1997; Бухарин, 2009; Пейн, 2017; Warmingington, 1928; Wheeler, 1953; Хенниг, 1961; Sidebotham, 1986; Young, 2001; McLaughlin, 2010]. Относительно подробно обсуждается вопрос индо-римских дипломатических контактов, а также обстоятельства похода Элия Галла на Аравию и его влияние на торговлю с Востоком. Необходимость рассмотреть формирование торговых связей Рима с Индией как отдельный процесс и обуславливает значимость данного исследования.

Объект и методы исследования

Объектом настоящего исследования являются особенности раннего этапа индо-римской торговли, а также влияние различных факторов на специфику её формирования.

Методологической основой исследования выступают принцип историзма, который предполагает рассмотрение изучаемых процессов с учётом конкретно-исторических условий и в связи с другими явлениями, и объективности, подразумевающий опору на факты в их многообразии. В исследовании применялись историко-сравнительный, историко-генетический метод, а также метод комплексного анализа источников.

Основным источником по вопросу индо-римской торговли на этапе её формирования является «География» Страбона [Strabonis Geographica, 1877; Strabonis Geographica, 1898]. Античный географ долгое время жил в Александрии, путешествовал по Египту, был другом египетского префекта Элия Галла. Отдельная информация о походе на Аравию и об индийских посольствах в Рим содержится в «Деяниях божественного Августа» [Gage, 1935], однако следует учитывать тот факт, что текст был написан Октавианом Августом для собственного восхваления.

Для подтверждения и уточнения отдельных сведений, которые мы находим у современников событий, могут быть использованы данные более поздних источников. Среди

них «Перипл Эритрейского моря» неизвестного автора [Бухарин, 2007], «Естественная история» Плиния Старшего [C. Plini Secundi Naturalis historiae, 1885], «География» Клавдия Птолемея [Claudii Ptolemaei Geographia. 1845], «Римская история» Диона Кассия [Dio's Roman History, 1955], «История против язычников» Павла Орозия [Pauli Orosii Historiarum adversum paganos, 1889].

Большую ценность представляют данные раскопок в Арикамеде на западе Индии [Francis, 2001], Кусейр аль-Кадиме [Whitcomb, 1996] и Беренике [Meredith, 1953]. Важную роль в рамках нашего исследования играют нумизматические источники. На территории Индии было найдено множество кладов, содержащих римские монеты, информация по которым была систематизирована Татьяной Шерковой [Шеркова, 1999, с. 104–110]. Нумизматические данные могут использоваться при датировке торговли в разных регионах.

Результаты и их обсуждение

Та скорость, с которой римляне смогли установить торговые отношения с «внешним» Востоком, поражает. Египет был завоёван Октавианом в августе 30 года до н. э. Первое римское торговое плавание в Индию не могло состояться раньше лета 29 года до н. э., поскольку навигация в этом регионе была связана со сменой направления муссонов. Оптимальным временем для отправки из Миос-Гормоса считался июль. Отплыв в этом месяце, торговец рассчитывал через тридцать дней с попутным северным ветром добраться до Аденского залива, а ещё через сорок – до индийского побережья (Plin. Hist. VI, 104). Однако в случае, если корабль отправлялся бы в плавание в августе (что уже требует допущения, что морякам не требуется времени на подготовку экспедиции), он добрался бы до Аденского залива лишь в сентябре и рисковал оказаться в открытом океане во время октябрьской смены направления ветров.

Страбон указывает, что в то время, «когда Галл был префектом Египта», из Миос-Гормоса отплывали в Индию 120 кораблей в год (Strab. II.5.12). С учётом того, что Элий Галл был префектом провинции в середине 20-х годов до н. э., получается, что столь масштабный рост объёмов торговли был достигнут за три-пять лет.

Помимо прямых свидетельств, указывающих на значительные масштабы римско-индийской торговли в 20-е годы до н. э., об этом факте говорит и дипломатическая активность индийских правителей. Сам Август пишет, что индийские посольства к нему были частыми (Res Gestae Aug. 31), однако, опираясь на другие источники, мы с уверенностью можем говорить только о двух посольствах. Первое из них упоминается Павлом Орозием в «Истории против язычников» (Paul. Oros. 6.21.19). Оно было принято в Тарраконе в 25 году до н. э. Рауль Маклафлин считает, что посольство было направлено одним из индо-скифских правителей, поскольку у Орозия послы названы именно «послами индов и скифов», однако в следующем же фрагменте проводится параллель между Октавианом Августом и Александром Македонским, к которому «пришло посольство испанцев и галлов», очевидно, разных народов, а скифы и инды названы народами, живущими в разных частях света (Paul. Oros. 6.21.20). Таким образом, установить конкретный регион Индии, откуда пришло это посольство, пока не представляется возможным.

Второе посольство, по свидетельству Страбона, Николай Дамасский встретил в Антиохии (Strab. XV.1.72–73). Благодаря Диону Кассию это посольство можно датировать 20 годом до н. э. (Dio Cass. LIV, 9, 8–10). Североиндийское происхождение этих послов не вызывает сомнений. Во-первых, среди членов посольства назван «Зарманохег, индиец из Баргосы», который сжёг себя в Афинах (Strab. XV.1.73). Среди городов северо-запада Индии в «Перипле Эритрейского моря» упоминается Баригаза (Peripl. Mar. Eryth. 42–45). Вероятно, оба названия являются искажёнными формами одного и того же слова. Во-вторых, представители посольства имели при себе сопроводительное послание на греческом языке. Вполне разумно, что знать греческий язык могли именно послы, прибывшие с северо-запада Индии, где на тот момент существовали остатки индо-греческого царства. Страбон также

говорит, что несколько посланников из этого посольства погибли в ходе долгого пути (Strab. XV.1.73), и потому мы можем предположить, что оно отправилось из Индии на запад значительно раньше, чем прибыло в Египет, причём послы следовали сухопутным маршрутом и именно поэтому прибыли не в Египет, а в Антиохию.

Страбон утверждает, что одно из посольств, прибывших к Августу, направил царь Пандион (Strab. XV.1.4). Хотя высказывалась экзотическая версия об индо-греческом происхождении царя [Бокщанин, 1966], вероятнее всего, речь идёт о правителе тамильского царства Пандья. Упоминание о царе Пандионе встречается не только в «Географии» Страбона, но также у Плиния Старшего (Plin. NH. VI. 104), Птолемея (Ptol. Geogr. VII. 1. 89) и в «Перипле Эритрейского моря» (Peripl. Mar. Eryth. 58), и все эти источники явно указывают на нахождение царства Пандиона именно в южной Индии. С полной уверенностью утверждать, что посольство царя Пандиона является тем же посольством, о котором писал Орозий, или это третий засвидетельствованный в источниках дипломатический контакт Октавиана Августа с индийскими государствами, невозможно.

Как видно из источников, уже в 20-е годы до нашей эры география индо-римских дипломатических контактов затрагивала территорию от залива Кач на севере до страны тамиллов на юге. Разумным объяснением дипломатической активности индийских правителей может стать появление в Индии большого количества купцов из ранее неизвестной страны, после знакомства с которыми индийские правители могли попытаться заключить выгодное торговое соглашение или заручиться поддержкой могущественного союзника.

Определить географию индо-римских торговых контактов можно, опираясь на находки римских монет за пределами империи. Большинство находок римских монет в Южной Азии относятся к чеканкам Августа и Тиберия [Шеркова, 1999, с. 109–110], однако следует понимать, что чаще всего монеты чеканки Августа содержатся в смешанных кладах с монетами более поздних правителей, то есть, скорее всего, они попали в клад заметно позднее времени своего изготовления. С другой стороны, представляется маловероятным, чтобы в содержащем большое количество монет кладе, сделанном после правления Августа, не встретилось бы ни одной монеты более поздней чеканки. Соответственно, с большой долей уверенности можно считать кладами времён Августа те из них, в которых содержатся монеты чеканки этого императора, но не содержатся более поздних монет. Таковые были найдены в Таксиле (север Пакистана), Коимбатуре (Тамилнад), Ганджаме (Одиша) [Шеркова, 1999, с. 109–110]. Последнее означает, что уже на начальном этапе римляне торговали в том числе с восточным побережьем Индии.

Наличие устойчивых торговых связей с Коромандельским побережьем во времена Октавиана Августа подтверждают и другие археологические находки, например, арретинская керамика в Арикамеду относится ко времени, близкому к 10 году до н. э. [Begley, 2004, p. 514]. Кроме того, слова Страбона, что римские торговцы «редко доходили до Ганга» (Strab. XV.1.4), указывают на то, что римские купцы всё же выбирали при путешествии в Индию относительно далёкие маршруты, причём неоднократно.

Подъёму восточной торговли Рима, проходящей через Египет, способствовали удачные внешнеполитические обстоятельства. В I веке до нашей эры торговле по евфратскому маршруту препятствовали сначала борьба между Селевкидами и парфянами, а затем распад сирийского государства. В результате основным маршрутом для торговли Средиземноморья с Востоком стал именно маршрут, проходящий через Красное море, где находились относительно стабильные Nabateyское царство и государство Птолемея [Young, 2001, p. 16–17]. При этом весьма удачно для египетского торгового маршрута в 30–29 гг. до н. э. сразу после победы Октавиана над Антонием и Клеопатрой в Парфии случилась гражданская война между Фраатом IV и Тиридатом II. В противостоянии победил Фраат. Тиридат был вынужден бежать со сторонниками к Октавиану, однако уже в 26 году до н. э. в Селевкии были отчеканены монеты с его именем и эпитетом «Филоромайос», то есть «друг римлян». Хотя

уже в августе того же года Фраат снова чеканил свои монеты, можно говорить о противостоянии до марта 25 года до н. э. [Bivar, 2000, p. 65–66].

Активные боевые действия в Месопотамии вполне соответствовали интересам Октавиана, и если первый этап борьбы за парфянский престол вряд ли начался под влиянием внешних сил, то возвращению Тиридата в 26 году до н. э. прямо или косвенно поспособствовал сам принцепс тем, что отказался выдавать беглецов парфянскому царю и как минимум не препятствовал подготовке похода в Парфию. Вопрос о прямом участии Октавиана в возвращении Тиридата остаётся открытым: при повторной попытке завоевать престол Тиридат назвал себя другом римлян, а после провала вновь бежал в Римскую империю. Сам Октавиан в «Деяниях» не пишет о своём вмешательстве в конфликт между Фраатом и Тиридатом, хотя, говоря о последующем вмешательстве в парфянскую политику, указывает, что от него «народы парфян и мидян получили царей» (*Res Gestae Aug.*, 32). С другой стороны, «Деяния» явно носят пропагандистский характер, а потому принцепс мог считать неудобным факт, что он безуспешно помогал противнику царя, с которым затем установил хорошие отношения и сына которого на момент написания «Деяний» поддерживал в гражданской войне.

Если маршрут через Месопотамию не составлял конкуренции египетскому и до Августа, в Красном море египтянам приходилось конкурировать с арабами. В связи с этим нельзя не упомянуть об аравийской экспедиции Элия Галла, которая датируется 25 [Young, 2001, p. 85] или 26 годом до нашей эры [Парфёнов, 2001, с. 60]. Ход экспедиции оказался провальным, большую часть маршрута римляне шли по пустынным районам Аравии и, хотя смогли захватить несколько городов, отступили из-за голода и болезней. Первым о целях похода сообщил Страбон, бывший другом самого Галла: «приобрести богатых друзей или же одолеть богатых врагов» (*Strab.* XVI.4.22). По меткому замечанию Татьяны Шерковой, в этих словах заключается основной принцип римской торговой политики на Востоке, которая предусматривала либо завоевание новых богатых территорий, либо там, где это было невозможным, торговлю [Шеркова, 1991, с. 15]. В мировой исторической науке распространена точка зрения, что экспедиция была вызвана желанием побороть конкурентов в красноморской торговле. Например, Теодор Моммзен говорит, что для того, чтобы сделать египетскую торговлю «из основанной на чужом посредничестве – прямой, <...> необходимо было сломить арабов» [Моммзен, 1997, с. 495], а Эрик Уормингтон называет сабеев и химьяритов «самым существенным препятствием на пути прямой торговли между римской территорией и Индией по морскому пути» [Warmington, 1928, p. 14–15].

Однако, как известно из «Перипла Эритрейского моря», транзитная торговля с Индией была завершена, как только был открыт прямой маршрут из Египта (*Peripl. Mar. Eryth.* 26), о существовании которого на момент похода свидетельствует Страбон, говоря о 120 кораблях, отплывающих в Индию. Кроме того, для уничтожения конкурентов римлянам потребовалось бы разрушить все важные центры в Счастливой Аравии, однако такие города, как Муза и Кана, продолжили своё существование, причём первая даже пользовалась покровительством римлян [Бухарин, 2007, с. 115]. При этом было отмечено, что римская внешняя политика на Востоке в принципе игнорировала торговые интересы, а военные конфликты чаще всего мешали римским купцам [Young, 2001, p. 195].

Наиболее правдоподобной здесь выглядит высказанная Михаилом Бухариным версия, называющая целью похода пропаганду успехов Октавиана Августа [Бухарин, 2009, с. 62]. В «Деяниях божественного Августа» поход описывается как успешный: сообщается о разгроме многочисленных противников и захвате множества городов, говорится о достижении города Мариба (*Res Gestae Aug.*, 26), то есть самим принцепсом экспедиция Галла преподносилась римлянам как победоносная.

Как видно из сказанного выше, внешнеполитическая активность Августа в 20-е годы до н. э. скорее была сопутствующим фактором, способствовавшим развитию торговли Рима с Востоком, чем его основной причиной. Единственным исключением здесь можно назвать сам

факт мира, установившегося в регионе с приходом Рима. Уже во II веке до н. э. набатейцы, составлявшие конкуренцию египтянам в торговле, постоянно нападали на египетские корабли [Шифман, 2007, с. 27]. С завоеванием Египта римлянами подобная практика прекратилась [Шумовский, 1959, с. 180]: зависимое от римлян Nabateian kingdom не рискнуло бы преследовать римских торговцев. Уже в более поздние времена конфликты на Востоке негативно сказывались на объёмах торговли [Young, 2001, p. 194–195], потому вполне разумно связать рост её объёмов с возросшей безопасностью грузоперевозок.

Более удобным для перемещения торговцев стал сухопутный маршрут из Миос-Гормоса в Коптос через Восточную пустыню. С приходом к власти Августа на станциях, устроенных Птолемеем Филадельфом для путешественников по пути от Красного моря до Коптоса, были построены колодцы и водоёмы для дождевой воды. В результате проходившие через пустыню купцы теперь могли двигаться не только ночью, но и днём (Strab. XVII.1.45).

Страбон пишет: «Из Левке Коме грузы благовоний доставляют в Петру, а оттуда в Риноколуры, что в Финикии близ Египта, а затем к другим народам. Теперь, однако, эти грузы идут большей частью по Нилу в Александрию; из Аравии и Индии их везут в Миос Гормос, затем переправляют на верблюдах в Копт в Фиваиде, расположенный на нильском канале, а потом – в Александрию» (Strab. XVI.4.24). При этом торговое значение Береники на раннем этапе индо-римской торговли, видимо, оставалось незначительным: Страбон пишет, что здесь, в отличие от Миос-Гормоса, не было гавани, а также не указывает её среди мест, которые «пользуются доброй славой» и которые «часто посещают» (Strab. XVII.1.45). В то же время разумным представляется замечание о том, что масштабы найденных в Миос-Гормосе портовых сооружений не соответствуют 120 кораблям, упомянутым Страбоном, а значит разумнее предполагать, что речь идёт о всех кораблях, плавающих из Римского Египта, однако часть из них могла находиться в других портах [Whitcomb, 1996, p. 756].

О существовании египетского флота во времена поздних Птолемеев говорит греческая надпись времён Птолемея Авлета (80–58 гг. до н. э.) [Шеркова, 1991, с. 32–33], где сообщается о стратегии Красного моря и Индийского океана (*τῆς Ἰνδικῆς καὶ Ἐρυθρᾶς θαλάσσης*) [Хеннинг, 1961, с. 289]. Птолемеями были основаны на Красном море такие города, как Береника, Миос Гормос, Клеопатрида. С другой стороны, флот Египта на Красном море не мог быть большим. У Страбона говорится, что во времена Птолемеев «едва 20 кораблей осмеливалось пересечь Аравийский залив» (Strab. XVII.3.20), что значительно меньше упоминаемого тем же автором числа кораблей, плававших во времена Августа. Косвенное подтверждение относительной малочисленности египетского флота на Красном море встречается в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха (Plut. Ant. 69). Рассказывая о действиях Антония и Клеопатры после поражения при Акции, он говорит, что царица намеревалась «выйти в Аравийский залив, чтобы, спасшись от рабства и войны, искать нового отечества в дальних краях». Для этого она приказала перетащить корабли волоком из Средиземного моря в Красное, однако её план был сорван петрейскими арабами, которые сожгли египетские корабли. Очевидно, что в случае наличия на Красном море достаточного для эвакуации царской свиты флота или хотя бы пригодной инфраструктуры для строительства относительно крупной эскадры на месте необходимости переправлять корабли волоком не было бы.

Соответственно, для развития торговли с Индией Римской империи требовалось построить значительный по масштабам торговый флот в Красном море. Как свидетельствует Страбон, для Римской империи не составляло труда создать в данном регионе военный флот в несколько сотен кораблей. Так, Элий Галл для похода на Счастливую Аравию построил 80 боевых и 150 транспортных судов (Strab. XVI.4.23). Дональд Уиткомб предполагает, что остатки флота вторжения могли впоследствии использоваться частными моряками для торговли [Whitcomb, 1996, p. 756]. Однако использование военных кораблей в качестве торговых явно невозможно из-за их принципиально разной конструкции: соотношение длины к ширине античных торговых кораблей было в два раза меньше, чем у военных. Кроме того, к торговым кораблям предъявлялись другие требования по продольной прочности и

водонепроницаемости [Петровский, 2020, с. 97]. Можно было бы предположить, что речь идёт о грузовых судах, которые не имели принципиальных отличий от обычных торговых [Там же, с. 133], но, если учесть, что было построено 130 грузовых судов, а по свидетельству самого Страбона Галл «потерял много судов, причем несколько даже погибло вместе с экипажем», число оставшихся кораблей никак не может составлять 120.

Рауль Маклафлин полагает, что римские купцы строили корабли для своих нужд самостоятельно, но использовали при этом возведённые для экспедиции верфи [McLaughlin, 2010, p. 29]. Однако это предположение, как и предыдущее, расходится со словами Страбона о существовании большого торгового флота в Красном море уже на тот момент, когда Галл был перфектом Египта. Если учесть, что эфиопское вторжение в Верхний Египет было в том числе вызвано уходом части римских войск в Аравию, а ответный поход в Эфиопию возглавлял преемник Галла Гай Петроний, выходит, что фраза Страбона относится ко времени до аравийской экспедиции [Парфенов, 2001, с. 61], а значит, упомянутые античным историком корабли никак не могли быть созданы на военных верфях. Скорее представляется вероятной обратная ситуация: верфи, на которых сначала были построены торговые корабли, позднее были использованы для военных нужд. Впрочем, даже если строительство частного торгового флота и флота для экспедиции не были связаны между собой, описанный Страбоном эпизод свидетельствует, что доставка специалистов и материалов для строительства кораблей на Красное море не была каким-то фантастическим событием.

Куда большей сложностью должен был стать поиск достаточно опытных команд для мореплавания в незнакомом районе. Навигация в любом регионе требует хорошего знания местности, а специфика плавания в Индийском океане значительно отличается от специфики плавания в Средиземном море. Трудности для привыкших к навигации вдоль берега моряков могло вызвать плавание в течение нескольких десятков дней в открытом море, опасными были незнакомые берега. Страбон, описывая Аравийскую экспедицию Элия Галла, говорит, что полководец ориентировался здесь на советы набатейского правителя Силлея, который легко обманывал не знавшего местной географии полководца (Strab. XVI.4.23). Уже имевший опыт плаваний в Индии автор «Перипла Эритрейского моря» предупреждает о таких опасностях индийского берега, как неудобное течение и рельеф дна (Peripl. Mar. Eryth. 40), трудный для прохождения залив (Peripl. Mar. Eryth. 43), сильные приливы (Peripl. Mar. Eryth. 45–46) и пираты (Peripl. Mar. Eryth. 53).

Уже во времена Октавиана римские граждане как собственно римского, так и восточного происхождения, активно участвовали в индийской торговле. Об этом свидетельствует появление на остраконах в Коптосе римских имён: Тиберий Клавдий Агафокл, Гай Юлий Вакхил, Гай Норбан, Луций Тит Прим [Marek, 1993, S. 137]. С другой стороны, находки римских монет в Индии указывают на преобладание среди торговцев провинциалов: в них встречается серебро гораздо более низкого качества, чем в циркулировавших в центральных районах империи [Абрамзон, 1995, с. 52]. Разумно предположить, что в первое время проводниками и учителями римлян выступали более опытные купцы. Если обратиться к результатам раскопок в поселении Арикамеду на западном побережье Индии, можно заметить, что средиземноморские по происхождению вазы появляются в этом месте ещё в I веке до н. э., а возможно и раньше [Begley, 2004, p. 515]. Более поздняя римская керамика частично имитирует ранее популярные в этом поселении вазы с острова Кос в Эгейском море, что может указывать на связь римлян с предыдущим поколением торговцев [Begley, 1993, p. 102].

Наиболее вероятным представляется набор команд для многочисленных торговых судов из плававших ранее в Индию птолемеевских моряков, которые вряд ли бы стали отказываться от прибыльного занятия со сменой власти в Египте. С другой стороны, команды на античных торговых судах были малочисленными и составляли 4–6 человек [Петровский, 2020, с. 55], то есть если бы в качестве опытных проводников не плававшие в Индию купцы брали бы только египтян, для упоминаемого Страбоном шестикратного роста числа кораблей потребовалось бы задействовать всех опытных моряков так, чтобы на каждом корабле оказалось бы не более

одного опытного моряка, причём даже это было бы возможно, только если предположить, что численность команд в Красном море была бы выше средней. Потому, разумным выглядит предположение, что среди проводников римлян были не только египтяне, но и купцы из других регионов.

Наиболее вероятными кандидатами на эту роль представляются набатеи, но следует отметить, что все доводы в пользу их роли в становлении индо-римской торговли являются косвенными. Как отмечалось выше, ещё во II веке до н. э. набатеи обладали собственным флотом, составлявшим конкуренцию египетскому. Позднее, во время похода Элия Галла в Счастливую Аравию, римский префект воспользовался помощью именно набатеев, а не египтян, то есть они воспринимались римлянами как хорошие проводники. В середине I века н. э. арабские кормчие и члены команд не считали чем-то зазорным наниматься в другие страны. Так, в «Перипле Эритрейского моря» упоминается, что именно арабы составляли большинство кормчих в Рапте (Peripl. Mar. Eryth. 16). Набатейцы были среди купцов, торговавших в Кусейр аль-Кадиме, который современные учёные отождествляют с Миос-Гормосом, основным центром индо-римской торговли во времена Августа [Whitcomb, 2006, p. 749]. Арабом по происхождению был Лис, раб известного по Плинию Старшему откупщика пошлин с Красного моря Анния Плокама (Plin. Hist. VI, 104), упомянутый на датируемой 5 или 6 годом н. э. табличке, найденной в Беренике [Ельницкий, 1958, с. 220]. В этой связи утверждение Страбона, что грузы, доставлявшиеся раньше через Левке Коме, теперь следуют маршрутом через Миос-Гормос и Копт, может означать и то, что сменили свой «порт приписки» и жившие в Левке Коме купцы.

Заключение

Таким образом, уже в первые годы римского правления в Египте были достигнуты значительные масштабы торговли с Индией. Развитие торговли сопровождалось дипломатической активностью, к Августу прибывали послы как из северной Индии, так и из южноиндийского государства Пандья. География относящихся к периоду Октавиана Августа археологических находок в Индии ещё шире и охватывает также восточное побережье страны, что подтверждается свидетельствами Страбона. Подъёму торговли через Египет способствовали конфликты в Месопотамии, а также сам факт присоединения Египта к Римскому государству, прекративший агрессивную конкуренцию египетских и набатейских купцов. Кроме того, положительно сказалось на торговле развитие инфраструктуры в Восточной пустыне. В то же время связь между аравийской экспедицией Галла и подъёмом торговли представляется неочевидной: экспедиция не способствовала изменению торговых маршрутов, не устранила конкурентов, неправдоподобным выглядят предположения об использовании в торговле с Индией кораблей экспедиции или верфей, построенных для её организации. На начальном этапе индо-римской торговли торговые отношения проходили в основном через Миос-Гормос, однако могли использоваться и другие порты. Строительство в короткий срок многочисленного торгового флота представляется возможным, однако для того, чтобы плавать на Восток, необходимы были опытные команды, которые могли набираться не только из птолемеевских моряков, но и из набатеев.

Список литературы

- Абрамзон М.Г. 1995. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. Москва, Институт археологии РАН, 656 с.
- Бокщанин А.Г. 1966. Парфия и Рим. Т. 2. Москва, Издательство МГУ, 305 с.
- Бухарин М.Д. 2007. Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря»: текст, перевод, комментарий, исследования. Санкт-Петербург, Алетейя, 440 с.
- Бухарин М.Д. 2009. Аравия, Восточная Африка и Средиземноморье: торговые и историко-культурные связи. Москва, Восточная литература, 375 с.

- Ельницкий Л.А. 1958. По страницам новых публикаций и исследований. *Вестник древней истории*. Вып. 1(53): 219–221.
- Моммзен Т. 1997. История Рима. Т. 4. Ростов-на-Дону, Феникс, 640 с.
- Парфенов В.Н. 2001. Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. Санкт-Петербург, Алетейя, 278 с.
- Пейн Л. 2017. Море и цивилизация. Мировая история в свете развития мореходства. Москва, Издательство АСТ, 832 с.
- Петровский В.М. 2020. Греческие торговые суда от архаики до эллинизма: дисс. ... к. и. н. Саратов, 204 с.
- Хвостов М.М. 1907. История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. Х. – 284 г. по Р. Х.). Казань, Типо-литография Императорского университета, 479 с.
- Хенниг Р. 1961. Неведомые земли. Т. 1. Москва, Издательство иностранной литературы, 515 с.
- Шеркова Т.А. 1991. Египет и Кушанское царство (торговые и культурные контакты). Москва, Наука, 192 с.
- Шифман И.Ш. 2007. Набатейское государство и его культура. Санкт-Петербург, Издательство Санкт-Петербургского университета, 208 с.
- Шумовский Т.А. 1959. Арабское мореплавание до ислама. В кн.: Страны и народы Востока. Москва, Издательство восточной литературы: 162–193.
- Begley V. 1993. New Investigations at the Port of Arikamedu. *Journal of Roman Archaeology*. 6: 93–108.
- Begley V. 2004. The Dating of Arikamedu and its Bearing on the Archaeology of Early Historical South India. In: *South Indian Horizons*. Pondichéry: Institut Français de Pondichéry, École française d'Extrême-Orient: 513–537.
- Bivar A.D.H. 2000. The political History of Iran under Arsacids. In: *The Cambridge history of Iran*. Vol. 3(I): The Seleucid, Parthian and Sasanian Period. Cambridge, Cambridge University Press: 21–99.
- Claudii Ptolemaei Geographia. 1845. Ed. C.F.A. Nobbe. Т. 3. Lipsiae, Sumptibus et typis Caroli Tauchnitii, 207 с.
- C. Plini Secundi Naturalis historiae libri XXXVII. 1875. Post Ludovici Iani obitum recognovit et scripturae discrepantia adiecta iterum edidit Carolus Mayhoff. Vol. 1. Lipsiae, B.G. Teubneri, 555 с.
- Dio's Roman History. In 9 vol. 1955. Vol. VI. London, W. Heinemann, 492 p.
- Gage J. 1935. Res gestae divi Augusti ex monumentis Ancyrano et Antiocheno latinis, Ancyrano et Apolloniensi graecis. Paris, Les Belles Lettres, 210 p.
- Francis P. Jr. 2001. Final Report on Arikamedu, India. *The Margaretologist: The Journal of the Center for Bead Research*. Vol. 13. 2: 1–12.
- Marek Chr. 1993. Die Expedition des Aelius Gallus nach Arabien im Jahre 25 v. Chr. *Chiron*. 23: 121–156.
- McLaughlin R. 2010. Roma and the Distant East. Trade Routes to the Ancient Lands of Arabia, India and China. London, Continuum UK, 236 p.
- Meredith D. 1953. Annius Plocamus: Two Inscriptions from the Berenice Road. *Journal of Roman Studies*. 43: 38–40.
- Müller K. 1855. *Geographi graeci minores*. Parisiis, A. Firmin-Didot, 577 p.
- Pauli Orosii Historiarum adversum paganos libri VII. 1889. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, 371 p.
- Sidebotham S.E. 1986. Roman Economic Policy in the Erythra Thalassa 30 BC-AD 217. Leiden, E.J. Brill, 226 p.
- Strabonis Geographica. 1877. Recognovit Augustus Meineke. Т. I (1–6). Lipsiae, Sumptibus et typis B.G. Teubneri, 396 p.
- Strabonis Geographica. 1877. Recognovit Augustus Meineke. Т. II (7–12). Lipsiae, Sumptibus et typis B.G. Teubneri, 398–814.
- Strabonis Geographica. 1898. Recognovit Augustus Meineke. Т. III (13–17). Lipsiae, Sumptibus et typis B.G. Teubneri, 816–1238.
- Warmington E.H. 1928. The Commerce between the Roman Empire and India. Cambridge, The University Press, 417 p.
- Wheeler R.E.M. 1954. Rome beyond the Imperial Frontiers. London, George Bell and Sons, 192 p.
- Whitcomb D.S. 1996. Quseir al-Qadim and the Location of Myos Hormos. *Topoi*. Vol. 6/2: 747–772.
- Young G.K. 2001. Rome's Eastern Trade. International Commerce and Imperial Policy, 31 BC-AD 305. London, Routledge, 320 p.

References

- Abramzon M.G. 1995. Monety kak sredstvo propagandy ofitsial'noy politiki Rimskoy imperii [Coins as a Means of Propaganda of the Official Policy of the Roman Empire]. Moskva, Institut arkheologii RAN, 656 p.
- Bokshchanin A.G. 1966. Parfiya i Rim [Parthia and Rome]. T. 2. Moskva, Izdatel'stvo MGU, 305 p.
- Bukharin M.D. 2007. Neizvestnogo avtora «Peripl Eritreyskogo morya»: tekst, perevod, kommentariy, issledovaniya [By an Unknown Author, “The Periple of the Eritrean Sea”: Text, Translation, Commentary, Research]. Sankt-Peterburg, Aleteyya, 440 p.
- Bukharin M.D. 2009. Araviya, Vostochnaya Afrika i Sredizemnomor'e: torgovye i istoriko-kul'turnye svyazi [Arabia, East Africa and the Mediterranean: Trade, Historical and Cultural Ties]. Moskva, Vostochnaya literatura, 375 p.
- El'nitskiy L.A. 1958. Po stranitsam novykh publikatsiy i issledovaniy [According to the Pages of New Publications and Research]. *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of Ancient History]. Vyp. 1(53): 219–221.
- Mommsen T. 1895. The History of Rome. Vol. IV. New York, Charles Scribner's Sons, 532 p.
- Parfenov V.N. 2001. Imperator Tsezar' Avgust: Armiya. Voyna. Politika [Emperor Caesar Augustus: The Army. War. Politics]. Sankt-Peterburg, Aleteyya, 278 p.
- Paine L. 2013. The Sea and Civilization. A Maritime History of the World. New York, Knopf Doubleday Publishing Group, 784 p.
- Petrovskiy V.M. 2020. Grecheskie torgovye suda ot arkhaiki do ellinizma [Greek Merchant Ships from the Archaic to Hellenism]: diss. ... k. i. n. Saratov, 204 p.
- Khvostov M.M. 1907. Istoriya vostochnoy torgovli greko-rimskogo Egipta (332 g. do R. Kh. – 284 g. po R. Kh.) [The History of the Eastern Trade of Greco-Roman Egypt (332 BC – 284 AD)]. Kazan', Tipolitografiya Imperatorskogo universiteta, 479 p.
- Henning R. 1944. *Terrae incognitae*. B. 1. Leiden, E. J. Brill, 462 p.
- Sherkova T.A. 1991. Egipet i Kushanskoe tsarstvo (torgovye i kul'turnye kontakty) [Egypt and the Kushan Kingdom (Trade and Cultural Contacts)]. Moskva, Nauka, 192 p.
- Shifman I.Sh. 2007. Nabateyskoe gosudarstvo i ego kul'tura [The Nabataean State and its Culture]. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 208 p.
- Shumovskiy T.A. 1959. Arabskoe moreplavanie do islama [Arab Navigation before Islam]. V kn.: Strany i narody Vostoka [Countries and Peoples of the East]. Moskva, Izdatel'stvo vostochnoy literatury: 162–193.
- Begley V. 1993. New Investigations at the Port of Arikamedu. *Journal of Roman Archaeology*. 6: 93–108.
- Begley V. 2004. The Dating of Arikamedu and its Bearing on the Archaeology of Early Historical South India. In: *South Indian Horizons*. Pondichéry: Institut Français de Pondichéry, École française d'Extrême-Orient: 513–537.
- Bivar A.D.H. 2000. The political History of Iran under Arsacids. In: *The Cambridge history of Iran*. Vol. 3(I): The Seleucid, Parthian and Sasanian Period. Cambridge, Cambridge University Press: 21–99.
- Claudii Ptolemaei Geographia. 1845. Ed. C.F.A. Nobbe. T. 3. Lipsiae, Sumptibus et typis Caroli Tauchnitii, 207 c.
- C. Plini Secundi Naturalis historiae libri XXXVII. 1875. Post Ludovici Iani obitum recognovit et scripturae discrepantia adiecta iterum edidit Carolus Mayhoff. Vol. 1. Lipsiae, B.G. Teubneri, 555 c.
- Dio's Roman History. In 9 vol. 1955. Vol. VI. London, W. Heinemann, 492 p.
- Gage J. 1935. *Res gestae divi Augusti ex monumentis Ancyrano et Antiocheno latinis, Ancyrano et Apolloniensi graecis*. Paris, Les Belles Lettres, 210 p.
- Francis P. Jr. 2001. Final Report on Arikamedu, India. *The Margaretologist: The Journal of the Center for Bead Research*. Vol. 13. 2: 1–12.
- Marek Chr. 1993. Die Expedition des Aelius Gallus nach Arabien im Jahre 25 v. Chr. *Chiron*. 23: 121–156.
- McLaughlin R. 2010. *Roma and the Distant East. Trade Routes to the Ancient Lands of Arabia, India and China*. London, Continuum UK, 236 p.
- Meredith D. 1953. Annius Plocamus: Two Inscriptions from the Berenice Road. *Journal of Roman Studies*. 43: 38–40.
- Müller K. 1855. *Geographi graeci minores*. Parisiis, A. Firmin-Didot, 577 p.
- Pauli Orosii Historiarum adversum paganos libri VII. 1889. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, 371 p.
- Sidebotham S.E. 1986. *Roman Economic Policy in the Erythra Thalassa 30 BC-AD 217*. Leiden, E.J. Brill, 226 p.

- Strabonis Geographica. 1877. Recognovit Augustus Meineke. T. I (1–6). Lipsiae, Sumptibus et typis B.G. Teubneri, 396 p.
- Strabonis Geographica. 1877. Recognovit Augustus Meineke. T. II (7–12). Lipsiae, Sumptibus et typis B.G. Teubneri, 398–814.
- Strabonis Geographica. 1898. Recognovit Augustus Meineke. T. III (13–17). Lipsiae, Sumptibus et typis B.G. Teubneri, 816–1238.
- Warmington E.H. 1928. The Commerce between the Roman Empire and India. Cambridge, The University Press, 417 p.
- Wheeler R.E.M. 1954. Rome beyond the Imperial Frontiers. London, George Bell and Sons, 192 p.
- Whitcomb D.S. 1996. Quseir al-Qadim and the Location of Myos Hormos. Topoi. Vol. 6/2: 747–772.
- Young G.K. 2001. Rome's Eastern Trade. International Commerce and Imperial Policy, 31 BC-AD 305. London, Routledge, 320 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 16.12.2025

Received 16.12.2025

Поступила после рецензирования 14.02.2026

Revised 14.02.2026

Принята к публикации 16.02.2026

Accepted 16.02.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Васильков Никита Владиславович, аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0005-0177-8011](https://orcid.org/0009-0005-0177-8011)

Nikita V. Vasilkov, Postgraduate Student, Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Василькова Екатерина Евгеньевна, ассистент кафедры английского языка и методики преподавания, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0005-7100-0010](https://orcid.org/0009-0005-7100-0010)

Ekaterina E. Vasilkova, Assistant of the Department of English Language and Teaching Methods, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94 (37)

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-1-51-58

EDN CZBYNP

Оригинальное исследование

Современные исследования римского культа Сильвана в Паннонии и Далмации: накопление и анализ данных эпитафии

Крыжановский Ф.А.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Россия, 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14

E-mail: teodor21@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются достижения историографии XXI в. в области изучения эпитафических памятников, отражающих культ римского бога Сильвана в Паннонии и Далмации. Анализируются наблюдения специалистов о социальном положении его почитателей, интерпретации ряда надписей, выявленные эпитеты божества и случаи совместного его почитания вместе с другими персонажами римской мифологии. Автор делает вывод о том, что в современных исследованиях названной проблематики можно выделить следующие подходы к рассмотрению письменных источников в единстве с вещественными: статистический анализ, дающий разнообразные количественные показатели; текстологический и филологический анализ эпитафических памятников, дополненный изучением связанных с ними рельефов; иконографический анализ сопутствующих изображений. Отмечается, что наиболее дискуссионными являются результаты в области реконструкций текста надписей, а также поиск ответов на вопрос о том, автохтонным или пришлым являлся исследуемый культ для данной территории.

Ключевые слова: надписи, памятник, божество, эпитет, романизация

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Крыжановский Ф.А. 2026. Современные исследования римского культа Сильвана в Паннонии и Далмации: накопление и анализ данных эпитафии. *Via in tempore. История. Политология.* 53(1): 51–58. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-51-58. EDN: CZBYNP

Modern Research on the Cult of Silvanus in Pannonia and Dalmatia: Accumulation and Analysis of Epigraphic Data

Fedor A. Kryzhanovskii

P.G. Demidov Yaroslavl State University,
14 Sovetskaya St., Yaroslavl 150003, Russia

E-mail: teodor21@mail.ru

Abstract: The article discusses developments in the 21st-century historiography in the sphere of research into epigraphic monuments reflecting the cult of the Roman god Silvanus in Pannonia and Dalmatia. The analysis covers findings of specialists on the social status of his worshippers, interpretations of several inscriptions, identified epithets of the deity, and instances of worshipping him alongside other personas in Roman mythology. The author comes to the conclusion that modern research into the given range of problems distinguishes the following approaches to studying the artefacts and manuscripts: statistical analysis, which provides a variety of qualitative indicators; textual and philological analysis of epigraphic monuments supplemented by the study of the reliefs to which the inscriptions are related, and iconographic analysis of the visual sources. It is noted that major controversy is caused by the results of inscription text reconstruction, as well as the search of answers to the question whether the cult was autochthonous or adventitious to the given territory.

Keywords: inscription, monument, deity, epithet, romanization

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Kryzhanovskii F.A. 2026. Modern Research on the Cult of Silvanus in Pannonia and Dalmatia: Accumulation and Analysis of Epigraphic Data. *Via in tempore. History and political science*. 53(1): 51–58 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-51-58. EDN: CZBYNP

Введение

В первой четверти XXI в. в связи с усилением внимания к изучению римской религии активизировались исследования культа отдельных божеств, в частности культа бога Сильвана – поклонение ему не только в Риме и Италии [Iannelli, 2014; Vanni, 2019; Paukkonen, 2023], но и в Балкано-Дунайском регионе Империи, в частности в Дакии [Arinei, 2013; Curses, Rusu-Bolindet, Petis, Onofrei, 2019], а также в Паннонии и Далмации, – последние и являются предметом историографического анализа данной статьи. За период 2009–2023 гг. издано две монографии и тринадцать статей, посвященных почитанию Сильвана в Паннонии и Далмации, – это исследования Любицы Перинич, в том числе в соавторстве с Любицей Васильевич [Perinić Muratović, 2009; Perinić, 2015, 2017, 2020, 2023; Vasiljevic, Perinić, 2021], Сильвии Бекавац [Bekavac, 2011], Крешимира Вуковича и Даниеля Храсте [Vuković, Hraste, 2011], Даниеля Дзино [Dzino, 2012], Ненада Камби [Cambì, 2013], Йосипы Лулич [Lulić, 2014], Ивана Матиевича [Matijević, 2015], Тибора Грюля [Grüll, 2019]. Кропотливое исследование Михая Лоранда Деспы освещает региональные аспекты данного культа [Deszpa, 2012]. Основательный каталог эпиграфики, снабженный обобщающими главами о Сильване и развитии его культа, принадлежит авторству Любицы Перинич [Perinić, 2016]. При значительном количестве новых исследований сохраняет свое значение монография Питера Дорси, которая к настоящему моменту остается единственным многосторонним исследованием истории культа Сильвана [Dorsey, 1992].

Поскольку основу источниковой базы изучения культа Сильвана составляют надписи, необходимо суммировать и охарактеризовать накопленные достижения их изучения специалистами, что и является задачей данной статьи.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является комплекс достижений историографии первой четверти XXI в. по обобщению и анализу имеющегося эпиграфического материала, отражающего поклонение богу Сильвану в римских провинциях на Балканах – Паннонии и Далмации.

Методология исследования базируется, прежде всего, на системном анализе, который позволяет свести воедино полученные результаты изучения эпиграфических памятников в обозначенных провинциях Римского государства, а также методах исторической компаративистики, дающих основание для выяснения подходов к их изучению на территории Паннонии и Далмации и сравнения полученных данных в разных регионах империи.

Результаты и их обсуждение

Количество надписей и категории дарителей. Темы, связанные с историей поклонения Сильвану, занимают значительное место в научных разработках хорватской исследовательницы Л. Перинич. На основании подсчета образцов эпиграфики она пришла к выводу, что культ Сильвана был наиболее популярен в Италии, а также в Верхней Паннонии, Дакии, Далмации и Нижней Паннонии. Судя по количеству найденных надписей, Сильван был вторым по популярности божеством в Паннонии, уступая Юпитеру. Основная часть посвящений Сильвану находилась в главных городах Верхней и Нижней Паннонии. 50 % надписей из Карнунтума анонимны, при этом количество дарительниц составляет 7,6 %.

Т. Грюль приводит данные по Аквинкуму, где обнаружено 11 % анонимных надписей и 11 % подношений от имени женщин [Grüll, 2019, p. 1]. Перинич в статье о дарственной надписи, обращенной к этому богу в качестве покровителя домашнего хозяйства (“Domesticus”) и обнаруженной в городе Винковцы, отметила, что в целом в Паннонии было найдено 257 надписей и 36 рельефных памятников в честь этого божества (10 % из них сделаны от имени дарительниц [Perinić Muratović, 2009, p. 176]), в то время как в Далмации наблюдалась противоположная ситуация – 76 надписей и 81 памятник [Perinić Muratović, 2009, p. 170]. В правление Септимия Севера (193–211) количество надписей возросло. Их число было меньшим до периода династии Северов, вероятно, из-за того, что такие крупные города, как Аквинкум, Бригетийон и Карнунтум были разрушены в годы Маркоманских войн (166–180 гг.). При Септимии надписи в честь Сильвана встречались там наиболее часто. Во II в. наблюдался рост числа публичных надписей, однако в середине III в. общее число эпиграфики постепенно сокращалось, начиная с правления Александра Севера вплоть до Диоклетиана [Perinić Muratović, 2009, p. 172]. В целом в регионе военные принесли в дар до 23 % имеющихся надписей, посвященных Сильвану, а гражданские лица – 52 %. Надписи неопределенной категории дарителей составляют 25 % [Perinić Muratović, 2009, p. 178]. Перинич обращает внимание на то, что почти 50 % надписей в честь Сильвана из Паннонии происходят из г. Карнунтум, где находилось святилище в честь этого божества. Количество надписей от гражданских лиц вдвое превышает количество от военных [Perinić Muratović, 2009, p. 177].

В процессе изучения монумента III в. н. э. из хорватского города Трили найдена дарственная надпись буцинатора [Perinić, 2017, p. 347–348]. В районе Ридита обнаружено 11 надписей, посвященных Сильвану, а также 5 рельефных памятников, на одном из которых имеется надпись. Почитатели Сильвана редко указывали свою профессию или социальный статус в обетных надписях. Те, кто считал необходимым их записать, были солдатами, а также, в небольшом числе, авгурами и декурионами [Perinić, p. 56–57].

Как отмечает Сильвия Бекавац, в Салоне была найдена надпись в честь Сильвана, сделанная от имени Евкапия. Вполне возможно, что он был греком [Bekavac, 2011, S. 153]. Как и в других землях Империи, к нему усердно обращались рабы (CIL III. 8684). В районе Салоны обнаружены 24 надписи, посвященные Сильвану, при этом местное происхождение дарителя можно с уверенностью установить только по одному памятнику [Bekavac, 2011, S. 155–157]. Возведение нимфея в честь императора Траяна в Салоне, особым образом посвященного Сильвану, подтверждается надписью, в которой упомянуты раб (“Ser(vus)”) Сервий и казначей (“dispens(ator)”) Амандиан (CIL III. 8684) [Bekavac, 2011, S. 160–161].

Согласно данным, обобщенным Й. Лулич, на территории Римской империи обнаружено около 1 100 надписей, выполненных с 39 г. до н. э. по 339 г. н. э., в которых упоминался Сильван. Их наибольшее количество было найдено в Италии (около 50 % из 1 100), а также в Паннонии, Далмации и Дакии. Наибольшее количество надписей зафиксировано в самом Риме, что, возможно, было связано с ностальгией по сельской жизни [Lulić, 2014, p. 38–39].

В Далмации, по сведениям Д. Дзино, известно более 160 надписей и изображений, посвященных Сильвану I–IV вв., при этом большинство из них относятся к II–III вв. Надписи в Далмации были выполнены, за редким исключением, только от имени местных мирных жителей. Лишь немногие из них можно считать посвящениями от воинов. В основном дарители были свободнорожденными далматами, однако несколько надписей отнесены к рабам (CIL 3.8684), вольноотпущенникам и воинам [Dzino, 2012, p. 264].

Как отмечает И. Матиевич, о культуре Сильвана в Далмации свидетельствуют 76 надписей за I–III вв. (он, в отличие от Дзино, не подсчитывал надписи IV в. и изображения, поэтому цифры у них разнятся). В 7,1 % надписей в честь Сильвана данного региона от указанного Матиевичем их числа в качестве посвятителей упоминаются солдаты [Matijević, 2015, S. 27]. По наблюдениям Н. Паукконена, посвящений от простых солдат Сильвану представлено больше, чем надписей в честь Митры, широко известного «воинского» божества [Paukkonen, 2023, p. 98].

Таким образом, активно примененный исследователями статистический метод, давший количественные показатели почитания Сильвана в Паннонии и Далмации, распределения по категориям его дарителей, позволил специалистам прийти к обоснованному выводу, что в названных провинциях данный культ был распространен в основном среди римских воинов и рабов.

Интерпретации надписей. Обращаясь к заглавной теме одной из публикаций Перинич, считаем необходимым процитировать текст надписи на алтаре из Винковцов: “*Silvano / Domesticus / Fl(avius) Ingenu(us)*”. Перинич высказывает предположение о том, что даритель, Флавий Ингений родился в семье рабов, получивших освобождение от семьи, чьим номеном был *Flavius* [Perinić Muratović, 2009, p. 176]. Сад рядом с домашним хозяйством, в котором была найдена надпись, находился на краю города, недалеко от западной части крепости. В выборе этого местоположения для алтаря можно увидеть знак почтения Сильвану, в том числе и как хранителю границы [Perinić Muratović, 2009, p. 179].

В другой статье, выполненной Л. Перинич совместно с Л. Васильевич, отмечается, что в ходе раскопок в сербском городе Ужице были найдены два алтаря, посвященные Сильвану. На первом, изготовленном из известняка, была оставлена следующая надпись: “*Lib(ero) P(atri) C()* | *T. Aur(elius) Ni|grinus | sac(rum) p(ro) p(atre)*”. На мраморном же записаны такие слова: “*L(ibero) P(atri) Cap()* | *T. Aur(elius) Pro| vincialis | ob honor(em) | II viratus | v(otum) s(olvit) l(ibens) m(erito)*”. Несмотря на то, что надписи обращены к Либеру, существует предположение о том, что под этим именем подразумевается Сильван из-за большой доли сходства между этими персонажами римской мифологии, которая может доходить до слияния их образов. На рельефе II–III вв. Сильвана из Приеполе можно увидеть посвящение: “*S(ilvano) A(u)g(usto) | Mercurius | argenti | actor v(otum) l(ibens) p(osuit)*”. Возможно, даритель по имени Меркурий был земледельцем и скотоводом. Однако Васильевич и Перинич считают вероятным и то, что он мог быть управителем серебряных рудников [Vasiljević, Perinić, 2021, p. 102–103].

По мнению Д. Дзино, представляется интересным то, что в эпиграфике Далмации часто встречается сокращение “*SVS*”. К настоящему моменту не сложилось единой его расшифровки. Его можно прочесть как “*S(ilvano) V(otum) S(olvit)*”. Также есть предположения о том, что “*v*” может быть обозначением для термина “*vilicus*” или же для “*viator*” [Dzino, 2012, p. 264–265].

Остановившись на примерах почитания божества в Нижней Паннонии, М. Деспа отмечает, что в конце I в. н. э. в Аквинкуме были сделаны три надписи от имени воинов IV Флавиева легиона. Две из них связаны с исполнением обетов префекта лагеря, Л. Невия Кампануса. На землях Верхней Паннонии, в Аррабоне, были обнаружены две надписи в честь Сильвана. Для каждой из них характерна плохая сохранность. В первой надписи можно прочесть следующий текст: “*SIVNO/VALILM/SLVT/VOTUM/LBMRN*” (AE 1979, 481). Деспа предлагает следующий вариант прочтения: “*Si(l)v(a)no/V(i)atori A(u)g(usto) L I L M/s(o)lv(i)t/ votum/ l(i)b(ens) m(e)r(ito)*”. Во втором случае надпись выполнена на алтаре (RIU 1, 238). Можно увидеть лишь то, что ее адресатом является Сильван с добавлением его известного эпитета “*Silvestris*”, в то время как имя дарителя сокрыто за инициалами “*L L P*”. В Салоне найден алтарь с надписью, свидетельствующей о том, что его заказчик, Гай Попилий Экспетит, принес в дар божеству рельеф, после того как Сильван пришел к нему в сновидении: “*Sil(vano) Aug(usto) sac(rum) / C(aius) Popillius [E]xp(eti)tus / ex vis[u]*” (CIL III. 1960). Как отмечает Деспа, эта надпись – единственный пример указания на родовое имя почитателя Сильвана, найденный на территории дунайских провинций [Deszpa, 2012, S. 98; 136–137; 190].

Й. Лулич обращает внимание на рельеф из Данило-Бирани. На нем изображена Диана, убивающая оленя, длинноволосый и бородатый Сильван, поднявший правую руку, в которой он держит некий предмет, а также Меркурий с крылатым петасом на голове, керикеоном и мертвым животным. Рядом расположена надпись: “*D(ianae) et S(ilvano) [et] M(ercurio) Avg(ustis) S(acrum)/G(ai) Honorati ser(vus) p(osuit) l(ibens) m(erito)*”. На основании этих

изображений и надписей Н. Камби приходит к выводу, что в почитание Сильвана, имеющее, на взгляд автора, исконный далматский характер, проникли черты религии римских завоевателей благодаря включению в местный сонм божеств Юпитера и Меркурия [Cambi, 2013, S. 19–23].

Согласно подсчетам Лулич, на восьми рельефах Сильвана из Далмации присутствуют надписи. Из них семь явственно свидетельствуют о нем как о божестве. Выполнив небольшой экскурс в историю изучения рельефных изображений Сильвана, она указывает на то, что на основе эпиграфики в 1920–1950-е гг. было распространено мнение, что Сильван является автохтонным божеством Иллирии, однако к настоящему моменту дискуссия по данному вопросу остается открытой [Lulić, 2014, p. 38–39].

В целом использование специалистами метода текстологического анализа и филологической критики в сочетании с изучением материальных носителей надписей – при очевидных проблемах реконструкции текста эпиграфических памятников – позволило получить ценные результаты, дающие основания для продолжения дискуссий о происхождении культа Сильвана в балканском регионе.

Эпитеты Сильвана и его патронат. Перинич акцентирует внимание на том, что наибольшее количество надписей в Паннонии после Юпитера было посвящено Сильвану – покровителю домашнего хозяйства [Perinić Muratović, 2009, p. 166]. Об иных сферах его патроната мы можем узнать на основе следующих примеров: Сильвану было посвящено одно из деревьев/растений, без указания его названия (CIL VIII. 27764), и ясень (CIL XII. 103). Почитатель из Нарбонской Галлии посвятил ему тысячу деревьев, (CIL XII. 103), а другой воздвиг ему жертвенник между двумя деревьями (CIL XIII. 1780). Также Сильван благоволил охотникам (“venatores”; CIL III. 13368). В Паннонии на поверхностях, отличающихся от рельефов, имя Сильвана без указания на тот или иной аспект его покровительства записано в 28 % случаев. Помимо эпитета «Домашний» (43 %), число начертаний его лесной ипостаси (“Silvester”) приходится на 11 %, в то время как титул “Augustus” встречается в 5 % случаев. Подобное исчисление приводится и для общего количества памятников, включающего в себя рельефы. Процент надписей с указанием «Домашнего» Сильвана остался без изменений, однако написание имени Сильвана без дополнительных слов, а также добавление к записи его «Лесной» и «Великой» ипостаси возросло на 1 % [Perinić Muratović, 2009, p. 173]. В надписях, выполненных от лица военных (в частности от декурионов), появляется еще один «домашний» эпитет Сильвана – “Custori” [Perinić Muratović, 2009, p. 177]. Одна надпись, связывающая Сильвана с охотой, была найдена в Паннонии – на территории современного Будапешта (CIL III. 13368) [Perinić, 2017, p. 346]. В Паннонии Сильван был более известен под эпитетом “Domesticus”, чем “Silvester”. При этом в Далмации на большинстве памятников, посвященных Сильвану, не указан дополнительный эпитет, или же они были посвящены Сильвану Августу [Perinić, 2020, S. 427]. По наблюдению Т. Грюля, в 43 % надписей от их общего количества в Паннонии Сильван отмечен как “Domesticus”, в то время как примеры посвящения ипостаси “Orientalis”, присутствующей в одном ряду вместе с “Domesticus” и “Agrestis” у Долабеллы в корпусе агрименсоров (Dol. Script. grom. Veteres. 302. 13–19), пока не обнаружены ни в одной из провинций [Grüll, 2019, p. 3].

Как отмечает Бекавац, из 24 надписей Сильвана из Салоны только одна содержит эпитет “Silvestris”, что является характерным для посвящений из Трансдинарского региона, и гораздо реже встречается эпитет “Conservator” [Matijević, 2015, S. 28]. Эпитет “Augustus” встречается в 17 случаях. Эта особенность отличает Салону от Динарского нагорья, где только 2 из 12 надписей содержат данный эпитет. Вероятно, он будет чаще присутствовать в тех землях, где процессы романизации были более интенсивными. Эпитет “Silvestris” встречается только в одной надписи в районе Салоны и на 6 памятниках с Динарского нагорья, это, по мнению Бекавац, подтверждает наблюдение, что в том уголке Альп отчетливо проявился местный характер культа Сильвана, в то время как на побережье заметно сочетание автохтонного верования и римских особенностей [Bekavac, 2011, S. 158]

По наблюдениям К. Вуковича и Д. Храсте, в период Империи Сильван был известен, прежде всего, как защитник скота и пастухов. Об этом можно судить по надписям, выполненным от лица салютариев (CIL V. 2383. 5548; IX. 3421.; X. 1409). Их письменные подношения подтверждают опасность Сильвана для женщин (CIL VI. 576. 579) и повторяют запрет Катона на то, чтобы женщины принимали участие в обрядах в честь данного божества (Cato. Agr. 83) [Hraste, Vuković, 2011, p. 106].

Согласно исследованиям Лулич, в Далмации к Сильвану чаще всего обращались от имени дарителя, без дополнительных слов. При этом одним из наиболее распространенных эпитетов был “Augustus”, а за ним следует “Silvestris”. Только три надписи характеризуют божество как “Domesticus”. “Silvanus communis” известен из единственного посвящения в Салоне (ILJUG 2058). В этой надписи упоминается некий неизвестный бог, а также Сильван с определением “conservator” (AE 1997: 1230). В двух надписях из Данило (ILJUG 175; CIL III. 9867=ILJUG 176) и одной из Босанско-Грахово (CIL III. 14970) он также упоминается как “Me(s)sor” («сборщик урожая») [Dzino, 2012, p. 264]. Из трех наиболее часто встречающихся эпитетов “Augustus” обнаруживается почти исключительно в области Салоны. “Silvestris” преобладает в Райдере и на западе Боснии, в то время как “Domesticus” в этих землях можно заметить намного реже [Lulić, 2014, p. 38].

Т. Грюл фиксирует, что эпитет “Quadriviae” («покровитель перекрестка») пока отмечен только в Карнунтуме. Его можно увидеть на 56 алтарях, которые были расположены на территории святилища Сильвана [Grüll, 2019, p. 4]. Необходимо отметить, что, согласно данным румынских археологов, к настоящему моменту геноним «Близнец» (“Gemini”) по отношению к Сильвану встречается только на его алтаре из селения Вольсиния в Этрурии (CIL XI. 2721) [Cupcea, Rusu-Bolindet, Petis, Onofrei, 2019, p. 159]. В качестве одного из наиболее распространенных эпитетов Сильвана Паукконен упоминает именование “Sanctus”. Гороздо реже встречаются его определения, связанные с природой: “Campester”, “Erbarius”, “Incultus”, а также “Praeses venationis”. “Dendrophorus” можно найти в надписях из Рима и Остии и при этом всегда в объединении с такими божествами, как Кибела и Аттис [Paukkonen, 2023, p. 97–98]. Таким образом, упомянутые эпитеты божества, обнаруженные на землях Этрурии, Рима и Остии, не зафиксированы на памятниках, найденных в Паннонии и Далмации.

Совокупные наблюдения исследователей на основе применения количественных подсчетов и эпиграфических методов анализа свидетельствуют о том, что главными эпитетами изучаемого божества на территории Паннонии и Далмации были такие его наименования, как “Augustus”, “Silvestris” и “Domesticus”.

Почитание Сильвана вместе с другими божествами. По подсчетам Перинич, на поверхностях, отличающихся от рельефов, совокупность строк о Сильване, выступавшем в паре с иными небожителями и обитательницами лесов, составила 13 %. Подобный подсчет приводится и для общего количества памятников, включающего в себя рельефы. При этом их меньше на 1 % по сравнению с поверхностями без рельефов [Perinić Muratović, 2009, p. 173]. Необычный декоративный сосуд I в. н. э., выполненный в виде существа, в котором сочетаются черты Бэса и Силена, а также присутствует определенное сходство с иконографией Сильвана (впрочем, отрицаемое Перинич [Perinić, 2015, S. 86]), был найден в разграбленной могиле в 1908 г. в хорватской деревне Оклай. Недалеко от него обнаружен циппус с указанием на захоронение пропретора (CIL III. 9833), вероятного владельца этого предмета [Perinić, 2015, S. 80–82]. На монументе III в. н. э. из хорватского города Трили изображен Сильван в окружении трех нимф. На нем присутствует и дарственная надпись буцинатора в честь этих персонажей [Perinić, 2017, S. 347–348]. В деревне Данило были найдены три памятника с посвящением Сильвану Мессору. Перинич полагает, что в данном случае второе имя является тождественным итальянскому сельскому божеству, помощнику Цереры, и никак не связано с традиционным фольклором Далмации [Perinić, 2023, S. 56–57].

По мнению Бекавац, надпись, обнаруженная на полу апсиды раннехристианского храма в хорватской Црквине, также свидетельствует о культе итальянского Сильвана. Об этом можно

судить на основании того, что, кроме него, указаны и римские небожители, входящие в «совет богов» (“consortium deorum”). Должность дарителя, Тита Юния Фауста, “sevir” и “augustalis”, показывает его членство в коллегии, которая следила за почитанием императорского культа. Кроме этой надписи, на территории Салоны была найдена ещё одна, посвящённая Сильвану от имени другого севира [Bekavas, 2011, S. 161–162].

На основании нескольких надписей из Далмации Д. Дзино проводит связь между Сильваном и ещё одним римским божеством плодородия Либером. Сохранилось несколько рельефов с изображениями синкретичного Пана-Сильвана с надписями о посвящении Сильвану (CIL III. 1960; 8306; 8343; 9754; 12790; 13187; 143222; ILJUG 155 (=1640); 261; 1592). Существует предположение, что имена «Видас» и «Тана», упомянутые в надписях, сделанных в Топуско, являются местными именами Сильвана и Дианы, поскольку Сильван был наиболее почитаемым божеством в этой местности, а посвящение Видасу и Тане найдено недалеко от надписей в честь Сильвана. Опираясь на данные эпиграфики, исследователи замечают, что в посвящениях верующие не объединяли Сильвана с другими неримскими божествами [Dzino, 2012, p. 265–268]. На основе надписи, найденной в хорватской местности Клапавица, Камби приходит к выводу, что Сильван был тесно связан с Юпитером, в особенности в стенах одного реконструированного храма, и был главой лесных и водяных нимф (Bd. XXX 1907, 118; IL Jug. 2003) [Cambi, 2013, S. 19]. В швейцарском городе Августе была найдена надпись, объединяющая Сильвана и кельтского бога Суцелла (AE 1926 40) [Lulić, 2014, p. 38], а в дарственных надписях из Паннонии Сильван сочетается почти со всеми богами римского пантеона [Grüll, 2019, p. 1]. Божества переходных состояний (Янус, Меркурий, Приап и Кардея), по данным Паукконена, обычно отсутствуют при упоминании с Сильваном в эпиграфике. По всей вероятности, поклонение Сильвану не получило широкого распространения среди знати из-за бедности «целевой аудитории» его почитателей и обыденного характера этого персонажа по сравнению с таинственными божествами восточных культов [Paukkonen, 2023, p. 105–106].

Дополнение исследователями интерпретации надписей, найденных на территории Паннонии и Далмации, иконографическим анализом дало им основание для вывода, что образ Сильвана объединяли с более известными и «влиятельными» образами богов римского пантеона, в особенности с образами Юпитера, Пана и Либеры, и обращались к Сильвану в молитвах, причисляя к его окружению полубожественных нимф.

Заключение

Таким образом, в исследованиях первой четверти XXI в., предметом изучения которых был культ Сильвана в Паннонии и Далмации, отраженный в данных эпиграфики, можно выделить следующие подходы к рассмотрению надписей в комплексе с вещественным материалом.

1. Статистический анализ, на основании которого оцениваются количественные показатели категорий дарителей, их социальный и профессиональный статус, а также преобладание сфер покровительства Сильвана (Л. Перинич, Т. Грюл, С. Бекавац, Й. Лулич, Д. Дзино, И. Матиевич).

2. Текстологический и филологический анализ данных эпиграфики в сочетании с изучением рельефов, на которых они начертаны (Л. Перинич, Л. Васильевич, М. Деспа, Д. Дзино), – результаты такого подхода являются на данный момент наиболее дискуссионными, в первую очередь в отношении реконструкций текста надписей и ответов на вопрос о том, автохтонным или пришлым являлся исследуемый культ. Вместе с тем обнаруженные в надписях Паннонии и Далмации эпитеты Сильвана пополняют картину его патроната в целом и дают основания – при сопоставлении с другими территориями Римской державы – для выделения региональных специфик.

3. Иконографический анализ источников визуальной информации, сопровождающих надписи (Л. Перинич, С. Бекавац, Д. Дзин, Н. Камби), позволяет проследить, с какими

божествами римского пантеона и полубожественными персонажами античной религии сочетался на изображениях образ Сильвана.

References

- Bekavac S. 2011. Silvanus in Salona. *Vjesnik za arheologiju i povijest dalmatinsku* 104/1: 151–166.
- Cambi N. 2013. Religija Silvana i nimfa u rimskoj Dalmaciji. *Kultovi, mitovi i vjerovanja u Zagori*: S. 15–41.
- Cupcea G., Rusu-Bolindet V., Petis I., Onofrei C. 2019. A Sanctuary of Silvanus in the Rural Territory of Napoca. *Acta Musei Napocensis* 1/56: 147–194.
- Deszpa L.M. 2012. Peripherie-Denken. Transformation und Adaption des Gottes Silvanus in den Donauprovinzen (1. - 4. Jahrhundert n. Chr.). Stuttgart, Franz Steiner, Verlag, 340 S.
- Dorcey P. F. 1992. The Cult of Silvanus: A Study in Roman Folk Religion. Leiden, Brill, 209 p.
- Dzino D. 2012. The Cult of Silvanus: Rethinking Provincial Identities in Roman Dalmatia. *Vjesnik arheološkog muzeja u Zagrebu* 45: 261–279.
- Grüll T. 2019. Silvanus as God of Boundaries in Pannonia. *Land Experience in Antiquity Conference (Tor Vergata University, Roma)*: 1–5.
- Hraste D.N., Vuković K. 2011. Rudra-Shiva and Silvanus-Faunus: Savage and Propitious *Journal of Indo-European Studies* 39: 100–115.
- Lulić J. 2014. Dalmatian Silvanus: A Cognitive Approach to Reinterpretation of the Reliefs Representing Silvanus from Roman Dalmatia. *TRAC 2013: Proceedings of the Twenty-Third Annual Theoretical Roman*: 37–51.
- Matijević I. 2015. Worshipping of Deities by Soldiers in Salona in the Principate Period. *Tusculum: časopis za solinske teme* 8/1: 25–32.
- Paukkonen N. 2023. Cult of Silvanus and Nature. *The Journal of Greco-Roman Studies* 62–3: 87–109.
- Perinić L. 2023. Is it really Silvanus? *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu* 56/1: 55–61.
- Perinić L. 2020. Silvanus' altar from Prozor. *Monumenta marmore aereque perenniora. Zbornik radova u čast Anti Rendiću-Miočeviću*: 424–443.
- Perinić L. 2017. Silvanus' Attribute from the Trilj Monument. *Illyrica antiqua II - in honorem Duje Rendić-Miočević*: 345–355.
- Perinić L. 2016. The Nature and Origin of the Cult of Silvanus in the Roman Provinces of Dalmatia and Pannonia. Oxford, Archaeopress Archaeology, 132 p.
- Perinić L. 2015. Was it Bes-Silvanus? *Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku* 108/1: 79–89.
- Perinić Muratović L. 2009. Observations on the Cult of Silvanus in Pannonia in the Light of the Find of an Altar in Vinkovci. *Contributions of Institute of Archaeology in Zagreb* 26: 165–180.
- Vasiljević L., Perinić L. 2021. Iconographic Representations of Anthropomorphomorphic Silvanus in the Territory of Serbia (Eastern Province of Dalmatia). *Archaeology and Science* 17: 99–111.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 18.10.2025

Received 18.10.2025

Поступила после рецензирования 16.01.2026

Revised 16.01.2026

Принята к публикации 18.02.2026

Accepted 18.02.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Крыжановский Федор Александрович, аспирант кафедры всеобщей истории, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Fedor A. Kryzhanovskii, Postgraduate Student of the Department of General History, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

 [ORCID: 0009-0001-4065-0476](https://orcid.org/0009-0001-4065-0476)

УДК 94 (930.23)

DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-59-69

EDN ETAYKS

Оригинальное исследование

Константинов град: мифологизация столицы

Казаков М.М.

Смоленский государственный университет,
Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4;
E-mail: mmkaz@yandex.ru

Аннотация. Легенда об основании и освящении Константинополя в качестве столицы и нового центра римского мира формировалась на протяжении десятилетий. Процесс мифотворчества относительно Константинополя проходил параллельно с формированием его столичного статуса, который наполнился реальным содержанием лишь к середине V в. В это время настоятельной потребностью становится соединение исторической значимости Константина, прежде всего для христианства, с новой, уже утвердившейся столицей Восточной Римской империи, которая носила его имя. Эту потребность попытались удовлетворить церковные историки Сократ, Созомен и Филосторгий, приписавшие в своих повествованиях основание Константинополя именно как столицы Константину Великому. Однако ни намерение Константина основать новую столицу Римской империи, ни провозгласить ее Новым Римом, ни сделать Константинополь христианской столицей в источниках IV в. не просматривается. Лишь столетие спустя после основания города благодаря упомянутым церковным историкам, которые мифологизировали отдельные исторические факты, эта идея стала внедряться в общественное сознание и после этого прочно закрепилась в исторической литературе.

Ключевые слова: Константинополь, Константин Великий, церковные историки, мифологизация, столица

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Казаков М.М. 2026. Константинов град: мифологизация столицы. *Via in tempore. История. Политология.* 53(1): 59–69. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-59-69. EDN: ETAYKS

The City of Constantine: Mythologization of the Capital

Mikhail M. Kazakov

Smolensk State University,
4 Przhevalsky St., Smolensk 214000, Russia
E-mail: mmkaz@yandex.ru

Abstract. The legend of the foundation and consecration of Constantinople as the capital and new center of the Roman world took shape over decades. The process of myth-making regarding Constantinople developed in parallel with the formation of its capital status, which was filled with real content only by the middle of the 5th century. At that time, there was an urgent need to connect the historical significance of Constantine, primarily for Christianity, with the new, already established capital of the Eastern Roman Empire, which bore his name. Church historians Socrates, Sozomen, and Philostorgius attempted to satisfy this need, attributing in their narratives the foundation of Constantinople as the capital to Constantine the Great. However, neither Constantine's intention to found a new capital of the Roman Empire, nor to proclaim it the New Rome, nor to make Constantinople the Christian capital is discernible in the sources of the 4th century. It was not until a century after the city foundation that this idea began to be introduced into the public consciousness and consequently was firmly entrenched in historical literature, due to the aforementioned church historians, who mythologized some historical facts.

Keywords: Constantinople, Constantine the Great, Church historians, mythologization, capital

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Kazakov M.M. 2026. The City of Constantine: Mythologization of the Capital. *Via in tempore. History and political science*. 53(1): 59–69 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-59-69. EDN: ETAYKS

Введение

Мифотворчество в прошлом и настоящем имеет одну очевидную тенденцию: чем более значимыми являются события и личности, в них участвовавшие, тем большим становится соблазн у потомков наполнить эти события мифами и легендами, а также не просто приукрасить, но возвеличить сами личности, приписывая им деяния, которые они не только не совершали, но даже не имели намерения их совершать. Кроме того, существует еще одна тенденция историописательства – перенесение в прошлое реалий настоящего, то есть его осовременивание, и, напротив, внесение через историю в сознание современников реалий прошлого, зачастую искаженных восприятием самого писателя, его идеологическими и религиозными воззрениями.

Благодатную почву для анализа этих тенденций составляет эпоха Константина Великого, который являлся столь значимой личностью уже в глазах своих современников, что стал объектом мифотворчества еще при жизни. С другой стороны, с появлением церковной историографии борьба вокруг освещения прошлого под тем или иным углом зрения выходит на новый уровень, и, соответственно, события светской и христианской истории становятся не только предметом изучения, но и полем противоборства историков, которые с помощью мифотворчества стремились заполнить лакуны, выполнить социальный заказ и вписать события в собственные мировоззренческие установки.

Объект и методы исследования

В этой связи особый интерес представляет основание Константинополя как одно из значимых событий не только эпохи Константина, но и всеобщей истории. Стоит отметить, что этой теме посвящены сотни исследований в мировой историографии, освещающих разные аспекты этого события². Однако мне не встретилось специальных исследований, посвященных мифотворчеству вокруг основания Константинополя и его ранней истории³, хотя необходимо отметить, что в историографии последних десятилетий сам факт создания таких легенд озвучивается и акцентируется всё чаще⁴.

Объектом исследования является основание Константинополя и превращение его в столицу, а предметом – мифотворчество, связанное с этими историческими процессами.

При проведении исследования использовались следующие методы: историко-генетический (анализ эволюции представлений о статусе Константинополя и постепенного формирования легенды об основании столицы); сравнительно-исторический (выявление сходств и различий в описаниях одних и тех же событий различными авторами); герменевтический (толкование смыслов ключевых понятий – «новый Рим», «второй Рим», «царский город» в разных контекстах); метод внутренней критики источника и контекстуального анализа (выявление противоречий внутри текстов, сопоставление нарративных данных с материальными свидетельствами, оценка умолчаний, учёт историко-политического фона, анализ влияния церковной идеологии на формирование исторической памяти); метод ретроспективной реконструкции (восстановление ранних представлений о

² Обзор исследований последних десятилетий см. Melville-Jones 2014, 247–248.

³ Исследованием мифотворчества вокруг Константина и его деяний, включая в общем контексте и некоторые аспекты, связанные с основанием Константинополя, в последнее время занимался И.Н. Попов, хотя его диссертация посвящена поздним этапам создания мифов: Попов 2009.

⁴ Например, Kaldellis 2020, 221–247.

городе на основе более поздних источников, выявление «слоёв» мифотворчества); институциональный анализ (изучение роли государственных и церковных институтов, анализ взаимодействия светской и религиозной власти); дискурсивный анализ (исследование риторических приёмов и топосов, выявление идеологических шаблонов); метод исторической типологии (сопоставление основания Константинополя с другими примерами градостроительства римских императоров, выделение типичных черт «императорского города»).

Результаты и их обсуждение

Очевидно, что легенда об основании и освящении Константинополя в качестве столицы и нового центра римского мира возникла не сразу, а формировалась на протяжении десятилетий. Основой для нее, с одной стороны, служил развивавшийся в IV–V вв. культ императора Константина, а с другой стороны, процесс мифотворчества относительно Константинополя проходил параллельно с формированием его столичного статуса, который наполнился реальным содержанием лишь к середине V в.

В культе Константина первоначально преобладали традиционные для Римской империи черты, то есть он имел политический характер. При этом и отношение христиан к императору, радикально изменившему положение христианства, также укладывалось в рамки почитания императора как выдающегося исторического и общественного деятеля. Однако следует учитывать, что в Византийской империи образ Константина стал одной из важнейших черт не только политической идеологии, но и общественного сознания. Его политической составляющей можно считать то, что все императоры, восходившие на константинопольский престол, сопоставляли себя с Константином и стремились подражать ему, воспринимая себя его преемниками [Дагрон, 2010, с. 193]⁵. Разумеется, политическая идеология имела христианскую составляющую, что вызывало необходимость представить образ императора в соответствующем свете.

Что касается Константинополя, то столичные черты появлялись у города постепенно и включали в себя к середине V в. следующее: сенат, учрежденный Констанцием II в 357 г. и включавший представителей высшей знати; городского префекта, также учрежденного Констанцием II в 359 г. и отвечавшего за городскую жизнь и порядок в столице; налоговые льготы для населения, выделяемого в особую категорию *populos*, организация зрелищ, хлебных и денежных раздач, что началось частично с Константина, но по большей части с того же Констанция и продолжалось последующими императорами; постоянную императорскую резиденцию со времени триумфального въезда в город императора Феодосия в 380 г. и присутствие императорского двора, включающего родственников и приближенных императора, а также высших государственных чиновников; наличие государственных ведомств (также со времени Феодосия), осуществляющих управление различными сферами жизни страны и состоящих из чиновников высшего и среднего ранга; авторитет столичной церковной кафедры, провозглашенной на Втором Вселенском соборе «новым Римом»⁶. При этом специальных законов, посвященных столичному статусу Константинополя, в Кодексе Феодосия не встречается: в большинстве случаев упоминания Константинополя в законах «светского» содержания ограничиваются словом «Город», и лишь в 424 г. он был осторожно назван «царским городом» (*CTh* 15.1.52: *haec regia urbs*) [Серов, 2006, с. 54–55].

Таким образом, во второй четверти V в. в исторической памяти жителей значительной части Восточной Римской империи и в первую очередь самого Константинополя могло существовать представление о постепенной эволюции города в столицу на протяжении нескольких десятилетий, как это и было на самом деле. Однако такая трактовка имела

⁵ Впервые «новым Константином» был назван император Маркиан в 451 г. в славословиях на IV Вселенском Соборе в Халкидоне. См. Константин 2014, 706–707.

⁶ Третий канон.

некоторую идеологическую ущербность, прежде всего с точки зрения того, какую значимость в глазах потомков стала приобретать личность Константина, что, в свою очередь, было следствием успехов христианизации и утверждения христианства в качестве государственной религии. Очевидно, что сопутствовавшая христианизации теократизация мышления вызвала исключительный интерес общества к истории Церкви [Удальцова, 1982, с. 4]. Причем интерес этот возрастал по мере того, как успехи христианизации становились все более очевидными. Поэтому подлинный расцвет ранней церковной историографии как раз и приходится на первую половину V в., когда основной этап христианизации Римской империи был завершён и успехи Церкви в этом стали совершенно неоспоримыми.

Этот расцвет обычно соотносят с деятельностью настоящей плеяды ранневизантийских церковных историков – Сократа (ок. 380 – ок. 440), Созомена (ок. 400 – ок. 450), Феодорита (393 – ок. 460), Филосторгия (ок. 368 – ок. 439). Предметом изучения для всех названных авторов была христианская церковь как особый религиозный, общественный и исторический феномен, и всех их объединяла одна историко-философская концепция – христианский провиденциализм [Удальцова, 1982, с. 5], а образцом служила Церковная история Евсевия Памфила – основоположника церковной историографии. Соответственно, церковные истории этих писателей начинались с тех событий, которыми завершил свое повествование Евсевий, то есть с середины 320-х годов, когда как раз и развернулась активная деятельность Константина в пользу христианства.

До середины V в. церковноисторические сочинения представляли разные версии, оценки и трактовки жизнеописания императора Константина, не составляя единого устойчивого комплекса [Ващева, 2013, с. 49–50]. В связи с этим настоятельной потребностью становится соединение исторической значимости Константина, прежде всего для христианства, с новой, уже утвердившейся столицей Восточной Римской империи, которая ко всему прочему носила его имя. Эту потребность попытались удовлетворить Сократ (*Socrates Hist. eccl.* I.16) и Созомен (*Sozom. Hist. eccl.* II.3), включившие в свои исторические повествования главу, приписывавшую основание Константинополя именно как столицы Константину Великому. При этом в содержании текстов можно обнаружить целый ряд сходных, а порой идентичных мест. Так, оба историка констатируют, что Константин строил христианские храмы в Константинополе и разрушал памятники язычества; сравнивал Константинополь с Римом «в правах и во власти» и захотел построить «равночестный Риму город» (Созомен), «сравнивал с царственным Римом» (Сократ); называл Константинополь «новым Римом» (Созомен) и «вторым Римом» (Сократ); активно занимался благоустройством города.

В отдельных моментах историки дополняют друг друга. Так, Сократ упоминает о законе, повелевающем называть Константинополь вторым Римом, и говорит, что «закон выбит был на каменном столбе и для всеобщего сведения выставлен на так называемом военном поле близ конной статуи царя». Созомен же приписывает Константину учреждение константинопольского сената с правами и преимуществами, как и у римлян, акцентирует то, что Константинополь стал христианской столицей («почти все перешли в христианство»), говорит о переселении знати в новую столицу и, что следует отметить особо, утверждает, что Константин сделал Константинополь «столицей всех живущих на земле, подвластной Римлянам, – к северу, югу, востоку и Средиземному морю». Заслуживает внимания и приводимый Созоменом эпизод о попытке основания Константином нового города на месте Трои. Стоит заметить и то, что почти половину этой значимой главы Созомен, видимо, для убедительности, дополняет рассказом об исцелении в храме Михаила Архангела своего знакомого Акилина, что должно было, по мнению историка, подчеркнуть его мысль о том, что усердию Константина содействовал сам Бог. Сократ лишь кратко говорит о деяниях Константина, как орудии Божия Промысла.

Вообще в трудах Созомена и Сократа исследователи находят столь много общего, что в литературе давно уже стоит вопрос об их взаимной зависимости [Кривушин, 1998, с. 79–95]. Большинство авторов склонны считать, что Созомен использовал труд Сократа как основу

своего произведения, дополняя и расширяя данные своего предшественника. Являлся ли в данном случае Сократ источником Созомена или оба они одновременно выполняли чей-то социальный заказ, сказать невозможно. Во всяком случае, именно Созомен, как справедливо отмечает Жильбер Дагрон, уместил в этой главе целое столетие истории Константинополя и связал с правлением одного Константина [Dagron, 1974, p. 47].

Дополнительные штрихи в картину основания Константинополя внес арианский церковный историк Филосторгий, который приводит эпизод, как Константина, определявшего границы будущего города, остановил сам Бог. Однако более важное значение имеет упоминание о том, что Константин назвал новый город «Славным Римом», «учредил в нем сенат, назначил для граждан щедрую раздачу годовых хлебных припасов и весь прочий государственный порядок устроил столь великолепно, что Константинополь почетом и славой мог соперничать со старейшим Римом» (Philostorg. *Hist. eccl.* II.9).

Следует отметить, что упомянутые историки – и Сократ, и Созомен, и Филосторгий – создавали свои церковные истории в Константинополе, а вот писавший свой исторический труд на несколько лет позже Феодорит, не будучи связанным со столицей, историю основания Константинополя проигнорировал, хотя использовал сочинения своих предшественников. Это можно считать подтверждением предположения, что описание истории основания Константинополя как столицы и второго Рима Константином было социальным заказом, возможно, со стороны новой столичной знати.

Однако довольно аккуратное внедрение в общественное сознание церковными историками якобы замысла самого Константина Великого основать новую столицу Римской империи хотя и не содержит ничего экстраординарного для восприятия современников, не находит подтверждения в синхронных и близких по времени к этим событиям источниках. Данные об этом либо вообще отсутствуют, либо являются фрагментарными и во всяком случае не дают никаких оснований утверждать, что Константин на месте Византия намеревался устроить Новый Рим. Тем более что объективно в середине 320-х гг. после победы над Лицинием для этого не было оснований – Константин оставался единственным и неоспоримым правителем огромной державы.

В сохранившихся произведениях самого Константина, которые преимущественно представляют собой его письма, включенные в церковные истории упомянутых авторов, нет никаких, даже малейших намеков на его намерение основать новую столицу Римской империи. Вряд ли можно считать убедительным доказательством такого намерения фразу из закона от 1 декабря 334 г.: «город, который мы посвятили Богу под вечным именем»⁷ (*CTh* 13.5.7), потому что словосочетание «aeternitas mea» было довольно обычной формой обращения к себе императоров в эпоху домината [Papadopoulos, 2018, p. 35–36]⁸. Монеты Константина также не содержат ничего, что доказывало бы его намерение сделать Константинополь столицей [Melville-Jones, 2014, p. 248, 251–252].

В дополнение можно отметить, что в период строительства Константинополя в 324–329 гг. Константин не считал новый город удобным даже для временных остановок, и в лучшем случае император просто проезжал мимо «своего» города, никак не выражая своего отношения к нему. После освящения Константинополя Константин стал бывать в своем городе чаще и временами подолгу оставался в нем [Серов, 2006, с. 41], но город фактически являлся одной из императорских резиденций, и какого-либо намерения превратить его во второй Рим ни сам Константин, ни его окружение не выражали.

Это подтверждает самый информативный и важный источник по эпохе Константина Евсевий Памфил, который уделил Константинополю, что можно посчитать удивительным, очень мало внимания. Уже это позволяет полагать, что значение нового города он оценивал

⁷ ...urbis, quam aeterno nomine iubente deo donavimus...

⁸ Так, например, у Аммиана Марцеллина (*Amm. Marc.* XV.1.3) говорится, что Констанций II подписывал императорские документы этой фразой.

совершенно иначе, чем его последователи столетие спустя. Показательно, что историк ничего не говорит о столичном статусе Константинополя, вероятнее всего по той причине, что таковой просто отсутствовал.

В «Похвальном слове Константину», произнесенном 25 июля 335 г. по случаю 30-летия царствования императора, упоминается лишь о том, что он «различными церквями Божьими обрадовал ... одноименный себе город» (Euseb. *Laud. Const.* 9). В «Жизни Константина», панегирическом произведении, которое так и не было завершено до смерти автора в 339/40 г., встречается всего несколько упоминаний о Константинополе.

Так, историк говорит о строительстве храмов⁹ и зданий в честь мучеников и о том, что он «посвятил Богу их и самый свой город», одновременно отмечая меры по истреблению идолопоклонничества (Euseb. *Vit. Const.* III.48). Ниже Евсевий говорит, что «весь одноименный василевсу город наполнен был искуснейшими медными изваяниями, которые почитались священными у всех народов», также были изображения, вылитые из золота и серебра (Euseb. *Vit. Const.* III.54). Вряд ли можно полагать, что эти статуи и изображения могли в большом количестве сохраниться в пришедшем в упадок в III в. Византии. Вероятнее, при строительстве нового города для придания ему соответствующего блеска они были привезены туда из различных городов Римской империи, включая и старый Рим. Поэтому утверждение, что Константинополь задумывался с самого начала как христианская столица в противовес старому языческому Риму [Курбатов, 1984, с. 8], не имеет под собой достаточных оснований. Под христианской столицей Константин понимал не Константинополь, а Иерусалим [Dagron, 1974, с. 389], что представляется вполне логичным в свете внимания самого императора и его матери Елены к местам, связанным с Иисусом Христом.

Стоит отметить, что в конце своего труда о жизни Константина Евсевий употребляет выражение «царский город» – βασιλῆα πόλιν (Euseb. *Vit. Const.* III.63,69)¹⁰. Причем во всех трех случаях речь идет о Риме, что предполагает не только контекст, но также тот факт, что для обозначения Константинополя Евсевий использует оборот «одноименный (императору Константину) город» (Euseb. *Vit. Const.* III.54; IV.58,66). Жители Рима, сообщает историк, претендовали на то, чтобы местом погребения Константина стала старая столица в соответствии с традицией (Euseb. *Vit. Const.* IV.69) [Bonamente, 1988, p. 117]. Поэтому, возможно, решение Константина быть похороненным в «одноименном городе» можно расценивать и как некий скромный шаг в направлении идеи второго Рима, хотя старому Риму предсмертной волей императора были назначены ежегодные дары (Euseb. *Vit. Const.* IV.63).

Любопытно, что в своей «Хронике», которая заканчивается 329 г., Евсевий вообще не упоминает факт основания Константином нового города, а отмечает, что 20-летие царствования Константин устроил сначала в Никомедии, а затем в Риме (Euseb. *Chron.* 326). Впрочем, продолжатель хронологии Евсевия бл. Иероним говорит об освящении Константинополя (Jer. *Chron.* 330) и употребляет довольно замысловатую фразу: Constantinopolis dedicatur, pene omnium urbium nuditate, которая в русском переводе в издании 1880 г. звучит так: «Освящается Константинополь, по обнажении почти всех городов»¹¹. Что понимал автор под этим «обнажением городов», остается неясным. Самым простым объяснением может служить то, что для придания соответствующего блеска своему городу Константин свозил туда статуи и украшения из других городов империи. Однако вряд ли в этом можно усмотреть даже намек на столичный статус Константинополя.

Впервые такой намек встречается только у Евтропия, который пишет о Константине, что тот: «первым начал настолько возвышать город имени своего, что сделал его соперником

⁹ А. Бергер (Berger 2020, 13) не без оснований утверждает, что при Константине в городе не было построено ни одной крупной церкви.

¹⁰ В переводе на русский язык, видимо, для придания стиля в одном случае из трех употребляется словосочетание «царская столица».

¹¹ Хроника бл. Иеронима // Иероним Стридонский. Творения блж. Иеронима Стридонского. В 17 ч. Часть 5. Киев, 1880. С.396.

Рима» (Eutr. X.8.1)¹². Если учесть, что произведение Евтропия датируют 369 или 370 г.¹³ и тот факт, что ко времени написания этого труда в Константинополе уже более десятилетия действовал свой сенат, то такое утверждение можно воспринять как довольно обоснованное, но едва ли его можно отнести ко времени Константина. Тем более что незадолго до этого видными ораторами уже были озвучены некоторые претензии на особый статус Константинополя.

Так, один из выдающихся представителей Константинополя, ритор и политический деятель Фемистий еще в 357 г. сказал, пожалуй, впервые о сходстве статуса Рима и Константинополя [Vanderspoel, 1995, с. 55–56], но при этом его вывод состоял в том, что Константинополь счастлив находиться в слегка подчиненном положении (Them. Or. 3.41c-d, 42 a-d) [Heather and Moncur, 2001, p. 121]. И лишь два десятилетия спустя, ко времени правления Феодосия, отношение Фемистия к Константинополю, по-видимому, изменилось, и он вполне был готов считать два города равными по статусу. Так, в речи в 379 г. он недвусмысленно связывает столицы и говорит о двух метрополисах мира – городов Ромула и Константина (Them. Or. 14.182a).

Другой выдающийся ритор этого времени Либаний не использовал слово метрополис, но в своей переписке довольно часто применял словосочетание «Великий город» в отношении Константинополя с явным намеком на его второе место после Рима¹⁴. Вместе с тем как бы с насмешкой Либаний употребляет выражение «большой город во Фракии» (Lib. Or. 18.177) [Vanderspoel, 1995, p. 57–58]. После возвращения в 354 г. в Антиохию Либаний чаще относился к Константинополю и его жителям саркастически и во всяком случае даже не намекал на его возможное положение как столицы и нового Рима.

Будущий император Юлиан в своем первом панегирике Констанцию, датированном не позднее лета 357 г., говорит о том, что Константинополь настолько же превосходит другие города, насколько его превосходит Рим. Однако Юлиан рассматривает Константинополь именно как второй город после Рима, а не как первый среди остальных (Julian. Or. 1.8c.). Ранее в этой речи Юлиан заявил, что Рим правил всей империей (Julian. Or. 1.5c.), и восточный город, где родился сам Юлиан, является, таким образом, не более чем важным фундаментом.

Историк Аммиан Марцеллин, в 392–393 гг. завершивший свой труд, охватывавший значительную часть событий IV в., упоминает Константинополь около 40 раз, но почти все эти упоминания относятся к городу как географическому пункту. Автор однозначно называет столицей мира (capite mundi) Рим (Amm. Marc. XIV.6.23)¹⁵, и, как кажется, у него не могло возникнуть мысли, что какой-то еще город может претендовать на статус столицы Римской империи¹⁶.

В исследованиях недостаток сведений нарративных источников нередко компенсируют обращением к изображениям, надписям, нумизматике и археологическим источникам, что позволяет пролить свет на некоторые детали. Однако данные материальных источников в исследованиях нового и новейшего времени обычно интерпретировались с точки зрения традиционных взглядов на это событие, формировавшихся в виде различных легенд с середины V века. Также и монеты Константина не содержат ничего, что доказывало бы его намерение сделать Константинополь столицей [Melville-Jones, 2014, p. 248, 252–251].

¹² ...primusque urbem nominis sui ad tantum fastigium evehere molitus est, ut Romae aemulam faceret.

¹³ Основанием для датировки является то, что адресат этого труда Валент получил титул Gothicus Maximus после своей кампании 369 года против вестготов.

¹⁴ Lib. Or. 18.11: «город, после Рима величайший»; Or. 15.36: «каждый из Римов»; Or. 59.94: «величайший из здешних городов и второй после величайшего из всех». См. Серов 2006, 52.

¹⁵ Эпитеты Аммиана по отношению к Риму см.: Cañizar Palacios 2014, 288.

¹⁶ Интересно, что в переводе на русский язык Ю. Кулаковского при участии проф. А. Сонни (Киев, 1906–1908 гг.) в одном из фрагментов (XXVI.5.4) Константинополь назван столицей: «После этого оба брата выступили с войсками и поделили между собой столицы согласно желанию первенствовавшего: Валентиниан направился в Медиолан, а Валент – в Константинополь». В латинском тексте употреблено слово palatio, то есть императорский двор: Et post haec cum ambo fratres Sirmium introissent, diviso palatio, ut potiori placuerat, Valentinianus Mediolanum, Constantinopolim Valens discessit.

Пожалуй, только император Феодосий предпринял конкретные шаги, реально возвышавшие статус Константинополя во всей ойкумене. Инициированный им Константинопольский собор 381 г. провозгласил на весь христианский мир этот город «вторым Римом». И хотя это первоначально не признавалось не только на Западе, но многими церквями Востока, идея еще до конца IV в. стала внедряться в общественное сознание. Вместе с тем важно подчеркнуть, что в начале V в. ее стали ассоциировать не с Феодосием, а с Константином в связи с развитием его культа. Так, в городе существовал алтарь Константина на главном городском форуме, перед которым совершались церемонии¹⁷. В день города статую Константина выносили на ипподром. В городе существовало не менее 9 храмов, посвященных Константину, включая мавзолей внутри комплекса собора св. Апостолов, а могила Константина в храме святых Апостолов почиталась как одна из величайших святынь [Константин, 2014, р. 708].

Следует отметить, что сам факт основания Константином нового города на месте Византия не представлял ничего необычного. Многие правители и до него, и после основывали новые города и называли их своим именем, причем делалось это как в пустых местах, так и на месте ранее существовавших поселений. Константин, как и практически любой правитель огромной державы, был не чужд честолюбия и тщеславия и стремился увековечить память о себе путем строительства города под своим именем, не имея, по всей видимости, намерения сделать его столицей.

Разумеется, у Константина были варианты. Некоторые из таких вариантов сами по себе даже стали предметом дальнейшего мифотворчества. Например, одна из версий основания не просто нового города, но новой столицы имела свои истоки в далеком прошлом, окутанном мифами и легендами, которые связывали основание Рима с Троей. Так, в конце V – начале VI в. Зосим пишет о том, что неподалеку от Илиона в Троаде Константин заложил фундамент и построил часть стены, но потом передумал и отправился в Византий (Zos. 2.30.1). Подобные версии, связывавшие возможность основания нового города на месте Трои, встречаются и у других византийских авторов, которые пытались связать одной легендой оба Рима – Старый и Новый. В поздних источниках упоминается также о том, что Константин думал и о других местах для основания города под своим именем: Сердике, Халкедоне и, возможно, о Фессалонике [Исаас, 2021, р. 24].

Однако Византий был, возможно, самым привлекательным местом, обладавшим несомненными преимуществами ввиду географического положения, о чем свидетельствует его предшествующая история, включавшая помимо всего прочего и незавершенную попытку Септимия Севера расширить и перестроить этот город, пришедший в начале III в. в упадок. Помимо этого, именно Византий был последним опорным пунктом Лициния на европейском континенте накануне окончательной победы Константина 18 сентября 324 г. в сражении при Хрисополе на восточном берегу Босфора, соответственно и дата основания Константинополя 8 ноября 324 г., которую называет Фемистий (Them. Or. 4.58b)¹⁸, кажется вполне правдоподобной.

В литературе приводятся различные версии основания города на месте Византия, восходящие ко времени, когда Константинополь уже был столицей. Высказывалось мнение, что Константин, как это было и накануне битвы у Мильвийского моста в 312 г., имел видение или, во всяком случае, дал обет Богу основать на этом месте столицу в случае окончательной победы над соперником [Константинополь, 2015, с. 139]. У многих византийцев получила признание версия, согласно которой Константин создал в Константинополе постоянную резиденцию на Востоке, приспособленную для осуществления его собственных политических нужд [Серов, 2006, с. 39], и что целью Константина было основать династическую столицу [Dagron, 1974, р. 27–29; Vanderspoel, 1995, р. 52]. Впрочем, наиболее близкой к действительности представляется версия, что главными его мотивами было намерение основать город под своим

¹⁷ О культовых ритуалах, связанных с почитанием Константина, см. Поляковская, Куц 2015, 38–49.

¹⁸ Фемистий соотносит этот день с днем, когда Констанций стал цезарем. См.: Vanderspoel 1995, с. 51.

именем в ознаменование победы над Лицинием и желание дистанцироваться от предыдущих императорских резиденций и от самого Рима, ассоциировавшегося с побежденным Максенцием [Hekster, 1999, p. 744]. Разумеется, никаких сомнений в отношении выбора места не оставляет его стратегическое значение [Dagron, 1974, p. 68–69].

Заключение

Таким образом, источники IV в. не дают оснований утверждать, что Константин основал Константинополь как новую столицу Римской империи и как Новый Рим, да и в дальнейшем ни он, ни его ближайшие последователи не намеревались менять статус старого Рима в пользу нового города [Серов, 2006, с. 42, 46]. Лишь столетие спустя после основания города благодаря церковным историкам, которые мифологизировали отдельные исторические факты, эта идея стала внедряться в общественное сознание. При этом легенда об основании новой столицы именно Константином воспринималась без существенных затруднений ввиду того, что город уже действительно обрел столичный статус, а культ Константина как первого христианского императора достаточно широко распространился. В ходе дальнейшей мифологизации Константиновых деяний легенда об основании новой столицы Римской империи стала дополняться и насыщаться дополнительными деталями в произведениях византийских авторов, что способствовало ее более глубокому проникновению не только в сознание самих византийцев, но и в государственную идеологию, а впоследствии прочно закрепилось в исторической традиции.

Список литературы

- Ващева И.Ю. 2013. Константин Великий: вариации образа в христианских историях поздней античности. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 4(3): 46–58.
- Дагрон Ж. 2010. *Император и священник: Этюд о византийском «цезарепапизме»*. Санкт-Петербург, Филологический факультет СПбГУ: Нестор-История, 480 с.
- Константин. 2014. *Православная энциклопедия*. 36: 671–729.
- Константинополь. 2015. *Православная энциклопедия*. 37: 134–193.
- Кривушин И.В. 1998. Созомен как реинтерпретатор Сократа. *Античная древность и средние века*. 29: 79–95.
- Курбатов Г.Л. 1984. *История Византии (От античности к феодализму)*. Москва, Высшая школа, 207 с.
- Поляковская, М.А., Куш, Т.В. 2015. Культ Св. Константина Великого в византийской дворцовой традиции. *Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени*. 12: 38–49.
- Попов И.Н. 2009. *Историческая память в Византии: представления византийских хронистов VI–XII вв. об эпохе становления христианского царства*. Дисс. ... канд. ист. наук. Москва, Институт всеобщей истории РАН, 327 с.
- Серов В.В. 2006. К проблеме формирования столичного статуса Константинополя. *Византийский временник*. 65(90): 37–59.
- Удальцова З.В. 1982. Церковные историки ранней Византии. *Византийский временник*. 43: 3–21.
- Berger A. 2020. Constantine's City: the Early Days of a Christian Capital. *Studia Ceranea*. 10: 11–29.
- Bonamente G. 1988. Apoteosi e imperatori cristiani. *I Cristiani e l'Impero nel IV secolo*. Macerata, Roma: 107–142.
- Cañizar Palacios J.L. 2014. From vetus Byzantium (Amm. 22.8.8) to URBS REGIA. Representation of Constantinople in Late Roman Empire Laws. *New Perspectives on Late Antiquity in the Eastern Roman Empire*. Cambridge: 280–310.
- Dagron G. 1974. *Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451*. Paris. 578 p.
- Heather P. and Moncur, D. 2001. *Politics, Philosophy and Empire in the Fourth Century: Select Orations of Themistius*. Liverpool. xvii, 361 p.
- Hekster O. 1999. The City of Rome in Late Imperial Ideology: The Tetrarchs, Maxentius, and Constantine. *Mediterraneo Antico*. 2.2: 717–748.
- Isaac B. 2021. From Rome to Constantinople. *Rome: An Empire of Many Nations. New Perspectives on Ethnic Diversity and Cultural Identity*. Ed. by Jonathan J. Price, Margalit Finkelberg and Yuval Shahar. Cambridge: 17–28.

- Kaldellis A. 2020. How Was a ‘New Rome’ Even Thinkable? Premonitions of Constantinople and the portability of Rome. *Leadership and Community in Late Antiquity: Essays in Honour of Raymond Van Dam*. Turnhout: 221–247.
- Melville-Jones J. 2014. Constantinople as “New Rome”. *Byzantina Symmeikta*. 24(1): 247–262.
- Papadopoulos I. 2018. *The Idea of Rome in Late Antiquity*. Leeds. 275 p.
- Vanderspoel J. 1995. *Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty, and Paideia from Constantius to Theodosius*. Ann Arbor. 280 p.

References

- Vascheva I.Yu. 2013. Konstantin Velikii: variatsii obraza v khristianskikh istoriyakh pozdnei antichnosti [Constantine the Great: Variations of the Image in Christian Histories of Late Antiquity]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 4(3): pp. 46–58.
- Dagron G. 2010. Imperator i svyashchennik: Etyud o vizantiiskom «sezarepapizme» [Emperor and Priest: An Essay on Byzantine «Caesaropapism»]. Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU: Nestor-Istoriya, 480 p.
- Konstantin [Constantine]. 2014. *Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]*. 36: pp. 671–729.
- Konstantinopol' [Constantinople]. 2015. *Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]*. 37: pp. 134–193.
- Krivushin I.V. 1998. Sozomen kak reinterpretator Sokrata [Sozomen as a Re-Interpreter of Socrates]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*. 29: pp. 79–95.
- Kurbatov G.L. 1984. *Istoriya Vizantii (Ot antichnosti k feodalizmu) [History of Byzantium (From Antiquity to Feudalism)]*. Moscow, Vysshaya shkola, 207 p.
- Polyakovskaya M.A., Kushch T.V. 2015. Kul't Sv. Konstantina Velikogo v vizantiiskoi dvortsovoi traditsii [The Cult of St. Constantine the Great in the Byzantine Court Tradition]. *Problemy sotsial'noi istorii i kul'tury srednikh vekov i rannego novogo vremeni*. 12: pp. 38–49.
- Popov I.N. 2009. *Istoricheskaya pamyat' v Vizantii: predstavleniya vizantiiskikh khronistov VI–XII vv. ob epokhe stanovleniya khristianskogo tsarstva [Historical Memory in Byzantium: Perceptions of Byzantine Chroniclers of the 6th–12th Centuries about the Era of the Formation of the Christian Kingdom]*. Diss. ... kand. ist. nauk. Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN, 327 p.
- Serov V.V. 2006. K probleme formirovaniya stolichnogo statusa Konstantinopolya [On the Problem of Forming the Capital Status of Constantinople]. *Vizantiiskii vremennik*. 65(90): pp. 37–59.
- Udal'tsova Z.V. 1982. *Tserkovnye istoriki rannei Vizantii [Church Historians of Early Byzantium]*. *Vizantiiskii vremennik*. 43: pp. 3–21.
- Berger A. 2020. Constantine's City: the Early Days of a Christian Capital. *Studia Ceranea*. 10: 11–29.
- Bonamente G. 1988. Apoteosi e imperatori cristiani. *I Cristiani e l'Impero nel IV secolo*. Macerata, Roma: 107–142.
- Cañizar Palacios J.L. 2014. From vetus Byzantium (Amm. 22.8.8) to URBS REGIA. Representation of Constantinople in Late Roman Empire Laws. *New Perspectives on Late Antiquity in the Eastern Roman Empire*. Cambridge: 280–310.
- Dagron G. 1974. *Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451*. Paris. 578 p.
- Heather P. and Moncur, D. 2001. *Politics, Philosophy and Empire in the Fourth Century: Select Orations of Themistius*. Liverpool. xvii, 361 p.
- Hekster O. 1999. The City of Rome in Late Imperial Ideology: The Tetrarchs, Maxentius, and Constantine. *Mediterraneo Antico*. 2.2: 717–748.
- Isaac B. 2021. From Rome to Constantinople. *Rome: An Empire of Many Nations. New Perspectives on Ethnic Diversity and Cultural Identity*. Ed. by Jonathan J. Price, Margalit Finkelberg and Yuval Shahar. Cambridge: 17–28.
- Kaldellis A. 2020. How Was a ‘New Rome’ Even Thinkable? Premonitions of Constantinople and the portability of Rome. *Leadership and Community in Late Antiquity: Essays in Honour of Raymond Van Dam*. Turnhout: 221–247.
- Melville-Jones J. 2014. Constantinople as “New Rome”. *Byzantina Symmeikta*. 24(1): 247–262.
- Papadopoulos I. 2018. *The Idea of Rome in Late Antiquity*. Leeds. 275 p.
- Vanderspoel J. 1995. *Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty, and Paideia from Constantius to Theodosius*. Ann Arbor. 280 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 25.11.2025

Received 25.11.2025

Поступила после рецензирования 19.01.2026

Revised 19.01.2026

Принята к публикации 21.01.2026

Accepted 21.01.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кзаков Михаил Михайлович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия

Mikhail M. Kazakov, Doctor of Sciences in History, Professor, Professor of the Department of State and Law, Smolensk State University, Smolensk, Russia

 [ORCID: 0009-0008-2401-5473](https://orcid.org/0009-0008-2401-5473)

УДК 94(37).08
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-1-70-80
EDN FFILJP
Оригинальное исследование

Диалог Секундина-манихея и Аврелия Августина в контексте раннехристианской этики. Анатомия зла

Сахаров С.А.

Смоленский государственный университет,
Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4
E-mail: sacharov.stanislav@yandex.ru

Аннотация. Целью работы является анализ двух позднеантичных текстов, не получивших достаточного внимания как минимум в отечественной историографии: письмо Секундина к Августину и написанная в ответ на него «Книга Августина против Секундина-манихея». Между тем названные сочинения содержат ряд интересных с точки зрения этики, политики и даже права сведений. Анализ источников позволяет выявить различия в понимании природы зла Секундином и Августином: манихею оно видится статичной самостоятельной существующей субстанцией; отец же церкви, напротив, рассматривает зло как акт уклонения души от некоей нормы добродетели, от более значимого к менее значимому, происходящее, например, под влиянием злого совета или принуждения. Секундин-манихей и Августин обнаруживают разное понимание путей, которыми люди следуют в своей жизни. Оба автора привержены идее спасительности «узкого пути». Однако Секундин в духе интеллектуального элитаризма полагает, что следовать «узким путем» – это значит примкнуть к немногим, выступить против большинства. Августин решительно отвергает такой подход. Для него «узкий путь» – не в форме, а в сущности. Следуют им, по мнению гиппонского епископа, лишь святые и праведники. В «Книге против Секундина» раскрывается весьма суровый взгляд Августина на социальную организацию, где в нравственном отношении худший господствует над лучшим. Признавая и даже оправдывая эту несправедливость, отец церкви тем не менее противопоставляет ей иерархию этическую, в которой праведнику всегда отдается приоритет перед грешником.

Ключевые слова: раннехристианская этика, манихейство, Августин, манихей Секундин, письмо Секундина, «Книга Августина, епископа гиппонского, против Секундина-манихея», зло, этическая иерархия

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Сахаров С.А. 2026. Диалог Секундина-манихея и Аврелия Августина в контексте раннехристианской этики. Анатомия зла. *Via in tempore. История. Политология.* 53(1): 70–80. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-70-80. EDN: FFILJP

The Dialogue between Secundinus the Manichean and Aurelius Augustine in the Context of Early Christian Ethics: An Anatomy of Evil

Stanislav A. Sakharov

Smolensk State University,
4 Przhevalsky St., Smolensk 214000, Russia
E-mail: sacharov.stanislav@yandex.ru

Abstract. The purpose of this study is to analyze two Late Antique texts that have received insufficient attention, at least in Russian historiography: the letter of Secundinus to Augustine, and Augustine's Book Against Secundinus the Manichean written in response. These works contain a number of noteworthy details

from the perspectives of ethics, politics, and even law. The analysis of the sources reveals differences in how Secundinus and Augustine understood the nature of evil: for the Manichean, it appears as a static, independently existing substance; for the Church Father, by contrast, evil is an act of the soul's deviation from a certain norm of virtue – a movement from what is more significant to what is less significant, occurring, for example, under the influence of malicious counsel or coercion. Secundinus the Manichean and Augustine demonstrate divergent views on the paths people follow in life. Both are committed to the idea of the salvific “narrow path”. However, Secundinus, in the spirit of intellectual elitism, believes that following the “narrow path” means joining the few and opposing the majority. Augustine decisively rejects such an approach. For him, the “narrow path” resides not in form, but in essence; it is followed, in the bishop of Hippo's view, only by saints and the righteous. In *The Book Against Secundinus*, Augustine presents a rather severe view of social organization, in which, from a moral standpoint, the worse governs the better. While acknowledging and even justifying this injustice, the Church Father nevertheless contrasts it with an ethical hierarchy in which the righteous are always given priority over the sinner.

Keywords: Early Christian ethics, Manichaeism, Augustine, Secundinus the Manichean, letter of Secundinus, *The Book of Augustine*, Bishop of Hippo, *Against Secundinus the Manichean*, evil, ethical hierarchy

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Sakharov S.A. 2026. The Dialogue between Secundinus the Manichean and Aurelius Augustine in the Context of Early Christian Ethics: An Anatomy of Evil. *Via in tempore. History and political science*. 53(1): 70–80 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-70-80. EDN: FFILJP

Введение

В творчестве Августина, которого справедливо называют одним из самых влиятельных мыслителей в интеллектуальной истории [The Cambridge Companion..., 2025, p. 2], важное место занимала полемика с манихейством [van Oort, 2010, p. 515–539] – религиозно-философским учением, проникшим в Римскую империю во второй половине III века из Персии и активно распространявшимся в последующие десятилетия [Кац, 1953, с. 170], привлекая новых сторонников пропагандой высоких интеллектуальных и этических стандартов [Hoffmann, 2012, p. 1], а также обещанием рационально объяснить ключевые проблемы бытия [Widengren, 1961, p. 126]. Августин был в числе тех, кто пережил увлечение манихейством в молодые годы, пытаясь найти в нем ответы на мучившие его вопросы о добре и зле [Кац, 1953, с. 170; Сидоров, 1983, с. 145; Васильев, Лобов, 2008, с. 265]. В зрелый же период своей жизни и творчества епископ Гиппона приложил немало усилий для разоблачения тезисов манихеев: он доказывал, что сторонники манихейства, представлявшие себя в качестве немногочисленной элитарной христианской общины избранных [BeDuhn, 2000, p. 26], в действительности не имеют ничего общего с христианством [Widengren, 1961, p. 125]. И все же, несмотря на разрыв с манихейством, по мнению ряда специалистов, манихейское учение оказывало заметное влияние на умонастроения Августина на протяжении всей его жизни [Сидоров, 1983, с. 145; Лобов, 2010, с. 10; Hoffmann, 2012, p. 1–2; van Oort, 2016, p. 233].

Объекты и методы исследования

Антиманихейские работы, наряду с прочими полемическими сочинениями, занимают важное место в интеллектуальном наследии отца церкви. Среди них такие труды, как «О нравах Вселенской Церкви и о нравах манихеев», «О свободном решении», «О двух душах против манихеев», «Рассуждения против Фортуната», «Против Адиманта, ученика манихея», «Против послания манихея, именуемого основным», «Против Фауста-манихея», «Против Феликса-манихея», «О природе блага против манихеев» и др. [Августин. Православная энциклопедия, 2007]. Эти сочинения, наряду с собственно антиманихейской доктриной, содержат трактовки некоторых вопросов духовной и даже общественно-политической жизни. Так, к примеру, в работе «Против Фауста-манихея» Августином дается оригинальная

трактовка насилия, проводится его своеобразная легитимация как факта объективной реальности и орудия реализации божественного замысла.

В настоящей работе мы будем говорить об эпизоде в интеллектуальном наследии Августина, который не получил достаточного внимания, по крайней мере в отечественной историографии, – это его диалог с африканским манихеем Секундином, состоявшийся между 399 и 405 годами и включающий в себя два текста¹⁹, которые и станут предметом нашего дальнейшего исследования, а именно: письмо манихея Секундина²⁰ к Августину и написанная гиппонским епископом в ответ на него «Книга против Секундина-манихея»²¹.

Анализ этих двух сочинений позднеантичных интеллектуалов, принадлежащих к противоборствующим религиозным течениям, позволяет сравнить их взгляды на устройство человеческого общества, природу зла, причины, в силу которых человек переступает грань добра со злом, совершая то, что богослов назвал бы грехом, специалист в области этики – безнравственным поступком, а правовед – правонарушением.

Далее, рассматривая избранные нами в качестве предмета анализа источники, мы будем придерживаться следующего плана:

- 1) дадим характеристику самого диалога Секундина и Августина, обращая внимание на его эмоциональный фон и содержание;
- 2) рассмотрим взгляд Августина на социальную организацию и «этическую иерархию»;
- 3) поговорим о различиях в понимании Секундином и Августином славы и почитания;
- 4) сравним их представления о путях, которыми может следовать человек в своей жизни;
- 5) наконец, рассмотрим взгляды Секундина и Августина на природу и сущность зла, причины его возникновения, формы проявления и последствия.

Результаты и их обсуждение

Диалог манихея Секундина и Аврелия Августина в контексте раннехристианской этики

Между 399 и 402 годами Аврелий Августин получил письмо африканского манихея Секундина. Его ценность как исторического источника неоспорима, поскольку это послание является одним из немногих сочинений римских манихеев, дошедших до нашего времени [The works of Augustine..., 2012].

Ответом на письмо Секундина стало сочинение епископа, известное как «Книга Аврелия Августина, епископа гиппонского, против Секундина-манихея» [van Oort, 2010, p. 536; Secundinus // McClintock and Strong Biblical Cyclopedia]. В этой «Книге», которую сам отец церкви в «Пересмотрах» называл своим любимым сочинением против манихеев (Retr., 2, 36²²) [The Works of Saint Augustine, 2006, p. 349; van Oort, 2010, p. 536], он не просто спорит с Секундином, доказывая ошибочность его заблуждений и нелепость упреков, но и развивает собственную богословскую концепцию, что делает ее важной частью интеллектуального наследия епископа [The Works of Saint Augustine, 2006, p. 350, 352].

Полемику Секундина и Августина следует признать образцовой как с точки зрения содержания, так и формы. Утверждения и суждения участников диалога аргументированы. Тон обоих текстов

¹⁹ В датировке обоих текстов присутствует некоторая трудность. Например, И. ван Оорт и Р. Теске датируют «Книгу» Августина временем после 404 года (см.: The Works of Saint Augustine, 2006, p. 349; van Oort, 2010, p. 536). Р. Пирс в качестве традиционной даты написания Августином «Книги» называет 405 год, обращая при этом внимание и на альтернативную датировку – 402 год (см.: The works of Augustine against Secundinus the Manichaeon in English, 2012). В отечественной историографии устоялась более ранняя датировка «Книги» Августина: ее относят к 399 году (см.: Августин. Православная энциклопедия, 2007; Казаков М.М. Блаженный Августин).

²⁰ См. текст письма Секундина в издании: Secundini Manichaei. Ad sanctum Augustinum epistula // Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. Vol. 25. Vindobonae, Lipsiae. 1892.

²¹ См. текст «Книги» Августина в издании: S. Aureli Augustini. Contra Secundinum liber // Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. Vol. 25. Vindobonae, Lipsiae. 1892.

²² См. «Пересмотры» Августина в издании: S. Aureli Augustini. Retractationum Libri Duo // Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. Vol. 36. Vindobonae, Lipsiae. 1902.

предельно аккуратен, но в то же время силен. И манихей Секундин, и Августин тщательно подбирают слова, которые, с одной стороны, должны вызвать волнение оппонента, но с другой – не могут дать повода усомниться в благородстве и возвышенности умонастроений их автора.

К примеру, Секундин пишет Августину: *«Мрамор дома Анициев не сравнится в своем великолепии с твоими речами!»* (Sec. 3). И тут же обвиняет епископа в пустословии, утверждая, что он, *«ополчившись против всего»*, сам утверждает *«ничто»* (Sec. 3). В конечном итоге Секундин и вовсе заявляет, что нашел в сочинениях гиппонского епископа *«почти бога красноречия»*, но *«нигде не встретил христианина»* (Sec. 3).

В ответ Августин благодарит оппонента за благожелательность, а также выражает беспокойство о его нравственном состоянии (С. Sec. 1). Заблуждения и ложные подозрения, которых держится Секундин, отец церкви объясняет свойствами склонной к ошибкам человеческой души (С. Sec. 1). При этом, по словам Августина, его в действительности мало заботит, что думает о нем Секундин. Гораздо важнее для него, чтобы собственная совесть не обличала его перед Богом (С. Sec. 1).

Оба участника диалога декларируют намерение убедить оппонента «вернуться» к истине. Секундин, к примеру, призывает Августина перестать быть *«копьем, пронзающим бок Спасителя»* (Sec. 3) и, отказавшись от человеческой славы, вновь обратиться в лоно манихейства. Он восклицает: *«Я не хочу, чтобы ты был оторван от нас!»* (Sec. 5). И далее: *«Если бы ты вновь соединил свой талант с истиной, ты стал бы для нас великой драгоценностью!»* (Sec. 3).

Августин в ответ пишет: *«Убегай! Убегай от этого – прошу тебя! Не обманывайся внешней малочисленностью...! Ты хочешь быть среди немногих, но оказался среди худших!»* (С. Sec. 26).

Письмо Секундина к Августину имеет преимущественно эмоциональное содержание. Показная лесть и призывы «вернуться» перемежаются тут с упреками и даже угрозами, которые тем не менее заключены в осторожные фразы высоких богословских рассуждений (Sec. 4, 5). С точки зрения понимания природы зла значение тут имеет, пожалуй, единственный фрагмент, в котором Секундин пишет о состояниях души в зависимости от ее отношения ко злу (Sec. 2). Этот фрагмент, к которому мы еще будем обращаться далее, и использует Августин для того, чтобы вскрыть непоследовательность суждений своего оппонента.

«Книга» же Августина, в свою очередь, содержит две большие логические части. Первая из них представляет собой собственно ответ Секундину. Тут отец церкви раскрывает причины, по которым он оставил манихейство, отвечает на обвинения и упреки оппонента, говорит об ошибочности самого манихейского учения, которое он называет не иначе как *«лживой персидской сказкой»* (С. Sec. 2). В другой части епископ обстоятельно разбирает природу зла, выявляя его причины, формы проявления, виды и последствия [The Works of Saint Augustine, 2006, p. 350]. При этом, как мы уже отмечали ранее, давая ответ Секундину, епископ затрагивает ряд вопросов, значимых для понимания его общественно-политических взглядов.

Общество и социальная организация в этической системе Аврелия Августина. «Этическая иерархия»

Итак, обратимся к нашему следующему вопросу и рассмотрим взгляд Августина на общество, его социальную и этическую организацию.

По мнению гиппонского епископа, общество, как и весь мир, представляет собой упорядоченную систему, в которой ничего не происходит напрасно (С. Sec. 10). Управляется общество божественным замыслом, а власть светского правителя имеет божественную природу (С. Sec. 10).

Взгляд отца церкви на социальную организацию весьма суров. В своей «Книге против Секундина» он признает и даже оправдывает тот неприятный факт, что в обществе «худший» может возвышаться над «лучшим» (С. Sec. 10). По мнению епископа, это необходимо для того, чтобы испытать «лучших» и сделать их добродетели более явными (С. Sec. 10). При этом самих

«лучших» Августин призывает быть стойкими и не уподобляться «худшим», ведь в этом случае и сами они станут хуже (С. Sec. 11).

Всех людей вообще Августин разделяет на праведников и грешников, отмечая при этом численное превосходство последних (С. Sec. 26). Праведников епископ также именует людьми добрыми и смиренными. Источником их добродетели является любовь к Творцу, которая превышает всякую другую любовь. Грешники, напротив – это люди гордые, высокомерные и несправедливые. Они любят себя выше Создателя (С. Sec. 17).

Развивая свои суждения, Августин как бы переворачивает структуру общества: иерархии социальной он противопоставляет иерархию этическую. В социальной иерархии, как мы отметили ранее, в моральном отношении худший может господствовать над лучшим. В этической же иерархии человек добродетельный всегда занимает более высокую позицию по сравнению с нечестивым (С. Sec. 17).

Однако и сами грешники, по Августину, также не являются однородным сообществом. Признавая факт численного преобладания последних, он, к примеру, пишет, что среди них убийц меньше, чем воров; инцестуозников меньше, чем прелюбодеев и т. д. (С. Sec. 17).

Слава, честь и почитание в концепции Аврелия Августина

Еще один важный вопрос, которого касается Августин в своей «Книге против Секундина» – это вопрос о чести, славе и почитании. Рассуждения Августина на сей счет обусловлены упреком манихея в том, что он, дескать, отвержен человеческой славе и идет «широкой дорогой», ведущей к гибели. «Откажись от человеческой славы, – увещевает Августина Секундин, – если хочешь угодить Христу! Помоги своей светлой душе, – продолжает он, – ведь ты не знаешь, в какой момент придет вор, чтобы украсть ее» (Sec. 5).

Августин не спорит с тезисом Секундина о том, что он добился чести и славы в католической церкви. Однако он иначе расставляет акценты, формулируя свои представления о том, что есть подлинная честь, слава и почитание.

Итак, Аврелий Августин различает два рода чести, славы и почитания. Первый из них – это почитание «в Боге»; второй – почитание «перед Богом» (С. Sec. 17).

Почитание «в Боге» основано на любви к Творцу, которая сильнее любви к самому себе (С. Sec. 17). Такой род почитания епископ считает приемлемым и, видимо, приписывает себе. Доказывая свою приверженность этому роду славы, он приводит слова Писания, где сказано: «Слава же и честь, и мир всякому, делающему добро!» (С. Sec. 2). Нетрудно догадаться: Августин убежден в том, что делает добро. И эта убежденность небезосновательна. Достаточно лишь вспомнить, сколько усилий епископ прилагал к защите тех, кто не мог постоять за себя самостоятельно, о чем мы писали в своих предыдущих исследованиях [см.: Сахаров, 2023а, с. 31–43; Сахаров, 2023b, с. 88–97; Сахаров, 2024, с. 368–384].

Другой же род почитания – это почитание «перед Богом». Такой род почитания не является для Августина благом, ибо в его основании – любовь к себе, которая выше любви к Творцу (С. Sec. 17). Как мы отмечали выше, такая любовь и, следовательно, такой род почитания рождает людей гордых, высокомерных и несправедливых (С. Sec. 17), относить к коим Августина нет никаких оснований.

Приведенные рассуждения имеют в «Книге» епископа практическое значение. Секундин обвиняет его в приверженности человеческой славе и призывает отказаться от нее (Sec. 5). Не имея возможности отрицать своего высокого положения и известности, Августин как бы выходит из положения, указывая на то, что его слава вполне заслужена, ведь основана она на почитании «в Боге», которую не стоит путать с человеческой славой, в основании которой – почитание «перед Богом».

Пути земной жизни

Секундин и Августин, наряду с прочим, затрагивают тему путей, которыми может следовать человек в своей земной жизни.

Обвиняя Августина в том, что он идет «*широкой дорогой*», ведущей к гибели, и призывая «*поспешить дорогой узкой*» (Sec. 5), Секундин обнаруживает свою приверженность своеобразному интеллектуальному элитаризму: он относится к меньшинству, которое думает и верит отличным от большинства образом. Это дает ему основание полагать, что он лучше большинства. А именно большинству, по его логике, привержен гиппонский епископ, пользующийся у этого большинства авторитетом, влиянием и уважением. Эту принадлежность к большинству манихей рассматривает в качестве губительной «*широкой дороги*».

Однако Августин возражает Секундину. Немногочисленность манихеев, по его мнению, вовсе не означает ни праведности, ни морального превосходства последних. «*Узкой дорогой*», полагает епископ, идут лишь христианские праведники и святые (С. Sec. 26). Секундин же, оказавшись среди немногих, в действительности оказался в числе худших (С. Sec. 26) – тех, кто не принимает истины и нарочито держится ложных убеждений.

Анатомия зла

Теперь обратимся к нашему главному вопросу и разберемся, как манихей Секундин и Аврелий Августин понимают природу и сущность зла, причины его возникновения, формы проявления и последствия.

Сначала определимся с понятиями. Само зло Секундин и Августин определяют термином «*malum*» (Sec. 1, 2; С. Sec. 2, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 20, 22, 26). Для обозначения формы проявления зла они используют термины «порок» – «*vitium*» (Sec. 2; С. Sec. 16, 22) и «грех» – «*peccatum*» (Sec. 1, 2, 6; С. Sec. 10, 12, 15, 17, 18, 19).

В самом понимании природы зла между Секундином и Августином обнаруживается принципиальное разногласие. На это разногласие обращает внимание сам отец церкви, когда в двенадцатой главе своей «Книги» пишет: «*Вы (манихеи – прим. автора) говорите, что существует некая злая субстанция; мы же утверждаем, что зло – это не субстанция, а отклонение от того, что более значимо, к тому, что менее значимо*» (С. Sec. 12). При этом в самом письме Секундина прямых указаний на подобные разночтения нет. Но есть указание косвенное. Например, рассуждая о разных состояниях человеческой души в зависимости от ее отношения ко злу, Секундин использует словосочетание «*consentiat malo*» (Sec. 2), что означает согласие со злом или принятие зла. Можно предположить, что Секундин вкладывает в эти слова примерно такой смысл: зло существует само по себе, а человеческая душа при определенных условиях с ним соглашается или принимает его.

Для Августина, как мы видели выше, зло – это не субстанция, а отклонение от некоей нормы добродетели, которое он именует грехом. В тринадцатой главе «Книги против Секундина» отец церкви развивает эту мысль, утверждая, что зло заключается именно в факте согласия души на отступление от истины. Это отклонение является следствием свободного выбора души и вина за этот выбор лежит именно на ней самой (С. Sec. 13).

Принципиальное различие в восприятии зла, таким образом, заключается в том, что для Секундина зло – это явление статическое, существующее само по себе и оказывающее влияние на человеческую душу; для Августина же зло – это явление динамическое или активное, и заключается оно не в факте существования, а в действии, в акте свободного выбора и следующего за ним действия.

По-разному смотрят Секундин и Августин и на последствия зла.

Взгляд Секундина дуалистически категоричен. Правильным он считает такое состояние души, когда она пребывает в единении с добродетелью. Только в таком случае душа, по мнению манихея, заслуживает «*жизнь вечную*» и «*царствие небесное*» (Sec. 2). Второй род состояния души, по Секундину, – это такое состояние, когда она тянется к пороку и соглашается со злом, но затем раскаивается. В этом случае душа заслуживает прощения и не будет подвергнута наказаниям (Sec. 2). Но если же душа будет тянуться к пороку и согласится со злом, а затем не раскается, то она, подобно «*неразумной деве*», останется «*без прощения*»,

«уйдет с дьяволом в огонь, из которого вышла», и будет находиться там, где слышны *«плач и скрежет зубов»* (Sec. 2).

Взгляд же Августина на последствия зла более гуманистичен. Отец церкви, в отличие от Секундина, дает грешнику шанс на спасение. Интересно и то, что в своей «Книге» епископ говорит не о посмертных последствиях зла, как это делает манихей, а о вполне осязаемых земных его последствиях. Так, Августин утверждает, что следствием греха обыкновенно становятся болезни, несчастья и страдания (С. Sec. 11). Человек может смириться с ними, продолжая оставаться во грехе, а может смягчать их упражнениями, постепенно избавляясь от греха и, следовательно, совершенствуя свою душу (С. Sec. 11).

Гуманистический подход Августина проявляется и тогда, когда он говорит о необходимости приобщить грешника к истине с Богом, ведь бездействие – оставление с грехом – обрекает его на вечные страдания, что, по мнению отца церкви, неправильно (С. Sec. 20).

К слову сказать, эти взгляды Августина хорошо просматриваются в его поступках, например, когда он призывает светских судей быть снисходительными к преступникам и избегать крайне суровых наказаний, ведь гораздо важнее, по его мнению, не кара, а исправление, для которого необходимы время и покаяние (Ер. 153, 11²³).

Откуда же, по мнению Секундина и Августина, берется способность человеческой души приблизиться ко злу?

Казалось бы, с точки зрения Секундина причиной приобщения души ко злу должна быть материальная, телесная оболочка, в которую она заключена, что вполне соответствует логике манихейских представлений. И Секундин действительно обнаруживает эту тенденцию, призывая Августина *«прекратить заключать Христа во плоть»* (Sec. 5). Однако епископ обращает внимание на важное противоречие в утверждениях манихея, когда тот, рассуждая о разных состояниях души, пишет, что она соглашается со злом, *«познав саму себя»* (Sec. 2). Буквально Секундин в своем письме по этому поводу пишет следующие строки: *«Если душа, познав саму себя, согласится со злом и не восстанет против врага, то она согрешит по своей воле»* (Sec. 2).

В ответ на это в восьмой главе своей «Книги» Августин пишет: *«Эти слова из твоего письма подтверждают, что ты установил природу души как изменчивую»* (С. Sec. 8). Таким образом, остается лишь догадываться, почему и каким образом Секундин вывел на первый план идею свободы воли, отказавшись от привычного манихейского тезиса о противостоянии света и тьмы как причины возникновения зла. Проницательный же Августин неоднократно обращает на это внимание в своей «Книге» и использует слова Секундина для разоблачения его же собственных утверждений.

Не вдаваясь сейчас в причины принятия Секундином ключевого тезиса своего оппонента, мы можем констатировать лишь сходство в воззрениях манихея и Августина в вопросе о природе зла. Для епископа Гиппона оно как раз и заключается в этически неправильном поступке человека, совершаемом им в силу свободного выбора и основанном на свободной воле. Отец церкви по этому поводу пишет, обращаясь к Секундину: *«Не спрашивай, откуда происходит зло, ведь ты сам уже ответил на этот вопрос: ты сказал, что душа познает саму себя и соглашается на зло – то есть грешит по своей воле. Так вот откуда зло: очевидно, что происходит оно из собственной воли. Не природа сама по себе является злой, но она становится таковой по собственной вине»* (С. Sec. 19).

Если интерпретация зла в письме Секундина весьма проста и ограничивается уже упомянутыми рассуждениями о состояниях души в зависимости от ее отношения ко злу, то Августин же, не ограничиваясь лишь разоблачением противоречия в утверждениях Секундина, со свойственной ему педантичностью продолжает развивать свою гораздо более стройную концепцию зла.

²³ См. 153-е письмо Августина в издании: S. Augustini Epistulae (Ер. 124–184 А) // Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. Vol. 44. Vindobonae, Lipsiae. 1904.

Итак, как мы отметили ранее, для Августина зло – это акт греха, совершаемого человеком по его собственной воле. Однако сам этот грех неоднороден точно так же, как неоднородно и общество грешников: грех, по Августину, разделяется на первичный и вторичный.

Первичный грех, который епископ считает корнем всего зла, состоит в превозношении творения над Творцом, в любви к себе, которая выше любви к Богу (С. Sec. 17). Даже сам дьявол, полагает отец церкви, стал злым именно потому, что возлюбил себя более Творца (С. Sec. 17).

Вторичный грех происходит в силу склонения к нему. Августин различает склонение ко греху советом или убеждением (тут епископ использует понятие *«via suadendi»*, что означает «путь убеждения» или «путь совета»), и, во-вторых, склонение ко греху принуждением (его отец церкви обозначает понятием *«via cogendi»*, что означает «путь принуждения») (С. Sec. 17).

Склонение ко греху убеждением Августин подразделяет на два вида в зависимости от причин и мотивов такового: епископ различает, во-первых, склонение ко греху *«из глупой доброты»* и, во-вторых, склонение ко греху *«из злой зависти»* (С. Sec. 17).

Склонение ко греху *«из глупой доброты»* не предполагает наличия в образе мыслей и действиях «склоняющего» злого умысла. Напротив, человек, по мнению Августина, может привести другого ко злу в силу любви к нему. Так, например, по его мнению, поступают родители, прививая детям порочную любовь к золоту (С. Sec. 17). Причина их действий кроется не в желании навредить, а в любви, испорченной пороками собственной души.

Механизм склонения ко греху из *«злой зависти»* другой. Человек замечает, что кто-то превосходит его в чем-либо. Это рождает у него зависть. Из любви к самому себе такой человек, как пишет отец церкви, пытается *«сбросить»* того, кого он считает лучше себя, в *«бездну неправды»* (С. Sec. 17), добиваясь таким образом собственного превосходства.

Склонение ко греху принуждением, по Августину, имеет в своей основе существенное отличие. Отец церкви пишет: *«Если она (душа – прим. автора) принуждена согласиться (со злом – прим. автора), это означает, что у нее нет власти поступить иначе; тогда она не грешит по собственной воле, а соглашается на зло вопреки ей – в этом случае она скорее уступает, чем соглашается»* (С. Sec. 19). Иными словами, совершение греха под принуждением в системе этических представлений Августина также является злом, но злом существенно меньшим, а сам факт принуждения выступает в данном случае своеобразным обстоятельством, «исключающим ответственность».

Само зло, таким образом, в сознании епископа подобно вирусной болезни: оно передается от одной испорченной души к другим душам, как бы заражая их этой испорченностью. В каких-то случаях человек «заражает» злом другого сознательно: он предвидит «злые последствия» своих действий и желает их наступления. В других случаях человек действует неумышленно или вовсе из лучших побуждений, из любви: не осознавая «болезни» собственной души, он передает эту «болезнь» другому, даже тому, кого искренне любит.

Заключение

Итак, ключевое расхождение во взглядах на природу и сущность зла между манихеем Секундином и Аврелием Августином кроется в форме его существования: для Секундина зло – это статическая субстанция, которая приводит к пороку, вынуждая человека переступить грань между хорошим и плохим; для Августина же, напротив, зло – это всегда действие, акт осознанного или неосознанного уклонения от добродетели.

Если манихеи и, видимо, Секундин не дают отдельно взятому человеку шанса вырваться из цепей порока, ибо победа над злом является частью более масштабной космической борьбы, то Августин, напротив, считает победу человека в борьбе со злом и исправление его души вполне вероятными. Для этого необходимы изменение образа поступков и покаяние.

Работая с источниками, мы сделали несколько представляющихся нам значимыми наблюдений относительно самого диалога Секундина с Августином, причин его появления и содержания.

Первое наблюдение касается существа «Книги» Августина. Мы полагаем, что это сочинение отца церкви занимает в его интеллектуальном наследии своего рода промежуточное положение:

следуя форме изложения и учитывая мотивы написания, «Книгу» было бы правильно считать письмом, ведь написана она в ответ на письмо и само ее содержание напоминает скорее письмо, в котором адресант ведет последовательную дискуссию с собеседником. Вместе с тем Августин не был бы Августином, если бы не использовал столь удачный момент для того, чтобы написать очередную масштабную работу, адресованную предельно широкому кругу современников и потомков. Заложенные в этой работе смыслы, безусловно, выводят ее за рамки письма.

Рассуждая же о причинах появления письма Секундина, мы задались вопросом: зачем этот манихей написал Августину? Неужели он действительно полагал, что своим посланием способен вызвать сколь-нибудь решительную перемену в умонастроениях епископа? Осмелимся предположить, что это совершенно не так. Секундин утверждает, что хорошо знаком с работами гиппонского епископа. Если так, то он знал, что в ответ на его письмо Августин возьмется за перо и напишет не просто ответное послание, но более или менее крупное сочинение, адресованное ему самому и, как пишет епископ в одном из своих писем, «*всем, кому это может быть интересно*» (Ер. 43²⁴). Мы думаем, что именно этого Секундин и хотел. Он также, как и Августин, мог стремиться к известности, и диалог с авторитетным мыслителем как ни что другое давал возможности ее обретения. Собственно говоря, мы знаем имя и имеем возможность читать текст Секундина именно благодаря Августину. Если наше предположение верно, то выходит, что манихей добился своей цели.

Осмелимся высказать на сей счет еще одну версию. Противоречие в суждениях самого Секундина, признающего свободу воли причиной обращения души ко злу, на которое обращает внимание Августин и которое он использует в качестве одной из опорных точек в своем ответе манихею, в сочетании с признанием Секундином своего интереса к текстам епископа может указывать на то, что сам Секундин, как и некогда в молодости Августин, находится в смятении и духовном поиске. Выбирая тактику нападения, он, возможно, ждал от епископа ответа, который мог бы помочь ему разобраться в собственных мыслях.

Если соединить обе версии, то получается интересная картина. Отправив письмо гиппонскому епископу, манихей Секундин действительно смог проявить себя, ведь написано его письмо весьма талантливо. Благодаря ответу Августина он получил не только авторитетное разъяснение по поводу терзавших его разум сомнений, но и известность в веках. Августину же представился удачный случай к тому, чтобы вновь взяться за перо и написать очередное блестящее сочинение, которое, в числе прочих, делает его имя бессмертным.

Список литературы

- Августин. 2007. *Православная энциклопедия*. URL: <https://www.pravenc.ru/text/62610.html> (дата обращения: 18 сентября 2025).
- Васильев В.А., Лобов Д.В. 2008. Августин о добре, зле, добродетели. *Социально-гуманитарные знания*, 5: 255–265.
- Казаков М.М. Блаженный Августин. *Патристика*. URL: https://mmkaz.narod.ru/patristic4/lectures/107_augustine.htm (дата обращения: 30 сентября 2025).
- Кац А.Л. 1953. Манихейство в Римской империи по данным Acta Archelai. *Вестник древней истории*, 3(53): 168–179.
- Лобов Д.В. 2010. Социально-философский анализ учения Аврелия Августина о добре и зле. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 23.
- Сахаров С.А. 2024. Августин и государство: о положении епископа в системе власти и управления Поздней Римской империи (по данным эпистолярного наследия отца церкви). *Диалог со временем*, 89: 368–384.
- Сахаров С.А. 2023. Коррупционные основания донатистского раскола в системе социально-политических ориентаций Аврелия Августина (по данным эпистолярного наследия Отца Церкви). *Via in tempore. История. Политология*, 50(1): 31–43.

²⁴ См. 43-е письмо Августина в издании: S. Aureli Augustini Hipponiensis Episcopi Epistulae // Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. Vol. 34. Pragae, Vindobonae, Lipsiae. 1898.

- Сахаров С.А. 2023. Коррупция в системе социально-политических ориентаций Аврелия Августина. *Гуманитарные и юридические исследования*, 10(1): 88–97.
- Сидоров А.И. 1983. Манихейство в изображении Августина (De haeresibus, 46). *Вестник древней истории*, 2(164): 145–161.
- BeDuhn J.B. 2000. *The Manichaean Body: In Discipline and Ritual*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 354.
- Hoffmann A. 2012. The Few and the Many: A Motif of Augustine's Controversy with the Manichaeans. *Theological Studies*, 69(1): 1–6.
- S. Aureli Augustini. Hipponiensis Episcopi Epistulae. *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*. 1904. Vol. 44. Vindobonae, Lipsiae.
- S. Aureli Augustini Hipponiensis Episcopi Epistulae. *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*. 1898. Vol. 34. Praga, Vindobonae, Lipsiae.
- S. Aureli Augustini. Contra Secundinum liber. *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*. 1892. Vol. 25. Vindobonae, Lipsiae.
- S. Aureli Augustini. Retractationum Libri Duo. *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*. 1902. Vol. 36. Vindobonae, Lipsiae.
- Secundini Manichaei. Ad sanctum Augustinum epistula. *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*. 1892. Vol. 25. Vindobonae, Lipsiae.
- Secundinus. *McClintock and Strong Biblical Cyclopedia*. URL: <https://www.biblicalcyclopedia.com/S/secundinus.html> (accessed August 14, 2025).
- The Cambridge Companion to Augustine's Sermons. 2025. Cambridge: Cambridge University Press, 364.
- The Works of Augustine against Secundinus the Manichaean in English. 2012. *Roger Pearse: Thoughts on Antiquity, Patristics, Information Access, and More*. URL: <https://www.roger-pearse.com/weblog/augustine-against-secundinus-the-manichaean-in-english/> (accessed August 14, 2025).
- The Works of Saint Augustine. A Translation for the 21st Century. 2006. Vol. 19: The Manichean Debate. New York: New City Press, 386.
- van Oort J. 2010. Manichaean Christians in Augustine's Life and Work. *Church History and Religious Culture*, 90, 4: 505–546.
- van Oort J. 2016. Once Again: Augustine's Manichaean Dilemma. *Augustiniana*, 66, 1/4: 233–245.
- Widengren G. 1961. *Mani und der Manichäismus*. Stuttgart: W. Kohlhammer, 176.

References

- Avgustin [Augustine]. 2007. *Pravoslavnaya entsiklopediya*. URL: <https://www.pravenc.ru/text/62610.html> (data obrashcheniya: 18 sentyabrya 2025).
- Vasil'ev V.A., Lobov D.V. 2008. Avgustin o dobre, zle, dobrodeteli [Augustine on Good, Evil, and Virtue]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 5: 255–265.
- Kazakov M.M. Blazhenny Avgustin [Blessed Augustine]. *Patristika*. URL: https://mmkaz.narod.ru/patristic4/lectures/107_augustine.htm (data obrashcheniya: 30 sentyabrya 2025).
- Kats A.L. 1953. Manikheystvo v Rimskoy imperii po dannym Acta Archelai [Manichaeism in the Roman Empire According to the Acta Archelai]. *Vestnik drevney istorii*, 3(53): 168–179.
- Lobov D.V. 2010. Sotsial'no-filosofskiy analiz ucheniya Avreliya Avgustina o dobre i zle [Social-Philosophical Analysis of Aurelius Augustine's Doctrine of Good and Evil]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Moskva, 23.
- Sakharov S.A. 2024. Avgustin i gosudarstvo: o polozhenii episkopa v sisteme vlasti i upravleniya Pozdney Rimskoy imperii (po dannym epistolyarnogo naslediya ottsa tserkvi) [Augustine and the State: The Position of the Bishop in the Power and Administration System of the Late Roman Empire (Based on the Epistolary Legacy of the Church Father)]. *Dialog so vremenem*, 89: 368–384.
- Sakharov S.A. 2023. Korruptsiyonnye osnovaniya donatistskogo raskola v sisteme sotsial'no-politicheskikh orientatsiy Avreliya Avgustina (po dannym epistolyarnogo naslediya Ottsa Tserkvi) [Corrupt Foundations of the Donatist Schism in the System of Socio-Political Orientations of Aurelius Augustine (Based on the Epistolary Heritage of the Church Father)]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*, 50(1): 31–43.
- Sakharov S.A. 2023. Korruptsiya v sisteme sotsial'no-politicheskikh orientatsiy Avreliya Avgustina [Corruption in the System of Socio-Political Orientations of Aurelius Augustine]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, 10(1): 88–97.
- Sidorov A.I. 1983. Manikheystvo v izobrazhenii Avgustina (De haeresibus, 46) [Manichaeism in Augustine's Depiction (De Haeresibus, 46)]. *Vestnik drevney istorii*, 2(164): 145–161.

- BeDuhn J.B. 2000. *The Manichaean Body: In Discipline and Ritual*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 354.
- Hoffmann A. 2012. The Few and the Many: A Motif of Augustine's Controversy with the Manichaeans. *Theological Studies*, 69(1): 1–6.
- S. Aureli Augustini. Hipponiensis Episcopi Epistulae. *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*. 1904. Vol. 44. Vindobonae, Lipsiae.
- S. Aureli Augustini Hipponiensis Episcopi Epistulae. *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*. 1898. Vol. 34. Pragae, Vindobonae, Lipsiae.
- S. Aureli Augustini. Contra Secundinum liber. *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*. 1892. Vol. 25. Vindobonae, Lipsiae.
- S. Aureli Augustini. Retractationum Libri Duo. *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*. 1902. Vol. 36. Vindobonae, Lipsiae.
- Secundini Manichaei. Ad sanctum Augustinum epistula. *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum*. 1892. Vol. 25. Vindobonae, Lipsiae.
- Secundinus. *McClintock and Strong Biblical Cyclopedia*. URL: <https://www.biblicalcyclopedia.com/S/secundinus.html> (accessed August 14, 2025).
- The Cambridge Companion to Augustine's Sermons. 2025. Cambridge: Cambridge University Press, 364.
- The Works of Augustine against Secundinus the Manichaean in English. 2012. Roger Pearse: *Thoughts on Antiquity, Patristics, Information Access, and More*. URL: <https://www.roger-pearse.com/weblog/augustine-against-secundinus-the-manichaean-in-english/> (accessed August 14, 2025).
- The Works of Saint Augustine. A Translation for the 21st Century. 2006. Vol. 19: The Manichean Debate. New York: New City Press, 386.
- van Oort J. 2010. Manichaean Christians in Augustine's Life and Work. *Church History and Religious Culture*, 90, 4: 505–546.
- van Oort J. 2016. Once Again: Augustine's Manichaean Dilemma. *Augustiniana*, 66, 1/4: 233–245.
- Widengren G. 1961. *Mani und der Manichäismus*. Stuttgart: W. Kohlhammer, 176.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 14.10.2025

Received 14.10.2025

Поступила после рецензирования 20.12.2025

Revised 20.12.2025

Принята к публикации 22.12.2025

Accepted 22.12.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сахаров Станислав Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия

Stanislav A. Sakharov, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Smolensk State University, Smolensk, Russia

 [ORCID: 0009-0001-2031-2699](https://orcid.org/0009-0001-2031-2699)

УДК 94(564.3)

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-1-81-88

EDN FRDATM

Оригинальное исследование

К эволюции муниципальных обязанностей и магистратур в ранневизантийском городе

Жуков А.А. , Дронова Я.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: 1774214@bsuedu.ru, dronova@bsuedu.ru

Аннотация. Муниципальные обязанности были фундаментальным элементом организации города на Востоке в период ранневизантийской империи. В данной работе изучается роль, которую сыграли в этой области ранневизантийские куриалы. Дигесты – источник, имеющий первостепенное значение для изучения муниципальной жизни в период поздней империи, имеет весьма ограниченное значение для VI века, так как историческая эволюция муниципального строя изменяла традиционные магистратуры и их функции. В Поздней империи денежный аспект преобладает все более отчетливо в изменяющихся функциях магистратур. Магистратуры в это время претерпевают эволюцию, превращаясь из выборных должностей скорее в административные. К V–VI вв. большинство традиционных магистратур в городах уже исчезли. Переход муниципальных функций от куриалов к новой элите – протоктиторах – отражает эволюцию главных городских магистратур в VI–VII вв.

Ключевые слова: поздняя античность, курия, полис, город, магистратуры, *munera*, куриалы, Дигесты, ранневизантийский период

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Жуков А.А., Дронова Я.А. 2026. К эволюции муниципальных обязанностей и магистратур в ранневизантийском городе. *Via in tempore. История. Политология.* 53(1): 81–88. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-81-88. EDN: FRDATM

On the Evolution of Municipal Duties and Magistracies in the Early Byzantine City

Aleksey A. Zhukov , Yana A. Dronova

Belgorod State National Research University,

85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: 1774214@bsuedu.ru, dronova@bsuedu.ru

Abstract. Municipal duties were a fundamental element of the city organization in the East during the Early Byzantine Empire. This paper examines the role played by the Early Byzantine Curials in this area. The Digest, a source of primary importance for the study of municipal life during the Late Empire, has very limited significance for the 6th century, since the historical evolution of the municipal system changed the traditional magistracies and their functions. In the Late Empire, the monetary aspect predominates more and more clearly in the changing functions of the magistracies. At this time, the magistracies undergo an evolution, turning from elective positions into administrative ones. By the 5th-6th centuries, most of the traditional magistracies in the cities have already disappeared. The transition of municipal functions from the curials to a new elite – the prototititors – reflects the evolution of the main urban magistracies in the 6th-7th centuries A.D. This is part of the process of profound changes in the late antique city – its Byzantinization.

Keywords: late antiquity, curia, polis, city, magistracies, *munera*, curials, Digest, early Byzantine period

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Zhukov A.A., Dronova Ya.A. 2026. On the Evolution of Municipal Duties and Magistracies in the Early Byzantine City. *Via in tempore. History and political science*. 53(1): 81–88 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-81-88. EDN: FRDATM

Введение

Финальная эволюция позднеантичного города в ранневизантийское время может быть названа византинизацией [Болгов, 2023, с. 196–216]. На смену традиционным магистратурам, занимаемым куриалами, вместе с новыми людьми (новая внешняя знать) постепенно приходят новые должности, связанные с государством [Глушанин, 1991; Laniado, 2014, p. 545–566].

В VI веке система полисных обязанностей (*munera*), детально регламентированная в законах (в итоговой форме в Дигестах), теряет прежнюю структуру. На примере ранневизантийских куриалов можно увидеть, что различия между личными и имущественными повинностями стираются, уступая место преимущественно финансовым обязательствам. Это отражает глубинные изменения в процессе византинизации позднеантичного города.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются магистратуры и система муниципальных обязанностей в позднеантичных городах Восточной Римской империи (V–VI вв.), рассматриваемые через правовые аспекты и социальные институты.

Методами исследования являются метод контент-анализа (анализ содержания письменных источников), сравнительно-исторический, анализа и синтеза.

Результаты и их обсуждение

Судя по имперскому законодательству, роль куриалов в деятельности муниципальных магистратур была еще весьма важной в V–VI вв. Быть членом городской общины в это время означало прежде всего выполнять муниципальные, а порой и прочие обязанности. Поэтому новая знать, внешняя по отношению к городу, но связанная с государством, стремится осесть в городе, получив права граждан, но вместе с тем и обязанности. Конституция 465 г., например, подтверждает иммунитет лиц, не являющихся куриалами, которые добровольно приняли на себя муниципальные обязанности.

Paraphrasis Theophili, греческая версия *Institutiones* Юстиниана – свод, датированный, вероятно, 540 гг., считается работой одного автора, предположительно проживавшего в Константинополе, поскольку он никогда не упоминает профессоров права Берита и приводит Августейон в качестве примера «общественного места». Этот юрист определяет курию так: «Курия: коллегия общественных деятелей, которые собираются вместе, чтобы организовать различные муниципальные службы города, куриалами которого они являются» [цит. по: Laniado, 2002, p. 90]. Таким образом, курия – это коллегия (*συστήμα*), членами которой являются «общественные» (а не «фискальные») люди.

Членство в курии не является обязательным условием работы в ней; задачи курии – в основном муниципальные (*πολιτικῶν πραγμάτων διαφορῶν*), в то время как налогообложение в пользу государства – основная обязанность курий в соответствии с имперским законодательством, ставится на последнее место.

С другой стороны, подчеркивается литургический аспект и игнорируется совещательный аспект деятельности курии, которая к тому же не определена как главный институт города. Употребление термина *συστήμα* имеет важное значение в этом отношении.

К V–VI вв. большинство традиционных магистратур в городах уже исчезли [Laniado, 2002, p. 89–102]. Переход муниципальных функций от куриалов к новой элите – *πρωτοκτητορες* – отражает эволюцию главных городских магистратур в VI–VII вв. [Saradi, 2006].

Автор парафразы приводит четыре примера сборов на выполнение муниципальных обязанностей, которые они организуют: первый (гиппотрофия) означает содержание лошадей (для ипподрома), значение второго мы не знаем (предположительно, военная подготовка), стратегия – военное искусство, и, собственно, сбор налогов [Laniado, 2002, p. 92].

Гиппотрофия приведена в качестве первого примера. Это, несомненно, отражает важность скачек в ранневизантийском мире, но доля куриалов в этом деле незначительна, согласно другим источникам. Более того, в ранневизантийскую эпоху это был скорее уже налог, а не обязанность (*municipus*) [Серов, 1999, с. 38–50].

Упоминание о *стратегии* в данном случае является анахронизмом, поскольку эта муниципальная магистратура исчезла на Востоке до VI в. Верховные магистраты позднеантичного города, включая стратегию, по-видимому, исчезли еще до конца V в. Лишь в Киренаике посвящение, датируемое, вероятно, VI в., относится к некоему Самфудиону (или Самфосу, сыну Диона), избранному *стратегом* (*στρατηγός*) города, название которого утеряно [Goodchild, Reynolds, 1962, p. 44–46]. Помимо этого случая, последние свидетельства о стратегии, относящиеся к 1-й половине V в., относятся к дуумвирату двух общин диоцеза Восток: Гелиополя (Ливанская Финикия) и Газы (Палестина). Примечательно, что составители Кодекса Юстиниана сохранили упоминания стратегии из старых законов, хотя уже в 415 г. отмечалось отсутствие традиционных магистратов во многих городах.

Помимо упомянутых примеров эпиграфика дает еще много примеров тех или иных магистратур.

Так, *гимнасиарх* последний раз упоминается в Египте в 414–415 гг.

Агораномия была заменена *cura civitatis*.

В Афинах *архон* – эпоним все еще засвидетельствован в 485 г.

В Патрах (Ахайя) одна надпись посвящена *duumvir quinquennalis* (*архон πενταετηρον*) – магистратуре, редко упоминаемой в восточной части империи.

Муниципальные функции, учрежденные во времена принципата, все еще засвидетельствованы в ранневизантийскую эпоху. Самая старая из них – *cura civitatis*, датируемая периодом правления Траяна (98–117). Первоначально экстраординарная, она постепенно получила широкое распространение и была приравнена к муниципальной магистратуре, которую также осуществляли куриалы. В IV–V вв. несколько *curatores* были куриалами. В последующие века *cura civitatis* все еще засвидетельствована, но среди ее членов не обнаружено ни одного куриала, за исключением папируса, который невозможно с уверенностью датировать после V в.²⁵

Exactio, которое касается взыскания задолженности, является еще одной необычной функцией, получившей широкое распространение в поздней империи. Судя по немногочисленным папирусам VI в., *εξακτορία* больше не имеет отношения к курии.

Defensio civitatis, имперская должность со второй половины IV в. [Новицкая, 1965, p. 113–122], если не раньше, была предназначена для защиты плебеев (CTh I, 29, 1 (364; *Pluricum*)). Куриалы не могли занимать эту должность [Laniado, 2006, p. 319–334]. Воспроизведенный в Кодексе Юстиниана (534) (CTh I, 29, 3 = CJ I, 55, 2), этот запрет отменен новеллой 15 (535), которая предписывает каждому знатному (*εκαστον των σεμνοτερων*) осуществлять *defensio civitatis* по очереди (Nov. 15, 6, 1, p. 114). Должность долгое время сохранялась в Херсонесе Таврическом [Алексеенко, 2005, с. 67–75].

Pater civitatis, ответственный за муниципальные финансы, засвидетельствован со 2-й половины V в. (P. Оху. LXIII 4393). Информация, которая в основном носит эпиграфический и папирологический характер, в настоящее время включает трех или четырех куриалов: в Оксирихе письмо V в. адресовано Флавию Фебаммону, *πολιτευομενω πατρι π[ο]λεως*. Также в Оксирихе письмо VI в. адресовано Феону, который также был *πολιτευομενω πατρι πολεως*. В Пелусии в папирусе конца V или начала VI в. упоминается Феодосий, *πολ(ιτευομενον) και πατερα*.

²⁵ SPP VIII 1025 (Hermopolis; V/VI c.).

Riparii, которых можно определить как начальников муниципальной полиции, появляются в Египте примерно в середине IV в. и все еще существуют после арабского завоевания. За одним исключением, *gīrariā* отсутствует в известном в настоящее время имперском законодательстве. Папирусы свидетельствуют о литургическом характере этой должности, среди обладателей которой в IV и V вв. было несколько куриалов. В VI в. единственный известный случай – Флавий Панольбий, *gīrariūs* из Антеополя в 517 г. (P. Flor. III 281).

В VI–VII вв. наиболее важной муниципальной функцией в Египте была *пагархия*, которую часто выполняли самые выдающиеся муниципальные деятели индивидуально или коллегиально. В папирусе VI в., возможно, из Гермополя, мы можем прочитать: *παγαρχ* 'Αμμωνίου πολ(ιτευομενου)²⁶. Коптский папирус от 649 г. адресован Либерию, *περιβλεπτος πολιτευομενος* и пагарху Эдфу (Аполлонополь Великий).

Интересным случаем является ситуация с *ситонией*: Анастасий поручает епископу и новой знати города избирать кандидатов на этот пост, в то же время оставляя осуществление этого выбора за официалами провинции. Таким образом, куриалы исключены из списка к избранию на эту должность.

Итак, на основе приведенных примеров видно, что роль куриалов в исполнении муниципальных функций незначительна. Это очевидно для Египта, где роль, которую играют новые знатные люди, не являющиеся куриалами, хорошо задокументирована.

Возникает вопрос, не делает ли снижение социального и экономического статуса куриалов непригодными для выполнения этих функций. Однако было бы неразумно делать обобщения на примере лишь Египта, поскольку непапирологические данные отсутствуют.

Некоторые другие соображения позволяют смягчить такой вывод даже в отношении Египта. Упоминание статуса (куриального или сенаторского) и почетных званий магистратов и муниципальных служащих не является систематическим, равно как и упоминание о ранее занимаемых должностях магистратов. Флавий Панольбий, *gīrariūs* Антеополя в 517 г., упоминается в нескольких папирусах, два из которых определенно датируются более поздним периодом применения *gīrariā*, о котором они не упоминают. Кроме того, большинство египетских куриалов VI–VII вв. известны по частным документам, что может объяснить молчание об их муниципальной карьере.

Как и члены городских советов эпохи принципата, куриалы поздней империи обязаны были принимать участие в управлении городом. Но опять же, есть очень мало информации о вкладе куриалов в расходы или об их деятельности в других сферах муниципальной жизни.

Курии богатых городов управляют расходами непосредственно, в то время как в других городах их коллеги обязаны вносить свой финансовый вклад для обеспечения управления муниципальными расходами. В результате конфискации значительной части муниципальной собственности в IV в. *munera personalia* фактически превратилась в *munera mixta* или *patrimonii* [Курбатов, 1971; Jones, 1964, p. 131, 146–147, 732–733]. Увеличивается вклад граждан в целом и в частности куриалов и новой знати.

Такое положение дел беспокоит государство, поскольку большие муниципальные расходы могут уменьшить благосостояние курии. Эта забота, проявившаяся в законе 409 г. о финансировании игр, может объяснить исключение куриалов Антиохии из числа самых богатых *munera* – сириархии и алитархии. Но сама эта озабоченность может быть объяснена скромностью вклада куриалов в муниципальные расходы.

Вклад куриалов едва покрывает треть расходов на содержание лошадей на ипподроме (320 солидов) или пятую часть расходов на общественные бани (497 солидов). Доля куриалов в финансировании ипподрома еще больше сократилась в Приморской Кесарии, согласно таблице гиппотрофов, сохранившейся в надписи VI или VII в. [Lifshitz, 1965, p. 120].

Согласно Конституции 469 г., присутствие куриалов, *honorati* и *possessores* является обязательным при продаже муниципальной собственности. Вероятно, это последний закон, в

²⁶ SPP VIII 1028, 1; PLRE III, 57 (Ammonius 3).

соответствии с которым куриалы привлекались к работе в муниципальной финансовой инспекции, если только это не имперская Конституция об отмене хрисаргира (498) [Серов, 2000; Haarer, 2006], положение которой касается распределения доходов на муниципальные расходы в обоих случаях, за исключением отмены налога.

В 530 г. муниципальная финансовая инспекция была возложена на епископа и новую знать города и в порядке исключения на логофетов, присланных императором.

Новелла 128 (545) запрещает вмешательство сборщиков налогов (*αλαιτητα*) в управление муниципальными финансами – мера, которая также должна была касаться куриалов, ответственных за сбор налогов. В той же новелле епископу и новой знати поручается избрание *pater civitatis*, ситонов и других должностных лиц (*διοικηται*) (Nov. 128, 16). Можно предположить, что инспекция муниципальных финансов никогда не запрещалась самым выдающимся из куриалов, но очевидно, что курия как таковая больше не играет в этом никакой роли.

Вероятно, именно их высокое положение в городе, а не статус куриала, позволяет *λαϊτροτατοι πολιτεομενοι* Аскалона или Газы брать на себя инициативу в области муниципальных финансов. Об этом свидетельствует вопросник Варсануфия и Иоанна в монастыре аввы Серида к югу от Газы (Quest. 835).

Мало что известно о роли, которую, возможно, играли куриалы в других сферах муниципальной жизни. В интересующую нас эпоху курия уже не является главным органом города, за исключением нескольких исключительных случаев. Аналогичным образом курии больше не играют доминирующей роли при назначении муниципальных магистратов или при выборах епископов. Они также не выступают в качестве муниципальных послов, эта функция часто поручается епископам [Rautman, 2011, с. 1–26]. В историографии существует спор о единовременном акте относительно изменения роли и характера курий [Болгов, Жуков, 2024, с. 820–830].

Однако включение нескольких Конституций Кодекса Феодосия в Кодекс Юстиниана вызывает несколько предположений. Согласно имперской конституции 362 г., назначение лиц, занимающих муниципальные кафедры риторики (*magistri studiorum doctoresque*), входит в компетенцию курии (*iudicio ordinis... decretum curialium... optimorum... consensu*).

Курия поздней империи, которая в принципе не является судебным органом, тем не менее выполняет определенные функции и в этой области (CTh III, 17, 3; CJ V, 33, 1). В Кодексе Юстиниана есть параграф, касающийся назначения опекунов в провинциях (CJ V, 33, 1, 5). Однако на Востоке соответствующие сведения отсутствуют.

Согласно другим Конституциям, куриалы обязаны следить за соблюдением имперского законодательства и несут ответственность за его нарушение (CTh IX, 3, 7 = CJ I, 4, 9).

Согласно другой Конституции, касающейся Африки, куриалы и *possessores* должны участвовать в пресечении актов насилия в отношении церквей и духовенства. Наконец, Восточная Конституция 428 г., касающаяся еретиков, грозит штрафом в размере 20 фунтов золота губернаторам, *defensores civitatum* и куриалам, которые не выполняют свои обязанности (CTh XVI, 5, 65, 3 = CJ I, 5, 5, 2).

Согласно Конституции 479 г., *officium*, куриалы и *defensor civitatis* несут ответственность за применение новой меры, предписывающей уходящим губернаторам оставаться в своих провинциях в течение 50 дней после истечения срока их полномочий. Это положение, повторенное в законах VI в., в дальнейшем игнорирует роль куриалов, но подчеркивает роль епископа.

В нескольких конституциях и новеллах Юстиниана перечислены должностные лица, ответственные за применение законов на имперском, провинциальном и муниципальном уровнях (*defensores, patres, πρωτεροντες*). Куриалы там никогда прямо не упоминаются [Laniado, 2002, p. 100].

Законодательство Юстиниана не отводит куриалам никакой роли в проверке муниципальных финансов. Эта ситуация возникла в результате снижения статуса куриалов и появления новой знати города, не относящейся к куриалам.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что ранневизантийские куриалы играли все более снижающуюся роль в муниципальной жизни в позднеантичный период по сравнению с предыдущим временем [Курбатов, 1956]. По всей видимости, первопричиной снижения их положения была их роль в вопросах налогообложения, рассматриваемая государством и имперским правом как их основная функция [Серов, 2001, с. 46–55]. Вместе с ними снижалась и реальная роль муниципального самоуправления, а следовательно, и всего позднеантичного города в процессе византинизации [Dunn, 1994, p. 60–81].

Список литературы

- Алексеенко Н.А. 2005. Defensor civitatis (эkdик) и его роль в управленческом аппарате Херсона IX в. В: Античная древность и средние века (АДСВ). Вып. 36. Екатеринбург: 67–75.
- Болгов Н.Н. 2023. Византинизация позднеантичного города в Восточном Средиземноморье: к постановке проблемы. В: Byzantinoturica. Журнал византийских и средиземноморских исследований. Т. 1. Санкт-Петербург, Алетей: 196–216.
- Болгов Н.Н., Жуков А.А. 2024. К проблеме этатизации позднеантичного полиса: Марин Сириец и проблема роспуска городских курий в начале VI в. *Via in tempore. История. Политология*. Т. 51(4): 820–830.
- Глушанин Е.П. 1991. Военная знать Ранней Византии. Барнаул, АлтГУ, 244.
- Курбатов Г.Л. 1956. Городские курии и сословие куриалов в ранней Византии IV–VI вв.: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград, ЛГУ, 18.
- Курбатов Г.Л. 1971. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. (Конец античного города в Византии). Ленинград, ЛГУ, 220.
- Новицкая К.И. 1965. Defensor civitatis. *Вестник древней истории*. 2: 113–122.
- Серов В.В. 2000. Финансовая политика ранневизантийского императора (анализ мероприятий Анастасия I). Барнаул, Азбука, 190.
- Серов В.В. 1999. Эволюция процедуры сбора налогов в ранней Византии (в конце III – начале VI в.). В: АДСВ. Вып. 30. Екатеринбург: 38–50.
- Серов В.В. 2001. К вопросу о месте курий в ранневизантийском государстве: финансовый аспект. *Византийский временник*. Т. 60(85): 46–55.
- Dunn A. 1994. The Transition from Polis to Kastron in the Balkans (III–VII cc): General and Regional Perspectives. *Byzantine and Modern Greek Studies*. Vol. 18: 60–81.
- Goodchild R.G., Reynolds J.M. 1962. Some Military Inscriptions from Cyrenaica. In: *Papers of the British School at Rome*. N.S. 17: 44–46.
- Haarer F.K. 2006. Anastasius I: Politics and Empire in the Late Roman World. Cambridge, UP, 352 p.
- Jones A.H.M. 1964. The Later Roman Empire 284–602. A Social, Economic and Administrative Survey. 3 vols. Oxford, Basil Blackwell, 1054 p.
- Laniado A. 2006. Le christianisme et l'évolution des institutions municipales du Bas-Empire: L'exemple du defensor civitatis. In: *Die Stadt in der Spätantike – Niedergang oder Wandel?* Stuttgart: 319–334.
- Laniado A. 2002. Recherches sur les notables municipaux dans l'empire protobyzantin. Paris, CHCB, 296 p.
- Laniado A. 2014. From Municipal Councillors to «Municipal Landowners». Some Remarks on the Evolution of the Provincial Elites in Early Byzantium. In: *Chlodwigs Welt: Organisation von Herrschaft um 500*. Stuttgart: 545–566.
- Lifshitz B. 1965. Inscriptions de Césarée en Palestine. In: *Revue Biblique*. Vol. 72, No. 1: 118–136.
- Rautman M. 2011. Sardis in Late Antiquity. Archaeology and the Cities of Asia Minor in Late Antiquity. *Ann Arbor*: 1–26.
- Saradi H.G. 2006. The Byzantine City in the Sixth Century. Literary Images and Historical Reality. Athens, Society of Messenian Archaeological Studies, 543 p.

References

- Alekseenko N.A. 2005. Defensor civitatis (ekdik) i ego rol' v upravlencheskom apparate Hersona IX v. [Defensor civitatis (ekdikos) and its Role in the Administrative Apparatus of Cherson in the 9th Century]. In:

- Antichnaya drevnost' i srednie veka (ADSV) [Ancient Antiquity and the Middle Ages]. Vyp. 36. Ekaterinburg: 67–75.
- Bolgov N.N. 2023. Vizantinizaciya pozdneantichnogo goroda v Vostochnom Sredizemnomor'e: k postanovke problem [Byzantinization of a Late Antique City in the Eastern Mediterranean: Towards a Problem Statement]. In: Byzantinotaurica. Zhurnal vizantijskih i sredizemnomorskih issledovanij [Byzantinotaurica. Journal of Byzantine and Mediterranean Studies]. T. 1. St. Petersburg, Aletejya: 196–216.
- Bolgov N.N., Zhukov A.A. 2024. K probleme jetatizacii pozdneantichnogo polisa: Marin Siriec i problema rospuska gorodskih kurij v nachale VI v. [On the Problem of the Etatization of the Late Antique Polis: Marin the Syrian and the Problem of the Dissolution of the Urban Curiae at the Beginning of the 6th Century]. *Via in tempore. Istorija. Politologija* [Via in tempore. History. Political Science]. T. 51(4): 820–830.
- Glushanin E.P. 1991. Voennaya znat' Rannej Vizantii [Military Nobility of Early Byzantium]. Barnaul, AltGU, 244 p.
- Kurbatov G.L. 1956. Gorodskie kurii i soslovie kurialov v rannej Vizantii IV–VI vv.: Avtoreferat diss. ... kand. ist. nauk [Urban Curiae and the Curial Class in Early Byzantium in the 4th–6th Centuries: Abstract of diss. ... Cand. of History Sciences]. Leningrad, LGU, 18 p.
- Kurbatov G.L. 1971. Osnovnye problemy vnutrennego razvitiya vizantijskogo goroda v IV–VII vv. (Konec antichnogo goroda v Vizantii) [The Main Problems of the Internal Development of the Byzantine City in the IV–VII Centuries (The End of the Ancient City in Byzantium)]. Leningrad, LGU, 220 p.
- Novickaya K.I. 1965. Defensor civitatis. In: Vestnik drevnej istorii (VDI) [Herald of Ancient History]. 2: 113–122.
- Serov V.V. 2000. Finansovaya politika rannevizantijskogo imperatora (analiz meropriyatij Anastasiya I) [Financial Policy of the Early Byzantine Emperor (Analysis of the Events of Anastasius I)]. Barnaul, Azbuka, 190 p.
- Serov B.B. 1999. Evolyuciya procedury sbora nalogov v rannej Vizantii (v konce III – nachale VI v.) [Evolution of the Tax Collection Procedure in Early Byzantium (Late 3rd – Early 6th Century)]. In: ADSV. Vyp. 30. Ekaterinburg: 38–50.
- Serov B.B. 2001. K voprosu o meste kurij v rannevizantijskom gosudarstve: finansovyj aspect [On the Place of Curiae in the Early Byzantine State: The Financial Aspect]. In: Vizantijskij vremennik [Byzantine Timetable]. T. 60(85): 46–55.
- Dunn A. 1994. The Transition from Polis to Kastron in the Balkans (III–VII cc): General and Regional Perspectives. *Byzantine and Modern Greek Studies*. Vol. 18: 60–81.
- Goodchild R.G., Reynolds J.M. 1962. Some Military Inscriptions from Cyrenaica. In: *Papers of the British School at Rome*. N.S. 17: 44–46.
- Haarer F.K. 2006. Anastasius I: Politics and Empire in the Late Roman World. Cambridge, UP, 352 p.
- Jones A.H.M. 1964. The Later Roman Empire 284–602. A Social, Economic and Administrative Survey. 3 vols. Oxford, Basil Blackwell, 1054 p.
- Laniado A. 2006. Le christianisme et l'évolution des institutions municipales du Bas-Empire: L'exemple du defensor civitatis. In: *Die Stadt in der Spätantike – Niedergang oder Wandel?* Stuttgart: 319–334.
- Laniado A. 2002. Recherches sur les notables municipaux dans l'empire protobyzantin. Paris, CHCB, 296 p.
- Laniado A. 2014. From Municipal Councillors to «Municipal Landowners». Some Remarks on the Evolution of the Provincial Elites in Early Byzantium. In: *Chlodwigs Welt: Organisation von Herrschaft um 500*. Stuttgart: 545–566.
- Lifshitz B. 1965. Inscriptions de Césarée en Palestine. In: *Revue Biblique*. Vol. 72, No. 1: 118–136.
- Rautman M. 2011. Sardis in Late Antiquity. *Archaeology and the Cities of Asia Minor in Late Antiquity*. Ann Arbor: 1–26.
- Saradi H.G. 2006. The Byzantine City in the Sixth Century. *Literary Images and Historical Reality*. Athens, Society of Messenian Archaeological Studies, 543 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 08.09.2025

Received 08.09.2025

Поступила после рецензирования 17.12.2025

Revised 17.12.2025

Принята к публикации 21.12.2025

Accepted 21.12.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жуков Алексей Андреевич, аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0002-9923-0051](https://orcid.org/0009-0002-9923-0051)

Дронова Яна Алексеевна, кандидат исторических наук, ассистент, кафедра всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-1518-9902](https://orcid.org/0000-0003-1518-9902)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksey A. Zhukov, Postgraduate Student, Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Yana A. Dronova, Candidate of Sciences in History, Assistant, Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-1-89-96

EDN GRDMPX

Оригинальное исследование

К вопросу о представлении Александрии в латинской топографической литературе IV–IX вв.

Руднева М.А. ¹ , Родина Е.О. ²

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85;

² Средняя общеобразовательная школа № 24 им. Героя Советского Союза Ивана Петровича Крамчанинова,
Россия, 308018, г. Белгород, ул. Корочанская, д. 318
E-mail: rudneva@bsuedu.ru, katerinarodina918@gmail.com

Аннотация. В статье изучаются источники, содержащие информацию о паломничествах, совершенных в Александрию и её окрестности. Проанализированы ключевые произведения латинской топографической литературы. Исследование позволяет подтвердить активное функционирование паломнических маршрутов в Восточном Средиземноморье, в том числе и после арабского завоевания региона. Значительное количество упоминаний Александрии и Нижнего Египта в топографической литературе позволяет сделать вывод, что регион занимал достойное место по числу и влиянию христианских святынь. Свидетельства, оставленные путешественниками, представляют «взгляд со стороны» на различные аспекты развития региона в исследуемое время. Исследование позволило сделать вывод, что произведения латинской топографической литературы представляют ценность в изучении истории Александрии.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, Ранняя Византия, Александрия, город, паломничество, историческая топография

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Руднева М.А., Родина Е.О. 2026. К вопросу о представлении Александрии в латинской топографической литературе IV–IX вв. *Via in tempore. История. Политология.* 53(1): 89–96. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-89-96. EDN: GRDMPX

To the Question about the Representation of Alexandria in the Latin Topographical Literature of the 4th – 9th Centuries

Maria A. Rudneva ¹ , Ekaterina O. Rodina ²

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia;

Hero of the Soviet Union Ivan Petrovich Kramchaninov Secondary School No. 24,
318 Korochanskaya St., Belgorod 308018, Russia

E-mail: rudneva@bsuedu.ru, katerinarodina918@gmail.com

Abstract. The article analyzes sources containing information about pilgrimages to Alexandria and its environs. Key works of Latin topographic literature are analyzed. The study confirms the functioning of pilgrimage routes in the Eastern Mediterranean, which remained active even after the Arab conquest of the region. A significant number of references to Alexandria and Lower Egypt in topographic literature allows us to conclude that Alexandria occupied a worthy place in terms of the number and influence of Christian shrines. The evidence left by travelers provides an “outsider view” of the specifics of the region's development during the period under study. The research shows that the works of Latin topographical literature are of value in the study of the history of Alexandria.

Keywords: Late Roman Empire, Early Byzantium, Alexandria, city, pilgrimage, historical topography

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Rudneva M.A., Rodina E.O. 2026. To the Question about the Representation of Alexandria in the Latin Topographical Literature of the 4th – 9th Centuries. *Via in tempore. History and political science*. 53(1): 89–96 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-89-96. EDN: GRDMPX

Введение

Александрия Египетская в ранневизантийское время (IV – пер. пол. VII вв.) представляла собой один из наиболее важных городов Восточного Средиземноморья, чьё население имело сложную этно-конфессиональную структуру. Развитие города и его окрестностей в это время происходило под сильным влиянием процесса христианизации. Этот процесс затрагивал все сферы развития – от интеллектуальной мысли до формирования инфраструктуры, обеспечивающей христианских паломников комфортными условиями при посещении святых мест в регионе [Haas, 2001, p. 47–62]. Укрепление христианства в империи, особенно его интенсивное распространение в IV в., восстановление христианских святынь в период правления императора Константина стимулировали интерес верующих христиан к совершению паломничеств по святым местам, что, в свою очередь, вызывало у путников желание зафиксировать свои впечатления от соприкосновения с «живой историей Спасителя, Богородицы и Апостолов» [Пашков, 2023, с. 23–36; Бибииков, 2024, с. 44–50]. Вместе с этим увеличение числа паломников наблюдается лишь к концу IV в. [Wipszycka, 1995, p. 429–438]. Несмотря на разность в оценках мотивов христиан в совершении паломничеств [Родина, 2023, с. 44–52; Wipszycka, 1995, p. 429–438; Grossmann, 1998, p. 281–302 и др.] и определении отдельных аспектов причин интенсивного развития паломнических практик, следует согласиться с утверждением Е. Випшицкой, что постепенно христиане проявляют свою веру «более выразительно» [Wipszycka, 1995, p. 429–438]. Репрезентация паломничеств в письменной традиции также становятся более обширной. Нижний Египет известен как одно из первых мест возникновения монашества, что выступало в качестве весомого фактора в формировании представления о регионе как одном из ведущих центров развития христианства. Изучение латинских топографических сочинений IV–IX вв., содержащих информацию о посещении Александрии и её окрестностей, позволяет не только получить сведения непосредственно о развитии региона, но и представляет интерес в части обнаружения «взгляда со стороны», т. е. выявления особенностей восприятия авторами, происходившими из других мест империи, специфики регионального развития Нижнего Египта, в том числе в период, последовавший за арабским завоеванием.

Объект и методы исследования

В качестве объекта исследования выступили установленные факты по истории Александрии и Египта в исследуемое время, предметом – специфика отражения информации о посещении Александрии в латинских топографических трудах IV–IX вв. Исследование потребовало задействования историко-биографического метода с целью определения ценностных установок и мотивов авторов письменных источников, особенностей их интерпретации представленных фактов, событий и явлений. Историко-сравнительный метод позволил детализировать особенности авторского освещения событий посредством сопоставления изложения информации в различных источниках. Характер исследования обусловил необходимость применения комплексного подхода к изучению источниковой базы, сравнения информации письменных источников с данными археологии, а также применения междисциплинарных методов в части изучения природно-климатических условий исторического развития региона.

Результаты и их обсуждение

О посещении Александрии в процессе паломничества сообщается в труде Св. Эгерии («Itinerarium Egeriae», IV в.) (Itin. Eg. III, 8, 64–65; IX, 6, 26). Произведение IV в., дошедшее до

настоящего времени фрагментарно в кодексе XI в., является одним из наиболее ранних и важных трудов подобного рода [Черняк, 2011, с. 543–560; Грищук, 2020, с. 266–273]. Автор сочинения происходила из Галисии в Испании и принадлежала к аскетической общине [Пашков, 2023, с. 23–36]. Паломничество в Святую Землю, нацеленное, прежде всего, на посещение Иерусалима, было совершено в 381–384 гг. [Черняк, 2011, с. 543–560]. Египет интересовал Эгерью с позиции исследования библейских сюжетов. Источник представляет важные сведения о разнообразных аспектах развития Египта в ранневизантийское время [Черняк, 2010, с. 436–443; Черняк, 2018, с. 1355–1368]. Несмотря на то что в труде нет сколько-нибудь пространного описания Александрии, сами упоминания о посещении города являются важным свидетельством того, что в изучаемое время в город прибывали паломники из столь отдаленных мест империи.

Относительно исследуемой проблемы важное значение имеет анонимный отчет о паломничестве, совершенном между 551 и 614 гг. [Жукова, 2024, с. 309–316], приписывавшийся авторству Антонина из Плаценции (совр. Пьяченца в северной Италии) («Antonini Placentini itinerarium», VI в.) [Пашков, 2023, с. 23–36]. В произведении неоднократно упоминается Александрия (Itin. Ant. Plac. 11; 45). Автор труда отметил, что, находясь в Египте, посетил место поклонения Св. Мины и далее на корабле по озеру направился в Александрию (Itin. Ant. Plac. 45). Культ Св. Мины был популярен в Египте и его административной столице, о чем свидетельствует в том числе большое количество глиняных ампул с изображением святого [Помяловский, 1895; Wipszycka, 1995, р. 429–438; Haas, 1997, р. 436–437]. Свидетельство подтверждает, что место поклонения Св. Мине располагалось не в самой Александрии, а в одном из монастырей за пределами города, расположенном западнее. Исследователи полагают, что озеро, по которому паломник направился в Александрию, – Мареотис (Мареотида, Мариут и др. варианты перевода названия; совр. Марьют) [Помяловский, 1895]. Размер озера в древности был в несколько раз больше современного; согласно сообщению Палладия (V в.), посвященному нитрийским подвижникам, для того, чтобы пересечь озеро от Александрии до монашеского поселения Нитрия, располагавшего на самом южном берегу озера, ему понадобилось полтора дня (Pallad. Hist. Laus. 7, 1) [Haas, 2001, р. 47–62; Khalil, 2011, р. 135–145]. Согласно выводам исследователей, подобное путешествие могло занять и большее количество времени в связи с особенностями навигации [Khalil, 2011, р. 135–145]. Примечательной деталью описания «Антонина» является указание на то, что в упомянутом озере было много крокодилов. Характеристика Александрии содержится в кратком описании и ограничена информацией о том, что это знаменитый город, чье население названо легкомысленным, но любящим иностранцев, много ересей (Itin. Ant. Plac. 45). Далее следует обозначение множества почитаемых святых, среди которых названы имена пятерых (Св. Афанасий, Св. Фавст, Св. Епимахий, Св. Антоний, Св. Марк) (Ibid.).

Характеризуя представление Александрии в латинской топографической литературе, невозможно обойти вниманием сочинение «О Святых местах» («De Locis Sanctis»), записанное Адамнаном на основе свидетельств о путешествии франкского епископа Аркульфа (VII в.) и одноименное сочинение Беда Достопочтенного (672/673 – 735 гг.). В исследовании А.Г. Глебова отмечено, что труды Аркульфа и Беда не относятся к типичной паломнической литературе, а представляют собой экзегетические работы, где в качестве основной задачи при описании топографии крупнейших городов Востока ставилось уточнение отдельных вопросов Библии, связанных со святыми местами [Глебов, 2021, с. 23–26]. Подобного рода сочинения могут быть отнесены к отдельной группе «экзегетико-топографических справочников» [Тоскин, 2015, с. 106; Глебов, 2021, с. 23–26].

Аркульф – франкский епископ, который путешествовал по Святой земле около 670 г. Согласно «Истории церкви в Англии» Беда (Beda. HE. V, 15), Аркульф был епископом из Галлии, потерпел кораблекрушение на берегу Айоны (остров в архипелаге Внутренних Гебридских островов, на западе Шотландии) на обратном пути из паломничества в Святую Землю. Его гостеприимно принял Адамнан, настоятель островного монастыря (с 679 по 704 гг.), которому он подробно рассказал о своих путешествиях. Адамнан с помощью

некоторых других источников смог создать сочинение «О святых местах» – описательный труд в трех книгах, посвященный Иерусалиму, Вифлеему и другим местам Палестины, а также кратко – Александрии и Константинополю.

В источнике содержится обстоятельная информация о расположении Александрии, в том числе свидетельствующая о том, что город находился среди водных пространств, поскольку на юге был «окружен устьями Нила», а на севере – морем (Adamn. De loc. sanct. II, XXX, 5; 21–22). В сочинении Адамнана акцентируется внимание на ограниченности городского пространства, связанной с географическими условиями (Adamn. De loc. sanct. II, XXX, 5; 23), влияние подобного расположения на особенности эволюции городской топографии Александрии к настоящему моменту тщательно проанализировано в зарубежной и отечественной историографии [Зайцева, 2018, с. 222–226; Руднева, 2020, с. 577–587; Болгов, 2023, с. 199–219; Haas, 1997, p. 21; McKenzie, 2007 и др.]. В источнике найдена информация и о городских стенах и укреплениях: «город окружен длинной цепью стен, укрепленных частыми башнями, построенными по краю реки и изгибающемуся берегу моря» (Adamn. De loc. sanct. II, XXX, 24). Данное сообщение в комплексе с указаниями, содержащимися в «Хронике» коптского епископа Иоанна Никиусского (VII в.), позволило А. Батлеру и П. Фрейзеру уточнить особенности фортификационной системы города и специфику расположения стен в древности, в частности городская стена плотно примыкала к одному из каналов Нила, в то время как картографические материалы и планы ошибочно содержат указания на существование значительного пространства между стенами и речным каналом [Butler, Fraser, 1978, p. 398–399]. Подобная ошибка при составлении карт и планов могла быть связана с тем, что картографы не в полной мере учитывали сокращение площади города в Средние века (Ibid.).

В труде Адамнана содержится подробное описание гаваней с учетом особенностей навигации, внимание уделено и знаменитому Александрийскому маяку, располагавшемуся на острове Фарос, прежде всего, особенностям обеспечения его работы и функциональному значению. В характеристике занятий населения акцент сделан на взаимосвязи земледелия и водной транспортной системы, обеспечивающей перемещение сельскохозяйственных товаров не только в регионе, но и за его пределами. Не лишено описание и отдельных деталей, важных для характеристики экологической ситуации в регионе, таких как упоминание о населенности Нила крокодилами (Adamn. De loc. sanct. II, XXX, 29). Можно говорить о том, что представленная информация носит комплексный характер и содержит ряд важных свидетельств об особенностях топографического положения города, его строительстве в соотношении с природно-климатическими условиями, роли в социально-экономическом развитии региона и значении в Средиземноморской торговле.

Относительно христианских святынь Адамнан указал на место положения церкви, в которой во время паломничества Аркульфа покоились мощи евангелиста Св. Марка: «... когда они вошли из Египта в Александрию, встретили на северной стороне большую церковь, в которой покоится евангелист Марк; Его гробница находится перед алтарем в восточной части той же четырехугольной церкви» (Adamn. De loc. sanct. II, XXX, 25). В сообщении указывается на то, что надгробие было изготовлено из мрамора [Butler, Fraser, 1978, p. 372]. Таким образом, в отношении исследуемой проблемы труд Адамнана является одним из наиболее информативных среди сочинений подобного рода.

Информация о создании Адамнаном сочинения «О святых местах» сохранилась благодаря записям Беда Достопочтенного – монаха, писателя, одного из известнейших авторов раннего Средневековья. В 688 г. Адамнан посетил короля Альдфрида (Элдфрита) и, вероятно, в это посещение преподнес ему своё сочинение «О Святых местах». В последующем Беда Достопочтенный создал подобное сочинение на основе известных ему источников, которое включило в том числе сочинение Адамнана. В труде Беда оно будет представлено в переработанном и значительно сокращенном виде. Вероятно, Беда первоначально и предполагал подобную лаконичность в качестве одной из задач составления собственного труда [Тоскин, 2012, с. 79–81]. Сообщение Беда Достопочтенного об Александрии также содержит

более сжатый в объеме экскурс (Beda. De loc. sanct. XVIII), основанный на сочинении Адамнана. Соответствующий фрагмент включил краткую характеристику природно-климатических условий расположения Александрии, описание гаваней и маяка. Примечательно, что в характеристике городских гаваней в повествовании Беды сохранено сравнение рельефа местности с телом человека, вероятно, основанное на аналогичном фрагменте сочинения Адамнана (Adamn. De loc. sanct. II, XXX, 6–7; Beda. De loc. sanct. XVIII). Упоминание о церкви Св. Марка представлено в труде Беды практически в полном объеме. На фоне общего сокращения информации подобный шаг мог быть вполне целенаправленным и позволяет говорить о некотором смещении общего акцента. В дальнейшем вариант сочинения «О Святых местах» в композиции Беды получил гораздо большую, чем труд Адамнана, популярность и оказал влияние на распространение интереса к литературе, посвященной паломничеству и описанию христианских святынь [Тоскин, 2012, с. 79–81].

К более позднему времени относится упоминание Александрии, представленное в «Путевых заметках» Бернарда Мудрого («Bernardi Monachi Itinerarium», IX в.) (Itin. Bern. V–VI), созданных на основе впечатлений от паломничества, совершенного, вероятно, в период между 865 и 871 гг. [Halevi, 1998, p. 24–50]. Бернард указал на определенные трудности, связанные с финансовыми расходами, которые пришлось претерпеть для посещения города (Ibid.). В труде кратко охарактеризовано топографическое положение Александрии, упоминаются гавани, порт и близлежащие постройки (Itin. Bern. VI). «Путевые заметки» содержат указание на местонахождение церкви Св. Марка на территории монастыря за Восточными воротами, где присутствовали монахи. Согласно свидетельству Бернарда, в этой церкви располагались мощи евангелиста до того, как были похищены и вывезены венецианцами (Ibid.). Бернардом отмечено также, что в описываемое время в монастыре за Западными воротами, названном в честь Сорока Святых, также присутствовало подобное поселение монахов (Ibid.).

Выводы

Таким образом, краткий обзор, далеко не претендующий на полноту, позволяет получить представление о важности свидетельств, представленных в латинской топографической литературе в исследовании истории Александрии как ранневизантийского времени, так и периода, последовавшего за арабским завоеванием. Несмотря на то, что далеко не все авторы представленных сочинений обращались к описанию Александрии и окрестностей города специально, труды содержат значимые детали, позволяющие восполнить знания о развитии города в региональном контексте. Специфической составляющей подобной информации является определенная «свежесть» впечатлений людей, сталкивавшихся с регионом впервые. Подобная ситуация способствовала фиксации в записях уникальных деталей, вероятность упоминания которых при иной специфике авторства, возможно, могла бы быть меньше. Сопоставление подобных компонентов с информацией иных письменных источников и археологическими данными является перспективным направлением в исследовании города и региона.

Благодарность

Автор выражает искреннюю благодарность доктору исторических наук, профессору Болгову Н.Н. и участникам научного направления НИУ «БелГУ» «Классическая и византийская традиция».

Список литературы

- Болгов Н.Н. 2023. Византинизация позднеантичного города в Восточном Средиземноморье: к постановке проблемы. *Byzantinoturica. Журнал византийских и средиземноморских исследований*. 1: 199–219.
- Беда Достопочтенный. 2001. Церковная история народа англоv. Пер. В.В. Эрлихмана. Санкт-Петербург, Алетейя, 361 с.

- Бибииков М.В. 2024. Ранневизантийские описания Палестины. Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. *Гуманитарные и общественные науки*. 3(118): 44–50.
- Глебов А.Г. 2021. Раннесредневековая Англия и ислам: первые англосаксонские паломники в Святую землю. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 3: 23–26.
- Грищук В.И. 2020. Богослужения годовичного круга Иерусалимской церкви в IV веке по свидетельству паломницы Эгерии. *Актуальные вопросы церковной науки*. 2: 266–273.
- Жукова Н.В. 2024. Декаполис в письменной традиции (римский период и Поздняя античность). *Via in Tempore. История. Политология*. 51(2): 309–316.
- Зайцева И.В. 2018. Особенности исторической топографии Александрии Египетской. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. 45. 2: 222–226.
- Лавсаик Палладия. 2010. Иросанфион, или Новый рай: Собрание текстов монашеской агиографии Палестины, Египта и Византии V–XV вв. Отв. ред. Д.С. Бирюков; пер. Н.А. Олисовой, О.А. Родионова, А.Б. Ваньковой. Святая гора Афон: Изд. пустыни Новая Фиваида Афонского Русского Пантелеимонова монастыря, 444 с.
- Пашков П.А. 2023. Греческие и латинские описания святой земли до арабского завоевания характеристика источников и история изданий. *Каптеревские чтения*. 21: 23–36.
- Путник Антонина из Плаценции. Конца VI века. 1895. Ред. И.В. Помяловский. *Православный Палестинский сборник*. Санкт-Петербург, т. 13. Вып. 3(39): 1–189.
- Родина Е.О. 2023. К вопросу о характере ранневизантийского паломничества: прагматические аспекты. *Via in tempore. История. Политология*. 50(1): 44–52.
- Руднева М.А. 2020. Эволюция исторической топографии Александрии Египетской в ранневизантийское время. *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья*. 12: 577–587.
- Тоскин А.Ю. 2012. Трактат Беда Достопочтенного «О святых местах». *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология*. 4(30): 79–81.
- Тоскин А.Ю. 2015. Жанровая природа и языковые особенности трактатов De locis sanctis Адамнана Айонского и Беда Достопочтенного в контексте латинской топографической литературы IV–VIII вв. Дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 219 с.
- Черняк А.Б. 2010. «Паломничество Эгерии» как источник по архитектуре и сельскому хозяйству Египта IV в. н. э. (VII, 2 monasteria cum militibus; IX, 4 (vineae) quae dant balsamum). *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 14-2: 436–443.
- Черняк А.Б. 2011. Текстология «Паломничества Эгерии к святым местам». *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. Т. 7. 1: 543–560.
- Черняк А.Б. 2018. Egeriana I–V. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 22–2: 1355–1368.
- Bernardi Monachi Itinerarium. 1880. Itinera Hierosolymitana et Descriptiones Terrae Sanctae bellis sacris anteriora et Latina lingua exarata I. 2. Ed. T. Tobler, A. Molinier. Geneva: 309–320.
- Butler A.J., Fraser P.M. 1978. The Arab Conquest of Egypt and the Last Thirty Years of the Roman Dominion. Oxford: Oxford University Press, 563 p.
- Grossmann P. 1998. The Pilgrimage Center of Abû Mînâ. Pilgrimage and Holy Space in Late Antique Egypt. Ed. D. Frankfurter. Leiden; Boston, Brill: 281–302.
- Haas C. 1997. Alexandria in Late Antiquity: Topography and Social Conflict. Baltimore, London, Johns Hopkins University press, 494 p.
- Haas C. 2001. Alexandria and the Mareotis Region. Urban Centers and Rural Contexts in Late Antiquity. Ed. T.S. Burns, J.W. Eadie. Michigan: 47–62.
- Halevi L. 1998. Bernard, Explorer of the Muslim Lake: A Pilgrimage from Rome to Jerusalem, 867. *Medieval Encounters*. 4(1): 24–50.
- Itineraria et alia geographica. 1965. Ed. J. Fraipont. Corpus Christianorum, Series Latina. Turnhout: Brepols, 494 p.
- Khalil E. 2011. Waterfront Installations and Maritime Activities in the Mareotic Region. Lake Mareotis: Reconstructing the Past. Proceedings of the International Conference on the Archaeology of the Mareotic Region Held at Alexandria University, Egypt, 5–6 April 2008. Ed. L. Blue. *International Journal of Nautical Archaeology*. 40. 2: 135–145.
- McKenzie J. 2007. The Architecture of Alexandria and Egypt 300 B. C. to A. D. 700. New Haven; London, 460 p.
- Wipszycka E. 1995. Les pèlerinages chrétiens dans l'antiquité tardive. *Byzantinoslavica*. 56: 429–438.

References

- Bolgov N.N. 2023. Vizantinizacija pozdneantichnogo goroda v Vostochnom Sredizemnomor'e: k postanovke problem [Byzantinization of a Late Antique City in the Eastern Mediterranean: Towards Formulation of a Problem]. *Byzantinotaurica. Zhurnal vizantijskih i sredizemnomorskih issledovanij* [Byzantinotaurica. The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies]. 1: 199–219.
- Beda Dostopochtennyj. 2001. Cerkovnaja istorija naroda anglov [Ecclesiastical History of the English People]. Per. V.V. Jerlihmana. St. Petersburg, Aletejja, 361 p.
- Bibikov M.V. 2024. Rannevizantijskie opisanija Palestiny [Early Byzantine Descriptions of Palestine]. *Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'nyh issledovanij. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki* [Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences]. 3(118): 44–50.
- Glebov A.G. 2021. Rannesrednevekovaja Anglija i islam: pervye anglosaksonskie palomniki v Svjatuju zemlju [Early Medieval England and Islam: First Anglo-Saxon Pilgrims to the Holy Land]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Sociologija* [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology]. 3: 23–26.
- Grishhuk V.I. 2020. Bogoslužhenija godičnogo kruga Ierusalimskoj cerkvi v IV veke po svidetel'stvu palomnicy Jegerii [Worship of the Annual Cycle of the Jerusalem Church in the 4th Century as Attested by the Pilgrim Egeria]. *Aktual'nye voprosy cerkovnoj nauki* [Current Issues of Church Science]. 2: 266–273.
- Zhukova N.V. 2024. Dekapolis v pis'mennoj tradicii (rimskij period i Pozdnjaja antichnost') [Decapolis in the Written Tradition (the Roman Period and Late Antiquity)]. *Via in Tempore. Istorija. Politologija* [Via in tempore. History and political science]. 51(2): 309–316.
- Zajceva I.V. 2018. Osobennosti istoricheskoj topografii Aleksandrii Egipetskoj [Features of the Historical Topography of Egyptian Alexandria]. In: Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. *Istorija. Politologija* [Belgorod State University Scientific Bulletin History, Political Science]. 45. 2: 222–226.
- Lavsaik Palladija [The Lausiaca History of Palladius]. 2010. Irosanfion, ili Novyj raj: Sobranie tekstov monasheskoj agiografii Palestiny, Egipta i Vizantii V–XV vv. [Irosanfion, or New Paradise: Collection of Texts of Monastic Hagiography of Palestine, Egypt and Byzantium of the 5th–15th Centuries]. Otv. red. D.S. Birjukov; per. N.A. Olisovoj, O.A. Rodionova, A.B. Van'kovoju. Svjataja gora Afon: Izd. pustyni Novaja Fivaida Afonskogo Russkogo Panteleimonova monastyrja, 444 p.
- Pashkov P.A. 2023. Grecheskie i latinskie opisanija svjatoj zemli do arabskogo zavojevanija harakteristika istočnikov i istorija izdanij [Greek and Latin Descriptions of the Holy Land before the Arab Conquest: Characteristics of Sources and Publication History]. *Kapterevskie čtenija* [Kapterev Readings]. 21: 23–36.
- Putnik Antonina iz Placencii. Konca VI veka [The Traveler Antoninus of Placentia. Late 6th Century]. 1895. Red. I.V. Pomjalovskogo. *Pravoslavnyj Palestinskij sbornik* [Orthodox Palestine Collection]. St. Petersburg, T. 13. Vyp. 3(39): 1–189.
- Rodina E.O. 2023. K voprosu o haraktere rannevizantijskogo palomničestva: pragmatičeskie aspekty [To the Issue of the Nature of the Early Byzantine Pilgrimage: Pragmatic Aspects]. *Via in tempore. Istorija. Politologija* [Via in tempore. History and political science]. 50(1): 44–52.
- Rudneva M.A. 2020. Jevoljucija istoricheskoj topografii Aleksandrii Egipetskoj v rannevizantijskoe vremja [The Evolution of Historical Topography of Egyptian Alexandria in Early Byzantine Time]. *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ja* [Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region]. 12: 577–587.
- Toskin A.Ju. 2012. Traktat Bedy Dostopochtennogo «O svjatyh mestah» [The Venerable Bede's «On the Holy Places»]. *Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta* [St. Tikhon's University Review]. Serija 3: Filologija. 4(30): 79–81.
- Toskin A.Ju. 2015. Zhanrovaja priroda i jazykovye osobennosti traktatov De locis sanctis Adamnana Ajonskogo i Bedy Dostopochtennogo v kontekste latinskoj topograficheskoj literatury IV–VIII vv. [The Genre Nature and Linguistic Features of the Treatises De locis sanctis by Adamnans of Iona and Bede the Venerable in the Context of Latin Topographic Literature of the 4th – 8th Centuries]. Diss. ... kand. filol. nauk. Moscow, 219 p.
- Chernjak A.B. 2010. «Palomničestvo Jegerii» kak istočnik po arhitekture i sel'skomu hozjajstvu Egipta IV v. n. je. (VII, 2 monasteria cum militibus; IX, 4 (vineae) quae dant balsamum) [«Pilgrimage of Egeria» as a source of architecture and agriculture of Egypt IV century (VII, 2 monasteria cum militibus; IX, 4 (vineae) quae dant balsamum)]. *Indoevropejskoe jazykoznanie i klassičeskaja filologija* [Indo-European linguistics and classical philology]. 14–2: 436–443.

- Chernjak A.B. 2011. Tekstologija «Palomnichestva Jegerii k svjatym mestam» [Textual Study of «Eger's Travels»]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvističeskikh issledovanij [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies]*. Т. 7. 1: 543–560.
- Chernjak A.B. 2018. Egeriana I–V. *Indoevropskoe jazykoznanie i klassičeskaja filologija [Indo-European linguistics and classical philology]*. 22–2: 1355–1368.
- Bernardi Monachi Itinerarium. 1880. *Itinera Hierosolymitana et Descriptiones Terrae Sanctae bellis sacris anteriora et Latina lingua exarata I. 2*. Ed. T. Tobler, A. Molinier. Geneva: 309–320.
- Butler A.J., Fraser P.M. 1978. *The Arab Conquest of Egypt and the Last Thirty Years of the Roman Dominion*. Oxford: Oxford University Press, 563 p.
- Grossmann P. 1998. The Pilgrimage Center of Abû Mînâ. Pilgrimage and Holy Space in Late Antique Egypt. Ed. D. Frankfurter. Leiden; Boston, Brill: 281–302.
- Haas C. 1997. *Alexandria in Late Antiquity: Topography and Social Conflict*. Baltimore, London, Johns Hopkins University press, 494 p.
- Haas C. 2001. Alexandria and the Mareotis Region. Urban Centers and Rural Contexts in Late Antiquity. Ed. T.S. Burns, J.W. Eadie. Michigan: 47–62.
- Halevi L. 1998. Bernard, Explorer of the Muslim Lake: A Pilgrimage from Rome to Jerusalem, 867. *Medieval Encounters*. 4(1): 24–50.
- Itineraria et alia geographica*. 1965. Ed. J. Fraipont. Corpus Christianorum, Series Latina. Turnhout: Brepols, 494 p.
- Khalil E. 2011. Waterfront Installations and Maritime Activities in the Mareotic Region. Lake Mareotis: Reconstructing the Past. Proceedings of the International Conference on the Archaeology of the Mareotic Region Held at Alexandria University, Egypt, 5–6 April 2008. Ed. L. Blue. *International Journal of Nautical Archaeology*. 40. 2: 135–145.
- McKenzie J. 2007. *The Architecture of Alexandria and Egypt 300 B. C. to A. D. 700*. New Haven; London, 460 p.
- Wipszycka E. 1995. Les pèlerinages chrétiens dans l'antiquité tardive. *Byzantinoslavica*. 56: 429–438.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 04.07.2025

Received 04.07.2025

Поступила после рецензирования 15.10.2025

Revised 15.10.2025

Принята к публикации 17.10.2025

Accepted 17.10.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Руднева Мария Александровна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-0113-5084](https://orcid.org/0000-0002-0113-5084)

Maria A. Rudneva, Candidate of Sciences in History, Senior Lecturer of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Родина Екатерина Олеговна, учитель истории и обществознания, Средняя общеобразовательная школа № 24 им. Героя Советского Союза Ивана Петровича Крамчанинова, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0008-3162-0196](https://orcid.org/0009-0008-3162-0196)

Ekaterina O. Rodina, Teacher of History and Social Studies, Hero of the Soviet Union Ivan Petrovich Kramchaninov Secondary School No. 24, Belgorod, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 94 (470)

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-1-97-108

EDN IGSUNC

Оригинальное исследование

Негатив и сарказм в русских народных пословицах о священниках

Шаповалов В.А. , **Истомина И.В.**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

E-mail: shapovalov@bsuedu.ru, istomina_iv@bsuedu.ru

Аннотация. В статье рассматривается аксиологический дискурс русских народных пословиц о священнике с негативной направленностью. Выделяются пословицы о поповской жадности, блуде и пьянстве священников. Эти нравственные «достоинства» попов отражены в подавляющем большинстве негативных пословиц о попах. Отмечается, что нравственная категория «жадность пастырей» не всегда была связана с реальным крохоборством. Крестьяне считали, что богослужения и таинства священники должны вести бесплатно в силу своего сана. В этом вопросе интересы крестьян и священников весьма расходились, и это нашло отражение в пословицах. В целом же фольклорные тексты отражают пренебрежительное отношение к священникам. В то же время крестьянское сознание по отношению к священнику носило амбивалентный характер. Как носителя сана его почитали, а как реального человека далеко не всегда уважали. Эту раздвоенность восприятия сельских священников мужиками отмечают многие современники.

Ключевые слова: народные пословицы, фольклорные тексты, приход, священник, крестьяне

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Шаповалов В.А., Истомина И.В. 2026. Негатив и сарказм в русских народных пословицах о священниках. *Via in tempore. История. Политология.* 53(1): 97–108. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-97-108. EDN IGSUNC

Negativity and Sarcasm in Russian Folk Proverbs about Priests

Vladimir A. Shapovalov , **Irina V. Istomina**

Belgorod State National Research University,

85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: shapovalov@bsuedu.ru, istomina_iv@bsuedu.ru

Abstract. The article examines the axiological discourse of Russian folk proverbs about priests expressing a negative attitude. There are proverbs about priestly greed, fornication and alcohol abuse. These moral "virtues" of clergymen are reflected in the overwhelming majority of proverbs with a negative connotation. It is noted that the moral category of pastors' greed has not always been associated with real small-mindedness. The peasants believed that priests should conduct divine services and sacraments free of charge by virtue of their dignity. The interests of peasants and priests differed greatly on this issue, which is reflected in the proverbs. In general, the attitude towards priests, based on folklore texts, was dismissive. At the same time, there was ambivalence in the peasants' consciousness toward priests. The latter were revered as dignitaries, though not always respected as real persons. This split perception of rural priests by peasants is noted by many contemporaries.

Keywords: folk proverbs, folklore texts, parish, priest, peasants

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Shapovalov V.A., Istomina I.V. 2026. Negativity and Sarcasm in Russian Folk Proverbs about Priests. *Via in tempore. History and political science*. 53(1): 97–108 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-97-108. EDN IGSUNC

Введение

Топос пословицы «Бог сотворил три зла: попа, черта и козла» [Рыбникова, 2022, с. 561] подчеркивает аксиологическую народную установку как по отношению к священнику, так и клиру в целом. Из всего множества различных сборников русских народных пословиц и поговорок только в сборнике отшельника Мери-Хови есть специальный раздел (9 пословиц), посвященный попам, детализированный комментарием: «Старинные пословицы показывают, что народ любил их» (священников – В.Ш.) [Мери-Хови, 1882, с. 115]. То есть, по мнению составителя, это пословицы с позитивным дискурсом в адрес священников.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступают русские народные пословицы с негативным контекстом в адрес сельских священников. В ходе исследования данные пословицы сгруппированы по направлениям критики в них поповской жадности, пьянства и блуда. Интерпретация анализируемых фольклорных текстов основана на междисциплинарном методе «ментальных карт» для выяснения аксиологических установок при создании исследуемых пословиц, историко-сравнительном, культурно-историческом методах.

Результаты и их обсуждение

Воспоминания, публицистика и специальные работы, характеризующие деятельность священников как в дореволюционной, так и в советской и современной историографиях, в целом с различными вариациями пояснений подтверждают негативные и саркастические взгляды крестьян на попов. В частности, в публицистике дореволюционных священников И.С. Беллюстина, Д.И. Ростиславова, П. Знаменского, А.И. Розанова, М.Л. Левитова и др. [Беллюстин, 1858; Ростиславов, 1866; Знаменский, 1873; Розанов, 1882; Левитов, 1907] указывается на серьезные проблемы в коммуникастике с прихожанами, нередко перерастающие в открытые конфликты; приспособленчество попов в контексте своего поведения в отношении начальства и богатых членов прихода; неверие в собственное призвание и т. п. Священник М.Л. Левитов довольно четко обозначил главную социо-психологическую претензию крестьян к попам: «Ненависть крестьян к экономическому благосостоянию священнослужителей и преувеличение его поразительны. В их сознании духовный сан и деньги настолько срослись, что сделались почти синонимами. Поп – это в их понятии бездонный денежный мешок, каким-то волшебством ежечасно привлекающий и всасывающий в себя деньги из неиссякаемого источника – мужицкого кармана» [Левитов, 1904, с. 8]. В данной цитате особо обращает на себя внимание словосочетание «ненависть крестьян», которое показывает, по мнению священника, высшую степень неприятия прихожанами финансовых основ клира. В советской и современной историографиях не отрицается неприязненное отношение крестьян к священникам в имперский период. Так, в исследовательской литературе советского периода сформировался отрицательный образ священников. Им приписывался социальный паразитизм, стремление держать народ в духовной и культурной отсталости, демонстрировалась яркая контрреволюционность [Венедиктов, 1930; Грекулов, 1969; Зырянов, 1984; Никольский, 1988].

В перестроечную эпоху наметилась тенденция к определенной идеализации священников, что привело на современном этапе отечественной историографии к столкновению взаимоисключающих мнений и оценок. По мнению Т.Г. Леонтьевой, все это усугубляется тем, что в отечественной историографии нет ни одного фундаментального труда,

посвященного истории православного духовенства как сословия. Все имеющиеся суждения возникли попутно в ходе изучения истории русской православной церкви, церковно-государственных отношений или «эксплуататорских» классов, но не в рамках серьезного анализа социального положения духовенства, широкого спектра его взаимоотношений с прихожанами [Леонтьева, 2000, с. 35–36]. Но в данном контексте необходимо выделить разделы, посвященные духовенству в обобщающих многотомных исследованиях по социальной истории [Миронов, 2003, Т. 1, с. 98–110, 363–365; Миронов, 2018, Т. 3, с. 238–264]. В них весьма детально, с использованием большого круга источников анализируется социально-экономическая составляющая повседневности клира, сложности во взаимоотношениях с прихожанами. Показана динамика различных процессов социального дискурса у представителей духовенства.

Переходим к непосредственному анализу народных пословиц негативного, саркастического плана по отношению к духовенству. Большая часть данных пословиц демонстрирует жадность попов. Это хорошо видно по обширному разделу пословиц и поговорок «Духовенство. Церковь» из работы М.А. Рыбниковой «Русские загадки, пословицы и поговорки», включающей соответствующие пословицы из собрания В. Даля и других сборников [Рыбникова, 2022, с. 561–563]. Этот раздел содержит 74 пословицы, из них в 36 (48,6 %) раскрывается поповская жадность, корыстолюбие и продажность.

Поповская жадность в народных пословицах напрямую связана с неумным желанием священников постоянно обогащаться за счет прихожан. При этом данное желание, с точки зрения крестьян, не знало пределов: «У попа глаза завидущие, руки загребущие», «Попу что сноп, что стог – все мало», «Поп что клоп», «Поп как утка: зоб набила, ее на сторону своротило, а она все хватает», «Утиног зоба не накормишь, поповского кармана не наполнишь», «Родись, крестись, женись, умирай – за все попу деньги отдай», «Поповское брюхо из семи овчин сшито» [Там же]. Можно было бы перечислить еще много пословиц, семантически близких к вышеприведенным, но аксиологическая суть у них тождественна. Однозначного ответа на природу появления этих пословиц дать невозможно. Во многом это связано с серьезными различиями в понимании одних и тех же социальных процессов у крестьян и попов. Ключевые жизненные категории «справедливость и несправедливость», «добро и зло», «богатство и бедность», «труд и безделье», «щедрость и жадность» во многом трактовались по-разному. «Диффузное» сознание крестьян, предписывающие свои представления о различных жизненных явлениях и процессах представителям других сословий, социальных групп, также не способствовало реальному осмыслению окружающей действительности [Усенко, 1994, с. 28–29]. Но нельзя отрицать и определенную справедливость данных пословиц. Их сущностная амбивалентность определялась широким спектром взаимоотношений клира и прихожан, где жадные попы были не редкостью, что и осуждалось в народной среде.

В рассматриваемом контексте важен тот факт, что для крестьян доходы священников не являлись секретом. Поэтому большинству крестьян жалобы причта на тяжелое материальное положение не казались основательными. Начиная с XIX в. доходы священнослужителей росли, и к концу XIX – нач. XX вв. они приближались к заработкам людей умственного труда – младшим офицерам и чиновникам, учителям. В 1904 г. доход священника составлял в среднем 1 242 руб. в год [Миронов, 2018, Т. 3, с. 255–256]. У церковнослужителей доход был меньше, но выше среднего уровня сельского и городского населения. Так, сельский староста получал от общины жалованье в среднем в год в 1880 г. 31 руб., а в начале XX в. – около 50 руб. В это время причетник имел в среднем доход в год 414 руб., то есть больше жалования сельского старосты в 8 раз [Там же]. Подобный разрыв в доходах казался крестьянам весьма большим и даже чрезмерным. Этот разрыв при всем желании вряд ли можно было скрыть от прихожан. На селе знали друг о друге фактически все. Это нашло отражение в литературе. Например, в очерке «В доме священника» русского писателя, журналиста и издателя Н.А. Лейкина (1841–1906) приведен примечательный диалог смотрителя и священника, где первый просил батюшку обвенчать его, но пока это держать в секрете. Ответ священника на эту просьбу: «Здесь-то в

секрете? В нашем селе-то в секрете? Да что вы, помилуйте! Разве здесь что-нибудь утаится! Здесь ничего не утаится. У меня вон сегодня к обеду не пирог, а пирожки с мясом и луком, и это все знают. У Платона Алексеича пирог с капустой – и это всем известно. Я вам больше скажу: вся наша деревенская аристократия даже раньше вас самих решила, что вы женитесь на акушерке Анфисе Ниловне» [Лейкин, 1905, с. 252]. Естественно, и крестьяне знали все житейские нюансы своего батюшки. Его жизнь на селе была как на ладони.

Неприятие крестьянами жалоб причта на свое тяжелое материальное положение во многом было связано с их непониманием всей сложности подготовки и тяжелого жизненного служения православного духовенства.

«Дармовым» доходом священников, не требующим особых усилий, крестьяне считали плату за требы (ритуальные действия). И это несмотря на вековой традиционализм благодарственных подношений причту за исполнение треб. Требы традиционно в рамках экономической целесообразности являлись неотъемлемым элементом деятельности пастыря. Экономическая опека прихожан над священнослужителями с давних времен признавалась и законной, и нравственной – как отмечалось в святоотеческой литературе, и апостолы, и сам Христос жили добровольными подношениями. По сути, треба – разновидность феодального корма [Леонтьева, 2000, с. 43]. В то же время крестьяне считали доходы священников от треб вполне достаточными для жизни, но, главное, почти «даровыми», что подтверждает следующее их высказывание: «Робить – не робят, а хлеба и сена вдоволь, споют «аллилуйю» да «Господи, помилуй» – вот и двугривенный» [Бернштам, 2005, с. 371]. Особенно болезненно крестьяне не воспринимали увеличение пастырем требной таксы. Между ними шли длительные торги о ее размерах, возможности снижения. Если не удавалось это решить миром, прихожане применяли иногда весьма радикальные меры по отношению к попу (калечили его скот, воровали домашнюю птицу, портили сельскохозяйственный инвентарь, писали доносы), и в отдельных случаях священники переводились в другие приходы [Там же, с. 373].

Накал страстей вокруг оплаты за требы, отчасти и других доходов священников, отражены в пословицах: «Попу да вору все в пору», «Поп мощной тряхнет, с любого подати возьмет», «Кому мертвец, а попу товарец», «У кого плач, а у попа скачь», «Ждут, как ворон крови: судья – разбойника торгового, а поп – покойника богатого», «У попа большой карман: в один тысячи войдут, в другой сотни, а он и тяжестью не считает», «Одна радость попу: что свадьба, что похороны», «Требник – поповский хлебник» [Иллюстров, 1904, с. 94; Рыбникова, 2022, с. 561–562;].

Все вышеуказанные пословицы явно сочинены в саркастическом формате. То есть они в сущности являются язвительной насмешкой, злой иронией [Ожегов, 1990, с. 696; Даль, 1998, Т. 4, с. 139], показывающей, с точки зрения крестьян, истинную природу треб как инструмент увеличения материального достатка попов. В данном контексте пословицы становятся разновидностью сатирического изобличения, что, собственно, относится ко всем пословицам негативного плана в адрес причта. В рассматриваемых пословицах сатирическое изобличение достигается через прием преувеличения, одной формой которого является карикатура. Сущность карикатуры определяется тем, что берется одна частность, одна деталь (физического, духовного порядков, карикатуры на характеры); эта деталь преувеличивается и тем обращает на себя исключительное внимание, тогда как все другие свойства того, кто или что подвергается окарикатуриванию, в данный момент вычеркнуты и не существуют. В этом, собственно, и состоит комизм окарикатуривания. Карикатура всегда несколько (а иногда и существенно) искажает изображаемое [Пропп, 1976, с. 67–68]. Например, пословица «Поп мощной тряхнет, с любого подати возьмет». Здесь словесно обыгрывается стремление и возможность попа в любой ситуации получить свою желаемую прибыль с каждого члена прихода. Но карикатурное преувеличение здесь явно присутствует.

К вышесказанному необходимо добавить, что карикатурный образ священника в пословицах был частично связан с убеждением части крестьян, что духовенство совершает богослужения и таинства по обязанности своего сана, и за эту деятельность они не должны

ему платить [Мальшев, 2019, с. 146]. Но эти воззрения противоречили традиционализму взаимоотношений причта и прихожан, потенциально сводя на нет обеспечение материально семей пастырей и их помощников.

Наряду с платой за требы еще одной статьей дохода священников от прихожан, отраженной в пословицах, были сборы во время обходов крестьянских дворов. Крестьяне в своей основе негативно относились к этой ритуальной практике, в ходе которой священниками совершался сбор натуральных продуктов земледелия, скотоводства/птицеводства, не отказывались и от денег. Еще в период средневековья количество обходов было ограничено Стоглавом: духовенство имело право обходить дворы прихожан не более четырех раз в году – на Пасху, Рождество Христово, Богоявление, в Петровский или Рождественские посты. В начале XVIII в. специальным указом был оставлен только один обход на «славление в Рождество Христово». Но на местах этот указ игнорировался, и правительству приходилось подтверждать его неоднократно. Часть подобных запретов исходила из массовых жалоб прихожан на поборы со стороны причта, но, как оказывалось при проверке, часть из них была ложной. С помощью доносов крестьяне хотели убрать саму практику обходов, в ходе которых представители клира обманывали прихожан: собирали плату за требы вперед, а требы не совершали; собирали деньги на строительство церкви, но ее не строили и т. д. Но уже с середины XIX в. правительство не столь пристально следило за практикой обходов, что в итоге привело к их увеличению [Бернштам, 2005, с. 138].

В нередких случаях крестьяне открыто показывали попам, что им не рады. Современники-священники приводили соответствующие примеры при их обходах. «В 6,5 дней надо было обойти 600–700 дворов. Разбросанных по 30 деревням (рождественское славенье)... Случалось, им на стук говорили:

– Ступайте прочь, дарить нечем!

Запирали и закрывали ворота; нарочно не просыпались; спускали собак. Зимой не зажигали лучины, и попы шли по сням в впотьмах. В избе начинают (священник и псаломщик) славить нередко [только] при хозяйне с хозяйкой; остальные спят и храпят тут же» [Там же, с. 370].

Эта обязанность обхода прихожан для части священников, которая искренне была готова помочь народу познать Бога, превращалась в моральную муку. Они понимали, что для значительной части крестьян подношения пастырю являются убытком. Молодые впечатлительные пастыри с горечью отмечали, что основной целью посещения становится «плата в три копейки или мера муки» [Леонтьева, 2002, с. 140]. Это в полной мере осознавали и крестьяне. При обходах нередкой практикой у части священников был переход к неконтролируемому хмельному веселью. Так, в одной из деревень Собольского прихода Ярославской губернии разбушевавшегося попа крестьяне выкинули из окна, а затем гнали его кольями за околицу [Там же]. Часто в обходах принимали участие дети священников. Самым младшим давали пиво, вино, семинаристам – водку. Таких помощников крестьяне называли «кутейниками». Как отмечали современники, они напивались и их приходилось выносить за околицу [Там же].

Но основной причиной неприятия материального подхода обходов, как и треб, была крестьянская бедность. На это указывал священник М. Левитов: «первое место занимает бедность народная. Больная кожа чувствительна и к легкому раздражению. С голой овечки трудно взять и ничтожный клочок шерсти, не причинив ей страдания» [Левитов, 1907, с. 13].

Материальная основа как главная причина обходов деревенских дворов священниками отражена в следующих пословицах: «Господи, прости, помоги нагрести и унести»; «Голосом завывает, а сердцем пирога поджидает»; «Попу да киселю за столом первое место»; «Ладно попу, как олады пекут» [Рыбникова, 2022, с. 561, 563].

Эти пословицы, как и вышеприведенные, ментально пронизаны сарказмом, подчеркивают стремление попа «нагрести и унести» от прихожан как можно больше подношений, его мысли заняты ожиданием дарового дохода. Крестьяне воспринимали

подобный настрой попов как проявление традиционной несправедливости. «Он голосом завывает» и его все одаривают, но при этом, он ничего, по сути, не делает. У специалистов по социальной психологии в контексте моральной и правовой категории «справедливость» подобная оценка называется «нарушением справедливости результата». В данном случае ярко выражен один из составных аспектов оценки результата – воздающая справедливость, регулирующая действия человека, который вознаграждает или наносит ущерб другим людям. Иными словами, эта справедливость подразумевает, что один участник взаимодействия воздает другому добром или злом за реальное или воображаемое добро/зло [Гулевич, 2011, с. 12–14]. Крестьяне в своей основе видели в практике подношений при обходах инструмент сокращения семейного добра и обогащение попов.

Народные пословицы в шуточной форме отразили еще одно ритуальное событие, связанное с подношениями духовенству – Дмитровскую субботу: «Деревенский попок любит горячий пирог»; «Дмитриева суббота – кутейникам работа»; «Не всегда поповым ребятам Дмитриева суббота» [Иллюстров, 1904, с. 93].

Дмитриевская суббота – день всеобщего поминовения усопших, родительская суббота в традиции Русской, Сербской и Болгарской православных церквей. В богослужбном уставе этот день не считается заупокойным. Совершается ежегодно в субботу перед днем памяти великомученика Дмитрия Солунского, приходящимся на 26 октября (8 ноября). В этот день ходили на могилы усопших родственников, служили здесь панихиды, устраивали богатые подношения духовенству. Во многих местах поминовение близких в Дмитриевскую субботу совершалось на могилах и сопровождалось трапезой и выпивкой, вспоминали добрые качества и поступки усопшего²⁷.

В указанных пословицах иронично подчеркивается, что родительская суббота – кутейникам работа, то есть они активно участвуют в поминальных трапезах с обильным возлиянием, при этом получая богатые подношения. Кутейник – шуточное прозвище церковников, причетников, производное от места в церкви, где ставилась кутья, обязательное блюдо на поминках [Даль, 1998, Т. 2. с. 227]. Это прозвище указывает на духовенство как на завсегдаев и охочих до поминок. В ряде источников кутейниками называют детей пастыря, непосредственно принимавших участие в распитии спиртного вместе со всеми [Леонтьева, 2002, с. 140]. В данных пословицах трапеза и подношения являются сутью Дмитриевской субботы для попов и их детей, но не панихида по усопшим. Именно это и воспринималось крестьянами с иронией. Здесь необходимо одно уточнение, пословица о попике, любящем горячий пирог, кроме родительской субботы, вполне может подойти и к оплате за требы, обходу крестьянских дворов священниками. Это демонстрирует содержательную вариативность пословиц.

Бытовые пороки, неканоническое поведение применительно к представителям причта являлось обычной нормой повседневных реалий духовенства, что, естественно, нашло отражение в народных пословицах. Особо в данном контексте выделялось поповское пьянство. В крестьянской среде любили выпить, но старались за рамки разумных пределов не выходить, понимая всю пагубность пристрастия к алкоголю, его негативное влияние на человеческие привычки, работоспособность, умственное состояние. Тем не менее на праздники чарка спиртного приветствовалась. Это подтверждает пословица «Для праздника Христова не грех выпить чарочку простого» [Мери-Хови, 1882, с. 197]. Но в целом к пьянству относились отрицательно, что, собственно, отражено в следующих пословицах: «Не жаль вина, жаль ума»; «Тому не помочь, кто до вина охоч»; «Пей, да ума не пропей» [Там же].

Сельская повседневность предусматривала совместные застолья священников с прихожанами. Крестьяне уважали пастырей, которые не брезговали выпить чарочку с ними [Розанов, 1882, с. 172]. В особой социальной крестьянской системе координат «свой – чужой» это сокращало сословную дистанцированность между попом и мужиком, несколько приближая первого к коммуникативной народной категории «свой».

²⁷ https://www.booksite.ru/localtxt/enc/ikl/ope/diya/enciklopedya_obryad/19.htm?ysclid=mli3eplz6n783620242

В целом же в крестьянском сознании социальные статусы священника и пьяницы являлись общественными антиподами. По мнению мужиков, поп-пьяница не соответствовал своему профессиональному сану, не мог в должной мере вести различные ритуальные службы и являлся позором для целого прихода, да и округа в целом. Тем не менее, как отмечали современники, данный порок был присущ широкому кругу священников. Многие из иностранцев, побывавших в России, отмечали это пагубное пристрастие у местных попов. Английский капитан и публицист Джон Перри, бывший короткий период на русской службе при Петре I, указывал, что тысячу раз видел священников столь пьяными, что они не могли стоять на ногах, а иногда и просто валялись на улицах, и, если кто подходил к ним, чтобы помочь им встать, они говорили: «воля твоя, батька, праздник, я пьян» [Трегубов, 1884, с. 172]. Французский аббат Шапп, бывший в России уже в царствование Екатерины II, говорит, что пьянство составляет общую принадлежность русского духовенства: «Я встречал в обществе священников и в особенности монахов до того пьяных, что нужно было уносить их на носилках. Их поступки и слова заставляли краснеть порядочных людей», но далее добавляет, что ему встречались во время путешествия духовные лица самых чистых нравов» [Там же, с. 173].

Крестьяне отразили в пословицах данную «напасть» попов через показ их соответствующей физиологической внешней особенности: «Поп – красный нос», постоянное желание испить чего-либо спиртного: «Бражку варить, попа не выкурить» [Рыбникова, 2022, с. 561, 563], «Поп не кот, молока не пьет, а от рюмочки не прочь»²⁸, «Мужик лишь пиво заварил, а уж поп с ведром» [Булатов, 1941, с. 221].

Особенно язвительным сарказмом отличаются пословицы, где высмеивается пьянство попов во время богослужений, особенно в Великие праздники: «Отец Кирьян и в Великий пост пьян»; «Пили попы вино пили, поклоны отбили и снова запили»²⁹.

Высмеивалось чередование молитв с пьянством: «Дни попа в молитве, а ночи в кабаках»³⁰.

На первый взгляд это кажется кощунством далеким от реальности. Но в период царствования Александра I Министерство духовных дел и народного просвещения рассылало по епархиям соответствующие указы «с описанием разных неблагочinnных и скандальных поступков духовенства, преимущественно в церквях [Ростиславов, 1866, с. 245]. В качестве примеров неблагочinnных поступков под градусом можно привести следующие: «священник Сперансов испустил урину близ престола в алтаре; там священник Рыкунов найден в алтаре лежащим и облевавшимся; здесь нужно призвать полицейского десятского, чтобы дьякона Покровского вывести из церкви» [Там же]. В отдельных случаях священники, будучи пьяными, распускали руки в отношении окружающих, путали молебен с разгульными праздниками: «поп ходил с гармошкой и наигрывал на ней во время молебна, а потом пустился в пляс, в другом (приходе – В.Ш.) – ругался и дрался во время богослужения» [Леонтьева, 2002, с. 142]. У прихожан это могло вызвать не только саркастический смех, но и омерзение к подобным выходкам попов в храме.

В рассматриваемом дискурсе весьма примечательна пословица, в которой поп сотрудничает в равной мере с Богом и с дьяволом: «Поп с Христом собирает, а с дьяволом пропивает»³¹. То есть пьянство попов является происком нечистой силы.

В отчетах обер-прокурора Синода за 1836, 1838–44 и 1849 гг. указывается на 832 неблагопристойных поступка, нарушивших благочиние в церквях при богослужении; из них 610 совершены духовенством, а представителями других сословий – 222. Получается, что на духовенство в среднем в год приходилось 67 указанных проступков, на представителей других сословий – 24 [Ростиславов, 1866, с. 249]. Вероятно, большая часть из них была совершена в стадии опьянения. Так же с большой долей вероятности можно констатировать, что учтены Синодом не все случаи неканонического поведения в храмах, но и приведенная статистика впечатляет, особенно в сравнении с представителями других сословных

²⁸ <https://rodnoverie.org/chitalnyj-zal/prochie-stati/pogovorki-o-popakh>

²⁹ <https://vachezdorovie.blogspot.com/2012/03/pop-poslovicy-pogovorki.html>

³⁰ <https://vachezdorovie.blogspot.com/2012/03/pop-poslovicy-pogovorki.html>

³¹ <https://rodnoverie.org/chitalnyj-zal/prochie-stati/pogovorki-o-popakh>

сообществ. Священник Д.И. Ростиславов в этой связи указывает: «эти цифры неопровержимо доказывают, что нравственное и религиозное состояние духовенства крайне и крайне неудовлетворительно, не удовлетворительнее..., нежели в прочих сословиях и притом становится хуже и хуже» [Там же, с. 251].

Все эти поступки, как и пьянство священников в целом, проходили на глазах прихожан и не могли вызывать уважение к своим пастырям, свидетельством чего являются вышеприведенные пословицы. Здесь уместно привести один ответ сельского корреспондента на вопросы тенишевской анкеты из рубрики «Священники и причт», записанный во Владимирской губернии: «К причту (настоятелю и псаломщику) относятся почтительно, если он трезв. Оскорбляют только тогда, когда они совершают неблаговидный поступок» [Бернштам, 2005, с. 385].

Пьянство было не единственным пороком для большого круга священников. Блуд пастырей с прихожанами как проявление неканонического поведения нашел отражение в фольклорных текстах, в частности в пословицах. Фольклорные тексты отражали те социальные явления, которые имели широкое распространение среди определенной общности, как бы подчеркивая некоторую обыденность тех или иных поступков, устремлений. И это при том, что блуд считается одним из семи смертных грехов в христианских учениях, включая православие. Отдельные представители клира хорошо знали это, но все равно не могли устоять перед соблазном. В пословицах тонко подмечены, в контексте шуточного восприятия, все эти нравственно-этические перипетии, приводившие к нарушению канонических норм. В данных пословицах поп грешник.

В народных пословицах высмеиваются постоянные греховные думы попов о девках: «Поп в церковь идет – о девках думает, в трапезу ковыляет – о рюмочке помышляет»; «Четки на руке, а девки на уме»³²; «Поп кадилою кадит, сам на милую глядит»; «”Абие, Абие!..“, а на уме бабие» [Рыбникова, 2022, с. 562].

Вместо раздумий о служении Богу священники находятся в мечтах о плотских наслаждениях. Примечательно, что первая вышеприведенная пословица в качестве пороков совмещает в себе блуд и тягу к спиртному.

Поповская страсть к женщинам нашла отражение в пословице: «Напал, что поп на бабу»³³. К данной пословице в смысловом контексте близка пословица о превращении священником всего в бабу: «Чудеса твои, Господи, нес грибы, вывалил бабу» [Рыбникова, 2022, с. 562]. Скрытая страсть попа показана в пословице: «Поп втихомолочку нашел себе богомолочку»³⁴.

Хрестоматийным примером возмущения крестьян блудом попа является обращение крестьян села Рудня Смоленской губернии к обер-прокурору Синода о развратных действиях священника о. Константина (Попова): «была им увлечена и опозорена как девица и имела от него ребенка – сына» учительница церковно-приходской школы Жигулина Анна Алексеевна. Кроме этого, «новоявленный отец» отобрал у нее ребенка и выгнал ее из школы и села. Возмущенные односельчане «два раза мазали дегтем ворота до безобразия любвеобильного батюшки» [Леонтьева, 2002, с. 144]. Но окончательно чашу терпения прихожан переполнила следующая выходка о. Константина: «надел юбку, надел лапти, положил на спину и под подрясник две головные подушки, а на лицо одел конскую узду и в таком виде вечером ходил по селу к знакомым и мимо волостного правления», в этом же наряде он еще и благословил одного из крестьян³⁵. Здесь может быть искус юродствования, но нельзя отрицать психического расстройства, наложенного на обычную распущенность.

В целом же блуд батюшек, как отмечают современники, был не единичным явлением в церковной жизни. Это подтверждают и соответствующие народные пословицы.

³² <https://azbyka.ru/fiction/poslovicy-russkogo-naroda/151/>

³³ <https://proza.ru/2014/11/19/477>

³⁴ <https://vachezdorovie.blogspot.com/2012/03/pop-poslovicy-pogovorki.html>

³⁵ https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/vera-i-progress-pravoslavnoe-selskoe-duhovenstvo-rossii-vo-vtoroj-polovine-19-nachale-20-vv/4

Рассматривая негативные, саркастические пословицы в адрес священников, необходимо несколько выйти за рамки данного дискурса. Конкретно обратиться к вопросу о связи института крепостничества с верой в Бога, существовавшими порядками. Определенная часть крепостных, в первую очередь дворовых, имевших некоторый образовательный багаж, как и грамотных подневольных крестьян напрямую увязывали глубину веры с наличием крепостного гнета, свидетельством чему является единственная в своем роде повесть в стихах «Вести о России», написанная в 1830–40 гг., авторство которой исследователи приписывают крепостному крестьянину села Великого Ярославской губернии, бывшему вначале беглым, а впоследствии ставшему приказчиком товарищества сахарных заводов Савва Дмитриевич Пурлевский [Нечкина, 1961, с. 10, 19].

Автор задается вопросом:

На что ж бог? Вера? И законы?
Для виду б только почитались?!..
Но злым людям без обороны
Всемирно покорялись?

И сам же делает ответ:

Но после страшной непогоды
Должна войти в мир тишина,
И независимость свободы
Народу будет отдана.
И вольные у нас права
Смиренномудрым издадутся,
Во все народные общества
В порядке правильном введутся.
По ним в нас Вера во Христа
С добрым делом укоренится,
В миру евангелия красота
Светлее солнца озарится [Там же, с. 144, 147].

В рассмотренных пословицах данный «крамольный» смысловой контекст не просматривается. Но это не столь очевидно. Крепостные крестьяне осознавали тесную связь властей различных уровней и клира в деле поддержания существовавшего социально-экономического строя. Это была основная задача священников перед государственными структурами. Сам же негативный образ сельских священников мог отчасти являться отражением указанной связи, но исподволь.

Заключение

Народные пословицы негативного дискурса в адрес священников составляют подавляющую часть пословиц, посвященных попам. В основном язвительный сарказм касался жадности пастырей, в первую очередь связанной с оплатой за требы, подношениями священникам во время обхода домов прихожан. Желание обогатиться за счет прихожан было неотъемлемой частью повседневной служебной деятельности попов. Но определенная часть крестьян считала, что служители культа должны обеспечивать богослужения и таинства по обязанностям своего сана, следовательно, за это не надо платить. Постоянно поднимался вопрос о снижении расценок за требы. Интересы священников и крестьян здесь серьезно расходились, что нашло отражение в пословицах. Презрительно относились крестьяне и к пьянству попов, имевшему широкое распространение в их среде. Такое же отношение отразили пословицы к поповскому блюду. Все это вызывало саркастическое восприятие у крестьян своих пастырей, переходя в отдельных случаях в откровенный негатив и презрение, что и демонстрируют фольклорные тексты.

Список литературы

- Беллюстин И.С. 1858. Описание сельского духовенства. Русский заграничный сборник. Berlin, A. Asher & C. O., Paris, A. Frank, London, Turner & C. O. 167 с.
- Бернштам Т.А. 2005. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. Санкт-Петербург, Петербургское Востоковедение. 416 с.
- Венедиктов Д.Г. 1930. Попы – провокаторы, тюремщики, погромщики. Москва, Атеист, Вологда, тип. Полиграф треста «Северный печатник». 119 с.
- Вести о России. 1961. Повесть в стихах крепостного крестьянина. 1830–1840 гг. Под ред. М.В. Нечкиной, подготовка к печати, вступ. статья и коммент. Т.Г. Снытко. Ярославль, Кн. изд-во, 1961. 154 с.
- Грекулов Е.Ф. 1969. Церковь, самодержавие, народ (Вторая половина XIX – начало XX в). Москва, Наука. (Научно-популярная серия АН/СССР). 184 с.
- Гулевич О.А. 2011. Социальная психология справедливости. Москва, Изд-во «Институт психологии РАН». 284 с.
- Даль В.И. 1998. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. Москва, Изд-во Русский язык. 779 с.
- Даль В.И. 1998. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. Москва, Изд-во Русский язык. 683 с.
- Знаменский П.В. 1873. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, Универс. Тип. 851 с.
- Зырянов П.Н. 1984. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. Москва, Наука. 224 с.
- Левитов М., свящ. 1907. Народ и духовенство. Казань: Центральная тип. 18 с.
- Леонтьева Т.Г. 2002. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. Москва, Новый хронограф. 272 с.
- Леонтьева Т.Г. 2000. Жизнь и переживания сельского священника (1861–1904 гг.): Социальная история. Ежегодник. Под ред. К.М. Андерсона, Л.И. Бородкина, А.К. Соколова. Москва, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН): 34–56.
- Лейкин Н.А. 1905. Деревенская аристократия. Очерки сельской жизни. Санкт-Петербург, Т-во Р. Голика и А. Вильборг. 255 с.
- Мальшев В.С., свящ. 2019. Положение духовного сословия в церковной публицистике середины XIX века. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургская Православная Духовная Академия. 296 с.
- Миронов Б.Н. 2018. Российская империя: от традиции к модерну. В. 3 т. Т. 3. Санкт-Петербург, Дмитрий Булавин. 992 с.
- Миронов Б.Н. 2003. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) В 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург, Дмитрий Булавин. 548 с.
- Никольский Н.М. 1988. История русской церкви. Москва, Политиздат. 445 с.
- Ожегов С.И. 1990. Словарь русского языка: 70 000 слов. Под ред. Н.Ю. Шведовой. Москва, Изд-во Русский язык. 917 с.
- Пропп В.Я. 1976. Проблемы комизма и смеха. Москва, Искусство. 183 с.
- Розанов А.И. 1882. Записки сельского священника. Быт и нужды православного духовенства. Санкт-Петербург Тип. В.С. Балашова. 324 с.
- Ростиславов А.И. 1866. О православном белом и черном духовенстве. В 2 т. Т. 2. Лейпциг, Из-ль Франц Вагнер. 673 с.
- Русские народные песни, пословицы, поговорки и загадки. 1941. Под ред. М.Б. Булатова. Москва-Ленинград, ЦК ВЛКСМ. Изд-во детской литературы. 272 с.
- Рыбникова М.А. 2022. Русские загадки, пословицы и поговорки. Москва, Культура. 631 с.
- Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. (Русско-народная философия). Сост. Мери-Хови, отшельник. 1882. Санкт-Петербург, Губернская тип. 252 с.
- Сборник российских пословиц и поговорок. Сост. И.И. Иллюстров. 1904. Киев, Тип. С.В. Кульженко. 481 с.
- Трегубов С.И. 1884. Религиозный быт русских и состояние духовенства в XVIII в. по мемуарам иностранцев. Киев, Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого. 209 с.
- Усенко О.Г. 1994. Психология сословного протеста в России в XVII–XVIII вв. Тверь, Тверской государственный университет. 73 с.

References

- Bellyustin I.S. 1858. *Opisanie sel'skogo dukhovenstva. Russkiy zagranichnyy sbornik* [Description of the Rural Clergy. Russian Foreign Collection]. Berlin, A. Asher & S. O., Paris, A. Frank, London, Trurner & C. O. 167 p.
- Bernshtam T.A. 2005. *Prihodskaya zhizn' russkoy derevni: ocherki po tserkovnoy etnografii* [Parish Life in the Russian Village: Essays on Church Ethnography]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie. 416 p.
- Venediktov D.G. 1930. *Popy – provokatory, tyuremshchiki, pogromshchiki* [Priests – Provocateurs, Jailers, Pogromists]. Moscow, Ateist, Vologda, tip. Poligraf tresta «Severnyy pechatnik». 119 p.
- Vesti o Rossii [Vesti o Rossii]. 1961. *Povest' v stikhakh krepostnogo krest'yanina. 1830–1840 gg.* [A Novel in Verse by a Serf Peasant. 1830–1840] Pod red. M.V. Nechkinoy, podgotovka k pečati, vstup. stat'ya i komment. T.G. Snytko. Yaroslavl', Kn. izd-vo, 1961. 154 p.
- Grekulov E.F. 1969. *Tserkov', samodержavie, narod (Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v)* [Church, Autocracy, People (Second Half of the 19th – Early 20th Century)]. Moscow, Nauka. (Nauchno-populyarnaya seriya AN/SSSR). 184 p.
- Gulevich O.A. 2011. *Sotsial'naya psikhologiya spravedlivosti* [Social Psychology of Justice]. Moscow, Izd-vo «Institut psikhologii RAN». 284 p.
- Dal' V.I. 1998. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. V 4 t. T. 2. Mosakva, Izd-vo Russkiy yazyk. 779 p.
- Dal' V.I. 1998. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. V 4 t. T. 4. Moscow, Izd-vo Russkiy yazyk. 683 p.
- Znamenskiy P.V. 1873. *Prihodskoe dukhovenstvo v Rossii so vremeni reformy Petra* [Parish Clergy in Russia since Peter the Great's Reform]. Kazan', Univers. Tip. 851 p.
- Zyryanov P.N. 1984. *Pravoslavnaya tserkov' v bor'be s revolyutsiey 1905–1907 gg.* [The Orthodox Church in the Struggle Against the Revolution of 1905–1907]. Moscow, Nauka. 224 p.
- Levitov M., svyashch. 1907. *Narod i dukhovenstvo* [The People and the Clergy]. Kazan': Tsentral'naya tip. 18 p.
- Leont'eva T.G. 2002. *Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Faith and Progress: The Orthodox Rural Clergy of Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries] Moscow, Novyy khronograf. 272 p.
- Leont'eva T.G. 2000. *Zhizn' i perezhivaniya sel'skogo svyashchennika (1861–1904 gg.): Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik* [The Life and Experiences of a Rural Priest (1861–1904): Social History]. Pod red. K.M. Andersona, L.I. Borodkina, A.K. Sokolova. Moscow, «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN): 34–56.
- Leykin N.A. 1905. *Derevenskaya aristokratiya. Ocherki sel'skoy zhizni* [Village Aristocracy. Essays on Rural Life]. St. Petersburg, T-vo R. Golika i A. Vil'borg. 255 p.
- Malyshev V.S., svyashch. 2019. *Polozhenie dukhovnogo sosloviya v tserkovnoy publitsistike serediny XIX veka* [The Position of the Clergy in Church Journalism of the Mid – 19th Century]. St. Petersburg, St. Petersburgskaya Pravoslavnaya Dukhovnaya Akademiya. 296 p.
- Mironov B.N. 2018. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: From Tradition to Modernity]. V. 3 t. T. 3. St. Petersburg, Dmitriy Bulavin. 992 p.
- Mironov B.N. 2003. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social History of Russia during the Imperial Period (XVIII – Early XX Centuries)] V 2 t. T. 1. St. Petersburg, Dmitriy Bulavin. 548 p.
- Nikol'skiy N.M. 1988. *Istoriya russkoy tserkvi* [History of the Russian Church]. Moscow, Politizdat. 445 p.
- Ozhegov S.I. 1990. *Slovar' russkogo yazyka: 70 000 slov* [Dictionary of the Russian Language: 70,000 Words]. Pod red. N.Yu. Shvedovoy. Moscow, Izd-vo Russkiy yazyk. 917 p.
- Propp V.Ya. 1976. *Problemy komizma i smekha* [Problems of Comedy and Laughter]. Moscow, Iskusstvo. 183 p.
- Roza'nov A.I. 1882. *Zapiski sel'skogo svyashchennika. Byt i nuzhdy pravoslav'nogo dukhovenstva* [Notes of a Village Priest. Life and Needs of the Orthodox Clergy]. St. Petersburg Tip. V.S. Balashova. 324 p.
- Rostislavov A.I. 1866. *O pravoslavnom belom i chernom dukhovenstve* [On the Orthodox White and Black Clergy]. V 2 t. T. 2. Leyptsig, Iz-l' Frants Vagner. 673 p.
- Russkie narodnye pesni, poslovitsy, pogovorki i zagadki [Russian Folk Songs, Proverbs, Sayings, and Riddles]. 1941. Pod red. M.B. Bulatova. Moscow-Leningrad, TsK VLKSM. Izd.-vo Detskoy literatury. 272 p.

- Rybnikova M.A. 2022. Russkie zagadki, poslovitsy i pogovorki [Russian Riddles, Proverbs, and Sayings]. Moscow, Kul'tura. 631 p.
- Sbornik poslovits, pogovorok, primet i proch. (Russko-narodnaya filosofiya) [Collection of Proverbs, Sayings, Signs, etc. (Russian Folk Philosophy)]. Sost. Meri-Khovi, otshel'nik. 1882. St. Petersburg, Gubernskaya tip. 252 p.
- Sbornik rossiyskikh poslovits i pogovorok [Collection of Russian Proverbs and Sayings]. Sost. I.I. Illyustrov. 1904. Kiev, Tip. S.V. Kul'zhenko. 481 p.
- Tregubov S.I. 1884. Religioznyy byt russkikh i sostoyanie dukhovenstva v XVIII v. po memuarам inostrantsev [Religious Life of Russians and the State of the Clergy in the 18th Century Based on the Memoirs of Foreigners]. Kiev, Tip. G.T. Korchak-Novitskogo. 209 p.
- Usenko O.G. 1994. Psikhologiya soslovnogo protesta v Rossii v XVII–XVIII vv. [The Psychology of Class Protest in Russia in the 17th – 18th Centuries.] Tver', Tverskoy gosudarstvennyy universitet. 73 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.12.2025

Received 15.12.2025

Поступила после рецензирования 10.02.2026

Revised 10.02.2026

Принята к публикации 12.02.2026

Accepted 12.02.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шаповалов Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-1699-1956](https://orcid.org/0000-0003-1699-1956)

Vladimir A. Shapovalov, Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of Russian History and Record Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Истомина Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-1744-2468](https://orcid.org/0000-0002-1744-2468)

Irina V. Istomina, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Russian History and Record Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(470)"1804/1917"

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-1-109-117

EDN KSDCRT

Оригинальное исследование

Академическая мобильность отечественных профессоров Императорского Харьковского университета (1804–1917 гг.)

Шатохина С.Б. ¹ , Бредихина И.Г. ²

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;

² Домодедовский образовательный комплекс «Доминанта»,
Россия, 142000, Московская область, г. Домодедово, ул. Лунная, д. 27а

E-mail: shatohina@bsuedu.ru, nemykina.i@bk.ru

Аннотация. Мобильность профессоров российских университетов в имперский период как феномен академической практики только в последние десятилетия становится специальным предметом исследования. Историки и ранее обращали внимание на отдельные аспекты этой практики в рамках исследования формирования профессорского корпуса имперских университетов и просопографических исследований в контексте изучения истории отдельных университетов. Основное внимание в статье уделено анализу таких проявлений академической мобильности отечественных профессоров в XIX – начале XX века, связанных своей профессиональной деятельностью с Харьковским университетом как перемещение профессоров между университетами в рамках Российской империи и академической мобильности в виде стажировок и научных поездок университетских преподавателей в другие научные центры, в том числе и европейские университеты. К началу XX века Харьковский университет, эффективно сочетая традиции и инновации в подготовке учёных, стал одним из центров академической мобильности Российской империи, органично интегрированным в российское в европейское научное и образовательное пространство.

Ключевые слова: академическая мобильность, Харьковский университет, профессора, стажировки, научные школы, просопография

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Шатохина С.Б., Бредихина И.Г. 2026. Академическая мобильность отечественных профессоров Императорского Харьковского университета (1804–1917 гг.). *Via in tempore. История. Политология.* 53(1): 109–117. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-109-117. EDN: KSDCRT

Academic Mobility of Russian Professors of Imperial Kharkov University (1804–1917)

Svetlana B. Shatokhina ¹ , Irina G. Bredikhina ²

¹ Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia;

² “Dominanta” Domodedovo Educational Complex,
27a Lunnaya St., Domodedovo 142000, Moscow Region, Russia

E-mail: shatohina@bsuedu.ru, nemykina.i@bk.ru

Abstract. The academic mobility of Russian university professors during the imperial period has just recently become a subject of academic research. Historians have previously focused on certain aspects of this practice in their studies of the formation of the professorial corps at imperial universities and prosopographic

research in the context of studying the history of individual universities. The article focuses on the analysis into the 19th-century and early 20th-century manifestations of academic mobility of Russian professors who were associated with the Kharkiv University. This academic exchange consisted in the movement of professors between universities within the Russian Empire, on the one hand, and professors' internships and research trips to other scientific centers, including European universities, on the other. By the beginning of the 20th century, Kharkiv University, effectively combining traditions and innovations in the training of scientists, had become one of the centers of academic mobility in the Russian Empire, which organically integrated into the Russian and European scientific and educational spaces.

Keywords: academic mobility, Kharkiv University, professors, internships, scientific schools, prosopography

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Shatokhina S.B., Bredikhina I.G. 2026. Academic Mobility of Russian Professors of Imperial Kharkov University (1804–1917). *Via in tempore. History and political science*. 53(1): 109–117 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-109-117. EDN: KSDCRT

Введение

Различные проявления мобильности преподавателей в отечественных университетах всегда имели место и были одной из важных сторон академической жизни как самих университетов, так и профессорско-преподавательской корпорации. Формирование в Российской империи с начала XIX века университетской сети повлекло за собой широкое привлечение во вновь открывавшиеся университеты иностранных профессоров, с другой стороны – появилась практика ротации профессоров между университетами внутри страны. В-третьих, складывалась масштабная система академической мобильности в виде стажировок и научных поездок университетских преподавателей в другие научные центры, в том числе и европейские университеты, для «усовершенствования в науках».

Таким образом, можно говорить, что академическая мобильность профессоров в имперский период представляла собой сложный многоуровневый процесс, сочетавший внутренние перемещения в рамках империи и зарубежные стажировки, регламентированные государственными нормами и академическими традициями. Исследование историками академической мобильности профессоров университетов имперского периода в нашей стране только начинается. Выходы на эту проблематику и ранее наблюдались при анализе кадровой политики Министерства народного просвещения и отдельных университетов по вопросам формирования их преподавательского состава, а также в последние десятилетия в рамках просопографических исследований университетских историй. Обоснование важности и первый опыт изучения академической мобильности профессоров в университетской системе Российской империи XIX – начала XX века предприняты М.В. Лоскутовой и А.Ю. Андреевым [Лоскутова, 2009; Андреев, 2020]. Специальных исследований, посвященных академической мобильности профессоров Харьковского университета в имперский период, до настоящего времени, за исключением статьи В.Ю. Иващенко [Иващенко, 2018], не было. Настоящая статья подготовлена на основе продолжения анализа материалов, собранных и представленных в магистерской диссертации одного из авторов [Немыкина, 2026].

Объект и методы исследования

Объектом изучения являются направления академической мобильности отечественных профессоров в XIX – начале XX в., связанных своей профессиональной деятельностью с Харьковским университетом – одним из старейших университетов Российской империи. Основное внимание уделено двум вариантам такой мобильности: перемещению профессоров между университетами внутри страны, в основном в период становления университета в Харькове, и научным поездкам преподавателей харьковского университета в европейские университетские центры для подготовки диссертаций и научных трудов, для работы в

лабораториях, для изучения исследовательских методик и педагогического опыта. Статья подготовлена в соответствии с требованиями принципов научной объективности, системности и историзма, с использованием просопографического метода.

Для исследования заявленной проблемы в настоящее время в силу сложившихся обстоятельств не представляется возможным для российских исследователей привлечение документов их харьковских архивохранилищ. Однако, на наш взгляд, имеется достаточный объем доступных опубликованных материалов для решения поставленной задачи. Прежде всего, это обобщающие труды по истории Харьковского университета, подготовленные в исследуемый период [Фойгт, 1859; Багaley, 1904; Багaley, 1906] и к 200-летию юбилею университета [Харківський Національний..., 2004]. Много важной информации почерпнуто в исследованиях современных российских [Эймонтова, 1985; Петров, 2003; Муртузова, 2006; Андреев, 2009; Новиков, Перфилова, 2011], украинских [Васильев, 2004; Московкин, 2021] и иностранных [Поземковска, Чурилов, 2016] историков.

Результаты и их обсуждение

В первые десятилетия истории Харьковского университета реализовывалась, прежде всего, та сторона академической мобильности, которая направлена на формирование преподавательского состава университета за счет приглашения профессоров со стороны. Ситуация для Харькова усложнялась тем, что незадолго до открытия здесь университета (1805) были открыты и начали свою работу университеты в Дерпте (1802), Вильно (1803) и Казани (1804). И в каждом из них требовалось формировать профессорские корпорации, наполнение которых осуществлялось с большим трудом, а из-за дефицита отечественных квалифицированных кадров – в основном за счет привлечения иностранных ученых. Поэтому к середине 1810-х гг. в Харьковском университете преобладали иностранные профессора: из 47 профессоров ими были 26, и только 18 были русскими.

Однако уже с первых лет существования университета в Харькове для формирования его преподавательского корпуса приглашались русские профессора из других регионов и городов России, особенно столичных. Огромную роль играл в этом член Главного правления училищ и попечитель Харьковского университета Северин Потоцкий, который отдавал предпочтение русским преподавателям и привлекал лучших профессоров в новый университет. В Харьковский университет прибыли профессор Московской медико-хирургической академии И.П. Шумлянский, имевший степень доктора медицины Страсбургского университета, адъюнкт-профессор И.Д. Книгин. Из Казанского университета приглашен профессор медицины И.П. Каменский. И.Е. Срезневский был профессором Ярославского демидовского училища. А.Я. Калькау имел степень доктора медицины и хирургии Виттенбергского и Геттингенского университета, прослушал лекции в Лейпцигском и Йенском университетах, а изначально обучался в Московском университете. Также стажировался за границей заведующий медицинской лабораторией Харьковского университета М.П. Болгаревский [Фойгт, 1859, с. 22–23].

Так постепенно формировалось преобладание русских в профессорско-преподавательском составе Императорского Харьковского университета. Если в первое десятилетие иностранцев в университете было около 60 %, а русских – около 40 %, то за два последующих десятилетия соотношение резко поменялось: русских преподавателей стало почти 80 %, в то время как иностранцев было чуть больше 20 % [Багaley, 1906, с. 50].

В дальнейшем Харьковский университет выступал не только принимающей стороной в академической мобильности отечественных профессоров, которые укрепляли его кадровый состав, создавали и развивали его научные школы. Некоторое профессора университета сами выбирали для продолжения своей академической карьеры другие российские университеты. Со второй половины XIX века Харьковский университет стал уже признанным научным центром, а его выпускники и профессора все чаще пополняют профессорско-преподавательские корпорации многих российских университетов, в том числе и столичных.

Наиболее знаменитым ученым Императорского Харьковского университета, ставшим ученым с мировым именем, является И.И. Мечников – знаменитый биолог и патолог, основоположник иммунологии. Он за два года экстерном окончил Харьковский университет. Для разработки диссертации он поехал в Германию на остров Гельголанд, после этого отправился в Неаполь, где изучал живые организмы и выступал на различных научных конференциях и публиковался. В России он блестяще защитил диссертацию в Петербургском университете. В дальнейшем работал в Императорском Новороссийском университете в Одессе, Санкт-Петербургском университете, где преподавал зоологию. В 1883 г. он был избран член-корреспондентом, а в 1902 г. – почетным членом Санкт-Петербургской Академии наук. Мечников неоднократно уезжал в зарубежные командировки на остров Мадейра и в Италию, а потом вернулся в Новороссийский университет в Одессу. Впоследствии переехал в Париж, где стал заведующим лабораторией знаменитого французского химика и микробиолога Л. Пастера [Поземковска, Чурилов, 2016, с. 6–7, 13].

Отметим только некоторые из большого числа успешных академических карьер профессоров и выпускников Харьковского университета, занявших статусные позиции в других университетах и научных центрах Российской империи. А.Н. Деревницкий – выпускник историко-филологического факультета, а затем профессор Харьковского университета, стал деканом и ректором Императорского Новороссийского университета в Одессе (1903–1905), попечителем Казанского (1905–1911), Киевского (1912–1915) и Оренбургского (1916–1917) учебных округов. Выпускник Харьковского университета микробиолог В.И. Недригайлов в 1908–1914 гг. возглавлял Харьковский бактериологический институт, в 1914–1923 гг. работал в Институте экспериментальной медицины в Петрограде. Профессор математики Н.Е. Портнягин проходил стажировку в Париже от Харьковского университета и стал членом Математического общества Франции. После революции 1917 г. уехал в эмиграцию в Чехословакию и Словению, где получил признание и ученые степени. Выпускник Харьковского университета М.И. Коноворов работал в Санкт-Петербурге в Лаборатории экспериментальной педагогической психологии, созданной при Педагогическом музее военно-учебных заведений в Соляном городке в 1901 г. [Московкин, 2021, с. 124].

Выпускником Императорского Харьковского университета был математик, естествонаучный ученый и краевед С.И. Борчевский, внесший значительный вклад в изучение природных богатств и истории Кубанского края [Муртузова, 2006, с. 21–24]. Окончил Харьковский университет медик С.В. Вербов, участвовавший в Первой мировой войне, а после революции 1917 года работавший в Германии и Франции [Васильев, 2004, с. 97–98]. Выпускником Харьковского университета был выдающийся российский историк Н.И. Костомаров [Багaley, 1906, с. 170], который преподавал в Киеве и Ровно, а с 1859 года – в Санкт-Петербургском университете, и получил звание члена-корреспондента Петербургской академии наук [Эймонтова, 1985, с. 125]. Выпускником и профессором Харьковского университета был выдающийся российский ученый-антиковед В.П. Бузескул, в 1901–1905 гг. – декан историко-филологического факультета Харьковского университета [Новиков, Перфилова, 2011, с. 18].

Не менее масштабным и важным проявлением академической мобильности являлись поездки профессоров и молодых преподавателей в российские и зарубежные университеты за научным и педагогическим опытом. При этом приоритет отдавался, особенно в первой половине XIX века, европейским университетам. Молодые ученые отправлялись в такие поездки, чтобы подготовиться к профессорскому званию, а профессора стремились узнать что-то новое для эффективной научной и преподавательской деятельности.

Выезд в заграничную научную командировку был сопряжен с целым рядом ограничений и вызовов. Прежде всего, это преодоление тех бюрократических процедур, которые были заложены в действующих нормативных актах, регламентирующих заграничные научные поездки. Собираясь стажироваться в европейском университете в течение длительного времени (обычно не менее года), ученый должен был обосновать перед Советом университета

цель, сроки, место и необходимость такой поездки, получить одобрение попечителя учебного округа, Министерства народного просвещения, а также дать обязательство вернуться и отработать в университете не менее 5 лет.

Периодически для российских ученых возникали барьеры военного или политического характера, которые не позволяли им реализовать намеченные планы научных поездок в европейские университетские центры. В первое десятилетие истории Харьковского университета из-за наполеоновских войн в Европе российские профессора и студенты не могли поехать за рубеж по соображениям безопасности, но это компенсировалось стажировками в Петербургской Академии наук и Московском университете. Такие стажировки получили магистры физико-математических наук Н.М. Архангельский в Санкт-Петербург и Я.Н. Громов в Москву [Иващенко, 2018, с. 120].

В следующий раз проблема возникла в 1820-е годы. Она была связана с политическими ограничениями и коснулась только одного европейского региона. Из-за либеральных движений в германских университетах это направление было закрыто. Поэтому выделялись средства только на научные путешествия в Англию и Францию. Первым, кому такую поездку одобрили, стал медик И. Гнедич, маршрут которого был согласован через вышеуказанные страны [Андреев, 2009, с. 28]. Не смогли поехать в немецкие научные центры харьковские ученые П.А. Затеplinский и В.М. Черняев, поэтому первый поехал на стажировку в Париж и Лондон, вычеркнув из маршрута Берлин и Гёттинген, куда первоначально собирался, второй же отправился в Вену и Париж, где смог серьезно пополнить ботаническую и зоологическую коллекцию Харьковского университета, обменивая редкие экспонаты на харьковские образцы, недоступные в Европе [Багaley, 1904, с. 509–511].

В конце 1820-х годов, понимая необходимость повышения квалификации преподавателей российских университетов, Министерство народного просвещения разработало и стало реализовывать педагогическую программу, которая включала в себя обучение молодых преподавателей в течение трех лет в специально созданном Педагогическом институте при Дерптском университете. После обучения в Дерпте они должны были пройти стажировку по своей научной специальности в университете Берлина или Парижа. После завершения полного курса подготовки каждый из них обязан был отработать в одном из российских университетов не менее 12 лет. Харьковский университет сначала проигнорировал участие своих преподавателей в первом наборе этой программы. Однако публичное выражение недовольства этой позицией Харьковского университета со стороны императора Николая I привело к тому, что оперативно университет направил в Дерпт для участия в этой программе 4 ученых, среди которых были медики Ф.И. Иноземцев, А.М. Филомафитский и математик П.И. Котельников. Все они прошли затем стажировку в Берлинском университете. Однако никто из них в Харьков уже не вернулся, их направили, согласно требований программы, для отработки в другие российские университеты [Андреев, 2009, с. 305–310].

Во второй набор в Профессорский институт Дерпта отправились из Харьковского университета ученые-словесники В. Гринёв и С. Ростовцев, медики П. Любавский и И.В. Варвинский. Впоследствии Варвинский работал в Дерптском университете, а потом 30 лет был главой кафедры госпитальной клиники Московского университета [Петров, 2003, с. 28–33]. Также в программе Профессорского института принимали участие историк М.М. Лунин, филолог А.О. Валицкий, физик В.И. Лапшин, которые после обучения и стажировки были распределены в Харьковский университет и стали гордостью харьковской науки [Харківський Національний..., 2004, с. 83].

После закрытия Профессорского института в Дерпте в 1839 г. его роль взял на себя Петербургский Главный педагогический институт, организовывавший поездки за рубеж для российских ученых в европейские университеты. Основным направлением был Берлин, но также можно было поехать на учебу в Лейпциг, Гейдельберг, Прагу, Вену и другие университетские города Европы [Петров, 2003, с. 44–45]. В 1839 г. на такую стажировку в

Гессен к знаменитому немецкому химику Ю. Либиху поехал А.А. Воскресенский, став впоследствии главой Харьковского учебного округа и одним из основоположников российской химической науки. В середине 1840-х гг. в такой же стажировке участвовал А.И. Ходнев, впоследствии ставший профессором Харьковского университета и секретарем «Вольного экономического общества». В программе Главного педагогического института участвовали ученые филолог-классик С.С. Лукьянович, юрист А.И. Палломбецкий, зоолог А.В. Чернай, математик И.Д. Соколов, распределенные в Императорский Харьковский университет после зарубежного обучения и развивавшие харьковскую научную школу [Андреев, 2009, с. 310–313]. Главный педагогический институт был закрыт в 1859 году, а функция направления студентов и ученых за рубеж окончательно закрепились за университетами.

Почти одновременно с созданием Педагогического института в Дерпте университеты страны с 1830-х годов получили право напрямую посылать своих ученых для «усовершенствования в науках» за рубеж. Одним из первых в Харьковском университете такой возможностью воспользовался ученый-славист И.И. Срезневский. В 1839–1842 годах он посетил Кёнигсберг, Берлин, Галле, Лейпциг, Дрезден, Прагу, Вену. В Чехии и Австрии он изучал язык и культуру моравских, лужицких славян, словаков, словенцев, хорватов и сербов. Вернулся в Россию он через польские земли, изучив традиции поляков и западных украинцев-галичан. В результате он обладал необычайными знаниями в области славистики, его лекции и научные работы произвели фурор всероссийского масштаба. И.И. Срезневский после возвращения в Харьковский университет возглавил здесь кафедру славистики, став одним из основателей научной школы славистики в университете. Дальнейшая его судьба с 1847 года связана уже с Петербургским университетом [Багалея, 1904, с. 602].

В 1839 г. харьковский профессор ботаники В.М. Черняев совершил научное путешествие в Москву, Петербург, Швецию. В 1842 г. в Германию, Францию и Италию был направлен харьковский профессор российского права и судопроизводства Е.С. Гордеенко. В следующем году поехал в Германию, Францию и Англию профессор хирургии Т.Л. Ванцетти [Иващенко, 2018, с. 125–126].

Заключение

Академическая мобильность отечественных профессоров была неотъемлемой частью академической жизни Императорского Харьковского университета. Практически все профессора университета в рассматриваемый период либо имели за плечами опыт работы в других российских или европейских университетах, либо прошли научную стажировку за рубежом. Профессора и выпускники Харьковского университета участвовали в правительственных программах зарубежной академической мобильности, действовавших в первой половине XIX века, а также самостоятельно формировали программу стажировки, руководствуясь интересами университета и своей научной специализацией, когда университеты получили право автономно решать вопросы направления своих преподавателей в зарубежные командировки. Эти варианты академической мобильности приносили в образовательную и научную деятельность Харьковского университета передовые исследовательские методики (например, экспериментальная физиология в медицине), содействовали созданию и развитию научных школ университета. Такими школами в Харьковском университете к началу XX века стали научные школы славистики и математики. Длительное пребывание харьковских ученых в европейских университетах способствовало налаживанию и поддержанию научных контактов с коллегами, накоплению эмпирического материала для научных трудов, которые публиковались, в том числе и в тех научных центрах, где проходили стажировку авторы.

Таким образом, академическая мобильность стала ключевым залогом развития Императорского Харьковского университета как научного центра Российской империи. Со второй половины XIX Харьковский университет становится устойчивым поставщиком

своих выпускников, избравших научную стезю, и состоявшихся профессоров для других российских научных и образовательных центров. Кроме того, в самом Харьковском университете работали многие выдающиеся учёные из других регионов России, что превращало его в сильный центр отечественной науки. К началу XX в. Харьковский университет, эффективно сочетая традиции и инновации в подготовке учёных, стал одним из центров академической мобильности Российской империи, органично интегрированным в российское в европейское научное и образовательное пространство.

Список литературы

- Андреев, А.Ю. 2020. Мобильность профессоров в университетской системе Российской империи XIX – начала XX в. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви*. 97: 68–93.
- Андреев А.Ю. 2009. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. Москва, Знак, 640 с.
- Багалея Д.И. 1904. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам с 1815 по 1835 год): с приложением портретов и планов. Харьков, Паровая тип. и литограф. Зильберберг, 1136 с.
- Багалея Д.И. 1906. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905), составленный профессорами Д.И. Багалеем, Н.В. Сумцовым и В.П. Бузескулом. Харьков, изд. Ун-та, 330 с.
- Васильев К.К. 2004. Судьба питомца медицинского факультета Императорского Харьковского университета доктора С.В. Вербова (1883–1976). *Вісник Харківського національного університету. Сер. «Медицина»*. 639(9): 96–100.
- Иващенко В.Ю. 2018. Заграничные поездки молодых учёных и профессоров Харьковского университета в первой половине XIX в. В: Европейские традиции в истории высшей школы России: от доуниверситетской модели к университетам. Сб. ст. Великий Новгород, Б.и.: 118–127.
- Лоскутова М.В. 2009. Географическая мобильность профессоров и преподавателей российских университетов второй половины XIX в.: проблемы и предварительные результаты исследования. В: «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в.: сб. статей. Отв. сост. А.Ю. Андреев, отв. ред. А.В. Доронин. Москва, Росспэн: 183–221.
- Московкин В.М. 2021. Выпускники Белгородской мужской гимназии, обучавшиеся в Императорском Харьковском университете. Идентификация их карьерных траекторий. *Оригинальные исследования (ОРИС)*. 011: 122–162.
- Муртузова З.Д. 2006. С.И. Борчевский, выпускник Харьковского университета. Штрихи к портрету. *Голос минувшего*. 3–4: 21–24.
- Немыкина И.Г. 2026. Академическая мобильность и научные связи преподавателей Императорского Харьковского университета в XIX – начале XX вв. Выпускная квалификационная работа магистра. Белгород, Б.и. 82 с.
- Новиков М.В., Перфилова Т.Б. 2011. Становление историка в Императорской России. *Ярославский педагогический вестник*. 1(1): 13–22.
- Петров Ф.А. 2003. Формирование системы университетского образования в России. В 4 т. Т. 4. Российские университеты и люди 1840 годов. Ч. 1. Профессура. Москва, Изд-во Московского ун-та, 583 с.
- Поземковска М., Чурилов Л.П. 2016. Илья Ильич Мечников и всемирное значение его наследия. *Клиническая патофизиология*. 22: 3–28.
- Фойгт К.К. 1859. Историко-статистические записки об Императорском Харьковском университете и его заведениях от основания Университета до 1859 г. Харьков: Унив. типограф., 174 с.
- Харківський Національний університет ім. В.Н. Каразіна за 200 років. Харків, Фоліо: 749 с.
- Эймонтова Р.Г. 1985. Русские университеты на грани двух эпох. Москва, Наука, 350 с.

References

- Andreev A.Yu. 2020. Mobil'nost' professorov v universitetskoj sisteme Rossijskoj imperii XIX – nachala XX v. [Mobility of Professors in the University System of the Russian Empire of the 19th – Early 20th

- Century]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*. [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Episode 2: The Story. The History of the Russian Orthodox Church.]. 97: 68–93.
- Andreev A.Yu. 2009. Rossijskie universitety XVIII – pervoj poloviny XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy [Russian Universities of the XVIII – First Half of the XIX Century in the Context of European University History]. Moskva, Znak, 640 p.
- Bagalej D.I. 1904. Opyt istorii Har'kovskogo universiteta (po neizdannym materialam s 1815 po 1835 god): s prilozheniem portretov i planov [The Experience of the History of Kharkov University (Based on Unpublished Materials from 1815 to 1835): With the Application of Portraits and Plans]. Har'kov, Parovaya tip. i litogr. Zil'berberg, 1136 p.
- Bagalej D.I. 1906. Kratkij ocherk istorii Har'kovskogo universiteta za pervye sto let ego sushchestvovaniya (1805–1905), sostavlennyj professorami D.I. Bagaleem, N.V. Sumcovym i V.P. Buzeskulom [A Brief Outline of the History of Kharkiv University for the First Hundred Years of its Existence (1805–1905), Compiled by Professors D.I. Bagaley, N.V. Sumtsov and V.P. Buzeskul]. Har'kov, izd. Un-ta, 330 p.
- Vasil'ev K.K. 2004. Sud'ba pitomca medicinskogo fakul'teta Imperatorskogo Har'kovskogo universiteta doktora S.V. Verbova (1883–1976). [The Fate of a Pet of the Medical Faculty of the Imperial Kharkov University, Dr. S.V. Verbov (1883–1976)]. *Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu. Ser. «Medicina»*. [Bulletin of Kharkiv National University. Ser. "Medicine"]. 639(9): 96–100.
- Ivashchenko V.Yu. 2018. Zagranichnye poezdki molodyh uchyonyh i professorov Har'kovskogo universiteta v pervoj polovine XIX v. [International Trips of Young Scientists and Professors of Kharkov University in the First Half of the Nineteenth Century]. V: *Evropejskie tradicii v istorii vysshej shkoly Rossii: ot douniversitetskoj modeli k universitetam* [In: *European Traditions in the History of Russian Higher Education: From the Pre-University Model to Universities*]. Velikij Novgorod, B.i.: 118–127.
- Loskutova M.V. 2009. Geograficheskaya mobil'nost' professorov i prepodavatelej rossijskih universitetov vtoroj poloviny XIX v.: problemy i predvaritel'nye rezul'taty issledovaniya [Geographical Mobility of Professors and Lecturers of Russian Universities in the Second Half of the 19th Century: Problems and Preliminary Research Results]. V: *«Byt' russkim po duhu i evropejcem po obrazovaniju»*. Universitety Rossijskoj imperii v obrazovatel'nom prostranstve Central'noj i Vostochnoj Evropy XVIII – nachala XX v.: [In: "To be Russian in Spirit and European in Education" Universities of the Russian Empire in the Educational Space of Central and Eastern Europe of the XVIII – early XX Century]. sb. Statej. Otv. sost. A.Yu. Andreev, otv. red. A.V. Doronin. Moskva, Rosspen: 183–221.
- Moskovkin V.M. 2021. Vypusniki Belgorodskoj muzhskoj gimnazii, obuchavshiesya v Imperatorskom Har'kovskom universitete. Identifikaciya ih kar'ernyh traektorij [Graduates of the Belgorod Men's Gymnasium who Studied at the Imperial Kharkov University. Identification of their Career Paths]. *Original'nye issledovaniya (ORIS)* [Original Research (ORIS)]. 011: 122–162.
- Murtuzova Z.D. 2006. S.I. Borschevskij, vypusnik Har'kovskogo universiteta. Shtrihi k portretu. [S.I. Borchevsky, a Graduate of Kharkov University. Touches to the Portrait]. *Golos minuvshogo*. [The Voice of the Past]. 3–4: 21–24.
- Nemykina I.G. 2026. Akademicheskaya mobil'nost' i nauchnye svyazi prepodavatelej Imperatorskogo Har'kovskogo universiteta v XIX – nachale XX vv. Vypusknaya kvalifikacionnaya rabota magistra [Academic Mobility and Scientific Connections of Teachers of the Imperial Kharkov University in the XIX – Early XX Centuries. / Master's Degree Thesis]. Belgorod, B.i. 82 p.
- Novikov M.V., Perfilova T.B. 2011. Stanovlenie istorika v Imperatorskoj Rossii [The Formation of a Historian in Imperial Russia]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 1(1): 13–22.
- Petrov F.A. 2003. Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii. V 4 t. T. 4. Rossijskie universitety i lyudi 1840 godov. Ch.1. Professura [Formation of the University Education System in Russia. In 4 volumes. Vol. 4. Russian Universities and People of the 1840s. Part 1. Professorship]. Moskva, Izd-vo Moskovskogo un-ta, 583 p.
- Pozemkovska M., Churilov L.P. 2016. Il'ya Il'ich Mechnikov i vseмирное znachenie ego naslediya [Ilya Ilyich Mechnikov and the Worldwide Significance of his Legacy]. *Klinicheskaya patofiziologiya*. [Clinical Pathophysiology]. 22: 3–28.
- Fojgt K.K. 1859. Istoriko-statisticheskie zapiski ob Imperatorskom Har'kovskom universitete i ego zavedeniyah ot osnovaniya Universiteta do 1859 g. [Historical and Statistical Notes on the Imperial Kharkov University and its Institutions from the Foundation of the University to 1859]. Har'kov: Univ. tipogr. 174 p.

Harkivs'kij Nacional'nij universitet im. V.H. Karazina za 200 rokov [V.H. Kharkiv National University Karazin for 200 Years]. Harkiv, Folio: 749 p.

Ejmontova R.G. 1985. Russkie universitety na grani dvuh epoch [Russian Universities on the Verge of Two Epochs]. Moskva, Nauka, 350 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.12.2025

Received 15.12.2025

Поступила после рецензирования 04.03.2026

Revised 04.03.2026

Принята к публикации 06.03.2026

Accepted 06.03.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шатохина Светлана Богдановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-9119-8774](https://orcid.org/0000-0002-9119-8774)

Svetlana B. Shatokhina, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Russian History and Record Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Бредихина Ирина Геннадьевна, учитель, Домодедовский образовательный комплекс «Доминанта», Московская область, г. Домодедово, Россия

 [ORCID: 0009-0002-1229-0052](https://orcid.org/0009-0002-1229-0052)

Irina G. Bredikhina, Teacher, “Dominanta” Domodedovo Educational Complex, Domodedovo, Moscow Region, Russia

УДК 93/94 «1830»
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-1-118-128
EDN MEQNMC
Оригинальное исследование

Первые организационные мероприятия по подготовке заграничного похода русской армии против европейских революций 1830 года

Тимиряев Д.О.¹ , Коробкова Д.В.²

- ¹ Национальный исследовательский университет «Высшая Школа Экономики»,
Россия, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3;
² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: denisolegovichtimiryayev@yandex.ru, khalyavina@bsuedu.ru

Аннотация. В статье исследуются документы канцелярии военного министра А.И. Чернышева сентября – первой половины октября 1830 г. В этих документах отражены важнейшие мероприятия по организации похода русской армии на бельгийских революционеров, восставших против власти короля Нидерландов Виллема (Вильяма) Первого. Учитывая, что восставших поддерживала Франция, не исключалась перспектива столкновения с ней. Документы свидетельствуют о тщательном планировании предстоящего похода. В них определяются важнейшие направления по подготовке войск. В данной работе выявлен список частей и соединений, назначенных для похода, изучены проблемы комплектования войск как личным составом, так и конским, исследован широкий круг проблем русской императорской армии и военной администрации в начале правления Николая Первого.

Ключевые слова: Русская императорская армия, Революции 1830 г., Николай Первый, А.И. Чернышев, военное министерство, канцелярия военного министра

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Тимиряев Д.О., Коробкова Д.В. 2026. Первые организационные мероприятия по подготовке заграничного похода русской армии против европейских революций 1830 года. *Via in tempore. История. Политология.* 53(1): 118–128. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-118-128. EDN: MEQNMC

The First Organizational Measures to Prepare for the Russian Army's Overseas Campaign against the European Revolutions of 1830

Denis O. Timiryayev¹ , Daria V. Korobkova²

- ¹ National Research University Higher School of Economics,
Building 3, 21/4 Staraya Basmannaya St., Moscow 105066, Russia;
² Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: DenisOlegovichTimiryayev@yandex.ru, khalyavina@bsuedu.ru

Abstract. This article examines documents from the office of War Minister A.I. Chernyshev from September to the first half of October 1830. These documents reflect the most important events in organizing the Russian army's campaign against the Belgian revolutionaries who had rebelled against the rule of King Willem I of the Netherlands. Given that the rebels were supported by France, the possibility of a clash with France was not ruled out. The documents attest to the meticulous planning of the upcoming campaign and outline the most important areas for troop training. This study identifies the list of units and formations assigned to the campaign, examines the issues of troop manpower and horse fleet, and examines a wide range of issues affecting the Russian Imperial Army and military administration at the beginning of the reign of Nicholas I. The study

assesses the administrative activities of the Minister of War, Count A.I. Chernyshev, and the staff of his office, and outlines future prospects for studying this topic.

Keywords: Russian Imperial Army, Revolutions of 1830, Nicholas I, A.I. Chernyshev, Ministry of War, Office of the Minister of War

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Timiryayev D.O., Korobkova D.V. 2026. The First Organizational Measures to Prepare for the Russian Army's Overseas Campaign against the European Revolutions of 1830. *Via in tempore. History and political science*. 53(1): 118–128 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-118-128. EDN: MEQNMC

Введение

В 200-летнюю годовщину восхождения на престол императора Николая Первого (1796–1855, годы правления 1825–1855) становится актуальной задача нового осмысления периода его царствования. В том числе и изучение истории войн. Войнами начинается его правление, ими же и заканчивается. Но война может быть не только с государствами. Она может быть и с идеями. С революционными идеями император боролся все время своего царствования. Все это не могло не сказаться на Русской императорской армии и на деятельности военного ведомства.

Одними из первых вызовов в борьбе Николая Павловича с революционными движениями стали революции 1830 г. в Европе. Его реакцией на свержение правящего короля во Франции и восстание бельгийцев против короля Нидерландов стала подготовка русской армии к новому заграничному походу. Если события во Франции свершились очень быстро и поставили императора перед фактом воцарения нового режима, то против восстания в Бельгии император решил применить военную силу.

По нашим наблюдениям, тема организации похода русской армии против революций 1830 года в научной литературе не затронута. Среди дореволюционных историков только Н.К. Шильдер в своей биографической работе о Николае Первом затронул данную тематику [Шильдер, 1903]. Но Николай Карлович только прошелся по верхам проблемы, используя только опубликованную переписку Николая Павловича с военным министром графом А.И. Чернышевым, цесаревичем Константином Павловичем, генерал-фельдмаршалом И.И. Дибичем. Собственно, документы по организации похода он не затрагивал.

Советские историки любили ругать Николая Павловича за его борьбу с революционными движениями, но подготовка похода 1830 г. в их поле исследований не попала. Например, Л.Г. Бескровный в своей обширной работе о русской императорской армии в XIX веке данную тему обошел вниманием [Бескровный, 1973]. Впрочем, как и все военные кампании данного столетия. В настоящее время изучение военной составляющей правления Николая Павловича переживает расцвет. Однако подготовка второго заграничного похода русской армии в 1830-м году не получила должного внимания исследователей.

В итоге нам представляется актуальной для изучения обнаруженная проблема.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются документы, подготовленные в канцелярии военного министра А.И. Чернышева в сентябре – первой половине октября 1830 г. Предмет исследования – организационные мероприятия русской императорской армии по подготовке войск к походу против европейских революций 1830 года.

В процессе исследования используются как общенаучные, так и специальные исторические методы. Общенаучными методами являются методы индукции, анализа и синтеза. Историко-генетический метод использовался нами для рассмотрения деятельности канцелярии военного министра по подготовке похода на Запад на протяжении от начала подготовки к походу до паузы в деятельности канцелярии военного министра в середине октября. Историко-системный метод применялся для рассмотрения влияния исторических

событий на деятельность военного министра и императора Николая Первого. Историко-сравнительный метод позволил выявить общие закономерности и различия в документах.

Результаты и их обсуждение

К 8 сентября 1830 г. в канцелярии военного министра был подготовлен документ под названием «Программа общего предположения приготовлений к войне на Западе»³⁶. Документ этот примечателен тем, что в нем отразилась склонность военного министра (1827–1852) графа Александра Ивановича Чернышёва (1786–1857) и сотрудников его канцелярии вникать в мельчайшие подробности организации предполагаемых мероприятий, продумывать все до мелочей. Возможно, эта черта характера способствовала получению должности военного министра Александром Ивановичем. Как выяснила О.В. Эдельман, Чернышев, руководя группой сотрудников Следственного комитета по делу декабристов, в сравнении с А.Х. Бенкердорфом, более тщательно, системно, въедливо и усердно отнесся к своей работе [Эдельман, 2010, с. 211–212, 219–220, 311–317, 352]. «Программа...» послужила отправной точкой для многих в дальнейшем организационных мероприятий, т. к. намечала направления работы и те моменты, на которые стоило обратить внимание³⁷.

Первым пунктом предстоящих мероприятий в документе значился запрос информации от предназначенных в поход воинских частей и соединений о численности личного состава. Вторым пунктом шел вопрос о приготовлении войск, о степени их укомплектованности, о том, как будут организованы снабжение, замена негодного оружия, организация фуражника (воинский обоз), покупка лошадей для него³⁸. В мирное время фуражат содержался в сокращенном составе, т. к. содержание лошадей обходилось очень дорого казне. Особо выделялась проблема наличия конского состава для кавалерии³⁹. Поднимался вопрос о необходимом количестве подразделений инженерных войск, включая понтонные отделения, необходимые для переправы войск через водные рубежи⁴⁰. О вдумчивом подходе сотрудников канцелярии военного министра свидетельствует следующее обстоятельство: был поднят вопрос о возможности покупки пороха в Пруссии и литья ядер российских калибров там же. Логично, чтобы не везти все это из России. Понадобится ли осадная артиллерия, письменно вопрошали чиновники канцелярии военного министра.

С особым вниманием авторы документы отнесли к обеспечению войск продовольствием и амуницией⁴¹. Нужно было заранее складировать провиант на сборных пунктах войск. Распорядиться о начале приготовления сухарей – основной пищи солдата в походных условиях. Кроме перевозки продовольствия подвижным магазином (гужевым транспортом), продумывалось использование морского транспорта. В снабжении обмундированием и амуницией также планировали опираться не только на собственный подвоз гужевым транспортом и морем, но и закупки за границей⁴². Медицинское обеспечение войск предусматривалось в виде создания первой линии главных госпиталей и подвижных лазаретов. Последним разделом документа являлись вопросы, посвященные кадровым назначениям для укомплектования штаба готовящейся к походу в Европу армии, расчет полугодового жалования серебром офицерам и генералам, организация штабного обоза⁴³. Заострено было внимание на определении главных этапных путей, по которым будут двигаться войска за границы империи, поиск помещений для размещения войск зимой (летом в палатках), запас дров и соломы, назначение войск в гарнизоны и офицеров на

³⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 478. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

³⁷ Там же. Л. 8–10.

³⁸ Там же. Л. 8.

³⁹ Там же. Л. 8 об.

⁴⁰ Там же. Л. 9.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Л. 9 об.

⁴³ Там же. Л. 10.

должности комендантов⁴⁴. Не забыли о поиске географических карт предстоящего театра военных действий⁴⁵.

Однако в течение сентября нам неизвестны какие-либо реальные распоряжения о подготовке войск к походу. Ситуация радикально меняется в начале октября, когда король Нидерландов Виллем (Вильгельм) Первый (1772–1843) обратился за военной помощью к императору Николаю Первому [Шильдер, 1903, с. 307–308]. В Бельгии вспыхнуло восстание против власти Виллема. Николай Павлович был верен принципам легитимизма. Восстание бельгийцев разрушало здание Реставрации, на котором покоилась гегемония России в Европе. Естественно, император Всероссийский не мог на это смотреть спокойно [Меж двух восстаний, 2016, с. 17]. Тем более что сестра Николая Павловича была замужем за старшим сыном Виллема. Было решено помочь голландским родственникам отправкой российских войск против бельгийских мятежников.

8-го октября Чернышёв получил высочайшее повеление о переводе на военное положение следующих войск: 1-го и 2-го пехотных корпусов, 3-го и 5-го резервных кавалерийских корпусов, Литовского отдельного корпуса, резервного корпуса и Польской армии⁴⁶. Последние три воинских соединения находились под командованием цесаревича Константина Павловича. Литовский отдельный корпус – это очередная фикция покойного самодержца Александра Первого. По сути, это был обыкновенный пехотный корпус, комплектовавшийся нижними чинами (рядовые и унтер-офицеры) из восточных славян и офицерами из числа местных поляков, в угоду польской элите западных губерний наименовался отдельным. Тем самым Александр поддерживал в местных поляках иллюзию о его планах восстановления Великого княжества Литовского как до войны 1812 года, так и после по образцу Царства Польского или Великого княжества Финляндского [Ульянов, 1996, с. 86; Польша и Россия..., 2010, с. 64]. В обмундирование полков этого корпуса были введены отдельные элементы от экипировки вооруженных формирований Речи Посполитой и Великого герцогства Варшавского времен наполеоновских войн [Ульянов, 1996, с. 122]. После начала польского восстания в ноябре 1830 г. Литовский корпус был переименован в 6-й пехотный. Офицеры из поляков ожидаемо проявили нелояльность русскому командованию в ходе подавления восстания.

9-го октября Чернышев отправлял командирам корпусов повеление императора. 10-го октября он докладывал государю о сделанных им распоряжениях по армии⁴⁷. Войска, принадлежащие Первой армии, приводились в военное положение. Кавалерийские части должны были отправиться в поход на Запад в существующем составе, пехотные полки в двух батальонах, артиллерия с полным числом орудий, 1-й и 2-й саперные батальоны с их понтонными отделениями в полном составе, фурштаты по мирному положению (это противоречило «Программе...» от 8-го сентября – авторы)⁴⁸. Военный министр особенно проговаривал, что состав отправляемых в поход войск Литовского отдельного корпуса, Польской армии и резервного корпуса будет определен лично Константином Павловичем и передан на утверждение императора⁴⁹. Константин Павлович не был единственным родственником императора, который упоминался в докладе. Как сообщал императору Чернышев, с разрешения командующего Первой армией и Цесаревича Константина, вопрос о покупке недостающих лошадей для обоза инженерных частей (это всего два саперных батальона) передавался на усмотрение генерал-инспектора по инженерной части великого князя Михаила Павловича – самого младшего из братьев.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Л. 10 об.

⁴⁶ Там же. Л. 11.

⁴⁷ Там же. Л. 11 об.

⁴⁸ Там же. Л. 12.

⁴⁹ Там же.

Согласно докладу военного министра, цены на покупаемых лошадей были назначены такие же, как перед русско-турецкой войной 1828–29 гг.⁵⁰ Строевые верховые лошади для Литовской Уланской дивизии и артиллерии обходились казне по 250 рублей. Упряжные для конной и пешей артиллерии и саперных батальонов под понтоны стоили уже 225 рублей. Самые дешевые были под легкий обоз – 125 рублей. Особняком шли строевые верховые лошади для войск, состоящих под командованием Константина и Гвардии: для кирасир по 500 рублей, для легкой кавалерии по 400 рублей. Откуда ж взять необходимые суммы для такого дорогого удовольствия? Ответственный за подготовку своих двух корпусов командующий Первой армией имел право задействовать для этого наличные суммы Интендантства, а также ремонтного экономического капитала по артиллерии⁵¹. Константину Павловичу деньги выделялись непосредственно министерством финансов⁵².

Кирасиры с их лошадьми за 500 рублей за штуку – это было, конечно, хорошо и красиво, но, как показали события на Сенатской площади 14 декабря 1825 года и русско-турецкая 1828–1829 гг., артиллерия наше всё. Император и военный министр это понимали. А еще больше они понимали важность снабжения артиллерии боеприпасами. 11 подвижных артиллерийских парков (воинская часть, предназначенная для подвоза боеприпасов артиллерийским батареям или ротам) должны были быть приведены директором артиллерийского департамента в надлежащее устройство к 20 декабря. Задача покупки недостающих лошадей для подвижных артиллерийских парков возлагалась на генерал-фельдцейхмейстера (главного начальника артиллерии в Русской императорской армии) великого князя Михаила Павловича (еще одна должность князя-многостаночника) по цене 150 рублей за каждую⁵³. Недостающие орудия, по замыслу министра, должны были быть получены из различных arsenalov⁵⁴. Так, например, орудия для третьих дивизионов артиллерийских рот 1-го пехотного корпуса должны были быть взяты из Рижского арсенала. Для конной бригады при 1-й гусарской дивизии – из Виленского. Прочие артиллерийские роты Первой армии по распоряжению генерала-фельдцейхмейстера должны были получить орудия из ближайших arsenalov.

Финансирование состоящей под командованием Цесаревича Константина Польской армии должно было осуществляться за счет бюджета Царства Польского⁵⁵. Как докладывал Николаю Павловичу военный министр, статс-секретарь граф Грабовский был об этом извещен. Грабовский сообщал Чернышеву, что министерство финансов Царства Польского утвердит все предложенные Цесаревичем сметы.

Чернышев сообщал императору, что до всех высших начальников доведено высочайшее повеление о готовности к походу к 10 декабря. Всем начальникам, ответственным за покупку лошадей, сообщили о разрешении императора, по примеру русско-турецкой войны 1828–1829 гг., покупать в артиллерию лошадей разношерстных, заботясь только о том, чтобы между строевыми верховыми лошадьми не попадались лошади пегие и «слишком безобразных мастей»⁵⁶. В поисках лошадей все средства были хороши, Чернышев докладывал императору, что командующему Первой армией было передано разрешение императора на пополнение недостающих лошадей за счет лошадей, возвращающихся из-за границы с балканского театра военных действий русско-турецкой войны частей 5-го пехотного корпуса⁵⁷. А если командующий Первой армией сочтет эту меру неудобной, то, как писал Чернышев, ему было передано разрешение на использование этих лошадей для укомплектования вновь

⁵⁰ Там же. Л. 12 об.

⁵¹ Там же. Л. 13.

⁵² Там же. Л. 13 об.

⁵³ Там же. Л. 14.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. Л. 14 об.

⁵⁶ Там же. Л. 15.

⁵⁷ Там же. Л. 15 об.

формирующихся в Киеве четырех артиллерийских парков⁵⁸. В любом случае 5-й пехотный корпус становился донором для других соединений и частей Первой армии. Хотя состояние конского поголовья, тянущего с Балкан и из Валахии армейские обозы, на наш взгляд, не могло внушать оптимизма.

Не забыли и о казаках. На службу должны были отправиться семь донских казачьих полков и три оренбургских казачьих полка⁵⁹. На Дону также должны были привести в военное положение конно-артиллерийские роты.

Примечательно, что в конце доклада Чернышев сообщает императору, что не всем готовящимся к походу воинским соединениям он может отдавать приказы и распоряжения. 3-й резервный кавалерийский корпус подчинялся отдельной структуре военного министерства, над которой министр не был властен, – главному штабу его императорского величества по военным поселениям. Получался любопытный административный казус: только через главный штаб военных поселений министр мог отдавать даже самые важные и срочные приказания. Это неподчинение военных поселений министру было еще одним решением предыдущего императора [Бескровный, 1973, с. 199]. Получалась трехглавая гидра: канцелярия военного министра, главный штаб его императорского величества (его управляющим был Чернышев, тем самым соединяя две должности) и отдельный штаб по военным поселениям (начальник генерал-адъютант Петр Андреевич Клейнмихель). Лишь только в 1832 году будет создано более централизованное управление военным министерством, когда в руках министра будет пусть и неполная, но власть над всеми частями военного ведомства [Кухарук, 2009, с. 191–193].

Следующим шагом военного министра стал запрос в Гвардию и Армию о предоставлении информации о состоянии частей и соединений, список которых был утвержден лично императором⁶⁰. Причем сразу указывались требуемые параметры количества личного состава в частях. Первыми, естественно, были указаны части Гвардии. Например, полки Гвардейской пехоты должны были выступить в поход тремя батальонами. Полки легкой Гвардейской кавалерийской дивизии в 6 эскадронах по 13 рядов (1 ряд – два человека) во взводе. Аналогично – полки 1-й кирасирской дивизии. От полков 1-й уланской дивизии требовалось 6 эскадронов по 16 рядов во взводе. В пешей артиллерии должно было быть 12 орудий в артиллерийской роте, в Лейб-Гвардии конной – 8, в 1-й конно-артиллерийской бригаде – 12 орудий.

Следующими шли полупривилегированные корпуса: Литовский отдельный корпус и Гренадерский. Кавалерийские полки Литовского должны были быть по 6 эскадронов по 15 рядов во взводе. Пехотные полки – в два батальона. Артиллерия – по 12 орудий в артиллерийской роте. Пехотные полки Гренадерского – по два батальона. Артиллерия – 12 орудий. В конце списка были «рабочие лошадки» любой армии XIX века: рядовые кавалерийские и пехотные корпуса. От полков 3-го и 5-го резервных кавалерийских корпусов и кавалерийских полков 1-го пехотного корпуса требовалось наличие 6 эскадронов по 15 рядов в каждом взводе. Пехотные полки 1-го пехотного – по два батальона. Артиллерийские роты всех трех корпусов – по 12 орудий. При этом 2-й пехотный корпус, также переведенный на военное положение, в этот список по неизвестным причинам не вошел. Возможно, окончательное решение о его привлечении к походу на Запад еще не было принято. К сожалению, дата составления высочайше утвержденного списка не проставлена на документе. Можно лишь предположить примерные даты: от 8-го октября до 11-го.

11-го октября появилась очередная «Программа общего предположения о приготовлении к войне на Западе»⁶¹. На сей раз она была конкретнее, чем первая от 8-го сентября. Что не удивительно в контексте имеющегося повеления императора. В этом документе впервые обозначены те воинские соединения, которые планировалось задействовать в помощь

⁵⁸ Там же. Л. 16.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. Л. 17.

⁶¹ Там же. Л. 18.

голландским родственникам. Для похода были предназначены: отдельный Гвардейский корпус, к нему был присоединен 1-й резервный кавалерийский корпус (ранее в документах не фигурировал), Гренадерский корпус, 1-й пехотный, 3-й и 5-й резервные кавалерийские корпуса, отдельный Литовский, резервный корпус под начальством Цесаревича Константина. 2-й пехотный корпус вновь отсутствует.

Разработчики «Программы...» поднимали следующие нерешенные проблемы. Нужно было решить, в каком числе эскадронов и с каким количеством рядов во взводах кавалерийские полки Гвардейского корпуса и Армии отправятся в поход⁶². Видимо, информация от воинских частей и соединений о степени их укомплектованности еще не пришла в канцелярию. Сколько батальонов будет в пехотных полках Гвардии и Армии. Это был очень важный и во многом больной вопрос. Традиционно, начиная с начала XIX века, гвардейские пехотные полки шли на войну со всеми тремя батальонами. Постоянное комплектование лучшими рекрутами и лучшими нижними чинами армейских частей позволяли Гвардии выставлять все три батальона. Армейские полки (неважно – гренадерские, пехотные/мушкетерские, егерские/карабинерные), имея три штатных батальона, на войну отправляли только два (обычно 1-й и 3-й). 2-й батальон передавал часть своего личного состава на пополнение 1-го и 3-го батальона и оставался в тылу, принимая и обучая рекрутов, превращаясь, таким образом, в учебное подразделение при своем полку [Ульянов, 2008, с. 8–9].

Войны империи с 1804 по 1814 год постоянно приводили к большому некомплекту в армейских частях. В мирное десятилетие с 1815 по 1825 гг. Александр Первый не занимался этим вопросом. Три войны в начале правления Николая Павловича (русско-иранская 1826–1828 гг., русско-турецкая 1828–1829 гг., подавление польского восстания в 1831 г. – это была полноценная русско-польская война) не давали самодержцу времени решить этот вопрос. Лишь только в 1833 году произойдет радикальная армейская реформа, по которой пехотные полки получают по 4 действующих батальона в мирное время, 1–2 резервных в военное, что позволит наконец-то избавить пехотные армейские полки от вечной нехватки личного состава [Подмазо, 2010, с. 85].

Неясен был вопрос о количестве орудий в артиллерийских ротах – 8 или 12; в каком числе эскадронов выступит в поход Лейб-Гвардии казачий полк, примут ли участие в походе Черноморский и Крымско-татарский эскадроны⁶³; отправится ли на войну Лейб-Гвардии финский стрелковый батальон и Лейб-гвардии Донская конно-артиллерийская рота и ракетная рота; в каком числе будут Донские казачьи полки и Донская артиллерия; пойдет ли с Гренадерским корпусом гренадерский саперный батальон, а с первым пехотным корпусом – первый саперный батальон; сколько назначить подвижных артиллерийских парков и к каким корпусам их приписать; пойдет ли фушштат гвардейского корпуса и армейских соединений⁶⁴. Отдельно поднимался вопрос о необходимости создания расчетов потребности в пополнении войск личным составом: с информацией откуда придет пополнение и когда⁶⁵. Требовались аналогичные расчеты о пополнении конским составом всех частей, артиллерийских орудий и зарядных ящиков к ним. И, разумеется, нужно было составить смету всех расходов на покупку лошадей, снаряжения и продовольствия⁶⁶. Ставился вопрос, кому лучше поручить покупку лошадей: командирам полков и артиллерийских бригад или особым лицам, опытным и заслуживающим доверия. Правда, в документе никак не уточнялось, где же таких людей можно найти. Нужно было определить, к какой дате комиссариат удовлетворит все потребности войск⁶⁷. Распорядиться об изъятии негодного оружия в войсках и выдаче боевых патронов в случае, если их где-то не хватает. Требовалось осмотреть все орудия, стволы, лафеты на момент наличия повреждений.

⁶² Там же. Л. 18 об.

⁶³ Там же. Л. 19 об.

⁶⁴ Там же. Л. 20.

⁶⁵ Там же. Л. 20 об.

⁶⁶ Там же. Л. 21.

⁶⁷ Там же. Л. 21 об.

Особые распоряжения были по Генеральному штабу. Необходимо было определить главные военные дороги к западным границам империи и привести их в исправное состояние⁶⁸. Указать сборные пункты для войск. Нужно было назначить пункты, где местные парки могли бы безостановочно снабжать подвижные артиллерийские парки. Продумать их равномерное расположение. По провиантской части требовалось заготовить заранее достаточное количество провианта и фуража для снабжения войск во время следования по маршрутам движения⁶⁹. И, самое главное, решить, на сколько месяцев должен был быть в каждом сборном пункте составлен запас продовольствия. Был поднят вопрос об отдаче распоряжений о сушке сухарей, о размещении магазинов (складов) с продовольствием в тылу войск, об устройстве складов при частях⁷⁰. Отдельным пунктом шла организация морских перевозок. Не исключался вариант с покупкой у местного населения продовольствия, но он был последним по значению.

Но главным вопросом по продовольственной части был вопрос о том, какая структура за него отвечает. Получалось так, что примерно половина войск в походе принадлежала Первой армии и, соответственно, обеспечивалась провиантским департаментом Интендантства Первой армии. Формально обеспечением войск отдельного Литовского корпуса занималась провиантская комиссия этого корпуса, но по факту эта комиссия отвечала за снабжение пришедшего к границам империи Гвардейского корпуса и Польской армии, т. к. командующим всеми перечисленными войсками был Цесаревич Константин и через его штаб шло бы управление массой войск. Возникал вопрос, кто несет ответственность за снабжение всех войск? Сотрудники канцелярии военного министра предлагали создание особой структуры во главе с генерал-интендантом, отвечающим за все вопросы снабжения⁷¹.

Интересно, что создание и содержание госпиталей проходило не по медицинской части «Программы», а по комиссариатской, т. е. той, которая отвечала за вещевое и денежное довольствие войск, обеспечение войск помещениями⁷². Какие же вопросы возникали по госпитальной части? Необходимо было учредить временные госпитали вдоль военных дорог и на сборных пунктах. Решить, на какое число коек/мест их нужно создавать. Организовать подвижные лазареты для раненых и построить особые транспорты для их отвоза с места сражения⁷³. Нужно было создать запас бинтов, корпии, компрессов. Собственно, вещевое снабжение не обошли вниманием. Шел поиск вариантов по созданию запасов сукна для мундиров и других предметов снабжения, в том числе и через закупку за границей. Надо было решить, из каких российских портов Балтийского моря (Санкт-Петербург, Рига) и на каких судах (морского ведомства, вольнонаемных) должны были быть организованы перевозки морским путем⁷⁴.

По медицинской части основные хлопоты заключались в учреждении полевой подвижной аптеки, которая должна была следовать за движением войск за границей. Необходимо было снабдить полки, команды и подвижной госпиталь хирургическим инструментом и фельдшерскими наборами⁷⁵. Было решено выдать корпусным и дивизионным докторам фуражечные седла (без чепраков/вальтрапов, т. е. толстого суконного покрывала, надеваемого под седло для защиты спины лошади). Полковые аптечные фуры должны были быть пополнены годовым запасом лекарств.

В заключение программы сотрудники военного министра предлагали провести строгий осмотр всей материальной части артиллерии, всех войск и подвижных артиллерийских парков⁷⁶.

⁶⁸ Там же. Л. 22 об.

⁶⁹ Там же. Л. 23.

⁷⁰ Там же. Л. 23 об.

⁷¹ Там же. Л. 24.

⁷² Там же. Л. 24 об.

⁷³ Там же. Л. 25.

⁷⁴ Там же. Л. 25 об.

⁷⁵ Там же. Л. 26.

⁷⁶ Там же. Л. 29 об.

Заключение

Изученные нами документы, подготовленные канцелярией военного министра графа А.И. Чернышёва в сентябре – первой половине октября 1830 г., свидетельствуют о серьезном подходе военного ведомства к планированию предстоящего похода против бельгийской революции, а в перспективе – и против Франции, поддержавшей восставших бельгийцев. Не стоит забывать, что главной идеей Российской внешней политики в Европе первой половины XIX века было недопущение революционной активности Франции. Отсюда становится понятна решимость Николая Первого в случае угрозы действовать твёрдо.

Отдавая дань административным способностям А.И. Чернышева, можно согласиться с американским историком Брюсом Меннингом, называвшим Александра Ивановича «Русским Ликуртом» за его деятельность в казачьих войсках в частности и в военном ведомстве в общем [Меннинг, 2009, с. 102]. Продуманность мер впечатляет. Учтены многие детали, на первый взгляд, не имеющие принципиального значения. Не только очевидные истины вроде количества войск, но заботы об устройстве госпиталей, медицинской части, назначение военных дорог, сборных пунктов. В следующей части статьи планируется рассмотреть документы второй половины октября 1830 года, когда уже будут готовы первые сметы расходов и можно будет проследить, насколько оперативно работала военная бюрократия.

Список источников

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 478. Польское восстание 1831 г. Оп. 1. Д. 7. Переписка Главного штаба Е.И.В. с канцелярией военного министра.

Список литературы

- Айрапетов О.Р. 2017. История внешней политики Российской империи. 1801–1914. В 4 томах. Т. 1. Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. Москва, Кучково поле, 605 с.
- Айрапетов О.Р. 2017. История внешней политики Российской империи. 1801–1914. В 4 томах. Т. 2. Внешняя политика императора Николая I. 1825–1855. Москва, Кучково поле, 620 с.
- Безотосный В.М. 2018. Российский генералитет эпохи 1812 года: опыт изучения коллективной биографии. Москва, РОССПЭН, 670 с.
- Бескровный Л.Г. 1973. Русская армия и флот в XIX в. Москва, Наука, 622 с.
- Высочков Л.В. 2003. Николай I. Москва, Молодая гвардия, 693 с.
- Жмодиков А.Л. 2016. «Наука побеждать»: тактика русской армии в эпоху наполеоновских войн. Москва, Кlio, 859 с.
- Кривопапов А.А. 2019. Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг. Москва, Университет Дмитрия Пожарского, 286 с.
- Кухарук А.В. 2009. Реформирование армии правительством Николая I в 1830-е годы. В: Русский сборник. Москва, Том VII: 191–205.
- Меннинг Брюс В. 2009. А.И. Чернышев: русский Ликурт. В: Русский сборник. Москва, Том VII: 74–102.
- Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. 2016. Отв. ред. С.М. Фалькович. Москва, Индрик, 776 с.
- Подмазо А. 2010. Реформа армейской пехоты в 1833 году. *Старый Цейхгауз*. 4(36): 85–88.
- Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. 2010, Москва, Индрик, 584 с.
- Пузыревский А.К. 1890. Польско-русская война 1831 г. В 2-х т. Т. 1. Санкт-Петербург, Военная типография, 440 с.
- Пузыревский А.К. 1890. Польско-русская война 1831 г. В 2-х т. Т. 2. Санкт-Петербург, Военная типография, 195 с.
- Столетие Военного министерства. 1802–1902. В 50 томах. Т. 1: Исторический очерк развития военного управления в России. 1902. Гл. ред., ген. от кавалерии Д.А. Скалон. Санкт-Петербург, тип. т-ва М.О. Вольф, 680 с.
- Ульянов И.Э. 1996. Русская пехота, 1801–1855. Москва, АСТ, 245 с.
- Ульянов И.Э. 2008. 1812. Русская пехота в бою. Москва, Яуза, Эксмо, 272 с.

- Шевченко М.М. 2003. Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. Москва, Три квадрата. 268 с.
- Шильдер Н.К. 1903. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Т. 2. Санкт-Петербург, издание А.С. Суворина, 820 с.
- Эдельман О.В. 2010. Следствие по делу декабристов. Москва, REGNUM, 356 с.

References

- Ajrapetov O.R. 2017. Istoriya vneshnej politiki Rossijskoj imperii. 1801–1914. V 4 tomah. T. 1. Vneshnyaya politika imperatora Aleksandra I. 1801–1825 [History of the Foreign Policy of the Russian Empire. 1801–1914. In 4 volumes. Volume 1. The Foreign Policy of Emperor Alexander I. 1801–1825]. Moscow, Kuchkovo pole, 605 p.
- Ajrapetov O.R. 2017. Istoriya vneshnej politiki Rossijskoj imperii. 1801–1914. V 4 tomah. T. 2. Vneshnyaya politika imperatora Nikolaya I. 1825–1855 [History of the Foreign Policy of the Russian Empire. 1801–1914. In 4 volumes. Volume 2. The Foreign Policy of Emperor Nicholas I. 1825–1855]. Moscow, Kuchkovo pole, 620 p.
- Bezotosny`j V.M. 2018. Rossijskij generalitet e`poxi 1812 goda: opy`t izucheniya kollektivnoj biografii [The Russian Generals of the Era of 1812: An Attempt to Study a Collective Biography]. Moscow, ROSSPE`N, 670 p.
- Beskrovny`j L.G. 1973. Russkaya armiya i flot v XIX v [The Russian Army and Navy in the 19th Century]. Moscow, Nauka. 622 p.
- Vy`skochkov L.V. 2003. Nikolaj I [Nicholas I]. Moscow, Molodaya gvardiya, 693 p.
- Zhmodikov A.L. 2016. «Nauka pobezhdat`»: taktika russkoj armii v e`poxu napoleonovskix vojn [“The Science of Victory”: Russian Army Tactics during the Napoleonic Wars]. Moscow, Klio, 859 s. p.
- Krivopalov A.A. 2019. Fel`dmarshal I.F. Paskevich i russkaya strategiya v 1848–1856 gg [Field Marshal I.F. Paskevich and Russian Strategy in 1848–1856]. Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo, 286 p.
- Kuxaruk A.V. 2009. Reformirovanie armii pravitel`stvom Nikolaya I v 1830-e gody` [Army Reform by the Government of Nicholas I in the 1830s]. Russkij sbornik. Moscow, Vol. VII: 191–205.
- Menning Bryus V. 2009. A.I. Cherny`shev: russkij Likurg [A.I. Chernyshev: The Russian Lycurgus]. Russkij sbornik. Moscow, Vol. VII: 74–102.
- Mezh dvux vosstaniy. Korolevstvo Pol`skoe i Rossiya v 30–50-e gody` XIX v [Between Two Uprisings. The Kingdom of Poland and Russia in the 1830s – 1850s]. 2016. Editor-in-Chief S.M. Fal`kovich. Moscow, Indrik, 776 p.
- Podmazo A. 2010. Reforma armejskoj pexoty` v 1833 godu [Army Infantry Reform in 1833]. *Stary`j Cejxgauz*. 4 (36): 85–88.
- Pol`sha i Rossiya v pervoj treti XIX veka. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol`skogo. 1815–1830 [Poland and Russia in the First Third of the 19th Century. From the History of the Autonomous Kingdom of Poland. 1815–1830]. 2010, Moscow, Indrik, 584 p.
- Puzy`revskij A. K. 1890. Pol`sko-russkaya vojna 1831 g. V 2-x t. T. 1 [The Polish-Russian War of 1831. In 2 volumes. Volume 1]. Saint-Peterburg, Voennaya tipografiya, 440 p.
- Puzy`revskij A. K. 1890. Pol`sko-russkaya vojna 1831 g. V 2-x t. T. 2 [The Polish-Russian War of 1831. In 2 volumes. Volume 2]. Saint-Peterburg, Voennaya tipografiya, 195p.
- Stoletie Voennogo ministerstva. 1802–1902. V 50 tomah. T. 1: Istoricheskij ocherk razvitiya voennogo upravleniya v Rossii [A Centenary of the War Ministry. 1802–1902. In 50 volumes. Volume 1: Historical Essay on the Development of Military Administration in Russia. 1902]. 1902. Editor-in-Chief, Cavalry General D.A. Skalon. Saint-Peterburg, tip. t-va M.O. Vol`f, 680 p.
- Ul`yanov I.E`. 1996. Russkaya pexota, 1801–1855 [Russian Infantry, 1801–1855]. Moscow, AST, 245 p.
- Ul`yanov I.E`. 2008. 1812. Russkaya pexota v boju [1812. Russian Infantry in Battle]. Moscow, Yauza, E`ksmo, 272 p.
- Shevchenko M. M. 2003. Konec odnogo Velichiya: Vlast`, obrazovanie i pechatnoe slovo v Imperatorskoj Rossii na poroge Osoboditel`ny`x reform [The End of One Greatness: Power, Education, and the Printed Word in Imperial Russia on the Threshold of Liberation Reforms]. Moscow, Tri kvadrata. 268 p.
- Shil`der N.K. 1903. Imperator Nikolaj Pervy`j. Ego zhizn` i czarstvovanie. T. 2. [Emperor Nicholas I. His Life and Reign. Vol. 2.] Saint-Peterburg, izdanie A.S. Suvorina, 820 p.
- E`del`man O.V. 2010. Sledstvie po delu dekabristov [Investigation of the Decembrist Case]. Moscow, REGNUM, 356 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 17.01.2026
Поступила после рецензирования 01.03.2026
Принята к публикации 03.03.2026

Received 17.01.2026
Revised 01.03.2026
Accepted 03.03.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Тимиряев Денис Олегович, кандидат исторических наук, доцент Школы Исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая Школа Экономики», г. Москва, Россия

 [ORCID: 0009-0008-9759-8227](https://orcid.org/0009-0008-9759-8227)

Коробкова Дарья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-3831-4147](https://orcid.org/0000-0003-3831-4147)

Denis O. Timiryayev, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the School of History, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Daria V. Korobkova, Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language, Professional Speech and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94:659.1]:[339.371+338.46](575)"189/190"

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-1-129-145

EDN MLATHE

Оригинальное исследование

Реклама как индикатор развития предпринимательства в Средней Азии в конце XIX – начале XX века: стационарная торговля и сфера услуг

Абдрахманов К.А.¹ , Ефименко М.Н.²

¹⁾ Оренбургский государственный педагогический университет,
Россия, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19;

²⁾ Оренбургская духовная семинария,

Россия, 460014, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 17

E-mail: kostya.abdrakhmanov@mail.ru, efimenkom@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ рекламы, раскрывающей специфику развития сферы услуг и магазинной торговли на территории Средней Азии в конце XIX – начале XX в. Указанные направления бизнеса входили в перечень абсолютно новых для региона отраслей коммерции, ставших востребованными и прибыльными только после превращения среднеазиатских ханств в протектораты Российской империи. Размещенная на страницах информационно-справочных изданий и туркестанской периодики реклама показывает географию магазинов, их товарную специализацию, раскрывает имена владельцев и описывает ассортимент наиболее востребованных населением товаров. Реклама сферы услуг отражает создание в городах Средней Азии абсолютно новой для региона коммерческой отрасли, характерной для государств капиталистического мира. Владельцы построенных в конце XIX – начале XX в. современных гостиниц предоставляли клиентам чистые номера с сантехническими удобствами, электрическим освещением и отоплением. По запросу приезжавшей из России притязательной публики открывались новые бани, отличавшиеся от традиционных азиатских более высоким уровнем санитарно-гигиенического состояния.

Ключевые слова: сфера услуг, магазины, стационарная торговля, гостиницы, реклама, Средняя Азия, конкуренция

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Абдрахманов К.А., Ефименко М.Н. 2026. Реклама как индикатор развития предпринимательства в Средней Азии в конце XIX – начале XX века: стационарная торговля и сфера услуг. *Via in tempore. История. Политология.* 53(1): 129–145. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-129-145. EDN: MLATHE

Advertising as an Indicator of Entrepreneurship Development in Central Asia in the Late 19th and Early 20th Centuries: Stationary Retail Trade and Service Sector

Konstantin A. Abdrakhmanov ¹ , Marina N. Efimenko ²

¹Orenburg State Pedagogical University,
19 Sovetskaya St., Orenburg 460014, Russia;

²Orenburg Theological Seminary,
17 Chelyuskintsev St., Orenburg 460014, Russia

E-mail: kostya.abdrakhmanov@mail.ru, efimenkom@mail.ru

Abstract. The article presents an analysis of advertisements that reveal the specifics of the service sector and retail trade developing in Central Asia in the late 19th – early 20th centuries. These industries were among the branches of commerce that were completely new to the region, and gained demand and turned profitable only after the Central Asian khanates had become protectorates of the Russian Empire. Advertisements in reference publications and Turkestan periodicals provide information about the location of stores, their product specialization, the names of their owners, and the most popular goods among the local population. The service sector advertising reflects the emergence of this commercial industry in the cities of Central Asia, which was characteristic of capitalist countries, though new to the region. Owners of modern hotels built in the late 19th and early 20th centuries provided customers with clean rooms having bathroom facilities, electric lighting, and heating. For discerning customers from Russia, new bathhouses were opened that were more sanitary and hygienic than traditional Asian ones.

Keywords: service sector, stores, stationary trade, hotels, advertising, Central Asia, competition

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Abdrakhmanov K.A., Efimenko M.N. 2026. Advertising as an Indicator of Entrepreneurship Development in Central Asia in the Late 19th and Early 20th Centuries: Stationary Retail Trade and Service Sector. *Via in tempore. History and political science*. 53(1): 129–145 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-129-145. EDN: MLATHE

Введение

Исследование продолжает цикл работ, посвященных изучению феномена коммерческой рекламы, отражающей развитие предпринимательства капиталистического характера на территории Средней Азии в конце XIX – начале XX века [Абдрахманов, Ефименко, 2025]. Внедряемые российскими коммерсантами и перенимаемые азиатским деловым сообществом буржуазные принципы организации бизнеса обеспечили появление во многих городах региона передового формата розничной торговли. В дополнение к традиционной для Бухары, Хивы и Коканда базарной и лавочной торговле в ханствах с 80-х гг. XIX в. стал активно распространяться магазинный вариант сбыта товаров. Ландшафт коммерческой недвижимости городов Средней Азии дополнили всепогодные торговые заведения, расположенные в отдельно стоящих зданиях, специально возведенных для их размещения. Про архитектурное преобразование административно-делового центра Ташкента в начале XX в. говорится в источнике: «На главных двух артериях – Кауфманской и Романовской улицах есть недурные магазины, особенно в пассаже Ариф-Ходжи» [Адрес-справочник, 1910, с. 75].

Этот инновационный способ торговли гармонично интегрировался в архаичное хозяйство городов Средней Азии, найдя своего потребителя и отняв у мелких лавочников и уличных торговцев, представленных по большей части коренным населением, определенную долю рынка. При этом полной ликвидации иррегулярного базарно-лавочного торгового оборота, конечно же, не последовало. Даже в начале XX в. передовая буржуазная и

примитивная традиционная форма торговли существовали параллельно, практически не конкурируя между собой, так как были ориентированы на принципиально разные по доходам слои населения. С.Ф. Галанин, изучая развитие газетной рекламы в Казани второй половины XIX в., определил, что коммерческие объявления в местной периодике публиковали исключительно состоятельные предприниматели, чьи товары по качеству и цене соответствовали запросам среднего класса [Галанин, 2014, с. 29]. Мелкие же торговцы оплатить печатную рекламу были просто не в состоянии. В похожих условиях развивался и рекламный рынок Средней Азии. В разнообразных печатных изданиях (газеты, журналы, справочники, путеводители, альманахи и т. д.) размещали информацию о товарах и услугах владельцы торговых домов, пассажей, крупных универсальных магазинов. Мелкие азиатские торговцы, стоящие за прилавками на базаре, ведущие торг из ветхих лавок или сбывающие товар при помощи портативных лотков, как и прежде, продолжали голосом зазывать оказавшихся в поле зрения покупателей, используя хвалебную лексику в виде замысловатых присказок. Для примера следует привести несколько рекламных прибауток уличных продавцов лакомств на азиатских базарах. Так, торговцы жареными кукурузными зернами (бадрак) призывали купить сладость:

Сладенький бадрак,
Медовый бадрак,
Сверкает бадрак,
Шуршит бадрак!
Кто при деньгах – его рот забавляет бадрак,
Кто без денег – его глаз забавляет бадрак!
Плачь перед отцом: купи бадрак!
Плачь перед матерью: купи бадрак! [Будзинский, 1910, с. 163].

Продавцы соленого гороха (нахуд-шурак) не менее оригинально нахваливали свой товар:

Горох соленый,
Горох вкусный,
Кому нужен?
Подобно спелой ягоде в саду – шурак,
При головной боли, как лекарство – шурак,
Из ребер черного барашка стал шурак,
С кемою (блюдо из баранины) шурак,
С курдючным салом шурак! [Будзинский, 1910, с. 163].

В отличие от устного уличного «рекламного фольклора», печатные объявления о товарах массового употребления делали ставку на отказ от метафор и прочей поэтической передачи информации и содержали деловую конкретику.

Возникновение и развитие в коммерческом секторе российских протекторатов такого направления бизнеса как сфера услуг ярко демонстрирует то, как в исследуемый период менялся культурно-демографический ландшафт среднеазиатского городского социума. Переселенцы из метрополии экспортировали в новую среду обитания свои повседневные привычки, культурные традиции, бытовые предпочтения и представления о комфорте. Основными центрами притяжения переселенческих потоков из России в Среднюю Азию являлись города Туркестанского генерал-губернаторства – Ташкент, Самарканд и Коканд (см. таблицу 1). В Ташкенте к маю 1909 г. в новой русской части города насчитывалось 4 702 объекта жилой недвижимости [Адрес-справочник, 1910, с. 76].

Таблица 1
Table 1

Численность населения крупнейших городов Туркестанского края
в конце XIX – начале XX в. в конфессиональном разрезе
Population of the largest cities of the Turkestan region in the late 19th – early 20th centuries by religion

№	Город	Число населения		
		Христиане (обоего пола)	Мусульмане (обоего пола)	Всего
1	Самарканд	8 353	40 706	55 128
2	Ходжент	533	29 345	30 109
3	Ташкент	17 527	133 355	155 673
4	Коканд	1 524	78 436	81 354
5	Наманган	1 022	60 585	62 017
6	Ош	955	32 866	34 157

Источник: [Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1905, с. 4; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1904, с. 17; Ферганская область..., 1902, с. 6].

В данной ситуации крупный и средний бизнес оперативно отреагировал на наличие спроса. Предприимчивые дальновидные коммерсанты вкладывали средства в строительство гостиниц, ресторанов и банно-прачечных предприятий [Адрес-справочник, 1910, с. 106, 110–111]. Уже с середины 90-х гг. XIX в. в крупных городах переселенцы могли получить привычный спектр услуг, способный компенсировать морально-психологические издержки от перемещения в инокультурный мир с непривычными природно-климатическими условиями, тем самым ускорив и облегчив им процесс адаптации на новом месте жительства. Благодаря широкому распространению в Средней Азии печатной рекламы российские мигранты своевременно узнавали о наличии и расположении соответствующих заведений.

Объект и методы исследования

В качестве объекта исследования определена реклама предприятий стационарной торговли, действовавших в городах Средней Азии в конце XIX – начале XX в. и предлагавших клиентам разнообразный спектр розничных товаров пищевой и непищевой группы. Также к объекту изучения относится сфера услуг населению, возникшая вследствие преобразования в указанное время культурного и этнодемографического ландшафта среднеазиатского социума.

Так как статья является продолжением опубликованных ранее работ, то основным источником содержательно-визуальной части рекламы, как и прежде, выступают разнообразные справочные издания [Гейер, 1901; Гейер, 1908; Гейер, 1909], в которые вклеивались страницы с красиво оформленными, богато проиллюстрированными информативными объявлениями [Бойко, 2016, с. 167]. В дополнение к данным ресурсам были привлечены периодические газетные [Туркестанские ведомости, 1895а] и журнальные издания [Туркестанский скорпион, 1907], также служившие площадками для размещения частной рекламы. Для всестороннего понимания того, насколько уровень комфорта коммерческой жилой недвижимости, качество кухни заведений общепита, ценовая доступность и ассортимент магазинных товаров соответствовали ожиданиям клиентов, необходимо знать субъективное мнение реальных потребителей конкретных услуг. С этой целью в работе использовались эго-документы, составленные людьми, посетившими Среднюю Азию во второй половине XIX – начале XX в. и опытным путем оценившими возможности местного сервиса [Крестовский, 1887; Флоринский, 1910; Варенцов, 2011].

Поиск близких по теме трудов показал, что реклама магазинного бизнеса и отрасли обслуживания населения на территории Средней Азии конца XIX – начала XX в. никогда прежде не привлекала внимания ученых. Незначительные по количеству работы содержат сведения о наиболее известных российских коммерсантах, организовавших в Азии крупные разнопрофильные предприятия. Регулярно расширяя деловую географию своих фирм, эти лица являлись активными рекламодателями. Статья Е.В. Бурлуцкой содержит сведения о предпринимательской деятельности переселившегося в Ташкент нежинского ⁷⁷ грека Дмитрия Николаевича Захо [Бурлуцкая, 2017]. Ему принадлежали расположенные в Ташкенте первоклассные гостиница и ресторан «Швейцария», в дальнейшем получившие название «Регина», большой универсальный магазин и разнообразная жилая и коммерческая недвижимость [Бурлуцкая, 2017, с. 16–17]. О деловых практиках татарской купеческой династии Яушевых из г. Троицка Оренбургской губернии в городах Средней Азии и Казахской степи сообщается в работах Р.У. Чекаевой и В.В. Ревтовой [Чекаева, Ревтова, 2018а; Чекаева, Ревтова, 2018б]. Авторы подчеркнули специализацию троицких коммерсантов на крупных универсальных объектах розничной торговли: «Торговый дом “Братья Яушевы” развернул широкомасштабное строительство новых типов торговых структур – универсальных пассажей, оборудованных по последнему слову техники с телефонной связью, автономными системами электрического освещения, паровым отоплением и подъемными машинами – прообразами современных лифтов» [Чекаева, Ревтова, 2018а, с. 65]. Азиатский сектор бизнеса Яушевых включал подобные торговые комплексы, возведенные в Ташкенте и Костане.

В методологическом плане работа базируется на ключевых общеисторических методах (проблемно-хронологический, историко-сравнительный, историко-генетический), без применения которых любое исследование исторического плана не может быть реализовано. Однако выбор объекта изучения заставляет обратиться к методам смежных социо-гуманитарных наук. Реклама, являясь особой формой коммуникации [Герасименко, 2016, с. 36] между «донором» (поставщиком товаров и услуг) и «реципиентом» (потребителем), содержит в визуально-текстовой части определенные приемы психологического воздействия как на массовое, так и на индивидуальное сознание субъектов. Основными задачами рекламы являются убеждение клиента в необходимости приобретения тех или иных материальных благ и формирование у него уверенности в превосходстве именно этой продукции над аналогами конкурентов. В статье О.В. Гордяковой отмечено, что «одним из главных инструментов воздействия рекламы на волю человека с целью создания у него потребности в рекламируемом товаре является суггестия» [Гордякова, 2022, с. 90]. Подобный метод внушения можно считать наиболее эффективным и «агрессивным» инструментом побуждения индивида к действиям в интересах владельцев бизнеса. Следовательно, для изучения приемов программирования потребительского сообщества на покупку того или иного товара, практиковавшихся коммерсантами конца XIX – начала XX в., в работе применялись методы психологии. При описании достоинств своей продукции рекламодатели использовали разнообразную положительную лексику [Тарасова, 2019, с. 52], что обусловило привлечение в работу метода лингвистического анализа. Для воспроизведения демографических показателей городской среды ханств Средней Азии применялись статистические и количественные методы.

Результаты и их обсуждение

Переезжавшие в Среднюю Азию россияне стремились наполнить новое жилое пространство привычными и необходимыми элементами повседневного обихода,

⁷⁷ Такое название этнической группы произошло от украинского города Нежин, в котором греческая община начала формироваться еще в XVII в.

включавшими средства гигиены, домашнюю утварь, детали интерьера, одежду, предметы роскоши. Коренное прогрессивное и зажиточное население постепенно приобщалось к образу жизни переселенцев из метрополии. Таким образом, демографические процессы и модернизационные сдвиги в экономике Средней Азии конца XIX – начала XX в. обусловили формирование массовой аудитории потребителей товаров и услуг – адресатов рекламного продукта [Сюр, 2022, с. 173].

Владельцем сети универсальных магазинов, предлагавших клиентам широкий ассортимент галантерейных товаров и предметов комнатной обстановки, был купец греческого происхождения Д.Н. Захо. Рекламу бизнеса этого коммерсанта или его потомков можно встретить в различных справочных изданиях (рис. 1, 2). В одном из объявлений говорилось, что расположенный в Самарканде на Кауфманской улице магазин ориентирован на обслуживание в том числе и иногородних покупателей [Справочник и адрес-календарь..., 1899, с. 282]. Текст объявления уверял потенциальных клиентов, что расстояние не является преградой для сотрудничества, так как «иногородним товары высылаются немедленно, по востребовании наложенным платежом, почтой и транспортом» [Справочник и адрес-календарь..., 1899, с. 282]. Более информативная реклама была опубликована уже наследниками коммерсанта в начале XX в. [Гейер, 1901, с. 9]. От более раннего варианта это объявление отличалось конкретизацией географии бизнеса семьи Захо и очень подробным перечнем товаров головного магазина в Ташкенте (рис. 2).

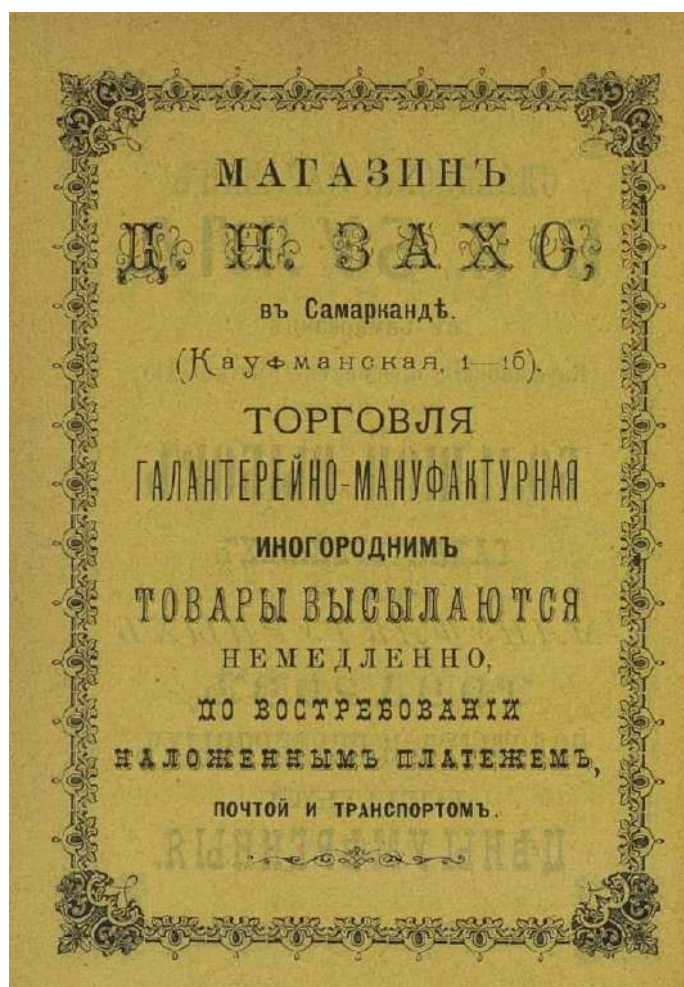

Рис. 1. Реклама магазина Д.Н. Захо в Самарканде [Справочник и адрес-календарь..., 1899, с. 282]
Fig. 1. Advertisement for D.N. Zakho's shop in Samarkand [Reference book and directory..., 1899, p. 282].

Рис. 2. Реклама магазина наследников Д.Н. Захо в Ташкенте [Гейер, 1901, с. 9]
Fig. 2. Advertisement for the store of D.N. Zakho's heirs in Tashkent [Geyer, 1901, p. 9]

Кроме богато иллюстрированных информационно-справочных изданий, реклама магазина купца Д.Н. Захо размещалась и на страницах местной прессы. Так, многие номера газеты «Туркестанские ведомости» за 1895 г. содержат разнотипные объявления о наличии в его магазинах того или иного товара.

Ряд малоформатных, но приметно оформленных для массовой периодики объявлений содержал информацию о гастрономической продукции [Туркестанские ведомости, 1895а]. Деловое сообщество не пренебрегало газетами для размещения рекламы не только из-за доступной стоимости данной услуги, но и в силу того, что регулярность их выхода позволяла печатать актуальную для сезона, а следовательно, крайне востребованную обществом информацию. Например, в январском выпуске Туркестанских ведомостей 1895 г. Д.Н. Захо сообщал покупателям, что для праздничного застолья в его магазине имеются «закуски, конфеты, кофе, шоколады, печенье, конфеты для елок и другие товары для стола и кухни» [Туркестанские ведомости, 1895а, с. 7]. В одном из декабрьских номеров этой газеты предприниматель кратко уведомил публику о новом поступлении в магазин г. Коканда: «Получен большой выбор варшавской обуви, венской мебели, железных кроватей и пружинных матрасов» [Туркестанские ведомости, 1895б, с. 404]. Помимо сведений об обновлении ассортимента, внимание обывателей должна была привлечь информация о том, что «Цены назначены крайне дешевые» [Туркестанские ведомости, 1895б, с. 404]. Выбор разнообразных площадок для публикации объявлений говорит о финансовых возможностях предпринимателя и подтверждает понимание им принципа эффективного распространения рекламы: чем шире охват аудитории, тем больше клиентская база и выше прибыль.

На галантерейной и бакалейной продукции специализировались магазины, принадлежавшие торговому дому «Абдул-Валий Ахмеджанович Яушев с Братьями». Реклама показывает, что купеческая фирма имела представительства во многих городах центральноазиатского региона. Посетить филиалы компании клиенты могли в Ташкенте, Чимкенте, Аулие-Ате, Токмаке, Кульдже и Кустанае [Гейер, 1901, с. 7]. Заведения купцов Яушевых предлагали посетителям следующий ассортимент товаров: сукно, драп, трико, «форменные товары всех ведомств», шелковые, шерстяные и бумажные ткани, ковры, бархатные скатерти, одеяла, столовые клеенки и пробковый линолеум [Гейер, 1901, с. 7]. Для удобства ведения дел и комфорта самих посетителей организаторы бизнеса разграничили потоки оптовых и розничных покупателей, открыв в Ташкенте пункт оптовой торговли отдельно от розничного магазина. Так, для обслуживания крупных заказчиков на Джизакской улице в собственном доме действовала оптовая контора, а розничные покупатели могли посетить магазин на Ирджарской улице. Иногородние клиенты также имели возможность дистанционных покупок на условиях наложенного платежа. О масштабе деятельности татарской династии Яушевых стоит сказать, что эти выходцы из уездного города Троицка Оренбургской губернии создали одно из крупнейших в империи предприятий этнического предпринимательства. География деловых операций их фирмы охватывала Россию, Среднюю Азию и Восточный Туркестан. Устойчивость и успешность дела Яушевых подтверждается длительностью существования фирмы. Организованный в 70-е гг. XIX в. бизнес продолжал эффективно работать и в предреволюционный период. Известно, что среди юридических лиц, которым Учетно-ссудный банк Персии планировал открыть кредит по учету векселей для торговли на Нижегородской ярмарке в 1915 г., значился и торговый дом братьев Яушевых⁷⁸.

Не такие известные, как Яушевы и Захо, и, скорее всего, менее состоятельные предприниматели также вкладывали средства в рекламу своих заведений. Заключение в рамку из прямых линий объявление П.С. Дорожнова сообщало интересантам, что предприниматель ведет торговлю полотняным, бумажным и чулочным товаром, гардинным тюлем, бархатными коврами и скатертями, мужским и дамским готовым бельем [Справочник и адрес-календарь..., 1899, с. 25]. В данной рекламе из специальных манипулятивных посланий, мотивирующих публику на обращение именно к этому коммерсанту, присутствовало только заверение клиентов в постоянстве ассортимента: «все вышеозначенные товары всегда имеются в большом выборе» [Справочник и адрес-календарь..., 1899, с. 25]. Еще более минималистичное в плане декора объявление опубликовал предприниматель Рустамбай Алимбаев. Расширенная текстовая часть, выполненная крупными буквами, информировала потребителей о наличии широкого выбора галантерейной и бакалейной продукции с перечислением конкретных позиций [Справочник и адрес-календарь..., 1899, с. 30]. Никакой дополнительной информации, например, о длительности существования фирмы или наличии сервиса по доставке товаров иногородним в рекламе не указано. Помимо номенклатуры товаров, в объявлении был обозначен только адрес магазина в Самарканде на Катта-Курганской улице.

Кроме больших мультитоварных торгово-деловых центров, в городах Средней Азии действовали специализированные монотоварные заведения. После образования в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства и превращения Бухарского эмирата и Хивинского ханства в имперские протектораты, в городах Средней Азии начала концентрироваться публика, склонная к интеллектуальному досугу. Видимо, на протяжении последней трети XIX в. прирост образованного, постоянно стремившегося повышать эрудицию городского контингента по меркам коммерческой целесообразности был недостаточно заметен, в силу чего изготовители и распространители книжной продукции не спешили выходить на несформировавшийся рынок. Вследствие подобной осторожности бизнеса в 90-е гг. XIX в. в крупных городах Средней Азии уже наблюдался дефицит книжных товаров. Негодование по

⁷⁸ Российский государственный исторический архив. Ф. 600. Оп. 10. Д. 93. Л. 14 об.

этому поводу высказал писатель и путешественник Е.Л. Марков, посетивший Ташкент в 1894г. «Одно непостижимо, – в Ташкенте нет ни одной книжной лавки, и к стыду его, можно признаться, что немногие книжки, которые можно здесь достать, приходится покупать в разных галантерейных, табачных и бакалейных магазинах, как какой-то третьестепенный мимоходный товар, не стоящий серьезной торговли», – не сдержал эмоций автор источника [Марков, 1901, с. 499].

Ситуация изменилась уже в первые годы XX в. Собственники специализированных книжных магазинов поспешили посредством рекламы уведомить образованное сообщество о наличии широкого ассортимента разнопрофильной литературы. Самым крупным продавцом книг в Ташкенте в начале XX в. был Марцелий Феликсович Собберей. Практически идентично оформленные, занимавшие всю книжную страницу объявления предприниматель разместил в справочных изданиях И.И. Гейера [Гейер, 1901, с. 14; Гейер, 1908, с. 42]. С минимальным содержанием декоративных излишеств, реклама книжного дела М.Ф. Собберей предлагала читателям подробную информацию о наиболее популярной литературе. Явным достоинством этих объявлений являлось указание выходных данных определенных изданий (автор и название работы) и их стоимости. Отдельного упоминания в рекламе удостоились работы историков, географов и этнологов, занимавшихся изучением Центральной Азии. Из этого можно сделать вывод о существовании высокого спроса на научную, научно-популярную и краеведческую литературу. Покупателями книг этого жанра, скорее всего, являлись переселенцы из России и приезжавшие в Азию ученые-иностранцы. Что касается стоимости товара, то за 20 коп. можно было приобрести «Руководство для первоначального обучения сартовскому языку», написанное М. Андреевым, а трехтомник Л.Ф. Костенко «Туркестанский край» стоил целых 7 руб. [Гейер, 1908, с. 42]. Также текст объявления позволяет оценить уровень книготоргового заведения. Кроме отдела востоковедения, предлагавшего вышеуказанную литературу, в магазине работали отделы «военно-учебных пособий, учебников для средних и низших учебных заведений, юриспруденции и философии, иностранных книг и беллетристики, книг для детского чтения» [Гейер, 1908, с. 42].

Еще одной приметной особенностью этой рекламы является отсутствие информации о месте расположения торговой точки. Подобное решение рекламодателя может говорить о вере владельца в то, что большой выбор печатной продукции и доступные цены способны убедить клиентов вообще не рассматривать альтернативные варианты, которые, несмотря на крайне ограниченный выбор, все же имелись. По данным на 1908 г., в Ташкенте действовало не менее пяти специализированных книжных магазинов [Кирильчик, 2022, с. 147]. Однако знакомство с рекламой магазина В.М. Ильина позволяет предположить, что заведение М.Ф. Собберей действительно предлагало приезжим гораздо больший выбор востоковедческой литературы, чем прочие книготорговцы. К примеру, занимавшее всю страницу, подобно рекламе М.Ф. Собберей, объявление В.М. Ильина предлагало клиентам всего 4 произведения по истории и этнографии тюркских народов [Гейер, 1901, с. 23]. Для сравнения, в объявлении от 1901 г. М.Ф. Собберей указал 20 позиций подобной тематики, а в рекламе 1908 г. их было уже 24 [Гейер, 1901, с. 14; Гейер, 1908, с. 42]. Вообще заведения книжной торговли на территории Русского Туркестана даже в начале XX в. являлись все еще крайне редким явлением, поэтому организаторы дела зачастую исключали сведения о месте расположения магазинов при подаче рекламы. В объявлении того же В.М. Ильина не был указан даже город, где располагался его магазин.

Об изменении культурно-досуговых норм населения Средней Азии и о принятии многонациональным обществом региона элементов российско-европейского образа жизни свидетельствует открытие таких узкопрофильных объектов розничной торговли, как магазины музыкальных инструментов. Так, расположенное в Самарканде заведение С.О. Шедива предлагало клиентам духовые музыкальные инструменты, а также принимало заказы на их ремонт [Справочник и адрес-календарь..., 1899, с. 279]. Текст этого объявления демонстрирует капиталистический подход субъекта предпринимательства к организации дела, при котором

продавец обеспечивает потребителя не только определенным продуктом, но и оказывает ему услуги по сервисному сопровождению как приобретенного в его заведении товара, так и купленного в другом месте. В этом же месте желающие имели возможность отремонтировать неисправные часы. За эту работу отвечал «часовых дел мастер» М.А. Кох [Справочник и адрес-календарь..., 1899, с. 279]. В Ташкенте действовал музыкальный магазин В.В. Кислицкой. Видимо, финансовые возможности владелицы бизнеса не позволили ей разместить подробную информацию о своем заведении. Помимо указания специализации, имени собственника и места расположения магазина, в объявлении говорилось только о наличии продукции «лучших петербургских фирм» [Гейер, 1901, с. 28].

Весьма любопытным в рекламе магазинов, открывшихся в крупнейших городах Туркестанского генерал-губернаторства, представляется то, что шаблонная текстовая часть таких объявлений, как правило, содержала лишь деловые факты и не призывала клиентов приобретать товар, применяя такие лестные выражения, как «самый лучший», «единственный в...», «высочайшего качества» и проч. Начиная анализ рекламы сферы услуг, сразу отметим, что в объявлениях этого нового сектора экономики Средней Азии использовались более оригинальные текстовые приемы воздействия на сознание индивидов, чем в отрасли рознично-магазинной торговли.

Спрос на коммерческую жилплощадь в крупнейших городах Средней Азии, превращавшихся в региональные торгово-индустриальные центры, значительно вырос к началу 90-х гг. XIX в. Прибывавших из метрополии инженерно-технических специалистов, предпринимателей, чиновников и военных, то есть образованную, а в случае с купцами и состоятельную публику, интересовали гостиницы с достойным уровнем сервиса, где соблюдались привычные санитарно-гигиенические нормы. Но до начала XX в. приезжие, невзирая на статус и наличие средств, сталкивались как с нехваткой гостиниц вообще, так и с низким качеством обслуживания в имеющихся заведениях. Даже в столице Русского Туркестана Ташкенте к началу 90-х гг. XIX в. еще не открылись гостиницы, способные предоставить постояльцам приемлемый в понимании приезжего из России уровень обслуживания. Так, купец Н. А. Варенцов, впервые приехавший в Среднюю Азию в 1891 г., был неприятно удивлен неудовлетворительным санитарным состоянием одной из гостиниц Ташкента. Предприниматель заселился в довольно просторную комнату «с приличными кроватями, но, как полагается в провинциальных гостиницах, с вонючими умывальниками с застоявшейся в них водой» [Варенцов, 2011, с. 297]. В целом, по мнению Н. А. Варенцова, эта комната была «грязна и неуютна» [Варенцов, 2011, с. 297].

Если в густонаселенных и экономически развитых городах Средней Азии гостиничный бизнес, пусть и с опозданием, но возводил классические объекты коммерческой недвижимости, то в провинциальных селениях приезжим все еще приходилось останавливаться в традиционных для мусульманского Востока местах отдыха – караван-сараях. Внешний облик и физическое состояние этих торгово-гостиничных комплексов были тем хуже, чем дальше они располагались от крупных караванных дорог и больших населенных пунктов. Чиновник П. Флоринский во время своей поездки в Среднюю Азию и Иран в 1909 г. обнаружил в селении Файзабад караван-сарай, абсолютно не пригодный для проживания. Вот как он описал знакомство с этим объектом: «Около четырех часов мы приехали в Файзабад, небольшое селение. Как всегда, первым делом проехали в караван-сарай, но это было нечто ужасное, не только по своей грязи, но и по общему состоянию» [Флоринский, 1910, с. 59]. Из дальнейшего диалога российского путешественника с местным жителем стало понятно, что негативная оценка состояния торгово-жилого пространства была вполне объективной, а не диктовалась слишком изысканным вкусом жителя метрополии. Автор заметок передал следующий разговор:

«— Где здесь можно остановиться? – спросил я.
– Вот здесь.

- Здесь же все разрушено, некуда приткнуться?
- Это правда.
- Да здесь кто-нибудь останавливается?
- Останавливаются, только мало, – не нравится.
- Где же остановиться в другом месте?
- Негде.
- Может быть, у кого-нибудь из жителей найдется чистая комната, чтобы остановиться?
- Есть.
- Где же?
- Не знаю» [Флоринский, 1910, с. 59].

Реклама, размещенная в справочниках-путеводителях, убедительно доказывает, что в первом десятилетии XX в. ситуация в гостинично-ресторанном секторе коммерции заметно преобразилась в лучшую сторону. Судя по оснащению, спектру услуг постояльцам и жителям города и стоимости проживания, самой лучшей гостиницей Ташкента являлась «Россия», принадлежавшая Агапии Павловне Ерошевой. Заведение располагалось в центре города по Уратюбинской улице. В зависимости от класса обслуживания и размера арендуемой жилплощади, стоимость номеров колебалась от 75 коп. до 7 руб. в сутки [Гейер, 1908, с. 67]. Столь широкий диапазон цен свидетельствует о значительном разнообразии вариантов размещения посетителей, а это позволяет отнести «Россию» к заведениям премиального уровня. К тому же максимальная ценовая планка в 7 руб. являлась самой высокой среди прочих гостиниц не только Ташкента, но и других городов Средней Азии. За эти деньги постояльцев ждали номера с водопроводом и ватерклозетами, а также хорошая кухня. Также в гостинице можно было заказать организацию обедов и балов с предоставлением услуг по сервировке столов и обслуживанию посетителей [Гейер, 1908, с. 67].

На Джизакской улице располагались менее фешенебельные номера «Европа», ориентированные на обслуживание лиц, находившихся в Ташкенте проездом. Минимальная суточная стоимость проживания в них составляла 75 коп., а максимальная – 2,5 руб. [Гейер, 1908, с. 41]. Владелец заведения М.С. Наринянец информировал потенциальных клиентов о том, что «при номерах имеется мужская и женская расторопная прислуга», и «хорошая кухня под моим личным наблюдением» [Гейер, 1908, с. 41]. В объявлении подчеркивалось крайне удачное расположение номеров «в центре города, вблизи всех присутственных мест, магазинов и главных улиц» [Гейер, 1908, с. 41]. Наиболее примечательной деталью текста рекламы являлся некий призыв: «извозчикам не верить». Причин появления этого воззвания могло быть несколько. Можно предположить, что у М.С. Наринянца был конфликт с кем-нибудь из извозчиков, которые, желая отомстить за обиду, использовали возможность первыми встречать приезжих на вокзале, чтобы дать антирекламу его заведению. Также хозяин «Европы» мог стать жертвой нечестной конкуренции. Собственник аналогичного заведения вполне мог заплатить извозчикам за агитацию в пользу своей гостиницы и за дискредитацию бизнеса конкурента. В любом случае, вредоносная пропаганда извозчиков наносила настолько серьезный материальный ущерб М.С. Наринянцу и портила имидж его гостиницы, что он даже поместил столь эмоциональное предостережение в текст официальной рекламы заведения.

Реклама таких заведений дает представление о географии гостиничного дела в Средней Азии конца XIX – начала XX в. Высокий спрос на такого вида услуги привел к тому, что гостиницы, номера для приезжих и рестораны, соответствующие если не мировому, то российскому провинциальному уровню, открывались не только в главном экономическом центре всего региона – Ташкенте, но и в менее значимых населенных пунктах. Доходы собственников этих объектов были не так велики, как у держателей ташкентских гостиниц, что, конечно же, сказывалось на объеме и дизайне рекламы. Такие коммерческие объявления были больше похожи на лаконичную справку или визитную карточку, в которой, в

большинстве случаев, присутствовало только название заведения и указание на его месторасположение. Даже стоимость проживания и прочих услуг далеко не всегда фиксировалась в скромной по объему рекламе.

Для демонстрации территориального распространения гостинично-ресторанного бизнеса необходимо упомянуть такие заведения, как номера «Петербург» в Асхабаде. В этом же городе действовала гостиница «Центральная», расположенная рядом с Китайским банком [Гейер, 1908, с. 52]. Также в Асхабаде к услугам приезжих были меблированные номера «Варшава» [Гейер, 1909, с. 52]. Собственник заведения В. Вотчак предлагал клиентам скидку при аренде номера на месячный и более длительный срок. Е.А. Серебряковой принадлежали номера «Москва», по заверению хозяйки, «роскошно обставленные и лучшие в Андижане» [Гейер, 1908, с. 63]. Здесь же Г.И. Мечурчуловым была открыта гостиница «Франция» [Гейер, 1908, с. 49]. «Коммерческие номера» на Базарной улице в Намангане были рассчитаны на прием представителей торговых профессий и простых путешественников, так как предлагали «всякие удобства для господ вояжеров» [Гейер, 1908, с. 63]. Для помощи приезжим в работе с деловыми партнерами из местного населения гостиница предоставляла услуги штатного переводчика. Очень лаконичная реклама сообщала о работе гостиницы «Европа» в Новой Бухаре. В чрезвычайно сжатом даже по сравнению с другими малоинформативными объявлениями тексте было указано только название заведения, его месторасположение, а также говорилось о наличии при гостинице ресторана [Гейер, 1908, с. 82]. Видимо, желая сэкономить средства, рекламодатель посчитал уместным не печатать именно те сведения, которые представляли для потенциальных клиентов наибольший интерес. То есть в объявлении отсутствовала информация о стоимости проживания, точном адресе и уровне сервиса в заведении. На Кавказской улице г. Мерва находилась гостиница «Гран-Отель». Номера заведения были «роскошно отделаны и меблированы», а в столовой было установлено пианино [Гейер, 1908, с. 46]. Собственником этого заведения являлся предприниматель Н. Яралов.

Лучшие гостиницы в Самарканде принадлежали Я.З. Шангелевичу. Купец из еврейской среды владел двумя первоклассными заведениями – гостиницами «Hotel de France» (Французские номера) и «Hotel Central» (Центральные номера) [Гейер, 1908, с. 84]. Реклама позволяет понять, что по удобству номеров, техническому оснащению и качеству обслуживания эти самаркандские гостиницы мало в чем уступали ташкентским. Собственник разместил в объявлениях информацию, идентичную описанию заведений Ташкента. Учитывая то, что кроме рекламы гостиниц на странице издания было напечатано еще шесть объявлений, типографам пришлось использовать очень мелкий шрифт. В этом случае те из приезжих, кто был готов напрячь зрение при поиске комфортного места временного проживания, находили в этих объявлениях весьма подробную и полезную информацию. В рекламе Французских номеров был сделан акцент на расположение гостиницы в районе с развитой инфраструктурой, включавшей общественные и государственные учреждения. «Номера расположены в центре города, вблизи Военного и Гражданского собрания, почтово-телеграфной конторы, Окружного суда, Областного правления и др. присутственных учреждений», – гласил информационный текст [Гейер, 1908, с. 84]. Премиальный статус «Hotel Central» подчеркивался следующими словами: «Вновь отстроенные и роскошно обставленные лучшие в Туркестанском крае» [Гейер, 1908, с. 84]. Стоимость проживания в обеих гостиницах варьировалась от 75 коп. до 3 руб. за сутки.

Достаточно высокого уровня заведения открылись в г. Чарджуе – одном из центров производства и продажи хлопка. Отличительным элементом принадлежавшего Ф.С. Гвенцадзе Гранд-Отеля являлся расположенный на территории комплекса сад с электрическим освещением [Гейер, 1908, с. 84]. Получается, что кроме всевозможных коммунальных благ, о которых говорилось в рекламе, эта гостиница обладала пространством для ценителей эстетических практик. Второе заведение называлось «Бристоль» и располагалось на втором этаже собственного дома коммерсанта Шарашидзе [Гейер, 1908,

с. 84]. Оба объявления подчеркивали расположение объектов «вблизи всех учреждений». Акцент на удобстве расположения говорит о том, что эти гостиницы работали, прежде всего, в интересах делового сообщества – купцов, торговых агентов, представителей транспортных компаний, которые, приезжая в Чарджуй по долгу профессиональной деятельности, стремились за короткое время посетить все интересующие их инстанции.

Еще одним направлением сферы услуг, получившим развитие в конце XIX – начале XX в., стала индустрия гигиены и здоровья. Конечно, общественные бани являлись традиционным элементом мусульманской культуры, поэтому эти заведения были широко распространены по всей Средней Азии и до тесных контактов с Российской империей. Но только благодаря массовому притоку российских переселенцев и капиталов, гигиеническо-оздоровительные услуги превратились в полноценную сферу коммерции. До появления в городах Средней Азии бань, организованных по российскому стандарту, приезжие старались как можно реже посещать местные заведения, так как санитарная обстановка и общая атмосфера традиционных азиатских бань не соответствовала их пониманию о чистоте и комфорте. Например, чиновник по особым поручениям при туркестанском генерал-губернаторе М.Г. Черняеве В.В. Крестовский в начале 80-х гг. XIX в. побывал в одной из бухарских бань, относившихся к премиальной категории. Для российской делегации, в состав которой входил автор воспоминаний, представитель местной знати велел «тотчас же приготовить» «самую лучшую» баню [Крестовский, 1887, с. 124]. Эмоционально описывая процедуру купания, Крестовский сообщал, что «...вода, вылитая на мою голову, до такой степени припахивала какою-то вонючею гнилью, что я решительно воспротивился повторению над собою последней операции, и с брезгливым чувством поспешил выбраться из этого противного sklepa на свет и воздух предбанной залы, тем более, что по стенам ниши, к довершению всех прелестей, ползали отвратительные мокрицы» [Крестовский, 1887, с. 129–130]. Отблагодарив хозяина и персонал халатом и серебряными рублями, русские наконец «расстались с “лучшею” из шахрисябских бань». «Не знаю, как на кого, но что до меня, то я в бухарские бани больше не ходок. Благодарю покорно!», – определился со своим отношением к местным баням В.В. Крестовский [Крестовский, 1887, с. 130].

В конце 90-х гг. XIX – начале XX в. содержатели перестроенных в угоду требованиям публики или недавно возведенных современных бань сообщали посредством рекламы о принципиально новом качестве услуг в их заведениях. Так, в Ташкенте на Пушкинской улице открылись «Дворянские бани» коммерсанта Метрикова [Гейер, 1908, с. 67]. Элитарный статус заведения, отраженный в его названии, подразумевал и наличие в нем соответствующего сервиса, оснащения и интерьера. Кроме стандартных тазиков, к услугам посетителей были душевые и ванны. В интересах взыскательной публики было предусмотрено зонирование внутреннего пространства банного комплекса. Менее прихотливые и обеспеченные клиенты довольствовались общим помывочным отделением, а предпочитавшие приватность обеспеченные лица могли уединиться в отдельных комнатах [Гейер, 1908, с. 67].

В объявлении были указаны следующие преимущества бань Метрикова: «Вода из Салара. Безукоризненная чистота. У подъезда бани станция трамвая» [Гейер, 1908, с. 67]. Канал Салар, питаемый из реки Чирчик, являлся основным источником воды для населения Ташкента. «Большинство населения (все туземное и беднота в русской части) пользуется водой из р. Салара...», – говорилось в источнике [Адрес-справочник, 1910, с. 76]. Присутствующие в рекламе сведения о трамвайном движении демонстрируют уровень модернизации городского пространства Ташкента под влиянием научно-технического прогресса. В столице Туркестанского края внутригородской рельсовый транспорт вышел на линию уже в начале XX в. [Адрес-справочник, 1910, с. 75]. О маршруте движения и технических особенностях ташкентского трамвая сказано: «В городе имеется трамвай с конной тягой на протяжении 9 верст (от базара старого города до вокзала и от Романовской улицы по Петербургской и Пушкинской до бани Метрикова)» [Адрес-справочник, 1910, с. 75]. Выгодное расположение заведения в самом центре города в прямой досягаемости от

остановки общественного транспорта говорит о том, что владелец бани был богатым и влиятельным человеком, скорее всего, имевшим покровителей в российской администрации Ташкента.

Яркой особенностью рекламного текста было заверение клиентов в том, что «Бани Метрикова, безусловно, лучшие в Ташкенте» [Гейер, 1908, с. 67]. Подобный способ воздействия на аудиторию относится к инструментам открытого манипулирования сознанием индивидов [Юсупова, 2024, с. 302]. Такие рекламные приемы выражаются либо в бескомпромиссном утверждении о полном превосходстве своего дела над аналогами конкурентов (как в случае с Метриковым), либо в прямом приказе обывателю приобрести определенный товар.

Кроме премиального банного комплекса Метрикова, в начале XX в. в Ташкенте действовала «Центральная» баня госпожи Харьковской [Гейер, 1908, с. 44]. Для населения Асхабада была доступна семейная «Торговая баня» [Гейер, 1908, с. 50]. Первокласную баню в Мерве содержал предприниматель Хаджи Ибрагим Ширинов [Гейер, 1908, с. 53]. Судя по простоте указанных объявлений, не содержащих подробности организации внутреннего пространства заведений, эти места серьезно проигрывали Дворянским баням по качеству обслуживания посетителей. Видимо, для общественных бань низкого или среднего уровня проблема санитарного состояния оставалась актуальной даже в начале XX века. На вредную для здоровья человека атмосферу одного из заведений Ташкента обратил внимание кто-то из авторов сатирического издания «Туркестанский скорпион»:

«А потом набравшись сил,
В баню общую ходил.
Мылся мутной там водой,
Вместе с всякою ордой!
За один пятиалтынный
Получил угар там сильный.
Как угару-то не быть,
Когда в бане дым стоит?!» [Дядя Коля, 1907, с. 3].

Заключение

Развитие стационарной магазинной торговли и сферы услуг населению, отраженное в рекламе конца XIX – начала XX в., свидетельствует о культурно-ментальной трансформации городского социума Средней Азии в этот период. Вследствие притока российских переселенцев монолитная консервативно-религиозная масса местного населения пополнялась прогрессивно-светскими элементами, усваивая привычки и интересы последних. В сложившейся ситуации удовлетворить всевозрастающие потребности общества могли только всесезонно функционирующие магазины, предлагавшие обывателям либо широкий ассортимент разнообразных товаров, либо специализировавшиеся на конкретной продукции. Положительная демографическая ситуация, повышение уровня жизни и культуры потребления населения Средней Азии снижали уровень конкуренции и делали этот сектор коммерции вполне доступным для новых участников.

Анализ объявлений из сферы услуг населению показал, что в ресторанно-гостиничном бизнесе вопрос завоевания рынка стоял более остро. В связи с модернизацией хозяйственно-экономической жизни Туркестанского генерал-губернаторства, Бухары и Хивы, с начала 90-х гг. XIX в. наметился повышенный спрос на коммерческое жилье. Приезжавшие из России в Среднюю Азию инженерные работники участвовали в строительстве промышленных предприятий, ирригационных сооружений, объектов дорожно-транспортной инфраструктуры, представители делового сообщества прибывали для встречи со своими партнерами и оценки перспектив азиатского рынка. Эта достаточно состоятельная аудитория желала получить за свои деньги услуги соответствующего качества. В борьбе за клиента владельцы гостиниц

перестраивали старые здания или возводили новые специализированные помещения, в которых монтировали водо- и теплоснабжающие коммуникации, для качественного обслуживания гостей нанимали исполнительную и порядочную прислугу, предлагали постояльцам разнообразную изысканную кухню. Курс на клиентоориентированность в этот период взяли и держатели бань.

Список источников

- Адрес-справочник Туркестанского края с иллюстрациями, календарем на 1910 г., картой края и объявлениями. 1910. Ташкент, Сырдарьинский областной статистический комитет, 208 с.
- Будзинский Н. 1910. Присказки уличных продавцов лакомств. *Средняя Азия*, 9–10: 163.
- Варенцов Н.А. 2011. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. Вступ. статья, сост., подг. Текста и коммент. В.А. Любартовича и Е.М. Юхименко. Москва, Новое литературное обозрение, 848 с.
- Гейер И.И. 1901. Путеводитель по Туркестану (с двумя картами и одним портретом). Изд. I. Ташкент, Типо-литография В.М. Ильина, 316 с.
- Гейер И.И. 1908. Весь Русский Туркестан. Ташкент, Туркестанское товарищество печатного дела, 435 с.
- Гейер И.И. 1909. Туркестан. Изд. второе, исправленное и дополненное автором. Ташкент, Туркестанское товарищество печатного дела, 406 с.
- Дядя Коля. 1907. Тоже грамотный народ. *Туркестанский скорпион*, 10: 17 с.
- Крестовский В.В. 1887. В гостях у эмира бухарского. Санкт-Петербург, Издание А.С. Суворина, 432 с.
- Марков Е.Л. 1901. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. В 2-х томах и 6-и частях. Т. 1. Санкт-Петербург, Типография М.М. Стасюлевича, 545 с.
- Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. 1904. Том LXXXIX: Ферганская область. Санкт-Петербург, Центральная типолитография: 179 с.
- Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. 1905. Том LXXXIII: Самаркандская область. Санкт-Петербург, Пушкинская скоропечатня: 147 с.
- Российский государственный исторический архив. Ф. 600. Оп. 10. Д. 93.
- Справочник и адрес-календарь Самаркандской области. Издание Самаркандского областного статистического комитета. 1899. Самарканд, Типография Белобородова, 294 с.
- Туркестанские ведомости. 1895а. 1: 1–8.
- Туркестанские ведомости. 1895б. 93: 401–404.
- Ферганская область в 1901 году. 1902. *Ежегодник Ферганской области*, 1. Новый Маргелан, Типография Ферганского областного правления, 1–18.
- Флоринский П. 1910. От Ташкента до Сеистана. *Средняя Азия*, 6: 58–77.

Список литературы

- Абдрахманов К.А., Ефименко М.Н. 2025. Реклама как индикатор развития предпринимательства в Средней Азии в конце XIX – начале XX века: Рынок алкогольной продукции. *Via in Tempore. История. Политология*, т. 52, 3: 662–673.
- Бойко В.В. 2016. Реклама в печатных изданиях Таврической губернии в конце XIX – начале XX веков. *Образование и наука в современных условиях*, 4(9): 167–169.
- Бурлуцкая Е.В. 2017. Нежинские греки Захо. От Оренбурга до Ташкента. Купечество оренбургское. Сборник статей, Оренбургский государственный педагогический университет, 2: 14–18.
- Галанин С.Ф. 2014. Газетная реклама как источник по истории казанской торговли второй половины XIX века. *Казанская наука*, 4: 29–31.
- Герасименко И.Е. 2016. Лингвистическая природа суггестии рекламы. *Новая наука: от идеи к результату*, 11-2: 35–37.
- Гордякова О.В. 2022. История развития психологии рекламы в России конца XIX – начала XX века. *Ученые записки института психологии Российской академии наук*, т. 2, 2(4): 90–96.

- Кирильчик Д.В. 2022. Книжная культура русских переселенцев в Туркестанском крае во второй половине XIX – начале XX в. *Известия Лаборатории древних технологий*, т. 18, 1: 142–150. URL: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-142-150>
- Сюр П.А. 2022. Стилиевые особенности печатной рекламы регионов на рубеже XIX–XX веков. *Перевод, реклама и PR в современной коммуникации*, 1: 172–176.
- Тарасова К.П. 2019. Генезис жанра рекламного объявления в XIX веке (на материале российских газет). *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*, 3: 50–60.
- Чекаева Р.У., Ревтова В.В. 2018а. Влияние купечества на развитие архитектуры торговых зданий города Костанай. Вопросы современных научных исследований. Материалы международной (заочной) научно-практической конференции (Кишинев, 17 апреля 2018 г.). Нефтекамск, Научно-издательский центр «Мир науки»: 63–71.
- Чекаева Р.У., Ревтова В.В. 2018б. Анализ архитектуры торговых зданий начала XX века на примере пассажа купцов Яушевых в г. Костанай. Вопросы современных научных исследований. Материалы международной (заочной) научно-практической конференции (Кишинев, 17 апреля 2018 г.). Нефтекамск, Научно-издательский центр «Мир науки»: 72–77.
- Юсупова Г.А. 2024. Манипуляция и суггестия в рекламном дискурсе. *Казанская наука*, 7: 300–302.

References

- Abdrakhmanov K.A., Efimenko M.N. 2025. Advertising as an Indicator of Entrepreneurship Development in Central Asia in the Late 19th and Early 20th Centuries: The Alcohol Market. *Via in Tempore. History and political science*, vol. 52(3): 662–673 (in Russian).
- Boyko V.V. 2016. Advertising in Printed Publications of the Taurida Governorate in the Late 19th – Early 20th Centuries. *Obrazovanie i nauka v sovremennykh usloviyakh*, 4(9): 167–169 (in Russian).
- Burlutskaya E.V. 2017. Nezhin Greeks Zakho. From Orenburg to Tashkent. In: *Kupechestvo orenburgskoe. Sbornik statey*, 2 [Orenburg merchants. A collection of articles, 2]. Orenburg, Orenburgskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet: 14–18 (in Russian).
- Galanin S.F. 2014. Newspaper Advertising as Source on the History of the Kazan Trade in Second Half of XIX Century. *Kazanskaya nauka*, 4: 29–31 (in Russian).
- Gerasimenko I.E. 2016. The Linguistic Nature of Suggestion in Advertising. *Novaya nauka: ot idei k rezul'tatu*, 11-2: 35–37 (in Russian).
- Gordyakova O.V. 2022. History of the Development of Advertising Psychology in Russia at the End of the XIX – Beginning of the XX Century. *Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*, vol. 2, 2(4): 90–96 (in Russian).
- Kirilchik D.V. 2022. Book Culture of Russian Settlers in the Turkestan Region in the Second Half of the 19th – Early 20th Century. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*, vol. 18, 1: 142–150. URL: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-142-150> (in Russian).
- Syur P.A. 2022. Stylistic Features of Printed Advertising of the Regions at the Turn of the 19th – 20th Centuries. *Perevod, reklama i PR v sovremennoy kommunikatsii*, 1: 172–176 (in Russian).
- Tarasova K. P. 2019. Genesis of Advertisements in the 19th Century (Based on Russian Newspapers). *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 3: 50–60 (in Russian).
- Chekaeva R.U., Revtova V.V. 2018а. The Influence of Merchants on the Development of the Architecture of Commercial Buildings in the City of Kostanay. In: *Voprosy sovremennykh nauchnykh issledovaniy. Materialy mezhdunarodnoy (zaочноy) nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Issues of Modern Scientific Research. Proceedings of the International (Correspondence) Scientific and Practical Conference] (Chisinau, 17 April, 2018). Neftkamsk, Scientific publishing center «Mir nauki»: 63–71 (in Russian).
- Chekaeva R.U., Revtova V.V. 2018b. Analysis of the Architecture of Commercial Buildings of the Early 20th Century Using the Example of the Yaushev Merchants' Arcade in Kostanay. In: *Voprosy sovremennykh nauchnykh issledovaniy. Materialy mezhdunarodnoy (zaочноy) nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Issues of Modern Scientific Research. Proceedings of the International (Correspondence) Scientific and Practical Conference] (Chisinau, 17 April, 2018). Neftkamsk, Scientific publishing center «Mir nauki»: 72–77 (in Russian).
- Yusupova G.A. 2024. Manipulation and Suggestion in Advertising Discourse. *Kazanskaya nauka*, 7: 300–302 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 23.11.2025

Received 23.11.2025

Поступила после рецензирования 12.01.2026

Revised 12.01.2026

Принята к публикации 14.01.2026

Accepted 14.01.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Абдрахманов Константин Алексеевич, доктор исторических наук, доцент кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

 [ORCID: 0000-0001-9469-7694](https://orcid.org/0000-0001-9469-7694)

Konstantin A. Abdrakhmanov, Doctor of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

Ефименко Марина Николаевна, доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе, Оренбургская духовная семинария, г. Оренбург, Россия

 [ORCID: 0009-0006-7216-927X](https://orcid.org/0009-0006-7216-927X)

Marina N. Efimenko, Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, Vice Rector for Scientific Work, Orenburg Theological Seminary, Orenburg, Russia

УДК 94(47).08
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-1-146-156
EDN MMNPZC
Оригинальное исследование

Деятельность органов местного самоуправления по оказанию помощи беженцам на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны

Сергиенко М.А. , Галушко И.Г.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: sergienko@bsuedu.ru, galushko@bsuedu.ru

Аннотация. Статья рассматривает деятельность органов местного самоуправления на территории Курской губернии по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны. Обобщается управленческая практика органов местного самоуправления в исследуемой сфере. Анализируются механизмы и результаты деятельности органов городского и земского самоуправления по устройству беженцев на территории Курской губернии. Определяются функции органов местного самоуправления по размещению беженцев на территории губернии. Характеризуются особенности работы по привлечению беженцев к сельскохозяйственным работам. Выявляются проблемы, связанные с организацией принудительного труда беженцев, особенности их содержания. Формулируются выводы относительно эффективности и специфики деятельности органов местного самоуправления по оказанию помощи беженцам на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, органы местного самоуправления, городская дума, городская управа, органы земского самоуправления, Курская губерния, беженцы

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Сергиенко М.А., Галушко И.Г. 2026. Деятельность органов местного самоуправления по оказанию помощи беженцам на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны. *Via in tempore. История. Политология.* 53(1): 146–156. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-146-156. EDN: MMNPZC

The Activities of Local Governments in Providing Assistance to Refugees in the Kursk Province during the First World War

Marina A. Sergienko , Inna G. Galushko

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: sergienko@bsuedu.ru, galushko@bsuedu.ru

Abstract. The article examines the activities of local governments in the territory of Kursk province to provide assistance to refugees during the First World War. The article summarizes the management practice of local governments in the field under study. The authors analyze mechanisms and results of the activities of city and zemstvo self-government bodies to settle refugees in the territory of Kursk province. The functions of local self-government bodies for the placement of refugees on the territory of the province are determined. The article describes the specifics of the work on involving refugees in agricultural work. The challenges associated with the organization of forced labor of refugees and the specifics of their detention are revealed. Conclusions are drawn regarding the effectiveness and specifics of the activities of local governments in providing assistance to refugees in the Kursk province during the First World War.

Keywords: World War I, local governments, city Duma, city council, zemstvo authorities, Kursk province, refugees

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Sergienko M.A., Galushko I.G. 2026. The Activities of Local Governments in Providing Assistance to Refugees in the Kursk Province during the First World War. *Via in tempore. History and political science*. 53(1): 146–156 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-146-156. EDN: MMNPZC

Введение

С началом Первой мировой войны Российская империя столкнулась с рядом социальных проблем, в которых отдельно можно выделить проблему беженства. Если в период с лета 1914 года и до весны 1915 года беженство носило в основном добровольный характер, то наступление немцев в Галиции обозначило проблему принудительного выселения гражданского населения. Прибытие беженцев вызывало общественную обеспокоенность и ожидание роста социальной напряженности. Необходимо было разработать меры по организационно-правовому обеспечению беженцев, прибывающих во внутренние регионы Российской империи. Также требовалось решение вопроса по размещению и обеспечению хозяйственных нужд беженцев, прибывающих на территорию империи. На уровне губерний организацией размещения беженцев руководили губернаторы, но организация попечения и социальной помощи возлагалась на органы местного самоуправления.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является деятельность органов местного самоуправления по устройству беженцев на юге Курской губернии в годы Первой мировой войны.

Методологическую основу исследования составили: общенаучный метод анализа, статистический метод, системный подход, а также принципы объективности и историзма.

Источниковая база исследования представлена материалами фондов Государственного архива Белгородской области, а также Государственного архива Курской области и опубликованными источниками.

Среди специальных работ регионального характера отдельные аспекты, связанные с прибытием и размещением беженцев на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны, рассматривались в работах А.Н. Курцева [Курцев, 1997], Ф.А. Гаврикова [Гавриков, 2022; Гавриков, 2023], Г.А. Салтык [Салтык, 2015]. При этом авторы уделяли внимание отдельным аспектам организации жизни городов в военных условиях, мерам помощи, оказываемым беженцам, в целом организации жизни городов в условиях военного времени. Вместе с тем требуется освещение региональной специфики, связанной с деятельностью органов местного самоуправления по реализации правительственной политики в сфере обеспечения нужд беженцев на территории юга Курской губернии в годы Первой мировой войны. Научная новизна работы определяется введением в научный оборот новых архивных документов.

Результаты и их обсуждение

События Первой мировой войны обозначили проблему притока иностранных граждан на территорию Российской империи. Причины массового отъезда мирного населения на территорию Российской империи были различными. А.Ю. Батурина отмечала: «Во-первых, население хотело обезопасить себя и как можно дальше уйти от районов боевых действий. Во-вторых, часть населения опасалась расправ со стороны австрийцев за связи с русскими. В-третьих, большое количество беженцев двинулось в Россию, так как русское командование хотело оставить австрийским войскам опустевшую территорию и отдало для этого соответствующие приказания» [Бахтурина, 2000, с. 188].

Многие из мирных жителей восприняли приказ об эвакуации в Россию как насильственную меру и пытались протестовать. Такие действия военной и гражданской администрации были вызваны в первую очередь требованиями военного времени, необходимостью максимально освободить район военных действий мирного населения. На территории Российской империи оказались десятки тысяч беженцев из Галиции, которых необходимо было устраивать, обеспечивать жильем и питанием. Уже в начале июня 1915 г. обнаружилось грандиозные размеры движения беженцев на российскую территорию. Оно приняло стихийный и беспорядочный характер. В сложившейся ситуации ни военная, ни гражданская администрация не имели должной возможности организовать необходимые мероприятия по устройству, медицинскому обслуживанию и организации продовольствия огромных масс беженцев. «По данным периодической печати, к августу 1915 г. число беженцев было приблизительно 100 тыс. чел.» [Бахтурина, 2000, с. 195]

Всего, по данным статистического отдела Комитета великой княжны Татьяны Николаевны, итоговая численность беженцев на территории Российской империи к лету 1917 г. составляла 3,2 млн чел. [Курцев, 1999, с. 100]

«Участники стихийного беженского движения получали эпизодическую помощь (питание, лечение и т. д.) сначала только от местной администрации и органов самоуправления, а затем и через учрежденный императором 14 сентября 1914 г. «Комитет Ее Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий» [Лахарева, 2001, с. 17]. Важнейшую роль в оказании помощи беженцам сыграли такие организации, как Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам (ВЗС) и Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам (ВСГ).

12 августа 1914 года последовало высочайшее соизволение на разрешение деятельности Всероссийского земского союза. Земский союз представлял собой общественную организацию. Основными элементами административной организации Союза были центральный орган объединения земств, губернский и уездный комитеты. Центральным распорядительным органом служило собрание представителей земств – по два от каждой губернии: одного, избранного губернским земским собранием из среды губернских гласных, и одного представителя управы по выбору управской коллегии. Собрание земских представителей происходило в Москве. Как отмечает В.Н. Шевырин, «Функции постоянного комитета заключались в разработке организационных вопросов, входящих в круг деятельности вопросов и практической работе, которая была непосильна для местных организаций. Центральное управление Союза включало в себя отделы эвакуации, заготовительный, санитарный и ряд других» [Шевырин, 2000, с. 17].

«Союз городов был основан на тех же правах, что и Земский союз. Создавалось своеобразное городское земство, объединяющее миллионы городского населения. Исполнительным органом союза являлись главноуполномоченный и комитет из десяти человек, избранный съездом городских голов» [Китанина, 1985, с. 53].

По мнению А.Ю. Бахтурина, «30 июля 1915 г. в Министерстве внутренних дел состоялось совещание, которое было созвано после того, как в Государственной Думе ряд ее членов высказались за издание закона о беженцах. В МВД был выработан текст законопроекта и вынесен на обсуждение совещания. На совещании были затронуты такие вопросы: какие учреждения будут заниматься устройством беженцев и какие группы населения можно отнести к категории беженцев» [Бахтурина, 2000, с. 197]. Для участия в помощи беженцам были привлечены Красный крест, Комитет великой княжны Татьяны Николаевны, который был образован 14 сентября 1914 г. [Курцев, 1999, с. 98].

Как отмечала Н.В. Лахарева, «С 10 сентября 1915 г. начало работу "Особое совещание по устройству беженцев" с функциями "высшего" государственного коллегиального органа в отношении всех нужд беженцев. Размещалось оно в Петрограде при МВД (рабочим органом самого МВД стал "Отдел по устройству беженцев" на правах временного департамента).

На регулярных заседаниях особого совещания председательствовали руководители МВД (главным образом – товарищи министра), участвовали председатели обеих законодательных палат, Всероссийского земского и городского союзов, практически всех министерств и общественных организаций, в т. ч. национальных. Одним из первых решений Особого совещания явилось введение в России ежемесячного «пайкового» довольствия беженцев из государственных средств с нормой продовольственного «пайка» не свыше 20 коп. в день на человека» [Лахарева, 2001, с. 16].

«На местах осенью 1915 г. открылись ”Губернские совещания по устройству беженцев“ под руководством губернаторов, а также различные низовые учреждения в уездах и городах, иногда – волостные и сельские. Вся деятельность этой государственно-общественной ”вертикали“ беженских учреждений финансировались государственным казначейством. Особое место занимала система ”Главноуполномоченных по устройству беженцев“, которая непосредственно подчинялась Отделу по устройству беженцев МВД, находилась под общим контролем Особого совещания по устройству беженцев» [Лахарева, 2001, с. 17].

По мнению Т.М. Китаниной, «Однако центра управления беженцами не получилось. И на созванном председателем Совета министров Б.В. Штюрмером в мае-июне 1916 г. совещании губернаторов, где среди прочих рассматривался вопрос о положении беженцев, вновь была поднята эта проблема. Определив как зло хозяйничанье многочисленных организаций, в том числе Общеземского союза, совещание губернаторов высказалось за распределение основных функций по содержанию беженцев между органами министерства, земством и городами» [Китанина, 1985, с. 55].

«Изданный в начале 1916 г. циркуляр А.И. Хвостова весьма изменил содержание закона 1915 г. о беженцах, передав попечительство над ними из рук земств и городских самоуправлений губернаторам, то есть под контроль Министерства внутренних дел» [Китанина, 1985, с. 59].

По утвержденному правительственному плану расселения беженцев из района военных действий Курская губерния была назначена для приема исключительно беженцев волынцев и галичан. «В губернию прибывало большое количество беженцев с северо-западного фронта, которые направлялись в Пензу или Тамбов. Они не могли рассчитывать на право бесплатного проезда до места назначения и услуги врачебно-питательного пункта» [Урпанис, 1998, с. 219]. Массовое прибытие беженцев в Курскую губернию началось в июле-августе 1915 г., достигло максимума в сентябре-октябре, завершилось в ноябре-декабре того же года. Курское губернское совещание по устройству беженцев определило «общее число беженцев» в губернии на 1 августа 1916 г. в 86 850 чел., из которых 83 594 чел. (96,2 %) являлись «призреваемыми», а 3 286 чел. (3,8 %) призрению не подлежали. Однако приведенные данные несколько занижают реальную численность беженцев, т. к. местные власти регистрировали прежде всего «нуждающихся» в пайковой помощи, но далеко не всегда учитывали контингент эвакуированных государственных служащих с членами их семей и вообще «состоятельных» беженцев, поскольку они не получали или не нуждались в мизерных «пайках», выдаваемых «простонародью» [Лахарева, 2001, с. 17].

По архивным источникам, «В Циркуляре губернского совещания по устройству беженцев 12 сентября 1916 г. сказано, что в Курскую губернию будет эвакуировано до 700 тысяч волынцев»⁷⁹. Перед комитетом возникла проблема расселения такой массы беженцев по уездам губернии, а также создания сети питательных пунктов для прибывающих беженцев.

Немаловажным являлась организация связи между губернским комитетом и местными органами, так как только совместная деятельность представителей дворянства, земств, городов, железнодорожного ведомства могла быть продуктивной. Система беженских органов сложилась в Курской губернии к началу 1916 г. и успешно функционировала до октября 1917 г. Общее руководство беженским делом осуществляло Курское губернское совещание по

⁷⁹ Государственный архив Курской области (ГАКО.) Ф. 39. Оп. 1. Д. 1037. Л. 93.

устройству беженцев. Принципиальные решения принимались коллегиально на его периодических заседаниях, проходивших под личным председательством главы «губернской администрации». Постоянной работой оперативного характера занималась особая «канцелярия» с небольшим штатом сотрудников под бессменным и деятельным руководством «заведующего делами» Совещания эвакуированного служащего польского происхождения В.П. Костюшко. В губернии основная масса беженцев обслуживалась местным самоуправлением. Рабочими органами земских и городских управ вступили беженские «Комитеты» под разными названиями. Образование первых общеуездных комитетов помощи беженцам происходило под руководством уездных предводителей дворянства, но с 1916 г. работу большинства таких учреждений возглавили председатели уездных земских управ. В некоторых уездах Комитеты создали волостные структуры [Лахарева, 2001, с. 18].

Население Курской губернии благожелательно встретило прибывающих беженцев. Земский начальник Дмитриевского уезда А.А. Линдерер письмом на имя Дмитриевского Уездного предводителя дворянства сообщал, что «все крестьяне охотно предоставляют беженцам квартиры совершенно бесплатно»⁸⁰. Также в уездах создавались особые комитеты, собирающие пожертвования для оказания помощи беженцам. Например, в Слоновской волости Новооскольского уезда в здании волостного правления установили кружку с надписью «в пользу беженцев», также производили кружечный сбор на ярмарках, а в здании водяной мельницы расположили кадку для ссыпки добровольных пожертвований муки в пользу беженцев. Все эти мероприятия отражали настроение жителей губернии в стремлении помочь устройству беженцев⁸¹.

Для облегчения работы по розыску беженцев и для их учета в регистрационном бюро губернского земства, а также в Курском полицейском управлении велись поименные списки прибывающих в Курскую губернию. Для этого на каждого беженца заводилась регистрационная карточка.

Заполнение регистрационных карт значительно облегчало не только поиск и учет прибывающих в Курскую губернию беженцев, но и расчет суммы денег, необходимых для выдачи продовольственного пайка. Прибывающие в Курскую губернию беженцы часто имели у себя на руках различного рода квитанции: реквизиционные или полученные за работы, произведенные в условиях военного времени. Насущной необходимостью для беженцев, испытывающих нужду, являлось скорейшее получение уплаты за них. Вследствие этого губернским Совещанием по делам беженцев от 15 ноября 1915 г. было решено привлечь к решению этой проблемы земских начальников⁸².

Каждая беженская семья, осевшая на территории губернии, имела право на получение бесплатного продовольственного пайка. Делопроизводство по выдаче пайка, а также по составлению смет ложилось на уездные земства и городские управы, которым переводились соответствующие кредиты из губернского комитета. Кроме продовольственного пайка, беженцам выплачивалось квартирное довольствие, включаемое в общий размер данного пайка.

Однако право получения пайка предоставлялось не всем беженцам. Согласно «Положению по устройству беженцев» МВД от 1 марта 1916 г., «из числа осевших беженцев продовольственную и квартирную помощь получали: 1) дети до четырнадцати лет включительно; 2) нетрудоспособные беженцы» 3) один из нетрудоспособных членов семьи, вынужденный оставаться при детях в целях присмотра; 4) принятые на сельскохозяйственные работы». Получающие иной заработок, а также уклоняющиеся от сельскохозяйственных работ также непременно снимались с пайка.

Согласно новому положению, принятому Особым совещанием 1 августа 1916 г., произошли следующие изменения: теперь продовольственную и квартирную помощь

⁸⁰ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 21. Л. 5.

⁸¹ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 21. Л. 32.

⁸² ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 18. Л. 41.

получали дети до 14 лет, нетрудоспособные и трудоспособные члены семьи, присматривающие за детьми. Остальные беженцы, равно и те, которые поступили на сельскохозяйственные работы, с 1 октября 1916 г. должны были быть сняты с продовольственного и квартирных пайков. Данное положение было выработано с целью активизации процесса подыскания платных заработков трудоспособными, но еще не работающими беженцами.

Размер пайка определялся по расценке той местности, куда прибыла беженская семья. Его стоимость складывалась из стоимости ряда основных продуктов, таких как мука, крупы, соль и подсолнечное масло. Так, по сообщению Белгородского уездного попечительства по призрению семейств нижних чинов в декабре 1916 г. 1 пуд ржаной муки стоил 1 руб. 80 коп., 1 фунт гречневой крупы стоил 10 коп., фунт соли – 2 коп., фунт подсолнечного масла – 60 коп.⁸³ Согласно расценкам, с 1 декабря 1916 г. губернским присутствием был утвержден паек в размере 4 руб. 60 коп. Это в достаточной мере компенсировало затраты беженцев на продукты в том случае, если члены семьи получали паек. При подорожании продуктов уездные попечительства пересматривали размер пайка. Так, в мае 1917 г. расценки на продукты выглядели следующим образом: пуд ржаной муки – от 3 руб. до 3 руб. 45 коп.; фунт гречневой крупы – от 15 коп. до 18 коп.; фунт соли – 2 коп. и фунт подсолнечного масла – от 80 до 85 коп.⁸⁴

В сентябре 1917 г. паек, выдаваемый в порядке закона от 25 июня 1912 г., был увеличен до 15 руб. 15 коп. в связи с подорожанием⁸⁵. Однако денежный кризис в стране привел к обратному постановлению, согласно которому с 15 января 1918 г. паек выдавался в размере 8 руб. 10 коп., как и в мае 1917 г.⁸⁶ В ноябре 1918 г. выдача пайка была прекращена с предполагаемой разработкой нового закона, согласно резолюции МВД от 2 октября 1918 г.

Кроме губернских и уездных попечительств, устройством беженцев на территории Курской губернии занималось Отделение комитета Великой княгини Татьяны Николаевны. Данный комитет был создан в начале войны для оказания помощи раненым, больным воинам и беженцам. Несмотря на предпринимаемые меры, положение беженцев оставалось тяжелым, а оказание помощи им требовало все больше затрат.

Февральская революция 1917 г. в основном не изменила систему беженских органов в центре и на местах. Скажем, руководство в губернских совещаниях по устройству беженцев перешло от отстраненных губернаторов к губернским комиссарам. Фактически сохранился даже Татьянинский комитет, но под другим названием – «Всероссийский комитет помощи пострадавшим от войны». Должности фронтовых и тыловых Главноуполномоченных по устройству беженцев были ликвидированы за ненадобностью весной 1917 г. [Лахарева, 2001, с. 19].

Также в апреле 1917 г. произошли изменения в определении категории лиц, имеющих право на паек. Как и ранее, беженцы, признанные трудоспособными, пайка не получали. Теперь нетрудоспособными признавались: больные, дети до 15 лет, взрослые старше 55 лет. Кроме того, паек получал один из членов семьи, если в семье имелись малолетние. Дети до 5 лет получали 1/2 пайка. Полный паек назначался в сумме 7 р. 10 коп., а квартирные – в размере 3 руб. на семью повсеместно.

В связи с необходимостью расширения оказания помощи беженцам на экстренном заседании Курского губернского земского собрания 19 апреля 1917 г. был поднят вопрос о присоединении к Всероссийскому земскому союзу, а также к Красному Кресту. В качестве вступительных взносов решено было передать имущество лазаретов и подвижных перевязочных пунктов, которые представляли громадную ценность. Кроме того, было указано, что фактически Красный Крест задолго до этого вел все дела лазарета. Врачи, сестры,

⁸³ ГАБО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 103. Л. 47.

⁸⁴ ГАКО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1038. Л. 143.

⁸⁵ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 22. Л. 183.

⁸⁶ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 22. Л. 193.

санитары приглашались Красным Крестом, от него же поступали материальные средства. Таким образом, произошло слияние Курской организации помощи раненым и больным воинам с Всероссийским земским союзом. Это расширило возможности оказания помощи беженцам на территории губернии.

По мнению Н.В. Лахаревой, «После Октября 1917 г. началось свертывание старой системы беженских органов. Необходимость решения проблем огромного числа беженцев привела к образованию негосударственного Всероссийского союза беженцев, который успел в сентябре и октябре 1917 г. провести два Всероссийских съезда. У названной организации имелся даже свой печатный орган – еженедельный журнал "Беженская правда", выходявший до конца 1919 г. Исполнительный Комитет съезда действовал до лета 1918 г.» [Лахарева, 2001, с. 19].

Как отмечалось выше, одной из важнейших проблем в годы Первой мировой войны была проблема недостатка в рабочей силе. Важное значение в этом случае для помещичьего хозяйства имело привлечение к труду беженцев. По данным А.М. Анфимова, в 1916 г. в помещичьих хозяйствах из общего числа занятой рабочей силы беженцы составляли 99 тыс. человек [Анфимов, 1961, с. 97]. Всего же на сельскохозяйственных работах в 1916 г. эксплуатировалось до 240 тыс. беженцев [Анфимов, 1961, с. 99]. Подавляющее число беженцев, как и военнопленных, поступало в хозяйства крупных землевладельцев. Т.М. Китанина подчеркивала: «Их труд особенно широко использовался в местностях, близких к прифронтовой полосе. Причем условия найма беженцев определялись стихийно, без какого бы то ни было учета и квалификации, а порой и профессии. Иного положения и быть не могло, ибо условия труда беженцев мало кого интересовали» [Китанина, 1985, с. 55].

«Уездным земским управам вменялось в обязанность широко оповещать беженцев о местах наибольшей нужды в сельскохозяйственных рабочих, о ближайшем сроке весенних работ и об установившейся примерной заработной плате. Управы должны были выступать посредниками в вопросах найма, содействовать беженцам. Желаящие составили артели для выгодного использования своего труда» [Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, 1967, с. 33]. Также земства должны были усилить меры попечения о семьях, оставляемых беженцами на время работ.

Для того чтобы стимулировать, привлечь приток беженцев на сельскохозяйственные работы, каждому, независимо от признания трудоспособным или нет, сохранялось пособие от казны. В архивных материалах отмечается, что «В феврале 1916 г. министр земледелия А.И. Наумов в послании губернским и уездным управам признавал важность вопроса о привлечении к сельскохозяйственному труду беженцев, число которых достигло 3 млн»⁸⁷.

Необходимо отметить, что труд беженцев фактически имел принудительный характер. Проживавшие и растерявшие в дороге свое имущество, они не могли существовать на скудные пайки, выдаваемые властями, и искали посильные заработки.

Беженцев, прибывающих на территорию Курской губернии, активно привлекали на сельскохозяйственные и оборонительные работы. Курский Комитет Всероссийского союза городов в декабре 1915 г. сообщал уездным земским управам, что по предложению Военного ведомства формировались инженерные дружины для работ на фронтах⁸⁸. Для дружин требовались рабочие, землекопы и плотники в возрасте от 40 лет и выше. Беженцам при десятичасовом рабочем дне предлагалась плата: землекопам – 1,5 коп., плотникам первой руки – 2,5 коп., второй – 2 коп. на полном готовом содержании⁸⁹. Срок работы устанавливается не менее 6 месяцев, лишь в крайнем случае – в 4 месяца. Если учесть, что ежемесячный паек беженцам в декабре 1915 г. исчислялся в размере 4 руб. 50 коп., то месячная

⁸⁷ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 25. Л. 65.

⁸⁸ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 14. Л. 10.

⁸⁹ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 14. Л. 11.

заработная плата от 4 руб. 50 коп. до 7 руб. 50 коп. при полном содержании представляла собой значительную поддержку для семьи⁹⁰.

Из-за недостатка рабочих рук для предстоящих сельскохозяйственных работ уездным управам вменялось в обязанность выяснить количество беженцев, желающих поступить на работу. При этом все желающие должны были сообщать, какую именно работу они хотели бы получить и размер месячной оплаты за нее. Но указывалось, что заявленные непомерные цены за работу могут рассматриваться как уклонение от нее, что автоматически приведет к снятию пайка⁹¹. Беженцам же, поступившим на работы, обещано было помочь в приобретении одежды и обуви, если ее отсутствие мешало приступить к работе.

Для того чтобы вести учет лиц, используемых в сельскохозяйственных работах, уездными управами заполнялись специальные запросные листки о беженцах. Выглядели они следующим образом: а) Ф.И.О. беженца; б) место прописки; в) место настоящего жительства⁹².

Так как посредниками найма беженцев выступали земские управы, то домохозяева, желающие иметь у себя рабочих беженцев, должны были направлять прошение именно в управы. При этом землевладельцы непременно должны были указывать количество беженцев, необходимых для работ, и срок, на который они потребуются. Однако помещики не спешили привлекать беженцев к работам, предпочитая им военнопленных.

Это объясняется тем, что беженцы юридически были признаны гражданами Российской империи и к ним нельзя было применять административные меры наравне с военнопленными. К тому же оплачивался труд пленных ниже, чем беженцев, что делало их работу более выгодной для помещиков. И все же государство проявляло особую заботу о рабочей силе в помещичьих хозяйствах, направляя в них большую часть беженцев.

С начала 1918 г. прежние органы, ведавшие устройством беженцев, были расформированы. Вместо них при исполкомах были образованы губернские и уездные Советы помощи беженцам.

Бедственное положение беженской массы, особенно стариков, калек, детей и вообще нетрудоспособных, ухудшилось еще и тем, что с начала 1918 г. центральные власти прекратили отпуск средств на выдачу продовольственного и квартирного пайков⁹³. Это решение вызвало новый всплеск болезней на почве голода и крайнее физическое истощение среди беженцев. Власти опасались, что голод толкнет доведенных до отчаяния беженцев на преступления⁹⁴.

Кроме того, сочувственное отношение к беженцам со стороны местного населения под влиянием времени, политических изменений, экономического кризиса и многих других причин сменилось в лучшем случае полным равнодушием, в большинстве же случаев недружелюбием и даже враждебностью. Местное население не принимало беженцев на работы и выживало их из заселенных квартир. Причем в некоторых селениях даже местные власти, призванные заботиться о беженцах, относились к ним пристрастно, не выдавали им карточек на право приобретения продовольственных продуктов. Это в условиях прекращения выплат пайков было равносильно голодной смерти. В связи с этим Губернский Исполнительный Комитет настоятельно просил Уездные Советы Народных Комиссаров (УСНК) принять все меры к тому, чтобы беженцы в полной мере снабжались продовольственными карточками, чтобы домохозяева не выселяли их из занимаемых квартир⁹⁵. С 1917 г. наблюдалось неудержимое желание беженцев вернуться на свою Родину. В связи с эвакуацией беженцев на родину им необходимо было представить достаточное количество перевозочных средств для доставки на железнодорожные станции и снабдить

⁹⁰ ГАБО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1. Л. 13.

⁹¹ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 14. Л. 14.

⁹² ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.

⁹³ ГАБО. Ф.Р.-528. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

⁹⁴ ГАБО. Ф.Р.-528. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

⁹⁵ ГАБО. Ф.Р.- 528. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.

сухими продуктами питания на время пути. Решение данного вопроса ложилось на УСНК, которые делали все возможное для транспортировки беженцев. Решение об обратном водворении беженцев было принято еще в октябре 1917 г., но в реальности этот процесс растянулся до 1925 г. [Курцев, 1997, с. 103].

Заключение

Для устройства беженцев на территории губернии со стороны органов местного самоуправления делалось все возможное, но обстоятельства военного времени, экономический кризис страны не дали возможности в полной мере обеспечить их всем необходимым. Поэтому к концу войны положение беженцев не только не улучшилось, но и стало намного тяжелее.

Список источников

- Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. 101. Помощник начальника губернского жандармского управления в Белгородском, Грайворонском, Корочанском, Старооскольском и Новооскольском уездах. Оп. 1. Оп. 1. Д. 103.
- ГАБО. Ф. 21. Новооскольская уездная земская управа. Оп. 1. Д. 14.
- ГАБО. Ф. 21. Новооскольская уездная земская управа. Оп. 1. Д. 15.
- ГАБО. Ф. 21. Новооскольская уездная земская управа. Оп. 1. Д. 18.
- ГАБО. Ф. 21. Новооскольская уездная земская управа. Оп. 1. Д. 21.
- ГАБО. Ф. 21. Новооскольская уездная земская управа. Оп. 1. Д. 22.
- ГАБО. Ф. 21. Новооскольская уездная земская управа. Оп. 1. Д. 25.
- ГАБО. Ф. 24. Корочанская уездная земская управа. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1.
- ГАБО. Ф.Р. – 528. Новооскольский исполнительный комитет уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 21.
- ГАБО. Ф.Р. – 528. Новооскольский исполнительный комитет уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 25.
- Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 39. Курская губернская земская управа. Оп. 1. Д. 1037.
- ГАКО. Ф. 39. Курская губернская земская управа. Оп. 1. Д. 1038.

Список литературы

- Анфимов А.М. 1961. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.). Москва, Соцэргиз, 383 с.
- Батавина М.А., Гавриков Ф.А. 2023. Национальный вопрос в городах Курской губернии в годы Первой мировой войны. *Ученые записки. Электронный журнал Курского государственного университета*. 4 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-vopros-v-gorodah-kurskoy-gubernii-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny/viewer> (дата обращения: 01.11.2025)
- Бахтурина А.Ю. 2000. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы первой мировой войны. Москва, «АИРО-XX», 264 с.
- Гавриков Ф.А. 2022. Главы городов Черноземья в годы Первой мировой войны. *Ученые записки. Электронный журнал Курского государственного университета*. 2 (62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glavy-gorodov-chernozemya-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny/viewer> (дата обращения: 01.08.2025)
- Гавриков Ф.А. 2022. Организация жизни городов Курской губернии в условиях Первой мировой войны. *Современная научная мысль*. 2: 53–59.
- Гавриков Ф.А. 2022. Роль городов Курской губернии в организации размещения больных и раненых воинов, беженцев и военнопленных, а также помощи фронту и семьям призванных во время Первой мировой войны. *Современная научная мысль*. 4: 53–59.
- Китанина Т.М. 1985. Война, хлеб и революция. Ленинград, Наука: Ленингр. отд-ние, 384 с.
- Курцев А.Н. 1997. Беженцы I мировой войны в Курской губернии: 1914–1917. В: *Курские тетради: Курск и куряне глазами ученых*. Курск, Б.и.: 33–64.
- Курцев А.Н. 1999. Беженцы Первой мировой войны в России. *Вопросы истории*. 8: 98–113.

- Лахарева Н.В. 2001. Реэвакуация беженцев Первой мировой войны в Советской России с территории Курской губернии (1918–1925 гг.). Курск, Б.и., 204 с.
- Салтык Г.А. 2015. Военный шпионаж в российской провинции в годы Первой мировой войны. По материалам Государственного архива Курской области. В: Первая мировая: Неоконченная война: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны 1914–1918 гг. «Проблемы поиска и публикации российских и зарубежных источников о Первой мировой войне 1914–1918 гг. на современном этапе развития исторической науки». Москва, 18 июня 2014 г. Отв. ред. Е.И. Пивовар; сост. И.А. Анфертьев. Москва, РГГУ: 205–224.
- Урпанис Б.Ц. 1998. История военных потерь. Санкт-Петербург, АОЗТ «Полигон», 558 с.
- Шевырин В.М. 2000. Земский и Городской союзы: 1914–1917. Москва, ИНИОН РАН, 63 с.
- Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. 1967. Ч. 3: Сельское хозяйство и крестьянство. Под. ред. Анфимова. Москва, Ленинград, Изд-во Акад. наук СССР, 540 с.

References

- Anfimov A.M. 1962. Rossiyskaya derevnya v gody pervoy mirovoy voyny (1914–1917 gg.) [The Russian Village during the First World War (1914–1917)]. Moscow, Sotsekgiz, 383 p.
- Batavina M.A., Gavrikov F.A. 2023. Natsional'nyy vopros v gorodakh Kurskoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny [The National Question in the Cities of Kursk Province during the First World War]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes. Electronic journal of Kursk State University]. 4 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-vopros-v-gorodah-kurskoy-gubernii-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny/viewer> (data obrashcheniya: 01.08.2025)
- Bakhturina A.Yu. 2000. Politika Rossiyskoy imperii v Vostochnoy Galitsii v gody pervoy mirovoy voyny [The Policy of the Russian Empire in Eastern Galicia during the First World War]. Moscow, «AIRO-XX», 264 p.
- Gavrikov F.A. 2022. Glavy gorodov Chernozem'ya v gody Pervoy mirovoy voyny [Heads of the Cities of the Black Earth Region during the First World War]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes. Electronic Journal of Kursk State University]. 2 (62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glavy-gorodov-chernozemya-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny/viewer> (data obrashcheniya: 01.08.2025)
- Gavrikov F.A. 2022. Organizatsiya zhizni gorodov Kurskoy gubernii v usloviyakh Pervoy mirovoy voyny [Organization of Life in the Cities of the Kursk Province during the First World War]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern Scientific Thought]. 2: 53–59.
- Gavrikov F.A. 2022. Rol' gorodov Kurskoy gubernii v organizatsii razmeshcheniya bol'nykh i ranenyykh voynov, bezhentsev i voennoplennykh, a takzhe pomoshchi frontu i sem'yam prizvannykh vo vremya Pervoy mirovoy voyny [The Role of the Cities of Kursk Province in Organizing the Accommodation of Sick and Wounded Soldiers, Refugees and Prisoners of War, as Well as Assistance to the Front and the Families of those Called up during the First World War]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern Scientific Thought]. 4: 53–59.
- Kitanina T.M. 1985. Voyna, khleb i revolyutsiya [War, Bread and Revolution]. Leningrad, Nauka: Leningr. otd-nie, 384 p.
- Kurtsev A.N. 1997. Bezhentsy I mirovoy voyny v Kurskoy gubernii: 1914–1917 [Refugees of World War I in Kursk Province: 1914–1917]. V: Kurskie tetradi: Kursk i kuryane glazami uchennykh [In: Kursk Notebooks: Kursk and the Kursk People through the Eyes of Scientists]. Kursk, B.i.: 33–64.
- Kurtsev A.N. 1999. Bezhentsy Pervoy mirovoy voyny v Rossii [Refugees of the First World War in Russia]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 8: 98–113.
- Lakhareva N.V. 2001. Reevakuatsiya bezhentsev Pervoy mirovoy voyny v Sovetskoy Rossii s territorii Kurskoy gubernii (1918–1925 gg.) [Re-Evacuation of Refugees of the First World War in Soviet Russia from the Territory of the Kursk Province (1918–1925)]. Kursk, B.i., 204 p.
- Saltyk G.A. 2015. Voennyi shpionazh v rossiyskoy provintsii v gody Pervoy mirovoy voyny. Po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Kurskoy oblasti [Military Espionage in the Russian Provinces during the First World War. Based on Materials from the State Archives of the Kursk Region]. V: Pervaya mirovaya: Neokonchennaya voyna: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii,

posvyashchennoy 100-letiyu nachala Pervoy mirovoy voyny 1914–1918 gg. «Problemy poiska i publikatsii rossiyskikh i zarubezhnykh istochnikov o Pervoy mirovoy voyne 1914–1918 gg. na sovremennom etape razvitiya istoricheskoy nauki» [In: The First World: The Unfinished War: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Outbreak of the First World War 1914–1918. "Problems of Searching and Publishing Russian and Foreign Sources on the First World War 1914–1918 at the Present Stage of Development of Historical Science"]. Moscow, 18 iyunya 2014 g. Otv. red. E.I. Pivovarov; sost. I.A. Anfert'ev. Moskva, RGGU: 205–224.

Urpanis B.Ts. 1998. Istoriya voennykh poter' [History of Military Losses]. Saint Petersburg, AOZT «Poligon», 558 p.

Shevyrin V.M. 2000. Zemskiy i Gorodskoy soyuz: 1914–1917 [Zemstvo and City Unions: 1914–1917]. Moscow, INION RAN, 63 p.

Ekonomicheskoe polozhenie Rossii nakanune Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii [The Economic Situation of Russia on the Eve of the Great October Socialist Revolution]. 1967. Ch. 3: Sel'skoe khozyaystvo i krest'yanstvo [Part 3: Agriculture and the Peasantry]. Pod. red. Anfimova. Moskva, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 540 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.01.2025

Received 19.01.2025

Поступила после рецензирования 18.02.2026

Revised 18.02.2026

Принята к публикации 21.02.2026

Accepted 21.02.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Сергиенко Марина Александровна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0001-9142-9926](https://orcid.org/0000-0001-9142-9926)

Marina A. Sergienko, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Head of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Галушко Инна Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-3547-8560](https://orcid.org/0000-0002-3547-8560)

Inna G. Galushko, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(100)"1914/19"

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-1-157-167

EDN MZUTVX

Оригинальное исследование

Взаимодействие войск Юго-Западного фронта Русской императорской армии при подготовке наступательной операции летней кампании 1916 г.

Пантелеев П.В.

Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба
Вооружённых сил Российской Федерации,
Россия, 119330, г. Москва, Университетский проспект, 14
E-mail: panteleew.p@yandex.ru

Аннотация. Важнейшей составной частью подготовки операций Первой мировой войны (1914–1918 гг.) являлось взаимодействие войск как при подготовке, так и в ходе ведения операций. Организация взаимодействия была направлена на согласованное применение и действия всех войск для достижения определенных Ставкой Верховного главнокомандующего целей наступательной операции Юго-Западного фронта летней кампании 1916 г. В предлагаемом кратком исследовании будут показаны роль и значение организации взаимодействия при подготовке операции по ведению боевых действий войсками армий, корпусов и дивизий в ходе последующих операций. Кроме того, на основании представленных исторических сведений и боевых документов раскрываются основы и составные части организации взаимодействия войск 7-й, 8-й, 9-й и 11-й армий Юго-Западного фронта. Приводятся примеры организации взаимодействия между различными органами военного управления (между Ставкой Верховного главнокомандующего и полевым управлением Юго-Западного фронта, между полевым управлением Юго-Западного фронта и штабами армий фронта, между штабами армий фронта и полевыми управлениями корпусов и других соединений и частей, входящими в их состав). На основании проведенных исследований делаются выводы о значении взаимодействия при подготовке операции, применяемых при этом приемов, способов и введения новых методов по улучшению согласованности в действиях войск в ходе практической работы по её организации.

Ключевые слова: Первая мировая война, вооруженные силы, операции армий, взаимодействие войск, организация взаимодействия, А.А. Брусилов, М.В. Алексеев

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Пантелеев П.В. 2026. Взаимодействие войск Юго-Западного фронта Русской императорской армии при подготовке наступательной операции летней кампании 1916 г. *Via in tempore. История. Политология.* 53(1): 157–167. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-157-167. EDN: MZUTVX

Interaction between the Troops of the Southwestern Front of the Russian Imperial Army during the Preparation for the Offensive Operation of the 1916 Summer Campaign

Peter V. Panteleev

Scientific Research Institute (Military History) Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation,
14 Universitetskiy Ave., Moscow 119330, Russia
E-mail: panteleew.p@yandex.ru

Abstract. The most important component of the preparation of the operations of the First World War (1914–1918) was the interaction between troops both in preparation and during operations. The organization of cooperation was aimed at the coordinated use and actions of all troops to achieve the objectives of the offensive operation of the Southwestern Front of the summer campaign of 1916, as defined by the Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief. The proposed brief study will show the role and importance of organizing interaction in the preparation of an operation for conducting combat operations by troops of armies, corps and divisions during subsequent operations. In addition, based on the historical information and combat documents provided, the basics and components of the organization of interaction between the troops of the 7th, 8th, 9th and 11th armies of the Southwestern Front are revealed. Examples of the organization of interaction between various military authorities are given (between the Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief and the field administration of the Southwestern Front, between the field administration of the Southwestern Front and the headquarters of the armies of the front, between the headquarters of the armies of the front and the field administrations of corps and other formations and units that are part of them). Based on the conducted research, conclusions are drawn about the importance of interaction in the preparation of an operation, the techniques, methods used in this process, and the introduction of new methods to improve coordination in the actions of troops during practical work on its organization.

Keywords: World War I, armed forces, army operations, interaction of troops, organization of interaction, A.A. Brusilov, M.V. Alekseev

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Panteleev P.V. 2026. Interaction between the Troops of the Southwestern Front of the Russian Imperial Army during the Preparation for the Offensive Operation of the 1916 Summer Campaign. *Via in tempore. History and political science*, 53(1): 157–167 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-157-167. EDN: MZUTVX

Введение

Наступательная операция Юго-Западного фронта являлась составной частью стратегической наступательной операции на Восточно-Европейском театре военных действий летней кампании 1916 г. [Золотарёв, 2000, с. 118–119]. В ней приняли участие войска Северного (генерал-адъютант А.Н. Куропаткин), Западного (генерал от инфантерии А.Е. Эверт) и Юго-Западного (генерал-адъютант А.А. Брусилов) фронтов с привлечением к поддержке и обеспечению их действий сил двух флотов (Балтийского и Черноморского) [История Первой мировой войны 1914–1918. Т. 2. 1975. с. 185–186] (рис. 1. [Атлас офицера. Географический атлас. 2021. с. 258]).

Общая численность русских войск на восточном фронте составляла около 1 700 000 штыков и сабель с перспективой доведения численности фронтов к лету до двух миллионов человек. Австро-германские войска уступали в численности – около 700 000 штыков и сабель [Зайончковский, 1923, с. 12]. Подготовка наступления осуществлялась в условиях ведения всеми войсками трёх фронтов позиционной стратегической обороны, активного поиска форм перехода в наступление из обороны и непосредственного соприкосновения с

противником, прорыва сильно укрепленных позиций [Золотарёв, 2000, с. 118–119]. Попытки перехода к активным наступательным действиям предпринимались. Примером могут служить наступательные операции на Стрыпе 7-й и 9-й армии Юго-Западного фронта в декабре 1915 г., окончившиеся, к сожалению, не успешно [Зайончковский, 1929, с. 109]. Войскам Юго-Западного фронта, имеющим численность около 512 тыс. штыков и сабель, противостояли австро-венгерские и германские войска общей численностью около 441 тыс. штыков и сабель. Превосходство русских войск в общей полосе фронта было в целом небольшим и составляло 1.16: 1 или превышало по численности на 71 тыс. штыков и сабель [Зайончковский, 1923. с. 15]. Юго-Западный фронт прикрывал направление на Киев и включал четыре армии: 8-я (командующий армией генерал от инфантерии А.М. Каледин), 11-я (командующий армией генерал от инфантерии В.В. Сахаров), 7-я (командующий армией генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев), 9-я (командующий армией генерал от инфантерии П.А. Лечицкий).

Рис. 1. Летняя кампания 1916 г. 22 мая (4 июня) – 23 августа (4 сентября) 1916 г.
Fig. 1. The 1916 summer campaign. May 22 (June 4) – August 23 (September 4), 1916

Данная статья будет посвящена вопросам последовательности, содержания и роли взаимодействия войск Юго-Западного фронта при подготовке наступательной операции летней кампании 1916 г.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является наступательная операция Юго-Западного фронта как составная часть стратегической операции вооруженных сил Российской империи на Восточно-Европейском театре военных действий, а в её рамках – армейские операции 8-й, 11-й, 9-й и 7-й

армий этого фронта [Строков, 1974, с. 388–390]. Предметом исследования является взаимодействие войск Юго-Западного фронта русской императорской армии в ходе подготовки наступательной операции летней кампании 1916 г. Первой мировой войны.

При проведении исследования была использована совокупность методов научного познания [Ковальченко, 2003, 197–205], таких как синтез информации из опубликованных источников и архивных документов, обобщение полученных данных [Визильтир, 2025, 207–215], историко-типологического метода [Гаврилов, Прямыцын, 2022, 178–188]. В совокупности все использованные для проведения исследования методы позволили комплексно проанализировать сущность, содержание взаимодействия войск при подготовке операции и выявить влияние организации взаимодействия на её ведение в ходе операции. Кроме того, позволило выявить формы, способы, методы и приемы работы должностных лиц органов военного управления всех уровней (Ставки Верховного главнокомандующего, полевых управлений фронтов и армий) по организации взаимодействия войск при подготовке, а также причины, повлиявшие на частичное недостижение целей операции.

Результаты и их обсуждение

Подготовка наступательной операции Юго-Западного фронта летней кампании 1916 г. осуществлялась на основании плана Ставки Верховного главнокомандующего, доведенного на совещании с главнокомандующими армиями фронтов 1 (14) апреля 1916 г. [Вооруженные силы России..., т. 2, с. 180]. Главный удар должен был наносить Западный фронт. Юго-Западному и Северному фронтам была отведена второстепенная роль по оказанию содействия армиям, наступающим на направлении главного удара [Вооруженные силы России..., т. 2. 2014, с. 622].

Директивой Ставки Верховного главнокомандующего № 2017/806 от 11 (24) апреля 1916 г. Юго-Западному фронту была указана общая цель предстоящих действий, заключающаяся в переходе в наступление и атаке австро-германских войск. Определены были и задачи по оказанию содействия главной ударной группировке Западного фронта по обеспечению главного удара нанесением своего удара 8-й армией в направлении на Луцк [РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 56, л. 28–44]. На усиление и для развития наступления в состав фронта с 24 часов с 22 на 23 апреля должны были быть переданы 4-й кавалерийский корпус и 77-я пехотная дивизия из состава 3-й армии. Подготовку операции необходимо было завершить в начале мая, время перехода в атаку должно было быть указано за 7–10 дней до её начала [Ветошников, 1940, 155–156]. Директивой также доводилась и некоторая многовариантность действий противника (в случае его перехода в наступление ранее наших войск), так и своих войск по энергичному отражению его удара, проведения контратак и перехода в решительное наступление. Важным и новым в директиве Ставки Верховного главнокомандующего было установление некоторых новых приемов тактических действий при переходе в наступление, заключающихся в требовании соблюдения необходимости и целесообразности ввода новых войск непосредственно перед атакой, а для скрытия намерений рассредоточением внимания противника устройством подходов к его позициям не только в местах атак, но и по всему фронту. Было уделено внимание и на подготовку командиров и начальников всех степеней к предстоящему наступлению, проведение в штабах совместных занятий по изучению районов предстоящих действий, мест размещения артиллерии, порядка и последовательности решения задач при атаке позиций противника и развитии успеха [Наступление Юго-Западного фронта..., 1940, с. 82–83]. Первым в наступление должен был перейти Юго-Западный фронт нанесением удара 22 мая (4 июня) 1916 г. [Головин, 2001, с. 328].

Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта с получением задачи на совещании в Ставке 1 (14) апреля 1916 г. в Могилеве собрал на совещание в своем штабе в Бердичеве 5 (18) апреля 1916 г. командующих 8-й, 11-й, 7-й, 9-й армиями. В ходе совещания на основании выводов из тщательно проведенной предварительной работы полевого

управления фронта⁹⁶, собственных выводов⁹⁷ генерал Брусилов довел свое видение на порядок атаки противника, который первоначально в глазах участников одобрения не встретил [Наступление Юго-Западного фронта..., 1940, с. 84–112].

Планом наступления главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта предусматривал нанесение главного удара фронта силами 8-й армии в направлении на Луцк, другие армии фронта (11-й, 7-й, 9-й армии) должны были наносить свои, хоть и не главные, но сильные удары, а корпуса армий должны были на избранных частях своих боевых участков сосредоточением и применением большей части своей артиллерии и резервов не допустить переброску с этих направлений войск противника на направления главного и других ударов. Сроки завершения подготовки к наступательным операциям армий были определены к 10 (23) мая 1916 г.

Примечательным в работе генерала Брусилова в ходе совещания [ГА РФ. Ф. 5972. Оп. 1. Д. 3. Л. 150–155] явилась постановка задач командующим армиям с доведением краткого плана операции и обсуждением вопросов по организации взаимодействия всех войск фронта между собой в интересах достижения целей операции. Была предпринята попытка по осуществлению практической отработки вопросов взаимодействия при подготовке операции со сбором необходимых должностных лиц в полевом управлении штаба (г. Бердичев) под руководством главнокомандующего Юго-Западным фронтом. Согласование усилий в действиях всех войск фронта осуществлялось им лично (схема):

1. По задачам и направлениям действий войск:

- на направлении главного удара (8-й армии);
- на направлениях других (второстепенных), но сильных ударов (11-й, 7-й, 9-й армий);
- на организации активных наступательных действий на узких участках в каждом корпусе, находящихся на первой линии ведения боевых действий.

2. По способам действий войск при подготовке наступления:

- по оборудованию огневых позиций артиллерии различных калибров, заблаговременному подвозу боеприпасов;
- по оборудованию различных складов (боеприпасов и других запасов военного-технического имущества);
- по скрытному сосредоточению войск, предназначенных для атаки, ввода в бой и сражение, наращивания усилий, резервов;
- по устройству плацдармов с целью приближения передовых окопов к окопам противника на 200–300 шагов (проведением большого объема земляных работ);

3. По способам действий войск при переходе и в ходе наступления:

- по нанесению сильнейшего артиллерийского огня по уничтожению проволочных заграждений и укреплений для подготовки атаки;
- по поддержке атаки артиллерийским огнем при прорыве обороны противника и дальнейшее сопровождение огнем при продвижении в глубину.

Важным был учет и тщательное рассмотрение опыта ранее имевших место недостатков в ходе проведения неудачных попыток прорывов укрепленных позиций противника войсками Северного, Западного и Юго-Западного фронтов:

3. По времени общей готовности к операции к 10 мая и переходу в атаку не позднее недели после получения распоряжения по телеграфу.

⁹⁶ Из обзора генерала-квартирмейстера штаба 8-й армии «Об условиях театра военных действий 8-й армии при общем операционном направлении Ровно, Ковель, Володава, Луков»; Справка начальника оперативного отделения штаба Юго-Западного фронта «О позициях 8-й, 11-й, 7-й и 9-й армий»; Сводка замечаний при осмотре работ по инженерному усилению позиций 9-й армии начальником инженеров фронта. [Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). 1940, с. 84–96].

⁹⁷ О положении противника на Юго-Западном фронте весной 1916 г. [Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). 1940, с. 97–98].

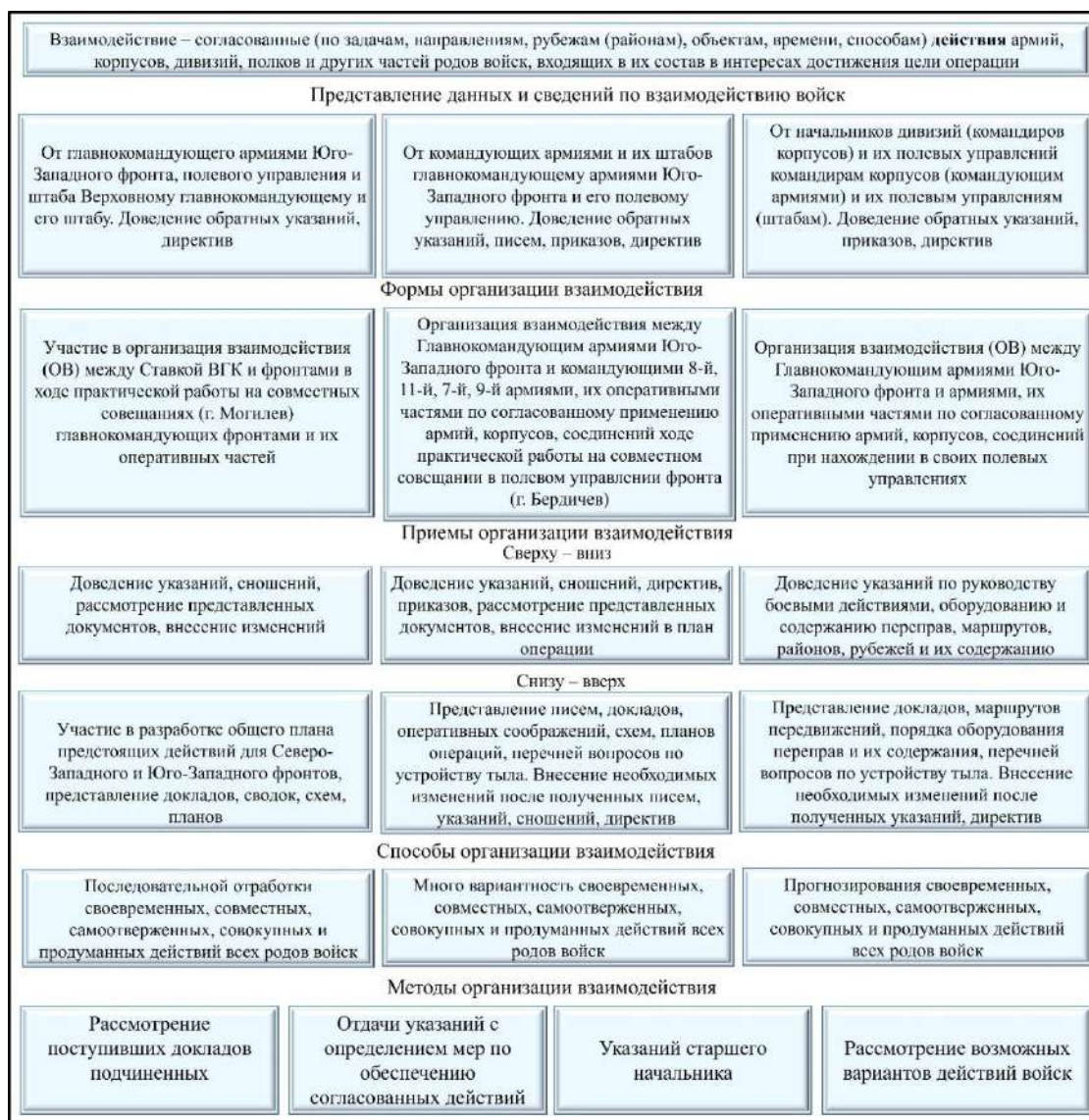

Рис. 2. Структура организации взаимодействия войск Юго-Западного фронта при подготовке наступательной операции летней кампании 1916 г.

Fig. 2. Structure of the organization of interaction between the troops of the Southwestern Front in preparation for the offensive operation of the summer campaign of 1916

В ходе проведения совещания генералом Брусиловым были использованы методы заслушивания докладов подчиненных, как, например, доклад командующего 8-й армией генерала Каледина о невозможности проведения атаки соединениями армии переднего края противника и невозможности достижения успеха при нанесении главного удара фронта.

Отдача, в свою очередь, главнокомандующим Юго-Западного фронта указаний и внесение необходимых коррективов в действия и войск 8-й и остальных армий с разъяснением порядка и целей действий всех войск фронта, которые были направлены в первую очередь на оказание содействия войскам Западного фронта. Кроме того, были предложены и некоторые варианты в развитии обстановки на поле боевых действий в случае неуспеха на избранных направлениях 8-й армии и перенос усилий на другие направления, где будет намечаться успех исходя из большого количества атакуемых участков.

После завершения совещания с командующими армиями главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта 5 (18) апреля 1916 г. была направлена директива, которая была разделена на две основные составные части – указания по результатам проведенного совещания и указания по тщательной подготовке операций армий с разработкой детальных

планов. Очень важным в планах по требованию Брусилова являлось их заблаговременное доведение до непосредственных исполнителей и обязательный учет опыта последних наступлений Северного и Западного фронтов [Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). 1940, с. 114–117].

Работа по согласованию действий всех войск фронта осуществлялась на всём протяжении подготовки к наступательным операциям армий и продолжалась до самого начала наступления доведением указаний главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта командующим 7-й, 8-й, 9-й и 11-й армиям с предоставлением копий в штаб Ставки Верховного главнокомандующего.

В данных указаниях достаточно подробно определялись все вопросы подготовки операции, а также согласованное применение всех войск и родов войск в ходе её ведения. Так, в указаниях № 1039 от 6 (19) апреля 1916 г. многогранно раскрывался порядок согласованных действий при проведении атаки переднего края противника, обращалось внимание на совместное и взаимное действие пехоты и артиллерии. Причем подготовка совместных действий должна была осуществляться не только на картах, но и на местности с привлечением всех участников атаки – пехоты, артиллерии, кавалерии, других родов войск и детальной проработкой будущих действий с разработкой тщательных планов.

Планы атаки сильно укрепленных позиций должны были в себя включать [РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 38, л. 112–132, 149, 158]:

- объект атаки, а также привлекаемые силы пехоты, артиллерии, кавалерии и других войск для его овладения;

- конкретность и четкость постановки задач, расчет необходимого количества орудий, расход боеприпасов, порядок и поддержание взаимодействия между пехотой, артиллерией, кавалерией и другими родами войск при решении каждой задачи как при подготовке атаки (первом периоде атаки), так в ходе дальнейшего прорыва обороны противника (втором периоде атаки) и последующих действий по недопущению организованного закрепления противника на новых позициях и рубежах обороны;

- порядок подчиненности всех подразделений при производстве атаки и закреплением главенства за командиром (начальником), ответственным за атаку и подчинение ему всех сил, принимающих участие в атаке;

- порядок определения (не из частей, участвующих в атаке), размещения и применения резервов в целях наращивания усилий и противодействия «случайностям» на поле боя во всех полках, бригадах, дивизиях, а в месте производства главной атаки на направлении главного удара сосредоточение резервов за счет сил других армий;

- организация постоянного и устойчивого управления во всех подразделениях, частях и соединениях при подготовке и в ходе ведения атаки укрепленных позиций, а также развития наступления в глубину обороны противника.

В развитие задач, поставленных командующим армиям на совещании в Бердичеве, последовавшей директиве 5 (18) апреля 1916 г. и рекомендациях по подготовке и проведению атак сильно укрепленных позиций (указания № 1039 от 6 (19) апреля 1916 г.) главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта была направлена командующим 7-й, 8-й, 9-й и 11-й армиям очередная директива от 7 (20) апреля 1916 г. с представлением копии в штаб Верховного главнокомандующего [РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 38, л. 163–168].

В данной директиве задачи армиям были еще более детализированы и имели направленность на согласованность применения всех войск фронта при выполнении ближайших задач по разгрому живой силы противника и овладению ныне занимаемыми ею позициями. Причем атака должна была быть проведена на всем фронте от р. Стыри до р. Прут при нанесении главного удара частями и соединениями 8-й армии. В целях усиления в 8-ю армию должны были быть переданы 46-й корпус и 12-я кавалерийская дивизия (из резерва фронта), 24 орудия 6-й тяжелой артиллерийской бригады со всеми снарядами

(из 7-й армии). В целях уменьшения фронта при нанесении главного удара 17-й корпус 8-й армии на позициях должен был быть передан в 11-ю армию с назначением новой разграничительной линии. В остальных армиях необходимо было подготовить планы атак на избранных участках в своих полосах. Подготовку атак необходимо было закончить к 28 апреля 1916 г. Подробные планы подготовки и организации атак командующие армиями должны были представить к 15 апреля главнокомандующему Юго-Западным фронтом [Наступление Юго-Западного фронта..., 1940, с. 122–123]. При подготовке планов атак, боевых действий частей и соединений, операций армий обращалось самое пристальное внимание на сохранение в тайне разрабатываемых мероприятий и намерений, а также различных вариантов действий как своих войск, так и войск противника, исходя из развития обстановки на поле боя. Так открытое сосредоточение и скопление войск на направлениях атак и ударов не допускалось, чтобы не допустить их раннего обнаружения и раскрытия замыслов действий противником. Предусматривалась и возможность реагирования на случаи перехода противника в наступление проведением решительных контратак на направлениях его ударов, а также проведением своих атак в намеченных полосах всех армий. Для подготовки всех планов атак, наступательных действий и операций требовалось тщательное изучение местности избранных участков и определения порядка согласованных действий всех войск и родов войск на ней в ходе совместной работы командиров и начальников всех степеней при выполнении всех возложенных задач [РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 38, л. 192–193].

Во исполнение требований указаний, приказаний и директив главнокомандующего Юго-Западным фронтом и различных сводок, переговоров по телефону, телеграмм, депеш его полевого управления командующие армиями и их штабы разработали и в указанные сроки представили свои оперативные планы операций (в форме рапортов, копий приказов войскам армий, дополнительных докладов по линиям подчиненности от командующих армиями и их штабов главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта и его полевому управлению).

Все планы были направлены на согласованные действия и применение всех войск и родов войск армий по задачам, направлениям, рубежам, объектам и способам действий для достижения целей операций армий и операции фронта в целом. Причем в ходе рассмотрения представленных планов главнокомандующим Юго-Западным фронтом вносились необходимые изменения, которые доводились указаниями, письмами, приказами, директивами и телеграммами [Наступление Юго-Западного фронта..., 1940, с. 124–199].

За период подготовки к операциям армий полевым управлением фронта и штабами армий был выполнен колоссальный объем работ и подготовительных мероприятий при осуществлении и занятии исходных районов для наступления, их оборудования и приближения к окопам первой линии противника, подготовке участков атак на направлении главного и других ударов в каждой армии (всего четыре главных и четыре других (вспомогательных) удара было подготовлено в полосе Юго-Западного фронта), подготовке в каждом корпусе не менее одного активного боевого участка для проведения беспокоящих действий и не допущения переброски с этих направления войск противника на направления главного и других ударов [Наступление Юго-Западного фронта..., 1940, с. 124–199].

С этой целью командующими армиями были подготовлены и отправлены в войска приказы по армиям с детальной постановкой задач корпусам, отдельным группам (группа генерала Зайончковского), армейской коннице (в случае прорыва обороны противника немедленно устремиться в разрыв для ведения активных действий по тылам противника), резервам с указанием боевого состава войск, входящих в их состав. Особое внимание было обращено взаимным и согласованным действиям корпусов между собой и особенно на стыках, ведению тщательной разведки (войсковой и воздушной), а также срокам готовности артиллерии к подготовке атаки и порядку действий корпусных резервов (мест расположения одной бригады в районе с. Городец, другой вместе с артиллерийской батареей – в районе с. Степань) к 19 мая 1916 г. Кроме того, были определены задачи по своевременной поставке всех видов материальных запасов (оружия, боеприпасов, продовольствия и т. д.).

Окончательное время перехода в наступление с учётом помощи союзникам на итальянском фронте было определено 22 мая (4 июня) 1916 г. [Российская империя: победы..., 2014, с. 269].

Таким образом, организация взаимодействия войск при подготовке операции Юго-Западного фронта являлась ее важной составной частью. От правильно согласованных действий всех армий, корпусов и дивизий, входящих в их состав, зависел успех в достижении целей операций армий и фронта в целом в ходе ведения наступления летней кампании 1916 г.

Заключение

Рассмотренные в исследовании исторические сведения, краткий анализ документов по боевому управлению войсками Юго-Западного фронта, 7-й, 8-й, 9-й и 11-й армий, корпусов, входящих в их состав, при подготовке наступательных операций летней кампании 1916 г., позволяют сделать ряд выводов.

1. При подготовке наступательной операции Юго-Западного фронта как составной части стратегической операции на Восточно-Европейском театре военных действий руководством фронта, армий и корпусов был выполнен большой объем работ, направленных на согласованное применение всех войск для достижения определённых Ставкой Верховного главнокомандующего целей (схема).

2. Подготовка операции осуществлялась на протяжении почти что двух месяцев (с 1 (14) апреля до 21 мая (3 июня) 1916 г.) и включала в себя целый комплекс мероприятий, направленных на подготовку войск, штабов, районов операции к предстоящему наступлению, начавшемуся 22 мая (4 июня) 1916 г. проведением артиллерийской подготовки наступления двумя тысячами орудий от Припяти до Прута [Российская империя: победы..., 2014, с. 269].

3. Организация взаимодействия являлась важной составной частью подготовки операции и осуществлялась на основании указаний, директив, планов Ставки Верховного главнокомандующего между главнокомандующим, полевым управлением Юго-Западного фронта и штабами 7-й, 8-й, 9-й и 11-й армий, между штабами армий и полевыми управлениями корпусов, входящих в их состав, между полевыми управлениями корпусов и полевыми управлениями дивизий.

4. Важным отличием от других операций Первой мировой войны явилась организация главнокомандующим Юго-Западного фронта генералом А.А. Брусиловым практической работы в штабе фронта в ходе совещания по доведению задач и согласованию действий всех войск фронта при подготовке и в ходе предстоящей операции, а также целенаправленная деятельность всех органов военного управления фронта, армий, корпусов по доведению всех задач до войск и их неукоснительному контролю, которая в последствии, как известно, принесла положительные результаты.

Список источников

- РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 2003. Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка), г. Могилев. Оп. 1. Управление генерал-квартирмейстера и дежурного генерала Ставки. Д. 56. Оперативные директивы и распоряжения Верховного главнокомандующего и начальника штаба.
- ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 5972. Брусиловы: Брусилов Алексей Алексеевич, генерал от кавалерии, главнокомандующий юго-западным фронтом в период первой мировой войны, инспектор кавалерии Красной Армии. 1853–1926. Брусилова-Желиховская Надежда Владимировна. 1864–1938. Оп. 1. Дела постоянного хранения. Д. 3. Военные записки А.А. Брусилова. 1914–1917 гг. 2 экземпляра машинописной рукописи. Л. 150–155.
- РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 2067. Штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Оп. 1. Управление генерал-квартирмейстера и дежурного генерала. Д. 38. Приказы армиям Юго-Западным фронта. 1 314 л.

Список литературы

- Атлас офицера. Географический атлас. Москва, «Красная звезда». 2021. 397 с.
- Визильтир Е.В. 2025. Формирование отрицательного мировоззрения к самодержавной власти у населения Российской империи в 1916 году. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. Т. 15. Выпуск 1.* Курск, 207–215.
- Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 2. Москва, Мегapolis. 2014. 784 с.
- Ветошников Л.В. Брусиловский прорыв: Оперативно-стратегический очерк. Москва, Воениздат. 1940. 181 с.
- Гаврилов А.Г., Прямыцын В.Н. 2022. Установление многоаспектной и многоуровневой типизации на примере исследования истории метеорологического обеспечения Военно-Воздушных сил Красной армии в годы Великой отечественной войны (1941–1945). *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. Т. 12. Выпуск 5.* Курск, 178–188.
- Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Жуковский; Москва, Кучково поле. 2001. 434 с.
- Зайончковский А.М. Мировая война. Маневренный период 1914–1915 годов на русском (европейском) театре. Москва, Ленинград, Гос. издательство. 1929. 403 с.
- Зайончковский А.М. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. часть 6. Москва, Типография «Красная печать». 1923. 137 с.
- Золотарев В.А. История военной стратегии. Москва, Кучково поле. 2000. 588 с.
- История Первой мировой войны 1914–1918. Т. 2. Москва, Наука. 1975. 607 с.
- Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. Издание второе, дополненное. Москва, Наука. 2003. 485 с.
- Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). Москва, Воениздат. 1940. 548 с.
- Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. Москва, Воениздат. 1974. 611 с.
- Российская империя: победы и поражения на фронтах Первой мировой войны. Москва, Олма. Медиа. Групп. 2014. 447 с.

References

- Atlas oficerov. Geograficheskij atlas [Officer's Atlas. Geographical Atlas]. Moskva, «Krasnaya zvezda». 2021. 397 p.
- Vizil'tir E.V. 2025. Formirovanie otricatel'nogo mirovozzreniya k samoderzhavnoj vlasti u naseleniya Rossijskoj imperii v 1916 godu [The Formation of a Negative Worldview towards Autocratic Power among the Population of the Russian Empire in 1916]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo. T. 15. Vypusk 1. Kursk*, 207–215.
- Vooruzhennye sily Rossii v pervoj mirovoj vojne (1914–1917) [The Armed Forces of Russia in the First World War (1914–1917)]. T. 2. Moskva, Megapolis. 2014. 784 p.
- Vetoshnikov L.V. Brusilovskij proryv: Operativno-strategicheskij ocherk [The Brusilov Offensive: An Operational and Strategic Essay]. Moskva, Voenizdat. 1940. 181 p.
- Gavrilov A.G., Pryamicyn V.N. 2022. Ustanovlenie mnogoaspektnoj i mnogourovnevoj tipizacii na primere issledovaniya istorii meteorologicheskogo obespecheniya Voенno-Vozdushnyh sil Krasnoj armii v gody Velikoj otechestvennoj vojny (1941–1945) [Establishing a Multi-Aspect and Multi-Level Typification using the Example of a Study of the History of Meteorological Support for the Red Army Air Forces during the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo. T. 12. Vypusk 5. Kursk*, 178–188.
- Golovin N.N. Voennye usiliya Rossii v mirovoj vojne [Russia's Military Efforts in the World War]. Zhukovskij; Moskva, Kuchkovo pole. 2001. 434 p.
- Zajonchkovskij A.M. Mirovaya vojna. Manyovrennyj period 1914–1915 godov na russkom (evropejskom) teatre [World War II. The Maneuver Period of 1914–1915 in the Russian (European) Theater]. Moskva, Leningrad, Gos. izdatel'stvo. 1929. 403 p.
- Zajonchkovskij A.M. Strategicheskij ocherk vojny 1914–1918 gg. [Strategic Outline of the War of 1914–1918]. Chast' 6. Moskva, Tipografiya «Krasnaya pechat'». 1923. 137 p.
- Zolotarev V.A. Istorija voennoj strategii [History of Military Strategy]. Moskva, Kuchkovo pole. 2000. 588 p.

- Istoriya Pervoj mirovoj vojny 1914–1918 [History of the First World War 1914–1918.]. Т. 2. Moskva, Nauka. 1975. 607 p.
- Koval'chenko I.D. Metody istoricheskogo issledovaniya [Methods of Historical Research]. Izdanie vtoroe, dopolnennoe. Moskva, Nauka. 2003. 485 p.
- Nastuplenie Yugo-Zapadnogo fronta v mae-iyune 1916 g. Sbornik dokumentov mirovoj imperialisticheskoy vojny na russkom fronte (1914–1917 gg.) [The Offensive of the Southwestern Front in May-June 1916. Collection of Documents of the World Imperialist War on the Russian Front (1914–1917)]. Moskva, Voenizdat. 1940. 548 p.
- Strokov A.A. Vooruzhennyye sily i voennoy iskusstvo v Pervoj mirovoj vojne [Armed Forces and Military Art in the First World War]. Moskva, Voenizdat. 1974. 611 p.
- Rossiyskaya imperiya: pobedy i porazheniya na frontah Pervoj mirovoj vojny [The Russian Empire: Victories and Defeats on the Fronts of the First World War]. Moskva, Olma. Media. Grupp. 2014. 447 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 06.10.2025

Received 06.10.2025

Поступила после рецензирования 10.01.2026

Revised 10.01.2026

Принята к публикации 12.01.2026

Accepted 12.01.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пантелеев Пётр Валентинович, кандидат военных наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт (военной истории), Военная академия Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации (НИИ (ВИ) ВАГШ ВС РФ), г. Москва, Россия

Peter V. Pantelev, Candidate of Military Sciences, Senior Researcher at the Research Institute (Military History), Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation (Research Institute (VI) VAGSH of the Armed Forces of the Russian Federation), Moscow, Russia

 [ORCID: 0009-0004-7070-4086](https://orcid.org/0009-0004-7070-4086)

УДК 94(470.46)"1941/1945":36
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-1-168-177
EDN NFELTG
Оригинальное исследование

Особенности организации труда и социальной поддержки в инвалидных артелях в период Великой Отечественной войны (на материалах Астраханского региона)

Попова Е.П.

Волгоградский государственный университет,
Россия, 400062, г. Волгоград, просп. Университетский, 100
E-mail: katerinaevteeva@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу организации труда и социальной поддержки деятельности инвалидной кооперации Астраханского региона в период Великой Отечественной войны. На основе архивных материалов, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот, рассматриваются механизмы трудового устройства и адаптации инвалидов различных категорий в производственный процесс. Исследуется кадровый состав кооперативов, программы профессионального обучения, системы мотивации, меры социальной поддержки. Проанализированы проблемы, с которыми инвалидная кооперация Астраханского региона столкнулась в сложных условиях войны, а также методы, использованные для их решения. Сделан вывод о том, что инвалидные артели являлись важным институтом, обеспечивающим трудоустройство социально уязвимых слоев населения: инвалидов Великой Отечественной войны, членов семей военнослужащих, слепых и многих других.

Ключевые слова: инвалидные артели, Астраханский регион, трудовая и социальная реабилитация, военная адаптация, кооперативное движение, Великая Отечественная война

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Попова Е.П. 2026. Особенности организации труда и социальной поддержки в инвалидных артелях в период Великой Отечественной войны (на материалах Астраханского региона). *Via in tempore. История. Политология.* 53(1): 168–177. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-168-177. EDN: NFELTG

Features of Labor Organization and Social Support in Artels of the Disabled during the Great Patriotic War (Based on Materials from the Astrakhan Region)

Ekaterina P. Popova

Volgograd State University,
100 Universitetskiy Ave., Volgograd 400062, Russia
E-mail: katerinaevteeva@gmail.com

Abstract. The purpose of this study is to analyze the activities of disabled worker's cooperatives in the Astrakhan region during the Great Patriotic War, their role in the social adaptation and employment of disabled persons, as well as examine the specifics of labor organization and social support system. The research methodology is based on the analysis of archival documents and historical materials reflecting the activities of the disabled cooperatives. The work considers the characteristics of staffing, vocational training programs, incentives, social support measures for workers, and problems faced by the cooperatives. The scientific novelty lies in the comprehensive study of disabled worker's cooperatives as a unique phenomenon combining production and social functions.

The mechanisms for attracting new members, the system of training and retraining workers, and the organization of subsidiary farms. The research results show that during wartime, cooperatives for people with disabilities were an important social institution ensuring employment for the most vulnerable segments of the population.

Keywords: cooperative movement, disabled artels, labor and social rehabilitation, Astrakhan region, wartime adaptation, Great Patriotic War

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Popova E.P. 2026. Features of Labor Organization and Social Support in Artels of the Disabled during the Great Patriotic War (Based on Materials from the Astrakhan Region). *Via in tempore. History and political science*. 53(1): 168–177 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-168-177. EDN: NFELTG

Введение

Вопросы изучения и сохранения исторического наследия Великой Отечественной войны остаются крайне важными для современного российского общества. Исследователи все больше уделяют внимание не только событиям на фронте, но и происходящему в тылу. Особый интерес вызывает анализ деятельности различных кооперативных организаций, в частности артелей инвалидов, направленных на достижение победы в войне.

В годы Великой Отечественной войны инвалидные кооперативы стали важным элементом советской тыловой системы. Эти коллективы оказались уникальным элементом советской тыловой системы, выполняя двоякую миссию. Они были частью системы, обеспечивающей выпуск необходимой фронту и тылу продукции, одновременно решая жизненно важную задачу по трудоустройству наиболее социально уязвимых слоев населения. Астраханский регион, являвшийся стратегически важным тыловым центром, представляет собой показательный пример для изучения данной проблемы. Анализ деятельности кооперации инвалидов в обозначенный период позволит шире раскрыть специфику организации труда и кадровые стратегии. Изучение опыта работы инвалидных артелей Астраханского региона в равной степени поможет понять, как в условиях военного времени удавалось сочетать производственные задачи с социальной поддержкой.

Объект и методы исследования

Ключевой проблемой изучения Великой Отечественной войны остается фрагментарность освещения роли кооперативных организаций, особенно кооперации инвалидов, хотя в историографии, начиная с работ военного времени [Любимов, 1941; Селиванов, 1943] присутствуют некоторые сведения о месте кооперации в тыловой системе страны. Новый виток изучения инвалидной кооперации как самостоятельного явления, в том числе в региональном разрезе, датируется началом периода «перестройки». В работах Чадаева [1985], Санниковой [1989], Назарова [1994] и Никонова [1999] анализируются различные направления деятельности кооперации в контексте военного времени. Появляется много исследований, изучающих региональные аспекты проблемы [Кривоножкина, 2008; Гришина, 2015, Печалова, 2022 и др.]. Что касается изучения инвалидной кооперации в Астраханском регионе в период Великой Отечественной войны, то некоторые выборочные сведения можно обнаружить в трудах Лысенко [2003], Красноженовой [2014]. Краткий историографический обзор показывает, что комплексного анализа системы инвалидной кооперации Астраханского региона, в особенности вопроса изучения организации труда и социальной поддержки, в современной историографии не существует.

В работе применялись как общенаучные, так и специальные исторические методы. Историко-генетический метод использовался для прослеживания динамики развития инвалидных артелей Астраханского региона на протяжении всего периода Великой Отечественной войны. Историко-сравнительный и историко-типологический служили для анализа структуры и сравнения полученных показателей. Историко-системный подход помог

вписать локальное прошлое инвалидов кооперативов Астраханского региона в общий контекст социально-экономической жизни в СССР в военное время.

Результаты и их обсуждения

В довоенное время членами артелей инвалидов могли быть только инвалиды войны (гражданской и первой мировой), труда, а также персональные пенсионеры. Наемный труд разрешался лишь для выполнения непосильных для них работ, не более определенного процента. В военное время стало возможным становиться членом кооператива семьям военнослужащих, мобилизованных в Рабоче-крестьянскую Красную Армию (далее – РККА) [Печалова, 2023, с. 238]. При этом те, кто работал в общих цехах артелей, такое право получали только при наличии на иждивении у них детей до двенадцатилетнего возраста, которых нет возможности поместить в ясли или сад, и при отсутствии других трудоспособных членов семьи. Эта возможность также распространялась и на работников специализированных артелей надомного труда⁹⁸.

Количество занятых в инвалидных кооперативах Астраханского региона в течение всего периода Великой Отечественной войны варьировалось по большей части в сторону уменьшения их числа. Это связано, во-первых, со снижением количества здоровой силы, которая до 1944 года составляла от 15 % до 20 % при норме в 10 %. Некоторые артели, в частности «Красный ларек», объясняли это необходимостью выполнения заданий Наркомата обороны (далее – НКО), товары которых необходимо было изготавливать в укороченные сроки⁹⁹. Только к концу 1944 года удалось привести процент здоровой силы к необходимому минимуму, устанавливаемому вышестоящими органами управления¹⁰⁰. Во-вторых, физическая нехватка работников: основу инвалидов артелей Астраханского региона составляли родственники (в основном женщины) призванных в ряды Красной Армии. При этом распространенной практикой являлось неформальное замещение рабочих мест, когда работники инвалидов артелей нанимались на вакансии, например, сторожа, тогда как фактически привлекались к работам на производстве. Это приводило к двойной социальной проблеме: с одной стороны, несоответствие должностных обязанностей, а с другой – возникновение рисков для детей работников (женщин), которые оставались без присмотра¹⁰¹. В-третьих, нестабильность кадрового состава обуславливалась выбытием из кооперативов престарелых работников, изменением групп инвалидности некоторым членам артелей, а также за счет отъезжающих (переселенцев из оккупированных территорий) к прежнему месту жительства к 1945 году¹⁰².

Оценивая кадровый состав артелей инвалидов по группам инвалидности и социальному составу, в качестве примера можно привести один из самых крупных кооперативов Астраханского региона «Иншвейпром» в период Великой Отечественной войны. В 1943 году в артели числилось всего 112 инвалидов, из них 2-й группы – 6 чел., 3-й группы – 8 чел., лиц с пониженной трудоспособностью – 98 чел.¹⁰³. По социальному составу персонал артели разделялся на рабочих – 75 %, учеников – 11,3 %, административно-управленческий – 6,2 %, остальные 7,5 % приходилось на служащих, инженерно-технических работников, работников общественного питания и т. д.¹⁰⁴. Члены артели «Иншвейпром» по цехам распределялись следующим образом: рабочие цеха массового пошива – 58 %, индивидуального пошива – 12,6 %, цеха по производству головных уборов – 11 %, по ремонту швейных изделий – 13,4 %, производство и ремонт чемоданов – 5 %¹⁰⁵.

⁹⁸ Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. Р-1636. Оп. 2 Д. 992. Л. 24, 28.

⁹⁹ ГААО. Ф. Р-1636. Оп. 1. Д. 960. Л. 40.

¹⁰⁰ ГААО. Ф. Р-3258. Оп. 1. Д. 4. Л. 166 об.

¹⁰¹ ГААО. Ф. Р-2636. Оп. 1. Д. 365. Л. 47.

¹⁰² ГААО. Ф. Р-3258. Оп. 1. Д. 4. Л. 166 об.

¹⁰³ ГААО. Ф. Р-2636. Оп. 1. Д. 353. Л. 70 об.

¹⁰⁴ Там же. Л. 70.

¹⁰⁵ Там же. Л. 75 об.

В кооперативах инвалидов в обязательном порядке должны были быть ученики. Они прикреплялись к опытным сотрудникам (мастерам), специально для них разрабатывались программы обучения¹⁰⁶, после которых они могли приступать к основной работе¹⁰⁷. Вместе с тем продолжалась практика технической подготовки и обучения уже работающих членов. Проводились курсы по повышению квалификаций в различных цехах артелей, в том числе отдельные курсы для женщин (например, для продавщиц в квасных торговых точках)¹⁰⁸.

В 1944 году в связи с тем, что большое количество руководящих работников артелей были призваны в ряды Красной Армии, была организована выборная компания по сети Астраханского Областного союза кооперативных артелей инвалидов (далее – Астраханский Облкоопинсоюз), на которой во всех кооперативах был переизбран состав правления и ревизионные комиссии, основная масса председателей осталась прежней, изменения коснулись лишь 5 артелей из 22¹⁰⁹.

Проблема нехватки кадров ощущалась на протяжении всего периода Великой Отечественной войны. Для решения этого вопроса руководство Астраханского Облкоопинсоюза в 1944 году приняло некоторые меры: организовывались различные курсы по обучению массовым профессиям, а именно сапожному и портновскому делу («Эконом», «Иншвейпром»), а также программы по подготовке работников для участия в стахановском движении¹¹⁰. Помимо этого, совместно с областным отделом социального обеспечения были разработаны программы переобучения для жителей сельских местностей на бухгалтерско-счетные профессии, организованные в городе Астрахань, при этом всем желающим предоставлялось проживание и питание (полный пансион при доме инвалидов)¹¹¹.

Несмотря на сложности, описанные выше, артели, помимо производственного плана, получали одновременно с этим планы по кооперированию инвалидов (то есть вовлечения новых членов в кооператив). Например, артель «Красный ларек» в 1943 году должна была кооперировать 25 человек, однако к концу года смогла трудоустроить только 8 человек (7 из которых – инвалиды Великой Отечественной войны) или 32 % от намеченного плана. Причиной низких показателей, по мнению руководителей артели, является личное нежелание самих инвалидов вступать в данные кооперативы¹¹².

Особенно сложно происходил процесс вовлечения лиц с ограниченными возможностями именно Великой Отечественной войны. Они отказывались вступать либо по личным причинам, либо возвращались на свои прежние рабочие места, так как это было закреплено в Постановлении Совета Народного Хозяйства (далее – СНК) «О трудовом устройстве инвалидов» от 6 мая 1942 года [О трудовом устройстве инвалидов...]. В дополнение к этому в системе инвалидной кооперации Астраханского региона не было определенных отраслей производства, в которых такие работники желали получить профессию (например, металлообрабатывающей)¹¹³, а стипендия, выплачиваемая в период обучения, не превышала 200 рублей и не могла покрыть необходимые нужды инвалидов¹¹⁴. Руководство кооперативов пыталось различными средствами привлечь в артели новых членов: проводились собрания, в том числе по инициативе Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), где в дружеской обстановке разъяснялась необходимость привлечения труда инвалидов [Газета «Коммунист». 1944 г. № 25. С. 2], устанавливался гарантийный оклад на определенную сумму с выделением им дополнительной помощи в виде выдачи материала для пошива одежды¹¹⁵,

¹⁰⁶ ГААО. Ф. Р-1636. Оп. 2. Д. 962. Л. 61.

¹⁰⁷ ГААО. Ф. Р-2636. Оп. 1. Д. 359. Л. 1 об.

¹⁰⁸ ГААО. Ф. Р-1636. Оп. 1. Д. 960. Л. 41; Там же, Л. 154 об.

¹⁰⁹ ГААО. Ф. Р-3258. Оп. 1. Д. 4. Л. 83.

¹¹⁰ Там же. Л. 50 об.

¹¹¹ Там же. Л. 51.

¹¹² ГААО. Ф. Р-1636. Оп. 1. Д. 960. Л. 151.

¹¹³ ГААО. Ф. Р-3258. Оп. 1. Д. 4. Л. 24.

¹¹⁴ Там же. Л. 57.

¹¹⁵ ГААО. Ф. Р-2636. Оп. 1. Д. 365. Л. 32.

организовывались курсы по подготовке счетных работников, работников швейных и сапожных цехов по изготовлению новой обуви ¹¹⁶.

Сами кооперативы инвалидов также пытались разрабатывать меры поддержки для вновь вступающих, в частности активно занимались улучшением бытового обслуживания. Им оказывалась материальная помощь в виде выдачи денежной компенсации, продуктов с продовольственной базы и рыбного хозяйства, промтоварных карточек, дров, обуви ¹¹⁷, трикотажных изделий, некоторым перекладывали заново печи и остекляли рамы в местах проживания ¹¹⁸.

Следует отметить, что проблема вовлечения инвалидов в трудовую деятельность осознавалась на государственном уровне значительно раньше. Еще в августе 1941 года в инструктивном письме Народного комиссара социального обеспечения РСФСР была озвучена необходимость организовать отдельные артели надомного труда среди инвалидов Великой Отечественной войны первой и второй группы, а также цеха в уже существующих кооперативах [О мероприятиях по трудовому устройству...].

На практике подобная инициатива стала реализовываться лишь к 1943 году после постановления Президиума Всекоопинсоюза, где председателей Облкоопинсоюзов в первом полугодии 1943 года обязали организовать во всех кооперативах цеха и отдельные артели надомного труда с внедрением разнообразных видов работ, которые могут выполнять инвалиды первой и второй группы Великой Отечественной войны ¹¹⁹. Однако организация подобной артели была произведена только в середине августа 1943 года под названием «Возрождение» по производству трикотажных, сапожных, швейных и зембельных изделий ¹²⁰.

В 1944 году Всекоопинсоюзом было предложено организовать новую артель в Астраханском регионе, состоящую полностью из слепых, однако работа по укомплектованию штата шла медленно, так как большинство из них являлись неквалифицированными, проходить переквалификацию значительная часть отказывалась. Несмотря на это руководством Облкоопинсоюза проводилась работа по организации цехов слепых работников в уже существующих кооперативах ¹²¹.

Низкая заинтересованность инвалидов в новом трудоустройстве имела и объективные причины. Финансовые показатели заработной платы в различных отраслях, в частности в швейной промышленности, подтверждают сложность ситуации. Так, например, средний заработок по системе Сталинградского Облкоопинсоюза в швейной отрасли в 1942 году составлял в общем 155 руб., членов артели – 154,7 руб., наемных лиц – 160 руб., надомников – 114 руб., членов семей мобилизованных в РККА – 125 руб. ¹²². По отдельным артелям ситуация была немного лучше. Средняя заработная плата члена инвалидной артели «Иншвейпром» в 1942 году составляла 191 рубль 70 копеек в месяц. Впрочем, она могла варьироваться в зависимости от некоторых факторов: цех, в котором работал инвалид, является ли он членом артели или учеником, работает ли на дому и т. д. Например, среднемесячная заработная плата члена артели, работающего в цехе индивидуального пошива, была несколько выше, чем у работника цеха массового пошива, – 285 рублей против 188 рублей соответственно ¹²³. С другой стороны, заработные платы работников самих коопинсоюзов были значительно выше показателей тех, кто работал на производстве. К примеру, оплата труда сотрудников Астраханского Облкоопинсоюза варьировалась в зависимости от должности: начальник отдела – 550 рублей, товаровед и старший бухгалтер – 500 рублей, заведующий складом –

¹¹⁶ Государственный Архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-5762. Оп. 2. Д. 915. Л. 45 об.

¹¹⁷ ГААО. Ф. Р-3258. Оп. 1. Д. 4. Л. 113.

¹¹⁸ ГААО. Ф. Р.1636. Оп. 1. Д. 960. Л. 154.

¹¹⁹ ГААО. Ф. Р- 1636. Оп. 2. Д. 991. Л. 7 об. – 8.

¹²⁰ ГАВО. Ф. Р-5762. Оп. 2. Д. 915. Л. 61–61 об., 63.

¹²¹ ГААО. Ф. Р-3258. Оп. 1. Д. 4. Л. 50.

¹²² ГАВО. Ф. Р-5762. Оп. 2. Д. 918. Л. 46.

¹²³ ГААО. Ф. Р-2636. Оп. 1. Д. 353. Л. 75 об.

400 рублей, экспедитор – 250 рублей, возчик и рабочий склада – 200 рублей в месяц¹²⁴. Несмотря на тяжелую военную обстановку заработная плата по большей части выплачивалась вовремя за исключением единичных случаев задержки, связанных с организационными моментами или простоями на производстве. В таком случае заработок выдавался пайками и товарами, которые производили сами артели.

В инвалидных кооперативах Астраханского региона в период Великой Отечественной войны действовала система премирования, зависящая от выполнения производственных показателей. Например, при перевыполнении плана артелью на 105 %, швейным цехом на 112 % и сапожным цехом на 102 % руководство получало 15 % премии, работники швейного цеха – 60 %, а сапожного – 6 %¹²⁵. В 1942 году артели «Иншвейпром» Облкоопинсоюзом была назначена премия в размере 17 тысяч рублей¹²⁶, но в 1943 году в выплате было отказано, за исключением некоторых лиц. В сентябре 1943 года премия артели «Красный Факел» была уменьшена на 25 % за счет невыполнения плана по кооперированию инвалидов Великой Отечественной войны¹²⁷. В 1944 году кооперативам Астраханского Облкоопинсоюза было выделено 54,8 тысяч рублей для поощрения отличившихся работников¹²⁸. Индивидуальный размер поощрения мог варьироваться от 400 до 825 рублей в зависимости от должности.

Вместе с тем членам артели, призванным в ряды Красной Армии по мобилизации, кооператив обязан был выплатить выходное пособие в размере двухнедельного среднего заработка, при этом оно могло быть выдано как самому военнослужащему, так и члену его семьи¹²⁹.

Однако наряду с инструментами поощрений существовала и система наказаний. Проанализированные документы артелей, хранящиеся в ГААО, показали, что нарушения дисциплины фиксировались единично: выход на работу в пьяном виде, прогулы, опоздания и др. В частности, к тем, кто не являлся на производство вовремя или не являлся совсем и был осужден к исправительно-трудовым работам применялись следующие санкции: они лишались права на участие в распределении прибыли в течение всего времени отбывания назначенных им работ, теряли непрерывный стаж на весь период наказания, а также лишались права на получение очередного отпуска¹³⁰. На тех, кто выходил на производство в пьяном виде, составлялось ходатайство с передачей дела в суд и взыскивалось 25 % от оклада в пользу артели¹³¹.

В конце 1941 года страна перешла на нормированное снабжение продуктами питания по карточкам, которые выдавались определенным категориям лиц, к ним относились и работники инвалидных артелей [Анисков и др., 1988, с. 314]. Такие карточки предоставлялись в основном городскому населению, жители сельских районов могли получать снабжение на определенных условиях. Это создавало некоторые трудности для инвалидов артелей Астраханского региона, находящихся в сельской местности. Отмечалось, что в кооперативах инвалидов происходили перебои в снабжении хлебом, так как основная масса сельского населения региона была занята в рыбной отрасли и снабжалась рыболовецкими трестами, а работники кооперативов снабжались через потребительскую систему, в которой количество продукции было на крайне низком уровне¹³². В то же время в городе магазины и киоски инвалидов артелей являлись частью этой системы обеспечения. Так, по заданию городского отдела социального обеспечения кооперативу «Красный ларек» необходимо было организовывать магазины для закупки товаров по карточкам для инвалидов Великой Отечественной войны¹³³.

¹²⁴ ГААО. Ф. Р-3237. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹²⁵ ГААО. Ф. Р-3258. Оп. 3. Д. 1. Л. 1–2 об.

¹²⁶ ГААО. Ф. Р-2636. Оп. 1. Д. 353. Л. 70.

¹²⁷ ГАВО. Ф. Р-5762. Оп. 2. Д. 915. Л. 80.

¹²⁸ ГААО. Ф. Р-3258. Оп. 1. Д. 4. Л. 169.

¹²⁹ ГААО. Ф. Р-3258. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

¹³⁰ Там же. Л. 1.

¹³¹ ГААО. Ф. Р-3258. Оп. 1. Д. 4. Л. 111 об.

¹³² ГААО. Ф. Р-3258. Оп. 1. Д. 4. Л. 52 об.

¹³³ ГААО. Ф. Р-1636. Оп. 2. Д. 956. Л. 36.

Еще одной императивной мерой для обеспечения продовольственной безопасности инвалидов артелей стала обязательная организация подсобных хозяйств садово-огородного назначения и баз для хранения продуктов и заготовок. Исполнительными комитетами областных советов депутатов трудящихся утверждался план посевных площадей для кооперативных союзов (в том числе и инвалидной кооперации). К примеру, в 1944 году артелям инвалидов Астраханской области был утвержден план в 137 га, что составляет почти 40 % от общего объема всей территории, выделенной для промкооперации в области¹³⁴. После утверждения необходимой площади нанимались или переобучались члены предприятия, составлялась смета производства, которая утверждалась в Областном союзе кооперации инвалидов¹³⁵.

К 1944 году использование продукции подсобных хозяйств артелей инвалидов стало нормироваться постановлением СНК СССР от 3 марта 1944 года, в котором указывалось: после выполнения обязательств перед государством и заготовки семенных фондов картофеля, овощи и молочные продукты должны были использоваться исключительно для улучшения питания в столовых и буфетах предприятия, а также подшефных организаций и не должны были засчитываться в нормы отпуска продукции по промтоварным карточкам. 50 % мясных товаров, рыбы, ржи, пшеницы и круп после выполнения описанных выше обязательств направлялось на обеспечение планового снабжения, а остальное – на улучшение питания членов артелей и подшефных организаций сверх установленных норм.

Распределение продуктов в разных артелях происходило в соответствии с принятыми внутри нормативами. В кооперативе «Красный Ларек» пользоваться сырьем, выращенным силами артели, могли только те члены кооператива, которые внесли определенную сумму для организации и функционирования хозяйства, членам семей работников, которые служат в РККА, предоставлялись льготы, членам же семей, у которых глава погиб на фронте, продукция выдавалась бесплатно¹³⁶. В «Иншвейпром» ассортимент распределялся между всеми членами без определенных условий, за исключением тех товаров, которые шли на переработку (изготовление солений на зиму)¹³⁷. Анализ деятельности артелей по организации подсобных хозяйств показывает, что, несмотря на существенную выгоду, этот вид деятельности не был достаточно успешным в коммерческом плане. Основными причинами неудач стали низкая квалификация работников, чей основной профиль был сосредоточен на выпуске одежды и обуви, а также недостаточность полива и нехватка транспорта¹³⁸.

Заключение

Таким образом, можно заключить, что инвалидные кооперативы Астраханского региона столкнулись с острой нехваткой работников, что было обусловлено как объективными демографическими причинами (мобилизация, физическая нехватка трудоспособных мужчин), так и системными проблемами. Кадровый состав артелей отличался нестабильностью, нередко случаи неформального замещения должностей. При этом кооперативы были важным каналом трудоустройства для специфических категорий населения: инвалидов Великой Отечественной войны, членов семей фронтовиков, слепых и других. Несмотря на невысокую оплату труда артели инвалидов предоставляли многие меры поддержки: материальная помощь членам артели, продукты из подсобных хозяйств, ремонт жилья и другое.

В целом инвалидные кооперативы Астраханского региона в период Великой Отечественной войны представляли собой уникальный гибрид производственного предприятия и социального института. Инвалидные артели выполняли не только сугубо

¹³⁴ ГААО. Ф. Р-3258. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

¹³⁵ ГААО. Ф. Р-2636. Оп. 1. Д. 357. Л. 1–1 об.

¹³⁶ ГААО. Ф. Р-2636. Оп. 1. Д. 365. Л. 29.

¹³⁷ ГААО. Ф. Р-2636. Оп. 1. Д. 359. Л. 2.

¹³⁸ ГААО. Ф. Р-2636. Оп. 1. Д. 365. Л. 29; Ф. Р-1636. Оп. 1. Д. 960. Л. 152.

экономическую функцию, обеспечивая население источником дохода, но и брали на себя роль социального буфера. Их деятельность была сопряжена со множеством трудностей, связанных с боевыми действиями, однако они смогли в экстремальных условиях выполнять жизненно важную функцию для наиболее уязвимых слоев населения, что и обуславливает значимость данного феномена как ключевого элемента в истории тыла.

Список источников

- Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. Р-1636 Торгово-кооперативная артель инвалидов «Красный ларек» по торговле табачными и кондитерскими изделиями Сталинградского областного союза кооперации инвалидов г. Астрахань. Оп. 2. Д. 956. Протоколы заседания Правления.
- ГААО. Ф. Р-1636 Торгово-кооперативная артель инвалидов «Красный ларек» по торговле табачными и кондитерскими изделиями Сталинградского областного союза кооперации инвалидов г. Астрахань. Оп. 1. Д. 960. Годовой отчет по промышленности артели.
- ГААО. Ф. Р-1636 Торгово-кооперативная артель инвалидов «Красный ларек» по торговле табачными и кондитерскими изделиями Сталинградского областного союза кооперации инвалидов г. Астрахань. Оп. 2. Д. 962. Планы артели на 1943 год.
- ГААО. Ф. Р-1636 Торгово-кооперативная артель инвалидов «Красный ларек» по торговле табачными и кондитерскими изделиями Сталинградского областного союза кооперации инвалидов г. Астрахань. Оп. 2. Д. 991. Директивы и указания вышестоящих организаций, решения Облисполкомов, приказы.
- ГААО. Ф. Р-1636 Торгово-кооперативная артель инвалидов «Красный ларек» по торговле табачными и кондитерскими изделиями Сталинградского областного союза кооперации инвалидов г. Астрахань. Оп. 2. Д. 992. Директивы и указания Облкоопинсоюза.
- ГААО. Ф. Р-2636 Производственно-кооперативная артель инвалидов «Иншвейпром» Астраханского областного союза кооперации инвалидов г. Астрахань. Оп. 1. Д. 353. Отчет о деятельности арт. «Иншвейпром» за 1942 г.
- ГААО. Ф. Р-2636 Производственно-кооперативная артель инвалидов «Иншвейпром» Астраханского областного союза кооперации инвалидов г. Астрахань. Оп. 1. Д. 357. Протоколы заседаний правления и общих собраний членов артели «Иншвейпром».
- ГААО. Ф. Р-2636 Производственно-кооперативная артель инвалидов «Иншвейпром» Астраханского областного союза кооперации инвалидов г. Астрахань. Оп. 1. Д. 359. Отчет о деятельности арт. «Иншвейпром» за 1943 г.
- ГААО. Ф. Р-2636 Производственно-кооперативная артель инвалидов «Иншвейпром» Астраханского областного союза кооперации инвалидов г. Астрахань. Оп. 1. Д. 365. Протоколы заседания правления и общих собраний членов арт. «Иншвейпром».
- ГААО. Ф. Р-3237 Отдел снабжения и сбыта астраханского областного союза кооперации инвалидов (Облкоопинснабсбыт) г. Астрахань. Оп. 1. Д. 1. Постановления Президиума Всекоопинсоюза, утвержденные штатные расписания, сметы и план сдачи планируемых товаров.
- ГААО. Ф. Р-3258 Астраханский областной союз кооперации инвалидов (Облкоопинсоюз) г. Астрахань. Оп. 1. Д. 1. Постановления СНК РСФСР об учете ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками, организациям промысловой кооперации.
- ГААО. Ф. Р-3258 Астраханский областной союз кооперации инвалидов (Облкоопинсоюз) г. Астрахань. Оп. 1. Д. 4. Постановления Совета Народных Комиссаров СССР и Президиума Всекоопинсоюза по вопросам социалистического соревнования артелей системы, сводный годовой отчет и информационный доклад о культмассовой работе Астраханского Облкоопинсоюза.
- ГААО. Ф. Р-3258 Астраханский областной союз кооперации инвалидов (Облкоопинсоюз) г. Астрахань. Оп. 1. Д. 5. Постановления президиума Всекоопинсоюза по вопросам подготовки к весеннему севу подсобных хозяйств и о результатах проверки работы предприятий по бытовому обслуживанию населения по системе Астраханского Облкоопинсоюза.
- ГААО. Ф. Р-3258 Астраханский областной союз кооперации инвалидов (Облкоопинсоюз) г. Астрахань. Оп. 3. Д. 1. Положения и постановления СНК СССР и президиума Всекоопинсоюза о выплате премиальных сумм коопинсоюзам за выполнение плана выпуска изделий ширпотреба.

- Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-5762 Учреждения и организации системы промысловой кооперации, кооперации инвалидов Сталинградской губернии, Нижне-Волжского, Сталинградского краев, Сталинградской области. Оп. 2. Д. 915. Протоколы заседаний союза.
- ГАВО. Ф. Р-5762 Учреждения и организации системы промысловой кооперации, кооперации инвалидов Сталинградской губернии, Нижне-Волжского, Сталинградского краев, Сталинградской области. Оп. 2. Д. 918. Сводный годовой отчет по системе союза на 1943 г.
- Газета «Коммунист». 1944 г. № 25: 1-6.
- О мероприятиях по трудовому устройству и обучению инвалидов Отечественной войны. Инструктивное письмо Народного комиссара социального обеспечения РСФСР от 1 августа 1941. URL: <https://lawbook.online/gosudarstva-prava/meropriyatiyah-trudovomu-ustroystvu-obucheniyu-84566.html> (дата обращения 01.10.2025).
- О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны. Постановление СНК № 640 от 6 мая 1942 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/nodes/254515#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 13.10. 2025).

Список литературы

- Анисков В.Т., Басов А.В., Беликов А.М. и др. 1988. Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. Москва, Наука, 424 с.
- Гришина О.А. 2015. Организация социального обеспечения инвалидов Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг. (на материалах Краснодарского края): дис. ... канд. ист. наук. Армавир: 240.
- Красноженова Е.Е. 2014. Исторический опыт реализации социальной политики Советского государства в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Нижнего Поволжья): дис. ... д-ра ист. наук. Астрахань: 495.
- Кривоножкина Е.Г. 2008. Деятельность системы потребкооперации Татарской АССР и обеспечение колхозников товарами повседневного спроса в годы Великой Отечественной войны. *Вестник ЧГУ*. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-sistemy-potrebkooperatsii-tatarskoy-assr-i-obespechenie-kolhoznikov-tovarami-povsednevnogo-sprosa-v-gody-velikoy> (дата обращения: 15.09.2025).
- Лысенко И.А. 2003. Деятельность потребительской кооперации в годы Великой Отечественной войны: на примере Сталинградской области: дис. ... канд. экон. наук. Волгоград: 211.
- Любимов А.В. 1941. Энергично использовать местные продовольственные ресурсы. *Газета «Правда»*, 223(8631): 3. 4 с.
- Назаров П.Г. 1994. История инвалидной и художественной промкооперации в России. Челябинск, б. и., 47 с.
- Никонов И.И. 1999. Кооперативное движение России в 30–50-е годы XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Кострома: 560.
- Печалова Л.В. 2022. Кооперативные объединения в решении проблем социальной и профессиональной реабилитации воинов-инвалидов в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (на материалах Северного Кавказа и Дона). *Наука. Общество. Оборона*. 1(30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kooperativnyye-obedineniya-v-reshenii-problem-sotsialnoy-i-professionalnoy-reabilitatsii-voinov-invalidov-v-gody-velikoy> (дата обращения: 02.10.2025).
- Санникова Н.А. 1989. Местная промышленность и промысловая кооперация Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. д. ... канд. ист. наук. Куйбышев: 16.
- Селиванов Т. 1943. Местная промышленность и промкооперация в условиях Отечественной войны. Москва, Госполитиздат, 64 с.
- Чаадаев Я.Е. 1985. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). 2-е изд., перераб. и доп. Москва, Мысль, 494 с.

References

- Aniskov V.T., Basov A.V., Belikov A.M. i dr. 1988. Sovetskiy tyl v pervyy period Velikoy Otechestvennoy voyny [The Soviet Rear in the First Period of the Great Patriotic War]. Moskva, Nauka, 424 p.
- Grishina O.A. 2015. Organizatsiya sotsial'nogo obespecheniya invalidov Velikoy Otechestvennoy voyny v 1941 – 1945 gg. (na materialakh Krasnodarskogo kraya) [Organization of Social Security for Disabled Veterans of the Great Patriotic War in 1941–1945 (Based on Materials from the Krasnodar Territory)]: dis. ... kand. ist. nauk. Armavir, 240 p.

- Krasnozhenova E.E. 2014. Istoricheskiy opyt realizatsii sotsial'noy politiki Sovetskogo gosudarstva v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. (na materialakh Nizhnego Povolzh'ya) [Historical Experience of Implementing the Social Policy of the Soviet State during the Great Patriotic War of 1941–1945 (Based on Materials from the Lower Volga Region)]: dis. ... d-ra ist. nauk. Astrakhan, 495 p.
- Krivonozhkina E.G. 2008. Deyatel'nost' sistemy potrebkooperatsii Tatarskoy ASSR i obespecheniye kolkhoznikov tovarami povsednevnogo sprosa v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The Activities of the Consumer Cooperative System of the Tatar ASSR and the Provision of Collective Farmers with Everyday Goods during the Great Patriotic War]. *Bulletin of ChSU*, Issue 1: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-sistemy-potrebkooperatsii-tatarskoy-assr-i-obespechenie-kolkhoznikov-tovarami-povsednevnogo-sprosa-v-gody-velikoy> (data obrashcheniya: 15.09.2025)
- Lysenko I.A. 2003. Deyatel'nost' potrebitel'skoy kooperatsii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: na primere Stalingradskoy oblasti [Activities of Consumer Cooperatives during the Great Patriotic War: The Example of the Stalingrad Region]: dis. ... kand. ekon. nauk. Volgograd, 211 p.
- Lyubimov A.V. 1941. Make vigorous use of local food resources. *Pravda newspaper*, 223(8631): 3. 4 p. (in Russian).
- Nazarov P.G. 1994. Istoriya invalidnoy i khudozhestvennoy promkooperatsii v Rossii [The History of Industrial Cooperation for the Disabled and Artistic Workers in Russia]. Chelyabinsk, B. i., 47 p.
- Nikonov I.I. 1999. Kooperativnoe dvizhenie Rossii v 30–50-e gody XX veka [The Cooperative Movement in Russia in the 1930s–1950s]: dis. ... d-ra ist. nauk. Kostroma, 560 p.
- Pechalova L.V. 2022. Kooperativnyye ob'yedineniya v reshenii problem sotsial'noy i professional'noy rehabilitatsii voinov-invalidov v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i poslevoynnyy period (na materialakh Severnogo Kavkaza i Dona) [Cooperative Associations in Addressing Social and Professional Rehabilitation Issues For Disabled Soldiers during the Great Patriotic War and the Postwar Period (Based on Materials from the North Caucasus and the Don Region)] *Science. Society. Defense*, 1(30): URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kooperativnye-obedineniya-v-reshenii-problem-sotsialnoy-i-professionalnoy-rehabilitatsii-voinov-invalidov-v-gody-velikoy> (data obrashcheniya: 15.10.2025).
- Sannikova N.A. 1989. Mestnaya promyshlennost' i promyslovaya kooperatsiya Srednego Povolzh'ya v gody Velikoy Otechestvennoy vojny 1941–1945 gg. [Local Industry and Industrial Cooperation of the Middle Volga Region during the Great Patriotic War of 1941–1945]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Kujbyshev, 16 p.
- Selivanov T. 1943. Mestnaya promyshlennost' i promkooperatsiya v usloviyakh Otechestvennoy voyny [Local Industry and Industrial Cooperation during the Great Patriotic War]. Moscow, Gospolitizdat, 64 p.
- Chaadayev Ya.E. 1985. Ekonomika SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) [The USSR Economy during the Great Patriotic War (1941–1945)]. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva, Mysl', 494 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 30.10.2025

Received 30.10.2025

Поступила после рецензирования 15.01.2026

Revised 15.01.2026

Принята к публикации 17.01.2026

Accepted 17.01.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Попова Екатерина Петровна, аспирант кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Ekaterina P. Popova, Postgraduate Student of the Department of History and International Relations, Volgograd State University, Volgograd, Russia

 [ORCID: 0009-0007-4835-2717](https://orcid.org/0009-0007-4835-2717)

УДК 323 + 332.142: 93/94

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-1-178-188

EDN OTQKOP

Оригинальное исследование

Государственно-политическая деятельность А.В. Руцкого и А.И. Лебеда в середине 1990-х гг.

Тумаков Д.В.^{1,2} , Кищенко М.С.³

¹⁾ Ярославский государственный медицинский университет,
Россия, 150000, г. Ярославль, ул. Революционная, д. 5;

²⁾ Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова,
Россия, 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14;

³⁾ Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского,
Россия, 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
E-mail: denistumakov@yandex.ru, mkishhenkov@yandex.ru

Аннотация. Первое постсоветское десятилетие привело к радикальному обновлению политического ландшафта страны. Ярким явлением в жизни новой России стало активное участие в политической деятельности отставных военных, впервые за долгое время получивших такую возможность. Далеко не все из них являлись политиками первого плана, поэтому интересно проследить предвыборную политическую активность, а также участие в государственном управлении двух наиболее известных отставных военачальников – А.И. Лебеда и А.В. Руцкого. В данной статье изучается их политическая деятельность в середине 1990-х гг., когда оба упомянутых деятеля имели наибольшие шансы на первые роли в российской большой политике. Подробно исследуются их политическая программа, стратегия и тактика борьбы за власть. Особое внимание уделено отношению генералов-политиков к одной из наиболее острых внутривнутриполитических проблем той эпохи – чеченскому кризису. Не обходятся стороной и их личные взаимоотношения. Авторами сделан вывод о том, что оба политических деятеля из числа отставных генералов в целом не смогли достигнуть поставленных целей, но в дальнейшем некоторые аспекты их программы были использованы в электоральном цикле 1999–2000 гг.

Ключевые слова: постсоветский период, военные, А.И. Лебедь, А.В. Руцкой, парламентские и президентские выборы, политическая деятельность, силовые структуры, чеченский кризис

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Тумаков Д.В., Кищенко М.С. 2026. Государственно-политическая деятельность А.В. Руцкого и А.И. Лебеда в середине 1990-х гг. *Via in tempore. История. Политология.* 53(1): 178–188. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-178-188. EDN: OTQKOP

State and Political Activities of A.I. Lebed and A.V. Ruts koy in the Mid-1990s

Denis V. Tumakov^{1,2} , Mikhail S. Kishchenkov³

¹⁾ Yaroslavl State Medical University,

5 Revolutsionnaya St., Yaroslavl 150000, Russia;

²⁾ P.G. Demidov Yaroslavl State University,

14 Sovetskaya St., Yaroslavl 150003, Russia;

³⁾ K.D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University,

108/1 Respublikanskaya St., Yaroslavl 150003, Russia

E-mail: denistumakov@yandex.ru, mkishhenkov@yandex.ru

Abstract. The first post-Soviet decade led to a utmost renewal of the country's political landscape. The involvement of retired military in the political life, which was their first-ever opportunity, became a striking event in the life of the new Russia. Not all of them were front-line politicians, so it appears of interest to trace the pre-election political activity, as well as the participation in public administration of the two most famous retired military leaders – A.I. Lebed and A.V. Ruts koy. This article examines their political activities in the mid-1990s, when both of these figures had the greatest chance of leading roles in Russian big politics. Their political program, strategy and tactics of the struggle for power are studied in detail. Special attention is paid to the attitude of political generals towards one of the most acute domestic political problems of that era, the Chechen crisis. Their personal relationships are also important. The authors conclude that both politicians from among the retired generals were generally unable to achieve their goals, but later some aspects of their program were used in the 1999–2000 electoral cycle.

Keywords: post-soviet period, militants, A.I. Lebed, A.V. Ruts koy, parliamentary and presidential elections, political activity, security forces, Chechen crisis

Funding: The work was completed without external sources of funding.

For citation: Tumakov D.V., Kishchenkov M.S. 2026. State and Political Activities of A.I. Lebed and A.V. Ruts koy in the Mid-1990s. *Via in tempore. History and political science*. 53(1): 178–188 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-178-188. EDN: OTQKOP

Введение

Рубеж 1980–1990-х гг. стал периодом, который по полному праву можно считать революционным. Сама по себе политика Перестройки, ликвидация монопольного положения КПСС как основы Советской власти, последующий запрет на её деятельность, а затем и распад СССР в конце 1991 г. привели к колоссальным переменам в политической жизни России. Появление многопартийности позволило выйти на политическую сцену тем людям, кто при сохранении прежнего строя едва ли мог рассчитывать на известность и важную роль в системе государственного управления. Стремительное развитие публичной, конкурентной политики и создание новых политических партий сделали политическую жизнь новой России стремительной и непредсказуемой. На это наложился крайне сложный переход нашей страны к рыночной экономике, сопровождавшийся падением жизненного уровня большинства населения, а также резким ростом социального расслоения и всех видов преступности. К этому можно добавить острый политический кризис осени 1993 г., обострение межэтнических отношений и сепаратистские тенденции в ряде национальных регионов.

В этих условиях в России нарастали разочарование в демократии, ностальгия по авторитарной власти, способной любыми средствами обеспечить порядок, каким бы мифическим он на самом деле ни был. Взгляды части избирателей были обращены к тем политикам, кто не только обещал «сильную руку» (В.В. Жириновский) или прямо призывал вернуться в спокойное позднесоветское прошлое (Г.А. Зюганов), но и сам имел какое-либо отношение к силовым структурам. Для их обозначения в российском политическом лексиконе возникло понятие «силовики».

Это обстоятельство можно объяснить как давней милитаризацией российского и советского общества, выразившейся не только в уважении к военнослужащим, но также и тем, что армия и силовые структуры в целом были отличным социальным лифтом для молодежи, особенно провинциальной. Распад единой Советской Армии привёл к массовым сокращениям Вооружённых Сил России, резкому снижению их боеготовности и уровня жизни большинства офицеров. Аналогичные процессы отмечались в органах правопорядка и спецслужбах РФ. Следовательно, появилась достаточно представительная категория избирателей в лице силовиков и членов их семей, которые испытывали недовольство падением уровня жизни и престижа, поэтому были готовы проголосовать за кандидата, отстаивающего интересы их корпорации.

Целью исследования является изучение политической деятельности отставных генералов А.В. Руцкого и А.И. Лебеда в избирательных кампаниях 1995–1996 гг., когда перед российским обществом остро встал вопрос о дальнейшем политическом курсе страны. В этих условиях оба генерала пытались завоевать симпатии широких масс населения, представив вариант «третьего пути», без крайностей коммунизма и либерализма. Отметим, что данный аспект деятельности указанных политиков слабо представлен в отечественной историографии. Несмотря на выход книг, изданных соратниками А.В. Руцкого и А.И. Лебеда [Подберёзкин, Хомутов, 1994; Бархатов, 1998] или журналистами [Гульбинский, Шакина, 1994; Херещ, 1998], научных исследований по указанной проблематике нет, что делает её изучение весьма актуальным.

Основную источниковую базу исследования составили материалы центральной прессы различных политических взглядов, а также электронные материалы и воспоминания современников из числа государственных и военных деятелей постсоветской России. К сожалению, большая часть архивных документов данного исторического периода в силу ряда причин не доступны исследователям. В качестве исключения отметим ценные документы из Центрального государственного архива города Москвы (ЦГАМ), посвященные деятельности КРО: предвыборная программа, материалы съездов, агитационная литература. Данные источники были использованы при написании статьи.

Объект и методы исследования

Объектом исследования стала деятельность отставных генералов А.В. Руцкого и А.И. Лебеда в контексте формирования новой политической реальности в России 1990-х гг. и решения возникших после распада СССР социально-экономических, политических и межнациональных проблем. Работа с источниками велась на основе традиционных принципов системности, объективности и историзма, авторы стремились рассмотреть изучаемую проблему как комплексное явление. Использован историко-системный метод, позволивший рассмотреть участие в политике изучаемых политиков как часть целостной системы, где каждый элемент связан с другими и влияет на общую структуру политического процесса. Для выявления главных черт сходства и различия двух протагонистов статьи использован историко-сравнительный метод.

Результаты и их обсуждение

Генерал-майор авиации А.В. Руцкой пришёл в большую политику раньше своего коллеги. Он получил широкую известность ещё в конце 1980-х гг. из-за участия в афганской войне, нахождения в плену у моджахедов, последующего освобождения и получения звания Героя Советского Союза. В 1990 г. он был избран депутатом Съезда народных депутатов РСФСР и в следующем году стал инициатором создания фракции «Коммунисты за демократию». Это позволило ему получить определенную известность и в 1991 г. стать кандидатом в вице-президенты у популярного лидера сторонников радикальных преобразований Б.Н. Ельцина на выборах президента РСФСР. 12 июня их тандем одержал убедительную победу в I туре голосования.

На посту вице-президента А.В. Руцкой стремился продемонстрировать политическую самостоятельность. Он выступил за более жёсткий курс правительства во внутренней и внешней политике, что быстро привело его к конфликту не только с правительством «младореформаторов», но и с ближайшим окружением президента РФ. Постепенно А.В. Руцкой

ушёл в оппозицию и осенью 1993 г. стал одним из лидеров вооружённого сопротивления Б.Н. Ельцину, которое потерпело неудачу. После падения Белого Дома он был арестован и помещен под арест. Сама же должность вице-президента, согласно новой Конституции РФ, принятой на всероссийском референдуме 12 декабря того же года, была ликвидирована.

Новый этап в жизни генерала-политика начался в феврале 1994 г., когда по объявленной Государственной Думой РФ амнистии он оказался на свободе и стало возможным его возвращение в российскую политику. Столичная газета «Коммерсант» считала его наиболее популярным среди всех освобождённых. Один из его ближайших соратников, председатель правления Народной партии «Свободная Россия» В.С. Липицкий, заявил прессе, что «после ... амнистии у Руцкого неожиданно обнаружилось очень много друзей» [На Руси, 1994, 26 февраля]. Данное обстоятельство было более чем актуально, поскольку приближались новые парламентские выборы, намеченные на 17 декабря 1995 г. В этих условиях опальный политик принял решение о создании нового политического проекта, способного собрать голоса оппозиционного и патриотического электората и обеспечить возвращение бывшего вице-президента в большую политику в статусе победителя. Таким проектом стало социально-патриотическое движение «Держава», созданное в апреле 1995 г. [Новиков, 2020, с. 127].

Создание новой партии должно было способствовать привлечению внимания к сторонникам А.В. Руцкого на общероссийском уровне. Согласно описанию журналистов «Коммерсанта», съезд в Колонном зале Кремля был очень дорогостоящим. Его участниками стали до 900 делегатов из большинства регионов России. Помимо основателя движения, на нем присутствовали такие известные оппозиционные политики, как В.И. Алкснис, В.В. Аксютин и Н.А. Павлов. Небольшой сенсацией стало участие в съезде одного из лидеров ЛДПР В.В. Кобелева, бывшего на прошлых выборах в предвыборной тройке вместе с В.В. Жириновским и решившего уйти от либерал-демократов к державникам [Купите себе..., 1995, 26 августа].

В своей речи лидер нового движения заявил, что «у власти – ”партия национальной измены“, в то время как в оппозиции – ”партия национального возрождения“». Чтобы исправить ситуацию, полагал А.В. Руцкой, нужна не очередная карликовая партия, а широкое народное движение, способное дать отпор властям, якобы вынашивающим планы отмены выборов. Экономическая программа нового движения в данном выступлении была очерчена в предельно общих чертах. А.В. Руцкой критиковал коммунистов, «разоривших за 70 лет» страну, а также упрекал их же за неосмотрительно одобренную на съезде КПРФ куплю-продажу земли [Генерал Руцкой, 1995, 4 апреля].

В том же выступлении генерал-политик обращался к различным группам населения России, пытаясь получить их поддержку. Например, обращаясь к военнослужащим, он пообещал восстановить «попранную офицерскую честь» [Генерал Руцкой, 1995, 4 апреля]. Также на съезде было объявлено, что политик планирует принять участие в президентских выборах 1996 г. Позднее в журнале «Наш современник» была опубликована предвыборная статья А. Руцкого, представлявшая собой смесь национал-патриотических и державнических идей [Руцкой, 1995, с. 122–135]. Таким образом, старт нового политического проекта казался многообещающим.

После проведения I съезда была опубликована программа «Державы», в которой немалое место уделялось новейшему периоду отечественной истории. Так, резкой критике в ней подвергались большевики, уничтожившие Российскую империю и создавшие СССР с целью подавить русский народ, лишить его главенствующей роли в государстве, статуса имперского этноса, но этот коварный план удался не в полной мере. Под воздействием естественных процессов Русское государство нашло себе новую форму в лице Советского Союза, ставшего историческим преемником императорской России [Политические партии России, 1996, с. 55]. Именно это обстоятельство, по мнению А.В. Руцкого, являлось основой Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и дальнейших успехов Советского государства. Однако новые враги в лице «интернационалистов» и «мировой закулисы» начали губительную перестройку, которая якобы подорвала то немногое позитивное, что было в советской идеологии, что и привело к распаду СССР [Политические партии России, 1996, с. 55].

В этой ситуации «Держава» признавала за русскими право требовать нового пересмотра границ, ставила под сомнение легитимность государственности бывших союзных республик СССР и считала, что Россия имеет право вмешиваться в их внутренние дела для защиты прав русскоязычного населения [Политические партии России, 1996, с. 55]. Так, Крым, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Гагаузия имели полное право стать частью РФ. С этой целью Москве необходимо было денонсировать Беловежские соглашения и начать активные действия по поддержке 25 миллионов русскоязычных, оказавшихся вне пределов России после 1991 г. [Политические партии России, 1996, с. 55].

А.В. Руцким предлагался проект «Русского содружества», куда обязательно должны войти Украина и Белоруссия, а остальные бывшие республики СССР могли стать его членами по желанию [Абрамов, Головина, 1996, с. 62]. Сущность этого содружества излагалась весьма путано и неясно. Не указано, должна ли это быть конфедерация или только межгосударственный союз. Тот факт, что в программе шла речь о неких единых вооружённых силах, позволяет предположить, что речь шла о создании федерации/конфедерации, где главную роль будет играть Россия. Остальные субъекты бывшего СССР могли войти в содружество по желанию, при этом признавая приоритет внешнеполитических интересов России и русскоязычного населения, чьи права «Держава» предлагала защищать всеми способами, включая применение оружия [Абрамов, Головина, 1996, с. 63]. Данную идеологию можно характеризовать как державно-имперскую [Кудрина, 2002, с. 181].

К началу избирательной кампании «Держава» столкнулась с серьезным внутренним кризисом. Причиной стала необходимость найти спонсоров для этого политического проекта и, соответственно, предложить им то единственное, что реально «Держава» могла им дать – места в партийном списке и потенциально – в парламенте. Внутри руководства движения возник сильный конфликт относительно заполнения партийного списка и его очередности, и ряд политиков покинул движение. 26 августа 1995 г. в московской гостинице «Космос» прошел II съезд СПД «Держава». Был сформирован избирательный список из 270 человек, первую тройку которого составили А.В. Руцкой, В.В. Кобелев и К.Ю. Душенов [Держава]. Однако большую часть партийного списка «Державы» составили малоизвестные кандидаты, неспособные добавить каких-либо симпатий к движению со стороны избирателей.

При этом руководство «Державы» осталось верно принципам, обнародованным ранее в печати и на предыдущем съезде. Так, А.В. Руцкой заявил, что цель движения – «воссоздание великой России в ее естественных границах», то есть в границах СССР 1991 года, путем свободного волеизъявления народа. Было обещано закрытие таможен для различного незаконного экспорта и получение валютной прибыли по твердым ценам и на пользу государству. Населению было предложено общество социальной справедливости, где будут обеспечены все базовые потребности россиян в работе, жилье, социальных гарантиях. Главным противником «Державы» были объявлены все партии, ранее прошедшие в Думу «на крови защитников старого парламента и конституции». Именно эти идеи стали основой предвыборной программы движения [У СПД «Держава», 1995, № 35, с. 4]. Появление нового участника избирательной гонки с явным национал-патриотическим подтекстом было воспринято демократическими СМИ без особого восторга. Так, еженедельник «Новое время» назвал «Державу» и её лидера одиозными даже в национал-патриотических кругах, а потому непривлекательными для возможных союзников [Патриотизм, 1995, с. 9].

В дальнейшем А.В. Руцкой продолжал вести активную избирательную кампанию, надеясь заручиться поддержкой россиян. Для проведения агитации была зарегистрирована общественно-политическая газета «Держава», чей тираж достигал 100 тысяч экземпляров. В ноябре 1995 г. политик принял участие в организованных популярным еженедельником «Аргументы и факты» дебатах с лидером Политического движения «Женщины России» А.В. Федуловой [Острые диалоги, 1995, 8 ноября]. Они прошли в остром ключе, со взаимными обвинениями и личными выпадами. Так, А.В. Федулова была подвергнута критике за поддержку военной операции по ликвидации незаконных вооружённых формирований в Чечне,

которую «Женщины России» якобы оказали тогдашнему правительству. При этом А.В. Руцкой утверждал, что мог бы не допустить её начала ещё в 1991 г., если бы ему не помешали [Острые диалоги, 1995, 8 ноября]. Такими же острыми вышли и дебаты А.В. Руцкого с председателем общественного движения «Общее дело» И.М. Хакамадой [Один на один].

Отметим, что позиция лидера движения «Держава» в чеченском вопросе была в целом неоднозначной и колебалась в соответствии с изменениями российского общественного мнения. В отличие от признанных лидеров демократических партий и движений Е.Т. Гайдара и Г.А. Явлинского [Тумаков, 2021b, с. 111–117., Тумаков, 2025, с. 63–82], отставного генерала А.В. Руцкого нельзя было отнести к убеждённым противникам силового способа урегулирования кризиса на Северном Кавказе. Как известно, именно ему президент Б.Н. Ельцин осенью 1991 г. поручил руководство силовой акцией по ликвидации нелегитимного режима Д.М. Дудаева и восстановлению законности в Чечне [Плохий, 2016, с. 318]. Во время первой чеченской кампании 1994–1996 гг. его взгляды изменились мало. На пресс-конференции в Москве 10 февраля 1995 г. А.В. Руцкой подверг резкой критике не российские власти, а именно противников силовой операции в Чечне [Руцкой?.., 1995, 15 февраля].

Негативную реакцию с его стороны вызвала и антивоенная позиция подавляющего большинства столичных масс-медиа [А. Руцкой?.., 1995, № 7]. В то же время сами методы восстановления конституционной законности в мятежной северокавказской республике – непопулярные в общественном мнении России из-за больших потерь федеральных войск и гражданского населения Чечни – вызвали у А.В. Руцкого осуждение. Ссылаясь на опыт осени 1991 г., он осудил массированное применение армией тяжёлых вооружений [Верховский, Папп, Прибыловский, 1996, с. 309]. Тот факт, что за три года военные возможности режима Д.М. Дудаева могли возрасти, потребовав большего вмешательства со стороны Центра, политик проигнорировал.

Итоговый результат выборов для «Державы» был неудачным: она получила около 2,6 % голосов. Наилучший результат (до 31 %) был получен в родной для А. Руцкого Курской области, но сам лидер движения не баллотировался там по одномандатному округу и поэтому в новом парламенте не было ни одного представителя «Державы». Это поставило заслон на дальнейших амбициях генерала: он отказался от участия в президентских выборах 1996 г., поддержав кандидатуру лидера КПРФ Г.А. Зюганова.

В ходе вышеупомянутой думской избирательной кампании соперником А.В. Руцкого в борьбе за голоса патриотического электората стал другой генерал – А.И. Лебедь. Лидер «Державы» негативно высказался о нём: «он взлетел на перьях журналистов... этот терминатор на политической сцене появился не случайно. Его изобрели специально под Руцкого, потому что для меня нужен противовес. Но надо было найти генерала хотя бы с каким-нибудь интеллектом, а не с мычанием и рычанием» [Острые диалоги, 1995, 8 ноября].

А.И. Лебедь получил широкую известность во время событий ГКЧП и войны в Приднестровье, но позднее уволился из армии из-за разногласий с министром обороны П.С. Грачевым [Генерал Лебедь, 1995, 11 апреля]. В это же время бывший секретарь Совета Безопасности России Ю.В. Скоков, бывший министр внешнеэкономических связей С.Ю. Глазьев, член Совета Федерации П.В. Романов и основатель Конгресса русских общин (КРО) Д.О. Рогозин решили создать предвыборный блок национально-патриотической и консервативной ориентации, способный привлечь как оппозиционный, так и демократический электорат. А.И. Лебедь был знаком с Д.О. Рогозиным с периода вооружённого конфликта в Приднестровье и поэтому был привлечен для участия в деятельности КРО, а позднее принял предложение войти в его партийный список [Генерал Лебедь, 1995, 11 апреля].

Стоит отметить, что изначально КРО занимал правоконсервативные позиции. Так, на предварительном съезде движения в марте 1995 г. значительная часть предложенной участникам программы касалась защиты прав русскоязычного населения стран СНГ, вплоть до военного вмешательства. Отмечалось, что Россия – это уникальная цивилизация, которая не помещается в государственные границы 1991 г. Предлагалось ликвидировать федеративное устройство и перейти к унитарному государству. Большое внимание уделялось

позиционированию России как сверхдержавы, оказавшейся в тяжелом кризисе¹³⁹. В дальнейшем программа КРО была сильно изменена в сторону центризма, а радикальные моменты смягчены или вообще не включены в итоговый текст.

Предвыборный I съезд Конгресса прошел 2 сентября 1995 г. в Москве с участием делегатов из регионов России, а также представителей русских общин из государств СНГ и Прибалтики. На нём была одобрена Программа избирательного объединения КРО и утверждён список кандидатов в депутаты Государственной Думы. В первую тройку, помимо А.И. Лебеда, вошли также Ю.В. Скоков и С.Ю. Глазьев [Конгресс русских общин]. Среди кандидатов от КРО были и другие известные политики. Изначально список КРО состоял из центристов, демократов, национал-патриотов и левых. Наряду с русскими националистами, там были представители национальных движений из Татарстана, Башкортостана и Чувашии, ещё недавно выступавшие с сепаратистскими заявлениями [Туровский, 1995, 15 ноября]. Видимо, лидеры блока рассчитывали на привлечение максимально возможного числа голосов избирателей за счёт включения в список кандидатов в депутаты известных и популярных в своих регионах политических деятелей.

Основу предвыборной программы КРО составили идеи защиты русского населения, соотечественников за границей, поддержка территориальной целостности России, отечественного производителя и экономики. Как отмечали журналисты, Конгресс был намерен возродить Россию через «объединенные русские общины, являющиеся по сути русским гражданским обществом» [Политический вектор, 1995, 1 августа]. В дальнейшем позиция КРО видоизменилась. С одной стороны, Конгресс констатировал необходимость защиты русских там, где их интересы ущемлялись. С другой стороны, русский народ квалифицировался им как «защитник малых народов, живущих рядом» [Политический вектор, 1995, 1 августа]. Лидеры нового блока выступали за воссоединение бывших республик СССР, не оговаривая его способы, а также за беспощадную борьбу с преступностью и проведение протекционистской экономической политики [Иерусалимский, Тюрин, 2007, с. 142–143].

Таким образом, программа КРО была во многом схожа с программой «Державы», так как представляла собой компромисс между националистическими и либеральными идеями, в сочетании с присущим обеим политическим силам социальным популизмом. Оба участника выборов выступали как защитники русскоязычного населения и статуса России как великой державы. Можно считать их программы попыткой предложить третий путь, в противовес демократическим и левым идеологиям. По задумке идеологов блока, фигура отставного генерала А.И. Лебеда должна была привлечь голоса военного электората, но при этом не отпугнуть гражданских избирателей, так как он изначально выступал против войны в Чечне. Отметим, что в середине 1990-х гг. антивоенная позиция пользовалась популярностью в российском обществе [Туровский, 1995, 15 ноября].

Предвыборные прогнозы отдавали КРО не менее 7–10 % голосов избирателей, что позволяло рассчитывать на 2–3 место по итогу думских выборов [Центральный защитник отечества, 1995, № 43]. Но, несмотря на активную избирательную кампанию, Конгресс получил на выборах 17 декабря лишь 4,3 % голосов, что означало его непрохождение в парламент [ЦИК уточняет, 1995, 21 декабря]. Это стало одной из главных неожиданностей выборов. При этом сам А.И. Лебедь был избран депутатом Думы от Тульской области. Этот личный успех позволил ему принять решение об участии в президентских выборах. В январе 1996 г. на съезде КРО он был выдвинут кандидатом в Президенты РФ в качестве представителя «третьей силы», то есть не от действующей власти, но и не от левой оппозиции [Заславский, Коргунюк].

Заняв 3-е место в I туре выборов, генерал вошел в команду Б.Н. Ельцина, получив пост секретаря Совета Безопасности в обмен на поддержку президента во II туре. Одним из наиболее известных и одновременно спорных решений А.И. Лебеда на этой должности стало участие в переговорном процессе с чеченскими сепаратистами на заключительном этапе кампании 1994–1996 гг. Изначально позиция А.И. Лебеда по чеченскому вопросу была неоднозначной.

¹³⁹ ЦГАМ. Ф. П-8668. Оп. 1. Д. 15. Л 3–4.

С одной стороны, он резко осудил федеральные власти за силовую попытку урегулирования кризиса на Северном Кавказе и предложил вывести войска из мятежной республики, после чего провести на территории Чечни референдум о её будущем политическом статусе [Лебедь, 1995, 10 декабря]. С другой стороны, позднее он уже критиковал Кремль за непоследовательность и призывал «быстро и жёстко, до конца» уничтожить отряды боевиков и их лидеров [Лебедь, 1996, 3 апреля]. Не случайно летом 1996 г. назначение А.И. Лебеда приветствовали известные военачальники [Боровков, 1996, 17 июля; Трошев, 2001, с. 131–132].

6 августа 1996 г. крупные силы боевиков атаковали Грозный. Федеральные войска понесли заметные потери в людях и технике. 10 августа глава государства назначил А.И. Лебеда своим полномочным представителем в Чечне, тем самым сделав его ответственным за завершение военной операции. В период с 11 по 14 августа секретарь СБ неоднократно встречался с лидерами сепаратистов, после чего подписал с ними временное перемирие [Тумаков, 2017, с. 392]. Позднее А.И. Лебедь вновь проявил миролюбие, отменив готовившийся новый штурм столицы Чечни федеральными силами. После этого российская армия фактически оставила попытки возвращения Грозного под свой контроль. Логичным продолжением данного процесса стало подписание в ночь на 31 августа 1996 г. в Хасавюрте «Принципов определения основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой», более известных в новейшей отечественной истории как Хасавюртовские соглашения [Мороз, 2012, с. 174]. Согласно им, федеральный Центр обязался вывести войска из Чечни, а сам вопрос о политическом статусе республики откладывался до 31 декабря 2001 г. [Тумаков, 2017, с. 394–395]. В мемуарах Б.Н. Ельцин писал, что в Хасавюрте «...Россия признала легитимность самопровозглашённой Чеченской республики» и «отказалась от своих прежних задач – установить контроль над территорией Чечни, восстановить российское законодательство, разоружить незаконную армию» [Ельцин, 2000, с. 72]. Значимая часть общества, особенно военные [Трошев, 2001, с. 128–129], однозначно воспринимала действия А.И. Лебеда как предательство. Подобных оценок он удостоился от ЛДПР [Тумаков, 2021а, с. 36].

Завершающим этапом на посту секретаря Совета Безопасности РФ для А.И. Лебеда стала поездка в штаб-квартиру НАТО в Брюсселе 7–9 октября 1996 г. В условиях тяжёлой болезни действующего президента России зарубежные политики и эксперты воспринимали его как наследника Б.Н. Ельцина [Лебедь прилетел..., 1996, 10 октября] на возможных досрочных выборах. Сам визит носил ознакомительный характер, но отставной генерал смог произвести впечатление на руководство НАТО, обозначив как стремление к сотрудничеству, так и негативное отношение к расширению блока на Восток [Херещ, 1998]. Возможно, это ещё больше усилило опасение ближайшего окружения президента относительно политических амбиций А.И. Лебеда. Через неделю Б.Н. Ельцин объявил об отставке его с поста секретаря СБ и даже объяснил это решение в телеобращении к населению [Бархатов, 1998, с. 164–165], что само по себе стало уникальным событием, так как и до, и после президент мог выступить лишь с сообщением об отставке Правительства РФ. При этом А.И. Лебедь ранее сложил полномочия депутата парламента, а КРО, не согласный с его позицией по Чечне, фактически от него дистанцировался. Следовательно, генерал временно остался вне большой политики, в которую смог вернуться лишь весной 1998 г., одержав победу на выборах губернатора Красноярского края.

В свою очередь, А.В. Руцкой также вернулся в большую политику в октябре 1996 г., выиграв выборы губернатора Курской области с результатом около 77 % голосов [Губернские выборы, 1996, 22 октября], но в дальнейшем так и остался в статусе регионального игрока, не имевшего серьёзных амбиций на будущих парламентских и президентских выборах. Вновь стать политиком федерального уровня он не смог.

Заключение

Таким образом, в середине 1990-х гг. можно выделить двух наиболее известных политиков из военной среды – А.И. Лебеда и А.В. Руцкого. В определенной степени их политическую карьеру можно считать похожей, во многом вызванной драматичными

событиями эпохи распада СССР и первых лет существования новой России. На начальном этапе наиболее удачно сложилась карьера А.В. Руцкого, в течение двух лет формально являвшегося вторым лицом в государстве, а затем перешедшего в оппозицию к Б.Н. Ельцину и оказавшегося на несколько месяцев в заключении после известных событий октября 1993 г.

В свою очередь, А.И. Лебедь получил общероссийскую известность в ходе событий ГКЧП и войны в Приднестровье, но в большую политику он пришел заметно позднее А.В. Руцкого. В 1995 г. оба генерала-политика приняли участие в выборах в Государственную Думу РФ, или возглавив, как А.В. Руцкой, собственное движение, или став вторым номером, как А.И. Лебедь, в предвыборном блоке. На том этапе надежды политиков не оправдались, так как их избирательные объединения в парламент не прошли. Но если для А.В. Руцкого этот провал означал фактический закат политической карьеры на федеральном уровне, то А.И. Лебедь, одержав победу по одномандатному округу, получил шанс стать частью российской элиты. Депутатское кресло в совокупности с харизмой позволили ему принять участие в выборах Президента РФ 1996 г. В ходе них отставной генерал уверенно занял 3-е место, после чего призвал своих сторонников поддержать во II туре кандидатуру действующего главы государства. Пребывание А.И. Лебеда на постах секретаря Совета Безопасности РФ и помощника Президента РФ по национальной безопасности оказалось недолгим. Подписание Хасавюртовских соглашений с чеченскими сепаратистами, вызвавшее споры в российском политическом истеблишменте, а также ожесточенный конфликт с ближайшим окружением президента, привели его к скорой отставке.

Приход в большую политику известных генералов и их борьба за президентский пост в конечном итоге оказались неудачными. Но эти события показали, что значимый процент российского электората испытывает симпатии к военным, видя в них тех, кто может решить стоявшие перед обществом проблемы, и к национально-патриотической риторике в избирательных программах. В будущем этот фактор был использован властями в ходе электорального цикла 1999–2000 гг., но уже с другими политиками в качестве ведущих участников.

Список источников

- Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. П-8668. Союз возрождения России. Оп. 1. Д. 15.
- Боровков А. Чечня: напряжение сохраняется. На вопросы «Красной звезды» отвечает командующий группировкой войск Министерства обороны РФ в ЧР генерал-майор Владимир Шаманов. Красная звезда. 1996. 17 июля.
- Держава: URL:<http://www.panorama.ru/works/vybory/party/derzhava.html> [дата обращения: 18.10.2025].
- Генерал Лебедь: фальстарт или мезальянс? Коммерсант. 1995. 11 апреля.
- Губернские выборы: Курск. Коммерсант. 1996. 22 октября.
- Ельцин Б.Н. 2000. Президентский марафон: Размышления, воспоминания, впечатления. Москва, АСТ, 750 с.
- Заславский С.Е., Коргунюк Ю.Г. Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие. URL:http://www.partinform.ru/ros_mn/rm_6.htm [дата обращения: 18.10.2025].
- Конгресс русских общин: URL: <http://www.panorama.ru/works/vybory/party/kro.html> [дата обращения: 19.10.2025].
- Куликов А.С. 2002. Тяжёлые звёзды. Москва, Война и мир букс, 568 с.
- Купите себе немного Державы. Коммерсант. 1995. 26 августа.
- Лебедь прилетел из НАТО. Коммерсант. 1996. 10 октября.
- Лебедь А. 1995. Сегодня стрельба в Чечне – завтра «чрезвычайщина» в России. Комсомольская правда. 10 декабря.
- Лебедь А. 1996. Игры на крови. Дудаев достоин совсем другого подарка от руководства России. Независимая газета. 3 апреля.
- На Руси сидельцы в чести. Коммерсант. 1994. 26 февраля.
- Один на один (ОПТ, 20.11.1995). Александр Руцкой и Ирина Хакамада: URL: <https://staroetv.ru/video/23233?ysclid=m4x1ekanph166864934> [дата обращения: 18.10.2025].
- Острые диалоги. Не только глухари не слышат друг друга. Аргументы и факты. 1995. 8 ноября.
- Патриотизм – последнее убежище. Новое время. 1995. 38: 9.

- Политический вектор. Коммерсант. 1995. 1 августа.
Политические партии России и национальный вопрос: сборник документов. Авт.-сост. В.А. Бабинцев, А.Ф. Бердников. 1996. Москва, Клуб «Реалисты», 221 с.
Руцкой А. 1995. Россия на перепутье. Наш современник. 7: 122–135.
Руцкой всплывает? Аргументы и факты. 1995. 15 февраля.
Трошев Г.Н. 2001. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. М., «Вагриус», 383 с.
Туровский Р. 1995. Конгресс русских общин в регионах. Моя газета. 15 ноября.
У СПД «Держава» нет союзников по избирательной кампании. Партиформ. 1995. 35: 4.
Центральный защитник отечества. Московские новости. 1995. 43.
ЦИК уточняет итоги. Коммерсант. 1995. 21 декабря.

Список литературы

- Абрамов Ю.К., Головина Т.Ю. 1996. Политические партии и движения России, 1996: ежегодник. Москва, Пресс Лтд, 560 с.
Бархатов А.А. 1998. Генерал Лебедь, или моя лебединая песня. Москва, Политбюро, 320 с.
Верховский А., Папп А., Прибыловский В. 1996. Политический экстремизм в России. Москва, Ин-т эксперим. социологии, 356 с.
Гульбинский Н.А., Шакина М.П. 1994. Афганистан... Кремль... «Лефортово»...: Эпизоды политической биографии Александра Руцкого. Москва, Изд-во «Лада-М», 352 с.
Иерусалимский Ю.Ю., Тюрин Б.А. 2007. В огне избирательных битв: ярославские избирательные кампании 1993 и 1995 гг. в Федеральное собрание Российской Федерации. Ярославль, Ремдер, 244 с.
Кудрина А.М. 2002. Национальный вопрос в программах и тактике российских политических партий и общественных движений: 1992–1996 гг.: Диссертация канд. ист. наук. Москва. 297 с.
Мороз О.П. 2012. Ельцин. Лебедь. Хасавюрт. Москва, Маска, 331 с.
Новиков М.С. 2020. Русские националисты и державники в Западной Сибири на рубеже эпох: лидеры, организации, пресса. Омск, Изд-во ИП Макшеевой Е.А., 279 с.
Плохий С. 2016. Последняя империя. Падение Советского Союза. Москва, Издательство АСТ: CORPUS, 624 с.
Подберёзкин А.И., Хомутов Д.Т. 1994. Неизвестный Руцкой: политический портрет. Москва, Обозреватель, 532 с.
Тумаков Д.В. 2017. Горячая точка новой России: чеченский кризис 1991–1996 гг. в оценках российского общества. Ярославль, Аверс Плюс, 739 с.
Тумаков Д.В. 2021а. Первая чеченская война 1994–1996 гг. в оценках российской политической элиты постсоветской эпохи (на материалах Либерально-демократической партии России). *Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки*: 3: 33–37.
Тумаков Д.В. 2021б. Начало первой чеченской войны 1994–1996 гг. в оценках партии «Демократический выбор России». *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*: 4: 111–117.
Тумаков Д.В. 2025. Военные действия в Чеченской Республике в 1994–1996 гг. и объединение «Яблоко». *Электронный журнал «Кавказология»*: 2: 63–82.
Хереш Э. 1998. Генерал Лебедь. Ростов-на-Дону, Феникс, 320 с.

References

- Abramov J.K., Golovina T.Ju. 1996. Politicheskie partii i dvizhenija Rossii [Political Parties and Movements in Russia]. Moscow, Press Ltd. 560 p.
Barhatov A.A. 1998. General Lebed, ili Moja lebedinaja pesnya [General Lebed, or My Swan Song]. Moscow, Politbyuro. 320 p.
Verhovskij A., Papp A., Pribylovskij V. 1996. Politicheskij jekstremizm v Rossii [Political Extremism in Russia]. Moscow, In-t jeksperim. sociologii. 356 p.
Gulbinskij N.A., Shakina M.P. 1994. Afganistan... Kreml... «Lefortovo»...: Epizody politicheskoi biografii Aleksandra Rutsckogo [Afghanistan...The Kremlin... Lefortovo: Episodes from the Political Biography of Alexander Rutsckoy]. Moscow, Izd-vo «Lada-M». 352 p.
Ierusalimskij J.J., Tyurin B.A. 2007. V ogne izbiratelnyh bitv: izbiratelnyje kampanii 1993 i 1995 gg. v Federalnoje Sobranije Rossijskoj Federatsii [In the Fire of Electoral Battles: The 1993 and 1995 Yaroslavl Elections to the Federal Assembly of the Russian Federation]. Yaroslavl, Remder, 244 p.

- Kudrina A.M. 2002. Nacional'nyj vopros v programmah i taktike rossijskih politicheskikh partij i obshhestvennykh dvizhenij: 1992–1996 gg. [The National Question in the Programs and Tactics of Russian Political Parties and Public Movements: 1992–1996]: dis. ... kandidata istoricheskikh nauk. Moscow. 297 p.
- Moroz O.P. 2012. Yeltsin. Lebed. Hasavyurt [Yeltsin. Lebed. Khasavyurt]. Moscow, Maska, 331 p.
- Novikov M.S. 2020. Russkie nacionalisty i derzhavniki v Zapadnoj Sibiri na rubezhe jepoh: lidery, organizacii, pressa [Russian Nationalists and Statists in Western Siberia at the Turn of the Era: Leaders, Organizations, and the Press]. Omsk: Izd-vo IP Makshevoj E.A. 279 p.
- Plokhly S. 2016. Poslednyja imperija. Padenije Sovetskogo Soyuza [The Last Empire. The Final Days of the Soviet Union]. Moscow, Izdatelstvo AST: CORPUS. 624 p.
- Podberyozkin A.I., Homutov D.T. 1994. Neizvestnyj Rutskoj: politicheskij portret [Unknown Rutskoj: A Political Portrait]. Moscow, Obzrevatel. 532 p.
- Tumakov D.V. 2017. Gorjachaja tochka novej Rossii: chechenskij krizis 1991–1996 gg. v ocenkah rossijskogo obshhestva [A Hot Spot for the New Russia: The Chechen Crisis of 1991–1996 as Perceived by Russian Society]. Jaroslavl', Avers Plus. 739 p.
- Tumakov D.V. 2021a. Pervaja chechenskaja vojna 1994–1996 gg. v ocenkah rossijskoj politicheskoi elity postsovetskoj epohi (na materialah Liberalno-demokraticeskoi partii Rossii [The First Chechen War (1994–1996) in the Assessment of Post-Soviet Russian Political Elite (on the Material of the Liberal Democratic Party of Russia)]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istoricheskije i filologicheskije nauki*. № 3: 33–37.
- Tumakov D.V. 2021b. Nachalo pervoj chechenskoj vojny 1994–1996 gg. v ocenkah partii «Demokraticeskij vybor Rossii» [The Beginning of the First Chechen War of 1994–1996 in the Assessments of the Democratic Choice of Russia Party]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*. № 4: 111–117.
- Tumakov D.V. 2025. Voennye dejstvija v Chechenskoj Respublike v 1994–1996 gg. i objeedinenie “Jabloko” [Military Operations in the Chechen Republic in 1994–1996 and the Yabloko Association] // *Elektronnyj zhurnal «Kavkazologija»*. № 2: 63–82.
- Heresh Je. General Lebed' [General Lebed]. Rostov-na-Donu, Feniks, 1998, 320 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 30.10.2025

Received 30.10.2025

Поступила после рецензирования 10.01.2026

Revised 10.01.2026

Принята к публикации 12.01.2026

Accepted 12.01.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Тумаков Денис Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Ярославский государственный медицинский университет; доцент кафедры новейшей отечественной истории, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

 [ORCID: 0000-0001-8569-7246](https://orcid.org/0000-0001-8569-7246)

Кищенко Михаил Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и социологии, Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия

 [ORCID: 0000-0002-5466-3913](https://orcid.org/0000-0002-5466-3913)

Denis V. Tumakov, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Yaroslavl State Medical University, Associate Professor of the Department of Contemporary Russian History, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

Mikhail S. Kishchenkov, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Political Science and Sociology, K.D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia

УДК 94(470.25)+339.9

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-1-189-198

EDN RLDNZO

Оригинальное исследование

Выстраивание новых форм и механизмов социально-экономического сотрудничества Псковской области и Латвии в 1998–2004 гг.

Белов Г.О.

Псковский государственный университет,

Россия, 180000, г. Псков, пл. Ленина, д. 2

E-mail: belovgleb190@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности социально-экономического сотрудничества Псковской области Российской Федерации и граничащей с ней Латвийской Республики в период с 1998 г. (начало политического кризиса в российско-латвийских отношениях) по 2004 г. (вступление Латвии в ЕС). В частности, особое внимание уделяется вопросу создания форм и механизмов взаимодействия с Латвией на уровне органов власти и делового сообщества. Делается вывод, что в условиях кризиса двусторонних отношений и предстоящего вступления Латвии в ЕС приоритетом для региональных властей становится участие Псковской области в региональных организациях и программах Европейского союза, направленных на развитие приграничного и трансграничного сотрудничества. В то же время Торгово-промышленная палата Псковской области, представляющая интересы региональных предпринимательских кругов, заключает с деловыми объединениями Латвийской Республики серию соглашений о сотрудничестве, направленных на развитие торговли и совместного предпринимательства.

Ключевые слова: Псковская область, Латвия, международные отношения, постсоветское пространство, внешнеэкономическая деятельность, приграничное сотрудничество, еврорегион «Псков-Ливония»

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Белов Г.О. 2026. Выстраивание новых форм и механизмов социально-экономического сотрудничества Псковской области и Латвии в 1998–2004 гг. *Via in tempore. История. Политология.* 53(1): 189–198. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-189-198. EDN: RLDNZO

Development of New Forms and Mechanisms of Socio-Economic Cooperation between the Pskov Region and Latvia in 1998–2004

Gleb O. Belov

Pskov State University,

2 Lenin Square, Pskov 180000, Russia

E-mail: belovgleb190@gmail.com

Abstract. The article examines the features of socioeconomic cooperation between the Pskov region of the Russian Federation and the Republic of Latvia from 1998 (the onset of the political crisis in Russian-Latvian relations) to 2004 (Latvia's accession to the EU). Specifically, it focuses on the development of forms and mechanisms of interaction with Latvia at the government and business community levels. It concludes that, amid the crisis in bilateral relations and Latvia's impending accession to the EU, the Pskov region's participation in regional organizations and European Union programs aimed at developing cross-border and transborder cooperation has become a priority for regional authorities. The Pskov region administration begins

to engage in activities within the EU Northern Dimension initiative and EU cross-border cooperation programs, and participates in the creation of the Pskov-Livonia Euroregion, which includes the Pskov region, Latvia, and Estonia. At the same time, the Chamber of Commerce and Industry of the Pskov Region, representing the interests of regional entrepreneurs, has signed a series of cooperation agreements with Latvia's business associations aimed at developing trade and joint ventures.

Keywords: Pskov region, Latvia, international relations, post-Soviet space, foreign economic activity, cross-border cooperation, Pskov-Livonia Euroregion

Funding: The work was completed without external sources of funding.

For citation: Belov G.O. 2026. Development of New Forms and Mechanisms of Socio-Economic Cooperation between the Pskov region and Latvia in 1998–2004. *Via in tempore. History and political science.* 53(1): 189–198 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-189-198. EDN: RLDNZO

Введение

Псковская область, расположенная на Северо-Западе России, граничит с тремя государствами: Эстонской Республикой, Латвийской Республикой и Республикой Беларусь. При этом Псковская область – это единственный субъект Российской Федерации, имеющий границу с Латвией (около 214 км). Это обстоятельство, как и общее прошлое в составе единого государства, предопределило тесные экономические связи области с прибалтийской республикой. На протяжении 1990-х гг. Латвия была одним из ведущих внешнеторговых и инвестиционных партнеров Псковской области [Белов, 2025]. Вместе с тем существовала явная проблема с созданием правовой базы и механизмов развития двустороннего сотрудничества. В 1990-е гг. был заключен только ряд соглашений декларативного характера между приграничными районами и муниципалитетами Псковской области и Латвии. Единственным заметным событием стало создание в 1996 г. Совета по сотрудничеству приграничных регионов Латвийской Республики, Российской Федерации и Эстонской Республики, в который вошли приграничные муниципалитеты Псковской области и двух соседних республик [Белов, 2024].

Объект и методы исследования

Тематика социально-экономического взаимодействия Псковской области и Латвийской Республики в период 1990-х – первой половины 2000-х гг. частично затрагивалась в ряде работ, посвященных внешним связям региона [Гаврилов и др., 2004; Моделирование еврорегиона..., 2004] либо российского Северо-Запада в целом [Александров, 2003; Межевич, 2003; Межевич, 2009]. Заметно чаще в фокусе внимания исследователей оказываются псковско-латвийские отношения во второй половине 2000-х гг. и 2010-е гг. [Махотаева и др., 2012; Бельская, 2015; Прокофьев, 2016; Сапогов и др., 2022; Фролов, 2024]. В то же время экономическое сотрудничество Псковской области с Латвией в период с начала 1990-х гг. по 2004 г. по-прежнему остается в значительной степени неисследованным. Изучение истории отношений Псковской области и Латвийской Республики представляется особенно важным в свете того, что Псковская область является единственным российским регионом, граничащим с Латвией, которая, в свою очередь, является одной из немногих стран ЕС и НАТО, имеющих границу с Россией.

Объектом исследования является социально-экономическое сотрудничество Псковской области и Латвийской Республики, ее административно-территориальных единиц в хронологических рамках 1998–2004 гг. Нижняя граница исследования обусловлена началом политического кризиса в отношениях России и Латвии, верхней границей является вступление Латвии в состав Европейского союза, изменившее общие рамки российско-латвийских взаимоотношений.

Источниковой базой работы послужили материалы Государственного архива Псковской области (ГАПО), в частности фонды Администрации Псковской области, Администрации города Пскова, Территориального органа Федеральной службы государственной статистики

по Псковской области (Псковстат); документы из архива Торгово-промышленной палаты Псковской области; материалы региональной газеты «Псковская правда».

В качестве методов исследования использована совокупность общенаучных и специальных исторических методов и принципов. При анализе информации из архивных документов, СМИ и литературы использованы синтез, индукция и обобщение. Применены принципы историзма и системности, в соответствии с которыми явления и события исторической действительности рассматриваются в развитии, взаимосвязи и взаимодействии. Историко-генетический метод позволил выявить причины создания новых форматов сотрудничества Псковской области с Латвийской Республикой и их ключевые особенности с учетом общих тенденций данного периода российско-латвийских отношений. С помощью историко-сравнительного метода были выявлены различия в осуществлении псковско-латвийских связей на уровне органов власти и на уровне организаций бизнес-сообщества.

Результаты и их обсуждение

Региональные власти осознавали необходимость развития сотрудничества с прибалтийскими соседями. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. Администрация Псковской области в переписке с федеральным центром неоднократно выдвигала идею заключения двусторонних соглашений между Псковской областью и центральными властями Латвии (равно как и Эстонии) о торгово-экономическом сотрудничестве, а также межправительственных соглашений о приграничном сотрудничестве¹⁴⁰. Разрабатывались и соответствующие проекты соглашений. По мнению Администрации, подписание таких соглашений должно было, помимо прочего, помочь получить доступ к финансовым средствам евроструктур для реализации совместных экономических и природоохранных проектов, гуманитарного и культурного сотрудничества в приграничных районах. Однако в рассматриваемый период заключить подобные договоренности не удалось (соглашение об экономическом сотрудничестве с латвийским Министерством экономики будет подписано только в 2010 г.).

Двустороннее сотрудничество между Псковской областью и Латвийской Республикой тормозилось прежде всего из-за общей напряженности российско-латвийских отношений. С самого начала постсоветского периода эти отношения осложнялись вопросами положения русскоязычного меньшинства в Латвии, вывода из республики российских войск, территориальных претензий Риги на Пыталовский район Псковской области. В 1998 г. в отношениях двух стран случился очередной кризис, после того как 3 марта в Риге с применением силы был разогнан митинг русскоязычных пенсионеров. В том же году Россией были отменены льготные тарифы на все железнодорожные перевозки грузов из Латвии и в Латвию. Снизился транзит российской нефти через Вентспилс. Кроме того, были отменены запланированные заседания межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, а также приостановлен процесс заключения пограничного договора [Spruds, 2001; Panova, 2012].

В то же время Латвия проводила подготовку к вступлению в Европейский союз, что также учитывалось псковскими региональными властями. В 2003 г. заместитель Главы Администрации Псковской области Д.В. Шахов, курировавший в то время вопросы внешних связей региона, в качестве положительного результата грядущего расширения ЕС отмечал то, что на территорию области должно распространиться действие программ поддержки приграничного сотрудничества ЕС, финансируемых из структурных фондов Евросоюза. Как отмечалось, в связи с этим одной из основных задач областной администрации являлась «активизация участия области в осуществлении международных проектов и программ, отвечающих интересам региона» [Шахов, 2003].

¹⁴⁰ ГАПО. Ф. Р-268. Оп. 1. Д. 582. Л. 24–27; Д. 583. Л. 29–32; Д. 632. Л. 59, 115–116; Д. 806. Л. 181; Д. 813. Л. 220–226; Д. 1174. Л. 1.

Еще в 1998 г. в переписке с федеральным центром Администрация Псковской области высказывала заинтересованность в участии в новой инициативе Евросоюза – политике «Северное измерение», направленной на развитие трансграничного сотрудничества стран Северной Европы (включая страны Прибалтики)¹⁴¹. Партнерами Северного измерения со стороны России стали регионы Европейского Севера и Северо-Запада, включая Псковскую область [Александров, 2003]. Региональные власти надеялись получить возможность привлечь значительные средства в экономику области в рамках Северного измерения. В мае 2001 г. Администрацией был предложен план мероприятий по программе «Северное измерение», который, помимо прочего, включал в себя модернизацию транспортной и пограничной инфраструктуры на границе с Латвией, развитие туристического комплекса, природоохранную деятельность, привлечение инвестиций в развитие легкой промышленности, лесопильного производства, льняного комплекса области¹⁴². Однако в первые годы своего существования Северное измерение не демонстрировало каких-либо заметных результатов по причине отсутствия четких программных документов и проблем с финансированием [Межевич, 2003]. Новый импульс инициатива получила только после 2006 г., когда Северное измерение было преобразовано из политики Европейского союза в равноправное партнерство ЕС, РФ, Исландии и Норвегии. Так, например, в рамках Экологического партнерства Северного измерения (ЭПСИ) впоследствии проходила модернизация муниципального предприятия города Пскова «Горводоканал»¹⁴³.

На протяжении 1990-х – 2000-х гг. Псковская область принимала участие в программе Евросоюза ТАСИС, направленной на предоставление содействия в грантовом получении технологического ноу-хау, информационных ресурсов, обеспечении обучения и переподготовки национальных кадров в странах СНГ. В частности, в рассматриваемый период был реализован ряд проектов в сфере туризма, охраны окружающей среды, поддержки малого и среднего бизнеса, совершенствования муниципального управления¹⁴⁴. Однако со временем становилось понятно, что программа ТАСИС начинает изживать себя. Причиной тому являлись односторонняя сущность программы и преимущественно консультационный характер помощи. В связи с этим в 2003 г. Европейским союзом было принято решение о начале разработки программ добрососедства, которые предполагали финансовое участие всех сторон (а не только грантовую помощь со стороны ЕС) в осуществлении более масштабных инвестиционных проектов на границе ЕС [Кофод-Петерсен, 2004]. Псковские региональные власти также выражали намерение принять участие в новой инициативе. В течение следующих нескольких лет проходила разработка программ в рамках нового Европейского инструмента соседства и партнерства – ЕИСП [Кондратьева, 2014].

Среди разработанных программ выделим программу «Эстония – Латвия – Россия» на 2007–2013 гг., общий бюджет которой составил 65,3 млн евро (финансирование шло со стороны ЕС, а также стран-участниц). В ее рамках впоследствии реализовывался ряд проектов с участием Псковской области в таких сферах, как туризм, природоохранная деятельность, сохранение археологического наследия. По данным Администрации Псковской области, за годы действия программы в экономику региона было привлечено свыше 1 млрд рублей. Данному формату партнерства не навредило даже общее ухудшение отношений России с ЕС и конкретно Латвией в 2014 г., так что сотрудничество продолжилось, но уже в рамках отдельной программы «Латвия – Россия» на 2014–2020 гг. [Фролов, 2024].

Еще одним новым механизмом взаимодействия с Латвией стало создание еврорегиона с участием Псковской области. Общепринятого определения еврорегиона не существует, но в

¹⁴¹ ГАПО. Ф. Р-268. Оп. 1. Д. 644. Л. 39–41.

¹⁴² ГАПО. Ф. Р-268. Оп. 1. Д. 1073. Л. 104–106.

¹⁴³ Участие Псковской области в инициативе Экологического партнерства Северного измерения обсудили в Санкт-Петербурге // Официальный сайт Правительства Псковской области. URL: <https://pskov.ru/novosti/17.06.11/15157> (дата обращения: 08.09.2025).

¹⁴⁴ ГАПО. Ф. Р-216. Оп. 4. Д. 24. Л. 19–20; Д. 29. Л. 2–4; Ф. Р-268. Оп. 1. Д. 948. Л. 44.

общем его можно охарактеризовать как особую структуру транснационального сотрудничества между двумя (или более) смежными территориями, расположенными в разных европейских странах. Еврорегионы не обладают единообразным правовым оформлением. Участниками еврорегионов могут быть субъекты федерации, муниципалитеты или другие территориальные сообщества [Кузнецов, 2004]. Основой сотрудничества являются конкретные проекты, средства для реализации которых привлекаются, как правило, из местных бюджетов, бюджетов государств, а также различных программ Европейского союза.

В начале 2000-х гг. началась работа по созданию еврорегиона с участием Псковской области. Подчеркнем, что основным инициатором процесса еврорегионального строительства со стороны Псковской области были именно региональные власти [Моделирование еврорегиона..., 2004]. По заявлению представителей областной администрации Псковской области, имеющей почти 500-километровую границу с Латвией и Эстонией, «сама судьба определила стать участницей подобного образования» [Ермоленко, 2003, с. 2]. Вопрос о создании еврорегиона регулярно обсуждался на различных встречах и совещаниях с участием органов региональной и муниципальной власти Псковской области и их коллег из Латвии и Эстонии. Первоначально рассматривалась идея создания двух отдельных еврорегионов «Псковская область – Латвия» и «Псковская область – Эстония» [Бизнес через границы, 2002, с. 2], однако к 2003 г. было решено создать один еврорегион с участием трех стран. В том же 2003 г. при участии региональных властей было разработано два проекта трехстороннего региона, из которых предпочтение было отдано проекту «Псков-Ливония», предполагавшему образование еврорегиона на основе существующего с 1996 г. Совета по сотрудничеству приграничных регионов [Моделирование еврорегиона..., 2004].

25 ноября 2003 г. членами Совета по сотрудничеству приграничных регионов было подписано рамочное соглашение «Еврорегион «Псков-Ливония». Согласно Уставу еврорегиона, в его состав вошло несколько районов Псковской области (Пыталовский, Палкинский, Печорский, Псковский, Себежский) и г. Псков с российской стороны, а также ряд приграничных районов Латвии и уездов Эстонии. В Уставе также указывалось, что финансирование деятельности еврорегиона должно осуществляться, помимо вкладов участников, через привлечение средств международных фондов и программ ЕС [Моделирование еврорегиона..., 2004]. По сути, еврорегион «Псков-Ливония» создавался как инструмент для привлечения средств через описанные выше инициативы Европейского союза. Впоследствии под эгидой еврорегиона реализовывались проекты на средства таких программ ЕС, как ИНТЕРРЕГ и уже упомянутая ранее «Эстония – Латвия – Россия». Совместные проекты осуществлялись в сферах туризма, защиты окружающей среды, социальной коммуникации [Баринов, Кирюшин, 2013].

Помимо официальных органов власти, взаимодействие между Псковской областью и Латвией шло на деловом уровне. И если в силу межгосударственных противоречий двустороннее сотрудничество на уровне официальных органов тормозилось, то для предпринимательских кругов это не имело столь сильного значения. Период конца 1990-х – начала 2000-х гг. отмечен активизацией сотрудничества Торгово-промышленной палаты Псковской области со своими коллегами из Латвийской Республики. Так, 25 октября 1999 г. было заключено соглашение о сотрудничестве с Правлением Резекненской специальной экономической зоны¹⁴⁵. В соглашении закреплялось намерение сторон оказывать содействие в развитии всех форм внешнеэкономической деятельности, организовывать деловые контакты псковских и резекненских предпринимателей, производить информационный обмен, содействовать развитию малого и среднего бизнеса, в том числе путем поиска партнеров для торговли и совместного предпринимательства. Подчеркнем, что до этого подобных соглашений с латвийскими деловыми структурами не заключалось. Схожее по содержанию соглашение было заключено 27 ноября 2001 г. между Торгово-промышленной палатой

¹⁴⁵ Соглашение о сотрудничестве между Торгово-промышленной палатой Псковской области и Правлением Резекненской специальной экономической зоны от 25 октября 1999 г.

Псковской области и Валмиерским отделением латвийской Торгово-промышленной палаты¹⁴⁶. В июне 2003 г. состоялось подписание Соглашения о сотрудничестве между Торгово-промышленной палатой Латвии и Торгово-промышленной палатой Псковской области¹⁴⁷.

Отметим, что проведенные в 2003 г. опросы делового сообщества Псковской области демонстрировали высокую оценку деятельности областной Палаты по развитию трансграничного сотрудничества региона с соседними государствами: 82 % опрошенных положительно оценивали усилия ТПП Псковской области [Гаврилов и др., 2004, с. 44]. Успешное развитие связей псковского и латвийского бизнеса подчеркивается и статистикой. По данным Псковстата, внешнеторговый оборот Псковской области с Латвией в период 1998–2004 гг. вырос с 18 млн долл. до 66,4 млн долл.¹⁴⁸. Росла инвестиционная активность латвийских предпринимателей в Псковской области: если в 1999 г. доля Латвии в общем объеме поступивших иностранных инвестиций составила 4 %, то в 2004 г. – уже 26 %¹⁴⁹. Кроме того, в Псковской области увеличивалась численность предприятий с участием латвийского капитала: с 34 в 2000 г. до 86 в 2004 г.¹⁵⁰ Исследователями отмечалось, что по темпам прироста числа предприятий с участием иностранного капитала в 1999–2010 гг. Псковская область заметно опережала другие приграничные регионы СЗФО [Махотаева и др., 2012, с. 5–6]. При этом предприятия с участием Латвии составляли около половины от числа всех подобных организаций.

Заключение

В период 1998–2004 гг. перед Псковской областью стояла задача дальнейшего развития социально-экономического сотрудничества с соседней Латвийской Республикой – одним из ведущих внешнеэкономических партнеров региона. Однако из-за общего ухудшения межгосударственных отношений в 1998 г. реализация двусторонних инициатив на уровне органов власти была изрядно затруднена. Учитывая этот фактор, а также скорое вступление Латвии в ЕС, Администрация Псковской области стала делать упор на участие региона в различных международных объединениях и программах сотрудничества, связанных с Европейским союзом. Региональные власти начинают включаться в деятельность в рамках инициативы ЕС «Северное измерение», программ приграничного сотрудничества Европейского союза, а также участвуют в создании еврорегиона «Псков-Ливония», куда вошли отдельные территории Псковской области, Латвии и Эстонии. Данные инициативы строились вокруг развития приграничного и трансграничного сотрудничества. Это позволяло властям Псковской области не только развивать партнерские отношения с Латвией, но и привлекать в регион финансовые средства из европейских фондов. Латвийской Республике, несмотря на ряд межгосударственных противоречий с РФ, было выгодно участвовать в данных инициативах по той же самой причине – получение дополнительного финансирования со стороны Евросоюза. Взаимодействие через механизмы приграничного сотрудничества развивалось на протяжении последующих двух десятилетий, продемонстрировав определенный запас прочности даже при ухудшении двусторонних отношений в 2014 г. Тем не менее необходимо понимать, что разработка этих форматов и начало участия в них Псковской области приходится именно на период конца 1990-х – первой половины 2000-х гг.

В то же время активизируется взаимодействие на уровне бизнес-сообществ Псковщины и Латвии. В отличие от взаимодействия на уровне официальных органов власти, здесь не было препятствий для осуществления двусторонних инициатив. В этот период Торгово-промышленная

¹⁴⁶ Соглашение о сотрудничестве между Валмиерским отделением Латвийской Торгово-промышленной палаты и Торгово-промышленной Палатой Псковской области Российской Федерации от 27 ноября 2001 г.

¹⁴⁷ Соглашение о сотрудничестве между Торгово-промышленной палатой Латвии и Торгово-промышленной палатой Псковской области Российской Федерации от 5 июня 2003 г.

¹⁴⁸ ГАПО. Ф. Р-1493. Оп. 9. Д. 271. Л. 78–80.

¹⁴⁹ ГАПО. Ф. Р-1493. Оп. 8. Д. 9902. Л. 100; Оп. 9. Д. 271. Л. 64–68.

¹⁵⁰ ГАПО. Ф. Р-1493. Оп. 9. Д. 151.

палата Псковской области начинает заключать соглашения о сотрудничестве с деловыми объединениями латвийских предпринимателей в целях развития торговли и совместного предпринимательства. Это, в свою очередь, стало одним из факторов роста в данный период ряда показателей экономических связей Псковской области и Латвийской Республики (объем внешнеторговых операций, поступление инвестиций, число совместных предприятий).

Благодарность

Автор выражает благодарность Торгово-промышленной палате Псковской области за предоставленные архивные материалы.

Список источников

- Бизнес через границы // Псковская правда. 2002. 16 мая. С. 2.
- Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-216. Администрация города Пскова. Оп. 4. Д. 24. Документы о занесении в Книгу «Золотая летопись славных дел к 1100-летию Пскова». Комитет по внешним связям и туризму Администрации Псковской области.
- ГАПО. Ф. Р-216. Администрация города Пскова. Оп. 4. Д. 29. Документы о занесении в Книгу «Золотая летопись славных дел к 1100-летию Пскова». Отдел партнерских связей и протокола Администрации г. Пскова.
- ГАПО. Ф. Р-268. Администрация Псковской области. Оп. 1. Д. 582. Отчеты о работе структурных подразделений и органов управления Администрации области за 1 квартал 1998 г.
- ГАПО. Ф. Р-268. Администрация Псковской области. Оп. 1. Д. 583. Отчеты о работе структурных подразделений и органов управления Администрации области за II квартал 1998 г.
- ГАПО. Ф. Р-268. Администрация Псковской области. Оп. 1. Д. 632. Переписка с Правительством РФ (Исходящие документы) за 1998 г. Т. 3.
- ГАПО. Ф. Р-268. Администрация Псковской области. Оп. 1. Д. 644. Переписка с министерствами РФ (Исходящие документы) за 1998 г. Т. 9.
- ГАПО. Ф. Р-268. Администрация Псковской области. Оп. 1. Д. 806. Переписка с Правительством РФ (исходящие документы) за 1999 г. Т. 1.
- ГАПО. Ф. Р-268. Администрация Псковской области. Оп. 1. Д. 813. Переписка с министерствами РФ (Исходящие документы) за 1999 г. Т. 2.
- ГАПО. Ф. Р-268. Администрация Псковской области. Оп. 1. Д. 948. Переписка с Государственной Думой, Федеральным Собранием РФ (исходящие документы) за 2000 г.
- ГАПО. Ф. Р-268. Администрация Псковской области. Оп. 1. Д. 1073. Переписка с Представителем Президента РФ в Псковской области (входящие документы) за 2001 г. Т. 1.
- ГАПО. Ф. Р-268. Администрация Псковской области. Оп. 1. Д. 1174. Д. 1174. Переписка с Правительством РФ (исходящие документы) за 2002 г. Т. 3.
- ГАПО. Ф. Р-1493. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Псковской области. Оп. 8. Д. 9902. Статистический ежегодник «Псковский статистический ежегодник». Т. 2.
- ГАПО. Ф. Р-1493. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Псковской области. Оп. 9. Д. 151. Статистический бюллетень «О деятельности предприятий с участием иностранного капитала в 2004 г.»
- ГАПО. Ф. Р-1493. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Псковской области. Оп. 9. Д. 271. Годовой доклад «Экономика Псковской области в 2004 г.».
- Ермоленко М. Еврорегион «Плескава». Уже не миф, а реальность // Псковская правда. 2003. 5 августа. С. 2.
- Торгово-промышленная палата Псковской области (архив организации). Соглашение о сотрудничестве между Валмиерским отделением Латвийской Торгово-промышленной палаты и Торгово-промышленной Палатой Псковской области Российской Федерации от 27 ноября 2001 г.
- Торгово-промышленная палата Псковской области (архив организации). Соглашение о сотрудничестве между Торгово-промышленной палатой Латвии и Торгово-промышленной палатой Псковской области Российской Федерации от 5 июня 2003 г.

Торгово-промышленная палата Псковской области (архив организации). Соглашение о сотрудничестве между Торгово-промышленной палатой Псковской области и Правлением Резекненской специальной экономической зоны от 25 октября 1999 г.

Участие Псковской области в инициативе Экологического партнерства Северного измерения обсудили в Санкт-Петербурге // Официальный сайт Правительства Псковской области. URL: <https://pskov.ru/novosti/17.06.11/15157> (дата обращения: 08.09.2025).

Список литературы

- Александров О.Б. 2003. Роль регионов во внешней политике России: На примере регионов Северо-Западного федерального округа 1991–2002 гг.: дис. ... канд. пед. наук. Москва, 247.
- Баринов С.Л., Кирюшин П.А. 2013. Характер и результаты развития трансграничных регионов в различных институциональных условиях на примере еврорегионов «Эресунн», «Псков – Ливония» и «Днепр». *Вестник международных организаций*. Т. 8. 4: 196–213.
- Белов Г.О. 2025. Внешнеторговые и инвестиционные связи Псковской области и Латвийской Республики в 1992–1998 гг. *Метаморфозы истории*. Выпуск 37: URL: <https://history-metamorph.ru/s241436770035260-6-1/> (дата обращения: 01.11.2025). doi: 10.37490/S241436770035260-6
- Белов Г.О. 2024. Экономическое сотрудничество Псковской области с Латвийской Республикой в первой половине 1990-х гг. *Метаморфозы истории*. Выпуск 33: URL: <https://history-metamorph.ru/s241436770031435-8-1/> (дата обращения: 01.11.2025). doi: 10.37490/S241436770031435-8
- Бельская О.В. 2015. Развитие трансграничного сотрудничества Псковской области. *Известия Великолукской государственной сельскохозяйственной академии*. 1: 51–55.
- Гаврилов А.А., Голиков М.Н., Копытов М.А. и др. 2004. Порог Европы. Влияние европейского трансграничного сотрудничества на региональное экономическое развитие Псковской области [под общ. ред. Л.М. Шлосберга]. Псков, Возрождение, 210 с.
- Кондратьева Н.Б. 2014. Россия – ЕС: трансграничное сотрудничество вне конъюнктуры. *Современная Европа*. 4(60): 33–47. doi: 10.15211/soveurope420143347
- Кофод-Петерсен Э. 2004. Пути создания новых инструментов добрососедства. Европейская интеграция и Россия: международная конференция «Россия и ЕС – соседи. Новые возможности и проблемы развития сотрудничества через границы», Псков, 16 апр. 2004 г. Санкт-Петербург: 112–120.
- Кузнецов А.В. 2004. Российское участие в еврорегионах. *Регион сотрудничества*. 4: 5–19.
- Махотаева М.Ю., Андреев В.Н., Копытова О.Н. 2012. Приграничное положение как ресурс развития региона. *Региональная экономика: теория и практика*. 44: 2–12.
- Межевич Н.М. 2009. Приграничное сотрудничество и практика деятельности еврорегионов на Северо-Западе России и Республике Беларусь. Санкт-Петербург, «Издательство «Левша. Санкт-Петербург», 267 с.
- Межевич Н.М. 2003. Региональная экономическая политика в Российской Федерации: Влияние трансграничного сотрудничества на традиционные и новые механизмы реализации: дис. ... д-ра экон. наук. Санкт-Петербург, 372 с.
- Моделирование еврорегиона для Псковской области. 2004. Псков, Возрождение, 104 с.
- Прокофьев К.Ю. 2016. Некоторые аспекты приграничного сотрудничества Псковской области в современных условиях. Конкурентоспособность регионов. Новая геоэкономическая реальность: Сборник статей II Международной научно-практической конференции, Псков, 26–28 октября 2016 года. Псков, Псковский государственный университет: 215–220.
- Сапогов В.М. Манаков А.Г. Теренина Н.К. 2022. Глава 5.1. Приграничное сотрудничество Псковской области с Эстонией и Латвией. В кн.: Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России: Монография. Часть 2. Калининград, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта: 95–103.
- Фролов В.В. 2024. Приграничное сотрудничество Псковской области и Латвийской Республики в 2010-е гг. *Метаморфозы истории*. Выпуск 34: URL: <https://history-metamorph.ru/s241436770032766-2-1/> (дата обращения: 01.11.2025). doi: 10.37490/S241436770032766-2

- Шахов Д.В. 2003. Влияние расширения ЕС на международное сотрудничество с точки зрения Псковской области. Европейская интеграция и Россия: Международная конференция «Европ. интеграция и Россия. Проблемы экономической трансформации и взаимодействия в сфере безопасности», Псков, 23 апр. 2003 г. Санкт-Петербург: 96–104.
- Panova V. 2012. Foreign Economic Policy of the Russian Federation: The Constraints and Opportunities of the Baltic Dimension. In *The Economic Presence of Russia and Belarus in the Baltic States: Risks and Opportunities*, ed. by A. Sprūds. Riga, Latvian Institute of International Affairs: 35–63.
- Spruds A. 2001. Political Priorities and Economic Interests in Russian-Latvian Relations. *NUPI Working Paper*. 620.

References

- Aleksandrov O.B. 2003. Rol' regionov vo vneshney politike Rossii: Na primere regionov Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga 1991–2002 gg. [The Role of Regions in Russia's Foreign Policy: The Case of the Regions of the Northwestern Federal District 1991–2002]: dis. ... kand. ped. nauk. Moscow, 247.
- Barinov S.L., Kiryushin P.A. 2013. Character and Outcomes of Cross-border Regions Development in Different Institutional Conditions: Case-studies of Oresund, Dnieper and Pskov-Livonia *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*. Т. 8. 4: 196–213 (in Russian).
- Belov G.O. 2025. Foreign Trade and Investment Relations between the Pskov Oblast and the Republic of Latvia in 1992–1998. *Metamorfozy istorii*. Vypusk 37: URL: <https://history-metamorph.ru/s241436770035260-6-1/> (date of access: 01.11.2025). doi: 10.37490/S241436770035260-6 (in Russian).
- Belov G.O. 2024. Economic Cooperation between the Pskov Oblast and the Republic of Latvia in the First Half of the 1990s. *Metamorfozy istorii*. Vypusk 33: URL: <https://history-metamorph.ru/s241436770031435-8-1/> (date of access: 01.11.2025). doi: 10.37490/S241436770031435-8 (in Russian).
- Bel'skaya O.V. 2015. Razvitie transgranichnogo sotrudnichestva Pskovskoy oblasti [Development of Cross-Border Cooperation in the Pskov Oblast]. *Izvestiya Velikolukskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii*. 1: 51–55.
- Gavrilov A.A., Golikov M.N., Kopytov M.A. i dr. 2004. Influence of the European Trans-boundary Cooperation on the Regional Economic Development of Pskov Oblast [pod obshch. red. L.M. Shlosberga]. Pskov, Vozrozhdenie, 210 p. (in Russian).
- Kondrat'eva N.B. 2014. Russia–EU: Cross-Border Cooperation as a Major Factor of Creating Common Integration Area. *Sovremennaya Evropa*. 4(60): 33–47. doi: 10.15211/soveurope420143347 (in Russian).
- Kofod-Petersen E. 2004. Puti sozdaniya novykh instrumentov dobrososedstva [Ways to Create New Instruments of Neighbourhood]. *Evropeyskaya integratsiya i Rossiya: mezhdunarodnaya konferentsiya «Rossiya i ES – sosed. Novye vozmozhnosti i problemy razvitiya sotrudnichestva cherez granitsy»*, Pskov, 16 apr. 2004 g. Saint-Petersburg: 112–120.
- Kuznetsov A.V. 2004. Rossiyskoe uchastie v evroregionakh [Russian Participation in Euroregions]. *Region sotrudnichestva*. 4: 5–19.
- Makhotaeva M.Yu., Andreev V.N., Kopytova O.N. 2012. Prigranichnoe polozhenie kak resurs razvitiya regiona [Border Location as a Resource for Regional Development]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. 44: 2–12.
- Mezhevich N.M. 2009. Prigranichnoe sotrudnichestvo i praktika deyatelnosti evroregionov na Severo-Zapade Rossii i Respublike Belarus' [Cross-Border Cooperation and Practice of Euroregions in the North-West of Russia and the Republic of Belarus]. Sankt-Peterburg, «Izdatel'stvo «Levsha. Sankt-Peterburg», 267 p.
- Mezhevich N.M. 2003. Regional'naya ekonomicheskaya politika v Rossiyskoy Federatsii: Vliyanie transgranichnogo sotrudnichestva na traditsionnye i novye mekhanizmy realizatsii [Regional Economic Policy in the Russian Federation: The Impact of Cross-Border Cooperation on Traditional and New Implementation Mechanisms]: dis. ... d-ra .ekon. nauk. Sankt-Peterburg, 372 p.
- Modelirovanie evroregiona dlya Pskovskoy oblasti [Modeling of a Euroregion for the Pskov Oblast]. 2004. Pskov, Vozrozhdenie, 104 p.
- Prokof'ev K.Yu. 2016. Some Aspects of the Pskov Region Frontier Cooperation in Modern Condition. Konkurentosposobnost' regionov. Novaya geoeconomicheskaya real'nost': Sbornik statey

- II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Pskov, 26–28 oktyabrya 2016 goda. Pskov, Pskovskiy gosudarstvennyy universitet: 215–220 (in Russian)
- Sapogov V.M. Manakov A.G. Terenina N.K. 2022. Glava 5.1. Prigranichnoe sotrudnichestvo Pskovskoy oblasti s Estoniyei i Latviyei [Chapter 5.1. Cross-Border Cooperation of the Pskov Region with Estonia and Latvia]. V kn.: Prigranichnoe sotrudnichestvo vdol' gosudarstvennoy granitsy Rossii: Monografiya. Chast' 2. Kaliningrad, Baltiyskiy federal'nyy universitet imeni Immanuila Kanta: 95–103.
- Frolov V.V. 2024. Border Cooperation between the Pskov Region and the Republic of Latvia in the 2010s. *Metamorfozy istorii*. Vypusk 34: URL: <https://history-metamorph.ru/s241436770032766-2-1/> (date of access: 01.11.2025). doi: 10.37490/S241436770032766-2 (in Russian).
- Shakhov D.V. 2003. Vliyaniye rasshireniya ES na mezhdunarodnoye sotrudnichestvo s tochki zreniya Pskovskoy oblasti [The Impact of EU Enlargement on International Cooperation from the Perspective of the Pskov Oblast]. *Evropeyskaya integratsiya i Rossiya: Mezhdunarodnaya konferentsiya «Evrop. integratsiya i Rossiya. Problemy ekonomicheskoy transformatsii i vzaimodeystviya v sfere bezopasnosti»*, Pskov, 23 apr. 2003 g. Saint-Petersburg: 96–104.
- Panova V. 2012. Foreign Economic Policy of the Russian Federation: The Constraints and Opportunities of the Baltic Dimension. In *The Economic Presence of Russia and Belarus in the Baltic States: Risks and Opportunities*, ed. by A. Sprūds. Riga, Latvian Institute of International Affairs: 35–63.
- Spruds A. 2001. Political Priorities and Economic Interests in Russian-Latvian Relations. *NUPI Working Paper*. 620 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 05.11.2026

Received 05.11.2026

Поступила после рецензирования 21.01.2026

Revised 21.01.2026

Принята к публикации 23.01.2026

Accepted 23.01.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Белов Глеб Олегович, аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории Института гуманитарных наук и языковых коммуникаций, Псковский государственный университет, г. Псков, Россия

Gleb O. Belov, Postgraduate Student of Native and World History Chair, Humanities and Language Communications Institute, Pskov State University, Pskov, Russia

 [ORCID: 0000-0003-0678-5542](https://orcid.org/0000-0003-0678-5542)

УДК 791.43.03/93

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-1-199-210

EDN TWDRRC

Оригинальное исследование

Государственная политика в сфере исторической памяти и кинематографическая репрезентация русского средневековья в современной России

Прилуцкая Г.И.

Народный военно-исторический музей Великой Отечественной войны «Самбекские высоты»,
Россия, 346872, Ростовская область, с. Самбек, ул. Победы, д. 1

E-mail: glafira01@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу формирования исторической памяти в современной России и роли исторического кинематографа в этом процессе. Рассматривается институционализация и централизованное регулирование политики памяти, включая деятельность «Комиссии при Президенте РФ по противодействию фальсификации истории» и инициативы Русского исторического общества по созданию единого учебника истории. Особое внимание уделяется проблемам концептуальной целостности государственной исторической политики, общественному восприятию памятных дат и роли кино как средства массового формирования исторического сознания. На примере анализа производства фильмов и сериалов за последние два десятилетия выявляются ключевые тенденции развития исторического кинематографа, его коммерческая направленность и влияние на массовое восприятие истории, включая особенности хронологического распределения сюжетов и интерес аудитории к определенным историческим периодам.

Ключевые слова: историческая память, историческая политика России, патриотическая риторика, государственные коммеморации, исторический кинематограф, массовое историческое сознание, историческая реконструкция, общественный интерес, коммуникативная память

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Прилуцкая Г.И. 2026. Государственная политика в сфере исторической памяти и кинематографическая репрезентация русского средневековья в современной России. *Via in tempore. История. Политология.* 53(1): 199–210. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-199-210. EDN: TWDRRC

State Policy in the Sphere of Historical Memory and Cinematic Representation of Medieval Russia in Contemporary Russia

Glafira I. Prilutskaya

The Sambek Heights People's Military and Historical Museum of the Great Patriotic War,
1 Pobeda St., Sambek Village 346872, Rostov region, Russia

E-mail: glafira01@bk.ru

Abstract. This article explores the representation of Russian medieval history in contemporary cinema (2000–2024) as a tool for shaping national identity and collective memory. Drawing on memory studies and works by Halbwachs, Assmann, Nora, and Ricœur, it analyzes how films and TV series reflect state memory policies, educational discourse, and cultural trends. Using document analysis, content analysis, and statistical methods, the study shows that early Russian history remains underrepresented, with attention focused on Ivan IV, the Mongol invasion, and the Time of Troubles. Contemporary historical cinema often emphasizes visual spectacle and mythologized narratives, influencing public historical consciousness. Overall, it functions as both a commercial product and a medium for cultural memory.

© Прилуцкая Г.И., 2026

Keywords: historical memory, historical policy of Russia, patriotic rhetoric, state commemorations, historical cinema, mass historical consciousness, historical reconstruction, public interest, communicative memory

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Prilutskaya G.I. 2026. State Policy in the Sphere of Historical Memory and Cinematic Representation of Medieval Russia in Contemporary Russia. *Via in tempore. History and political science*. 53(1): 199–210 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-199-210. EDN: TWDRRC

Введение

Историческое кино в России последних десятилетий выполняет важную функцию формирования национальной идентичности и исторической памяти. Стивен Норрис в книге «История российского блокбастера» отмечает, что в 2000-х годах исторические фильмы стали инструментом государственной культурной политики, формируя патриотический нарратив и образ возрождающейся державы. Кино рассматривается как форма репрезентации, влияющая на восприятие прошлого и конструирование коллективной памяти.

Исследования исторической памяти (Memory studies) развиваются как на Западе, так и в России. Их основы заложены в трудах М. Хальбвакса [Хальбвакс, 2007], Ж. Ле Гоффа [Ле Гофф, 1992], П. Рикера [Рикер, 2004], Я. Ассмана [Ассман, 2014], а «мемориальный бум» 1980-х годов, связанный с работами П. Нора [Нора, 1999], оказал значительное влияние на становление дисциплины. В России интерес к исторической памяти усилился в 1990-е годы в контексте обсуждения национальной идентичности [Барг, 1987; Репина, 2003; Лотман, 2004].

Методологические подходы к изучению памяти в кино междисциплинарны: Д.С. Жуйков [Жуйков, 2013] анализирует различия понятий «историческая», «социальная» и «коллективная» память, Т.И. Скоробогатова [Скоробогатова, 2008] исследует влияние языка и визуального нарратива, а В.И. Кургузов и В.В. Нуркова [Нуркова, 2009; Кургузов, 2011] рассматривают проблему забвения как механизма памяти.

Несмотря на обширные исследования, репрезентация истории средневековой Руси в кино остается малоизученной. Немногочисленные работы в этой области [Сосницкий, 2015; Суверина, 2015; Ростовцев, 2017; Шибаев, 2021] анализируют постсоветскую идентичность, образы средневековой России и реконструкцию исторического прошлого. Ключевой аспект формирования памяти через кино – соотношение исторического прототипа и экранного образа [Бычков, 2004; Ожегова, 2010; Чистякова, 2012].

Таким образом, исследование репрезентации средневековой истории России в современном кинематографе остается актуальной и перспективной научной задачей, требующей комплексного междисциплинарного подхода.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются современные процессы формирования исторической памяти в России и их отражение в историческом кинематографе, включая государственную политику памяти, учебники истории и массовую культуру.

Методы исследования включают анализ документов, направленный на изучение государственных программ, указов и нормативных актов, а также материалов Комиссии при Президенте РФ по противодействию фальсификации истории. Применялся контент-анализ учебников истории, исторических фильмов и телесериалов для выявления особенностей интерпретации исторических событий. Хронологический анализ позволил сопоставить динамику производства исторических фильмов и телевизионных проектов с этапами государственной исторической политики. Сравнительный анализ использовался для сопоставления различных источников информации и способов представления исторических событий, а статистический метод позволил оценить количественные показатели производства фильмов и сериалов, их жанровую структуру и популярность среди аудитории.

Результаты и их обсуждение

Во второй половине 2000-х годов в России была инициирована активная деятельность, направленная на институционализацию и централизованное регулирование процессов формирования исторической памяти. Указанная тенденция проявилась в разработке и последующей реализации комплекса государственных программ и проектов, ориентированных на формирование целостной и согласованной политики памяти.

Одним из ключевых шагов в этом направлении стало создание 15 мая 2009 года «Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России»¹⁵¹. В компетенцию комиссии входили систематизация и анализ информации о случаях искажения исторических фактов, имеющих целью дискредитацию Российской Федерации на международной арене, выработка стратегий противодействия данным явлениям, а также координация деятельности государственных органов и общественных организаций в указанной сфере. Среди ее участников особое внимание привлекала доктор исторических наук, руководитель фонда «Историческая перспектива» Н.А. Нарочницкая, известная своей последовательной патриотической позицией и критическими высказываниями в адрес западных государств и либеральных интерпретаций исторического процесса¹⁵².

В современной государственной исторической политике, несмотря на явное преобладание национально-патриотической риторики, прослеживается недостаточная концептуальная целостность в формировании образа национального будущего, которое могло бы стать основой для системного конструирования прошлого. Показательным примером определенной несогласованности в этой сфере является затянутая реализация инициативы Русского исторического общества, которое с февраля 2013 года, находясь под патронажем Президента Российской Федерации, осуществляло разработку единого учебника истории. Результатом данного проекта стало включение в школьную программу старших классов с 1 сентября 2023 года новых учебников, представленных четырьмя изданиями: двумя по истории России и двумя по всеобщей истории. Учебники «История России» и «Всеобщая история» для 10-го класса охватывают период 1914–1945 годов¹⁵³, а аналогичные издания для 11-го класса освещают события с 1945 года до наших дней¹⁵⁴. Авторами данных пособий выступили В.Р. Мединский и А.О. Чубарьян.

Отсутствие не только целостной идеологической концепции, но и научно обоснованных методологических подходов к формированию политики памяти приводит к появлению государственных коммемораций, общественная значимость которых воспринимается неоднозначно. К числу таких памятных дат относятся «День народного единства», «День России», «День Петра и Февронии» и другие. Во многих случаях эти даты не имеют прочной опоры в коллективной исторической памяти, что затрудняет их интеграцию в структуру национального исторического нарратива и осмысление как значимых символов общегосударственного уровня.

В этом контексте современный российский исторический кинематограф нередко характеризуется достаточно свободным обращением с фактическим материалом, что ведет к созданию сюжетных конструкций, лишь частично соотносящихся с реальными историческими

¹⁵¹ Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. № 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2009/05/20/komissia-dok.html>. (дата обращения: 23.03.2025).

¹⁵² Архив записей категории интервью // Информационно-аналитический портал «Нарочницкая. Ру». URL: <http://narochnitskaia.ru/category/interviews>. (дата обращения: 23.03.2025).

¹⁵³ См.: Мединский В.Р., Торкунов А.В. История России. 1914–1945 годы. 10 класс. Базовый уровень / Мединский В.Р., Торкунов А.В., 2024. 496 с.; 1. Мединский В.Р., Чубарьян А.О. Всеобщая история. 1914–1945 годы. 10 класс. Базовый уровень / Мединский В.Р., Чубарьян А.О., 2024.

¹⁵⁴ См.: Мединский В.Р., Торкунов А.В. История России. 1945 год – начало XXI века. 11 класс. Учебник / Мединский В.Р., Торкунов А.В., 2023. 448 с.

событиями. Подобные кинопроизведения зачастую сохраняют «историчность» лишь на уровне визуальной реконструкции и антуража, в то время как их содержательная составляющая формируется преимущественно на основе художественных допущений и мифологизированных интерпретаций. При этом неподготовленный зритель нередко воспринимает экранное повествование как достоверное изложение исторических фактов, что оказывает значительное воздействие на формирование массового исторического сознания.

Экономический подъем, начавшийся на рубеже 1990–2000-х годов, оказал существенное влияние на развитие отечественной киноиндустрии. После кризисного периода 1990-х годов российский кинематограф вступил в фазу постепенной реструктуризации и роста, в результате чего современные показатели производства фильмов и сериалов в количественном выражении превысили уровень советской эпохи. Значительные финансовые инвестиции, осуществлявшиеся на протяжении последних двух десятилетий, способствовали выпуску широкого спектра художественных картин и телевизионных проектов (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Динамика производства фильмов и телесериалов в Российской Федерации в 2000–2024 годах
 The dynamics of film and TV series production in the Russian Federation, 2000–2024

Год	Кол-во фильмов	Кол-во сериалов
2000	68	29
2001	84	59
2002	95	70
2003	96	105
2004	118	119
2005	117	148
2006	186	150
2007	250	150
2008	294	169
2009	213	192
2010	240	191
2011	213	264
2012	220	253
2013	196	254
2014	199	298
2015	210	249
2016	196	182
2017	199	239
2018	250	261
2019	200	313
2020	209	280
2021	242	353
2022	235	386
2023	203	386
2024	572	608
Итог	5037	5679

Источник: авторская разработка, выполненная на основе данных, представленных на сайте *kino-teatr.ru*.

Динамика производства демонстрирует выраженную тенденцию к росту: если в 2000 году общее количество созданных фильмов и телесериалов не превышало 100 единиц, то в течение последнего десятилетия данный показатель увеличился приблизительно в десять раз.

В конце 1990-х годов выпуск исторических фильмов оставался на минимальном уровне, однако с середины 2000-х годов устойчивое увеличение объемов финансирования способствовало значительному расширению масштабов кинопроизводства. В среднем ежегодно создается порядка 15 исторических кинолент и телесериалов (табл. 2).

Таблица 2

Table 2

Динамика выпуска исторических фильмов и телесериалов в 1992–2024 годах (по годам)
The dynamics of historical film and TV series releases in 1992–2024 (by year)

Год	Кол-во исторических фильмов	Кол-во исторических сериалов
1992	8	2
1993	5	3
1994	2	1
1995	3	1
1996	1	2
1997	4	1
1998	3	1
1999	3	0
2000	2	2
2001	1	0
2002	2	0
2003	6	3
2004	3	3
2005	3	6
2006	2	12
2007	11	12
2008	9	7
2009	10	12
2010	3	8
2011	5	11
2012	3	7
2013	4	11
2014	4	6
2015	2	7
2016	2	6
2017	5	7
2018	8	7
2019	11	13
2020	5	10
2021	6	6
2022	8	10
2023	8	11
2024	8	14
Итого	160	202

Источник: авторская разработка, выполненная на основе данных, представленных на сайте *kino-teatr.ru*.

Выявленные тенденции указывают на устойчивый интерес к отечественной истории, которая продолжает выступать значимым содержательным ресурсом для сценаристов, режиссеров и продюсеров, ориентирующихся на создание востребованного зрительской аудиторией кинопродукта. В данном контексте прослеживаются структурные изменения в историческом кинематографе последних двух десятилетий, в частности существенное

увеличение доли сериалов. В советский период телевизионные многосерийные фильмы выпускались относительно редко, а их демонстрация ограничивалась периодическими повторами. С развитием цифровых технологий и трансформацией бизнес-модели кинопроизводства режиссеры все чаще работают одновременно в двух форматах: создают фильмы для кинотеатрального проката и используют отснятый материал в качестве основы для выпуска телесериалов. Такой подход позволяет более рационально распределять производственный бюджет и повышать экономическую эффективность проектов.

Развитие кинематографа в значительной степени определяется его способностью реагировать на динамику зрительских предпочтений и социокультурных ожиданий. Исторический жанр на протяжении длительного времени сохраняет устойчивые позиции в отечественном кинопроизводстве, что подтверждается высоким уровнем интереса со стороны аудитории. Как показывает анализ Е.М. Исаева, среди 25 наиболее кассовых российских фильмов девять относятся к историческому кино [Isaev, 2018]. Вместе с тем количественное присутствие данного жанра не тождественно его качественной однородности: лишь ограниченное число фильмов ориентировано на комплексную и детально выстроенную реконструкцию прошлого. В большинстве случаев историческая проблематика используется как контекстуальный фон, обеспечивающий развитие универсальных жанровых моделей – мелодрамы, приключенческого или детективного повествования. Однако выбор конкретных эпох и сюжетов отражает актуальные общественные запросы, что позволяет рассматривать историческое кино как индикатор культурных и ценностных ориентаций современного общества. В этом отношении кинематограф выступает одновременно и средством интерпретации прошлого, и рыночным продуктом, капитализирующим общественный интерес к определённым историческим темам.

Ретроспективный анализ исторических фильмов последних двух десятилетий выявляет устойчивую хронологическую логику их распределения, позволяющую условно выделить три сопоставимые по объёму группы. Первая связана с дореволюционным и раннесоветским периодами, вторая сосредоточена на событиях Великой Отечественной войны, третья обращена к послевоенной истории. Формирование данной структуры окончательно закрепляется к середине 2000-х годов. Примечательной представляется повышенная концентрация кинопроектов, посвящённых рубежу XIX–XX веков, что может свидетельствовать об особой значимости этого временного отрезка для коллективного сознания. Указанная тенденция соотносится с концепцией коммуникативной памяти, временные границы которой, по Я. Ассману, составляют около 80–100 лет [Ассман, 2004, с. 59], а также с представлением об «оперативной» или социальной памяти, охватывающей опыт трёх-четырёх поколений [Ассман, 2014, с. 25]. В результате историческое кино становится пространством символического соотнесения современности с недавним прошлым.

При этом внимание зрителей привлекают далеко не все произведения исторического жанра. Их востребованность формируется под воздействием совокупности производственных и маркетинговых факторов, включая финансовые ресурсы проекта, медийный статус создателей и интенсивность информационного сопровождения, прежде всего в цифровых средах. Репертуар исторических сюжетов, способных обеспечить массовый успех, остается сравнительно узким, вследствие чего отдельные проекты могут оказывать диспропорционально сильное влияние на медиаповестку. Показательным в этом отношении является фильм «Викинг» (2016), который, несмотря на преобладание критических оценок, вызвал значительный общественный резонанс: по данным портала «Кино-театр.ру», его аудитория составила 5 847 624 зрителя, тогда как видеорецензия Евгения Баженова (BadComedian), посвященная данной картине, получила почти в четыре раза больше просмотров.

Обращение к проблематике «мест памяти» в контексте отечественного кинематографа последних десятилетий показывает, что средневековый этап российской истории представлен в нем фрагментарно и эпизодически. Эта особенность, сложившаяся еще в советский период, сохраняется и в постсоветское время (табл. 3). В среднем за последние двадцать пять лет в

кинопроизводстве ежегодно появлялось не более двух–трех фильмов или сериалов, обращённых к тематике русского Средневековья. Исключением стал 2024 год, когда на момент проведения исследования в разработке находилось шесть проектов и была выпущена одна кинокартина.

Таблица 3

Table 3

Кинокартины с тематикой русского средневековья в период 2000–2024 гг.
Films with themes of Russian medieval history in the period 2000–2024.

№	Год	Название кинофильма о русском средневековье
1	2004	Сага древних булгар
2	2007	1612: Хроники Смутного времени
3	2008	Александр. Невская битва
4	2008	Русичи
5	2008	Царское дело
6	2009	Тарас Бульба
7	2009	Царь
8	2009	Иван Грозный
9	2009	Сказание о Крещении Руси
10	2010	Ярослав. Тысячу лет назад
11	2010	Грозное время
12	2011	Борис Годунов
13	2011	Орда
14	2013	Кирилл и Мефодий: Апостолы славян
15	2014	Сын ворона
16	2015	Дружина
17	2016	Викинг
18	2016	София
19	2016	Стена
20	2017	Легенда о Коловрате
21	2018	Скиф
22	2018	Золотая Орда
23	2018	Годунов
24	2020	Последний богатырь: Корень зла
25	2022	Русь и Ганза. Путь навстречу
26	2023	Витязи
27	2024	Витязи 2 (в произв.)
28	2024	Злой город (в произв.)
29	2024	Княгиня Ольга (в произв.)
30	2024	Князь Андрей (в произв.)
31	2024	Финист. Первый богатырь
32	2024	Стальное сердце (в произв.)
33	2024	За гранью. Библиотека (в произв.)

Источник: авторская разработка, выполненная на основе данных, представленных на сайте *kino-teatr.ru*.

В первой декаде XXI века домонгольская Русь практически не находила отражения в отечественном кинематографе. Среди редких исключений можно выделить фильм «Русичи» (2008), сериал «Сказание о Крещении Руси» (2009), телепроект «Ярослав. Тысячу лет назад» (2010), а также малобюджетную ленту «Сага древних булгар. Лествица Владимира Красное Солнышко» (2004), которая осталась незамеченной широкой аудиторией, и фильм «Кирилл и Мефодий: Апостолы славян», посвященный более раннему периоду. Однако после присоединения Крыма к России в 2014 году и актуализации истории Корсуни в отечественном кино появился первый крупный блокбастер, посвященный средневековой истории, – фильм «Викинг» (2016).

Период татаро-монгольского нашествия получил свое кинематографическое воплощение ближе ко второму десятилетию XXI века. Так, в 2008 году вышел фильм «Александр. Невская битва», в 2011 году – «Орда», в 2017 году – «Легенда о Коловрате», а в 2018 году появился сериал «Золотая Орда». При этом следует отметить, что «Орда» (2011) и «Легенда о Коловрате» (2017) демонстрируют различные подходы к интерпретации данного периода: первый акцентирует внимание на религиозных аспектах взаимодействия с ханом, тогда как второй представляет народный эпос через призму зрелищного боевика. Такое сочетание исторической реконструкции и художественного мифотворчества стало характерной чертой современного российского исторического кино.

События, связанные с началом объединения русских земель вокруг Москвы и борьбой с Ордой, практически не нашли отражения в кинематографе. Так, по-прежнему отсутствуют масштабные фильмы о Куликовской битве. Исключением можно считать проект «Александр Пересвет – Куликово эхо», релиз которого неоднократно откладывался с 2016 года; по этой причине данный фильм не включен в перечень исследуемых картин. Кроме того, в 2025 году вышел кинопроект «Злой город», находившийся в производстве в 2024 году.

Ситуация заметно меняется в отношении XVI века, что объясняется популярностью образа Ивана Грозного. Как справедливо отмечает Д.А. Сосницкий [Сосницкий, 2019, с. 467-472], этот исторический персонаж занимает ведущие позиции по количеству фильмов и сериалов, ему посвященных. В советский период образ Ивана Грозного представлен как в эпической драме С.М. Эйзенштейна «Иван Грозный», так и в комедийной интерпретации Л.И. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию». В постсоветское время данная тема неоднократно становилась предметом кинематографического осмысления: среди ключевых произведений – фильм П. Лунгина «Царь» (2009), вызвавший широкий общественный резонанс и собравший более 300 рецензий, а также телевизионные сериалы «Иван Грозный» (2009), «Грозное время» (2010) и «Грозный» (2020). Историческая фигура Ивана IV представлена как противоречивая личность, находящаяся на грани между образом жестокого тирана и дальновидного государственного деятеля. Разнообразие интерпретаций обусловлено различными традициями осмысления его правления: от советской героизации до современной мифологизации, связанной с идеей сильной централизованной власти. В течение последних двух десятилетий отечественный исторический кинематограф демонстрирует не только количественный рост, но и качественные трансформации, связанные с внедрением новых форматов и подходов к производству фильмов. Вместе с тем сохраняется жанровая и тематическая селективность: наибольшее внимание уделяется событиям XX века и эпохе Ивана IV, тогда как более ранние периоды российской истории остаются сравнительно слабо востребованными.

Одним из принципиальных отличий современного кинопроцесса от советского периода в интерпретации данных эпох является акцент на православной тематике, что отчетливо проявляется в образах митрополита Филиппа в фильме «Царь» и митрополита Алексея в картине «Орда». Эти примеры демонстрируют, как кинематографическая репрезентация Древней Руси конструируется через идею борьбы за политическое и духовное единство, а также через утверждение православия в качестве ключевого фактора консолидации государственности. До конца 1980-х годов образ Русской православной церкви, ее иерархов и подвижников либо сознательно игнорировался, либо трактовался в негативном ключе в соответствии с господствующей идеологической доктриной. Относительным исключением в ряду немногочисленных обращений к средневековой тематике может рассматриваться фильм Андрея Тарковского «Андрей Рублёв» (1966), хотя символическое и институциональное закрепление образа центрального персонажа – выдающегося иконописца – произошло лишь спустя примерно двадцать лет после выхода картины на экран.

Среди наиболее воспроизводимых исторических образов особое место занимает фигура Бориса Годунова, устойчивость которой во многом обусловлена влиянием трагедии А.С. Пушкина и оперы М.П. Мусоргского, сформировавших прочный культурный канон. В начале XXI века пушкинский текст получил очередное кинематографическое прочтение

(2011), тогда как наиболее репрезентативным экранным проектом последнего времени стал телесериал «Годунов» (2018–2019) с Сергеем Безруковым в главной роли, претендующий на масштабное осмысление эпохи.

События XVII века, прежде всего Смутное время и период польской интервенции, в целом остаются на периферии отечественного кинематографического дискурса. Обращения к этой проблематике носят эпизодический характер и ограничиваются единичными проектами, среди которых выделяется фильм Владимира Хотиненко «1612: Хроники Смутного времени» (2007), соотнесённый с институционализацией праздника Дня народного единства, введённого в 2005 году, а также телесериал «Стена» (2016), созданный по мотивам произведения В.Р. Мединского. Экранные интерпретации Смутного времени демонстрируют значительную вариативность: в одних случаях данный период представлен как кульминация национального кризиса и распада, в других – как переходный этап, предвосхищающий восстановление государственности и утверждение династии Романовых. В рамках обращения к сюжетам XVII века следует упомянуть и экранизацию «Тараса Бульбы» (2009), в которой акцент смещён на проблематику казачества. В целом же интерес российских кинематографистов к данному историческому этапу остается фрагментарным и не носит системного характера.

Заключение

Эволюция стилистики исторического кино в 2000–2010-х годах характеризуется переходом от классических постановочных принципов с акцентом на диалогах и исторической реконструкции к более динамичной и визуально эффектной подаче. Возросшее использование компьютерной графики и спецэффектов сближает отечественные проекты с голливудскими стандартами, что особенно заметно в фильме «Викинг» (2016), демонстрирующем приемы, характерные для жанра фэнтези-эпопеи.

В содержательном плане значительную часть современных исторических фильмов объединяет доминирование героико-патетического нарратива, в рамках которого образы правителей предстают в идеализированном свете, лишённом критической рефлексии, и подаются как символы самопожертвования ради страны. Параллельно развивается традиция включения в повествование сюжетной линии, посвященной подвигу представителя простого народа, вдохновленного правителем или идеей защиты Родины.

Анализ кинопроизводства последних 25 лет выявляет заметный дефицит внимания к ранним этапам российской государственности: почти не представлены процессы консолидации Московского княжества в XIV–XV веках, укрепление власти первых Романовых и формирование политических институтов, обеспечивших целостность и развитие государства. Этот дисбаланс сужает историческую перспективу зрителя и формирует фрагментарное представление о национальной истории.

Таким образом, современное российское историческое кино 2000–2024 годов сочетает в себе художественную реконструкцию, идеологическую направленность и элементы мифотворчества. При всей избирательности в выборе исторических периодов оно остается важным инструментом формирования национальной идентичности и коллективной памяти, отражая актуальные тенденции культурной политики и общественного запроса на героизацию прошлого.

Список источников

- Архив записей категории «Интервью». Информационно-аналитический портал «Нарочницкая.ру». URL: <http://narochnitskaia.ru/category/interviews> (дата обращения: 23.03.2025).
- Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2009/05/20/komissia-dok.html> (дата обращения: 23.03.2025).
- Мединский В.Р., Торкунов А.В. 2024. История России. 1914–1945 годы. 10 класс. Базовый уровень. Москва, Просвещение, 496 с.

- Мединский В.Р., Чубарьян А.О. 2024. Всеобщая история. 1914–1945 годы. 10 класс. Базовый уровень. Москва, Просвещение.
- Мединский В.Р., Торкунов А.В. 2023. История России. 1945 год – начало XXI века. 11 класс. Москва, Просвещение, 448 с.

Список литературы

- Ассман Я. 2004. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва, Языки славянской культуры, 363 с.
- Ассман А. 2014. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. Москва, Новое литературное обозрение, 323 с.
- Барг М.А. 1987. Эпохи и идеи: становление историзма. Москва, Мысль, 348 с.
- Бычков С.П. 2004. Александр Невский: исторический прототип и экранный образ. *Вестник Омского государственного университета*. 1: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aleksandr-nevskiy-istoricheskii-prototip-i-ekrannyi-obraz> (дата обращения: 22.03.2025).
- Жуйков Д.С. 2013. Коллективная память: ключевые исследовательские проблемы и интерпретации феномена. *Ineternum* 1(8): 6–16.
- Кургузов В.Л. 2011. Историческая память и забвение в культурном пространстве как репрезентация прошлого в настоящем. *Белые пятна российской и мировой истории*. 1: 76–90.
- Ле Гофф Ж., Бессмертный Ю.Л., Гуревич А.Я. 1992. Цивилизация средневекового Запада. Москва, Прогресс, Прогресс-Академия, 372 с.
- Лотман Ю.М. 2004. Семиосфера: культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи, исследования, заметки (1968–1992). Санкт-Петербург, Искусство-СПб, 703 с.
- Нуркова В.В. 2009. История как личный опыт. *Историческая психология и социология истории*. 1: 5–27.
- Ожегова О.А., Посадский А.В. 2010. Киносимволы Гражданской войны: море любви и пески ненависти. *История и историческая память*. 2: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinosimvolyy-grazhdanskoy-voyny-more-lyubvi-i-peski-nenavisti> (дата обращения: 22.03.2025).
- Репина Л.П. 2003. Культурная память и проблемы историописания: историографические заметки. Москва, ГУ ВШЭ, 43 с.
- Рикёр П. 2004. Память, история, забвение. Москва, Издательство гуманитарной литературы, 725 с.
- Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. 2017. Русское средневековье в коммерческой рекламе: постановка проблемы и перспективы исследования (вторая половина XIX – начало XXI вв.). *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях*. 7: 398–416.
- Скоробогатова Т.И. 2008. Историческая память и фразеология: точки соприкосновения. *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. 2: 141–144.
- Сосницкий Д.А. 2015. Историческая память о допетровской Руси в России второй половины XIX – начала XXI вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Санкт-Петербург, 344 с.
- Сосницкий Д.А. 2019. Допетровская Русь в советском художественном кино. *Международный научно-исследовательский журнал*. 10-2(88): URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dopetrovskaya-rus-v-sovetskom-hudozhestvennom-kino> (дата обращения: 22.03.2025).
- Суверина Е. 2015. Репрессивная толерантность постсоветского: как смотреть российское современное кино. Новое литературное обозрение. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2015/1/repressivnaya-tolerantnost-postsovetskogo-kak-smotret-rossijskoe-sovremennoe-kino.html> (дата обращения: 21.05.2025).
- Франция – память. 1999. Под ред. П. Нора. Санкт-Петербург, Издательство Санкт-Петербургского университета, 325 с.
- Хальбвакс М. 2007. Социальные рамки памяти. Москва, Новое издательство, 346 с.
- Чистякова В.О. 2012. Отечественное военное кино 1911–2011 годов: медиатизация памяти. *Культурологический журнал* 3: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennoe-voennoe-kino-1911-2011-godov-mediatizatsiya-pamyati> (дата обращения: 22.03.2025).
- Шибяев М.А. 2021. В старых ритмах? Современное российское кино в поисках позитива о прошлом нашей страны. *Клио* 2(170): 139–151.
- Isaev E.M. 2018. Politics of Memory and Cinematography in Modern Russia: the October Revolution and the Civil War. *International Public History* 1(2): URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/231979937> (дата обращения: 10.03.2025).

References

- Assman Ya. 2004. Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moskva, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 363 p.
- Assman A. 2014. Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moskva, Novoe literaturnoe obozrenie, 323 p.
- Barg M.A. 1987. Epokhi i idei: stanovlenie istorizma [Epochs and Ideas: The Formation of Historicism]. Moskva, Mysl', 348 p.
- Bychkov S.P. 2004. Aleksandr Nevskiy: istoricheskiy prototip i ekrannyi obraz [Alexander Nevsky: Historical Prototype and Screen Image]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aleksandr-nevskiy-istoricheskii-prototip-i-ekrannyi-obraz> (data obrashcheniya: 22.03.2025).
- Zhuykov D.S. 2013. Kollektivnaya pamyat': klyuchevye issledovatel'skie problemy i interpretatsii fenomena [Collective Memory: Key Research Issues and Interpretations of the Phenomenon]. *Ineternum*. 1(8): 6–16.
- Kurguzov V.L. 2011. Istoricheskaya pamyat' i zabvenie v kul'turnom prostranstve kak reprezentatsiya proshlogo v nastoyashchem [Historical Memory and Oblivion in Cultural Space as a Representation of the Past in the Present]. *Belye pyatna rossiyskoy i mirovoy istorii*. 1: 76–90.
- Le Goff Zh., Bessmertnyy Yu.L., Gurevich A.Ya. 1992. Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada [Civilization of the Medieval West]. Moskva, Progress, Progress-Akademiya, 372 p.
- Lotman Yu.M. 2004. Semiosfera: kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov. Stat'i, issledovaniya, zametki (1968–1992) [Semiosphere: Culture and Explosion. Inside Thinking Worlds. Articles, Research, Notes (1968–1992)]. Sankt-Peterburg, Iskusstvo-SPB, 703 p.
- Nurkova V.V. 2009. Istoriya kak lichnyy opyt [History as Personal Experience]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. 1: 5–27.
- Ozhegova O.A., Posadskiy A.V. 2010. Kinosimvoly Grazhdanskoy voyny: more lyubvi i peski nenavisti [Cinematic Symbols of the Civil War: A Sea of Love and the Sands of Hatred]. *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*. 2: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinosimvoly-grazhdanskoy-voyny-more-lyubvi-i-peski-nenavisti> (data obrashcheniya: 22.03.2025).
- Repina L.P. 2003. Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya: istoriograficheskie zametki [Cultural Memory and Problems of Historical Writing: Historiographic Notes]. Moskva, GU VShE, 43 p.
- Riker P. 2004. Pamyat', istoriya, zabvenie [Memory, History, Oblivion]. Moskva, Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, 725 p.
- Rostovtsev E.A., Sosnitskiy D.A. 2017. Russkoe srednevekov'e v kommercheskoy reklame: postanovka problemy i perspektivy issledovaniya (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI vv.) [Russian Middle Ages in Commercial Advertising: Problem Statement and Research Prospects (Second Half of the 19th – Early 21st Centuries)]. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* 7: 398–416.
- Skorobogatova T.I. 2008. Istoricheskaya pamyat' i frazeologiya: tochki soprikosnoveniya [Historical Memory and Phraseology: Points of Contact]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2: 141–144.
- Sosnitskiy D.A. 2015. Istoricheskaya pamyat' o dopetrovskoy Rusi v Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XXI vv. [Historical memory of pre-Petrine Rus' in Russia in the Second Half of the 19th – Early 21st Centuries]. *Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk*. Sankt-Peterburg, 344 p.
- Sosnitskiy D.A. 2019. Dopetrovskaya Rus' v sovetskom khudozhestvennom kino [Pre-Petrine Rus' in Soviet Film]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 10-2(88): URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dopetrovskaya-rus-v-sovetskom-hudozhestvennom-kino> (data obrashcheniya: 22.03.2025).
- Suverina E. 2015. Repressivnaya tolerantnost' postsovetского: kak smotret' rossiyskoe sovremennoe kino [Repressive Post-Soviet Tolerance: How to Watch Contemporary Russian Cinema]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2015/1/repressivnaya-tolerantnost-postsovetского-kak-smotret-rossijskoe-sovremennoe-kino.html> (data obrashcheniya: 21.05.2025).
- Frantsiya – pamyat' [France – Memory]. 1999. Pod red. P. Nora. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 325 p.
- Khal'bvaks M. 2007. Sotsial'nye ramki pamyati [Social Frames of Memory]. Moskva, Novoe izdatel'stvo, 346 p.

- Chistyakova V.O. 2012. Otechestvennoe voennoe kino 1911–2011 godov: mediatizatsiya pamyati [Domestic War Cinema 1911–2011: The Mediatization of Memory]. *Kul'turologicheskiy zhurnal*. 3: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennoe-voennoe-kino-1911-2011-godov-mediatizatsiya-pamyati> (data obrashcheniya: 22.03.2025).
- Shibaev M.A. 2021. V starykh ritmakh? Sovremennoe rossiyskoe kino v poiskakh pozitiva o proshlom nashey strany [In the Old Rhythms? Contemporary Russian Cinema in Search of Positive Reflections on Our Country's Past]. *Klio*. 2(170): 139–151.
- Isaev E.M. 2018. Politics of Memory and Cinematography in Modern Russia: the October Revolution and the Civil War. *International Public History* 1(2): URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/231979937> (data obrashcheniya: 10.03.2025).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 13.08.2025

Received 13.08.2025

Поступила после рецензирования 12.01.2026

Revised 12.01.2026

Принята к публикации 14.01.2026

Accepted 14.01.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Прилуцкая Глафира Игоревна, младший научный сотрудник, народный военно-исторический музей Великой Отечественной войны «Самбекские высоты», Ростовская обл., Неклиновский р-н, с. Самбек, Россия

Glafira I. Prilutskaya, Junior Research Fellow, the Sambek Heights People's Military and Historical Museum of the Great Patriotic War, Rostov region, Neklinovsky district, Sambek village, Russia

 [ORCID: 0009-0006-5427-2142](https://orcid.org/0009-0006-5427-2142)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 323

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-1-211-221

EDN UFEQOC

Оригинальное исследование

Российско-северокорейские отношения на современном этапе и их влияние на региональную и глобальную безопасность

Гамерман Е.В.

Институт комплексного анализа региональных проблем
Дальневосточного отделения Российской академии наук,
Россия, Еврейская автономная область, 679016, г. Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, 4
E-mail: egamerman@mail.ru

Аннотация: В 1990-е гг. российская внешняя политика, особенно в восточном направлении, испытывала очень серьезный кризис, поэтому абсолютно неслучайно сегодня мы переживаем так называемый «Поворот на Восток». И дело здесь не только в конфронтации со странами условного Запада, но и в насущной необходимости восполнить те лакуны, которые у нас образовались в первое постсоветское десятилетие. КНДР для нашей страны является традиционным партнером и союзником, и то, что мы фактически в 1990-е отвернулись от Пхеньяна, не делает нам чести. Начиная с 2001 г. наши отношения (за исключением пика международных санкций против КНДР в 2017–2018 гг.) развиваются по восходящей. И если пандемия затормозила несколько экономическое взаимодействие, то специальная военная операция придала импульс политическому и военно-стратегическому партнерству и сотрудничеству. Безусловно, отношения двух стран непосредственным образом влияют на региональную безопасность в Северо-Восточной Азии, а также становятся определенным маркером глубинных трансформаций на глобальном уровне.

Ключевые слова: Россия, Корейская Народно-Демократическая Республика, региональная безопасность, Северо-Восточная Азия, двусторонние отношения, ракетно-ядерная программа КНДР, экономика

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Гамерман Е.В. 2026. Российско-северокорейские отношения на современном этапе и их влияние на региональную и глобальную безопасность. *Via in tempore. История. Политология*, 53(1): 211–221. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-211-221. EDN: UFEQOC

Russia – North Korea Relations at Present Stage and Their Impact on Regional and Global Security

Evgenii V. Gamerman

Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences,
4 Sholem Aleichem St., Birobidzhan 679016, Jewish Autonomous Region, Russia
E-mail: egamerman@mail.ru

Abstract. In the 1990s, Russian foreign policy, especially in the eastern direction, experienced a very serious crisis. Therefore, it is absolutely no coincidence that today we are experiencing the so-called "Turn to the

East". And this is not only a matter of confrontation with the countries of the conditional West, but also an urgent need to fill the gaps that emerged in the first post-Soviet decade. North Korea is a traditional partner and ally for our country, and the fact that we actually turned away from Pyongyang in the 1990s does not do us credit. Since 2001, our relations (with the exception of the peak of international sanctions against the DPRK in 2017-2018) have been developing on the rise. And while the pandemic somewhat slowed down economic cooperation, the special military operation gave impetus to political and military-strategic partnership and cooperation. Of course, the relations between the two countries directly affect regional security in Northeast Asia, and also become a certain marker of deep transformations at the global level.

Keywords: Russia, North Korea, regional security, Northeast Asia, bilateral relations, North Korea's nuclear missile program, economy

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Gamerman E.V. 2026. Russia – North Korea Relations at Present Stage and Their Impact on Regional and Global Security. *Via in tempore. History and political science*, 53(1): 211–221 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-211-221. EDN: UFEQOC

Введение

История отношений СССР / Российской Федерации и Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) имеет сравнительно небольшую хронологию, берущую начало от решений, которые принимались антигитлеровской коалицией в годы Второй мировой войны. На Ялтинской конференции лидеров коалиции президент США Франклин Делано Рузвельт официально предложил после победы над Японией установить опеку над Кореей, которая осуществлялась бы при участии СССР, США, Великобритании и Республики Китай (режим Чан Кайши). На Потсдамской конференции в июле 1945 г. была установлена разделительная линия по 38 параллельным линиям между советскими и американскими войсками, на севере и юге, по которым обе стороны должны были разгромить японские вооруженные силы. Это событие стало началом процесса складывания двух корейских государств, ориентированных, соответственно, на СССР и США [Haggard, 1995]. В директиве Сталина от 20 сентября 1945 г. командованию 25-й армии предписывалось не препятствовать созданию в Корее демократических партий и организаций, беречь частную и общественную собственность, не трогать церкви, не препятствовать отправлению религиозных обрядов. Также на Севере было образовано Управление советской гражданской администрации (для восстановления экономики). Сразу после освобождения от японцев стали создаваться местные органы власти – народные комитеты [Торкунов, 2000].

Как отмечает Г.Д. Толорая, анализируя значимость российско-северокорейских отношений: «Для России ворота в АТР – Северо-Восточная Азия, а Корея – “ключ” к СВА» [Толорая, 2019]. Таким образом, при кажущейся политической и экономической незначительности КНДР, маргинализации ее внешней политики отношения России с этой страной во многом определяют «баланс сил» как в Северо-Восточной Азии, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Поэтому анализ отношений двух стран, прогнозирование дальнейшего их развития, а также выработка практических рекомендаций имеет крайне важное значение не только для политической науки, но и в целом для внешней политики РФ.

Периодизация Советско/российско-северокорейских отношений

Российско-северокорейские отношения можно, с нашей точки зрения, хронологически разделить на три периода:

1. С 1948 по 1953 г.: СССР активно поддерживает Пхеньян.
2. С 1953 по 1991 г.: период сотрудничества и взаимодействия СССР и КНДР в различных областях.

3. С 1991 по настоящее время: период взаимодействия КНДР и Российской Федерации, условно разделяющийся на два подпериода:

а) 1990-е гг., когда фактические отношения с Пхеньяном сошли на нет;

б) с 2000 г. по настоящее время, характеризующийся попытками РФ вернуть влияние на КНДР.

Следует отметить, что на протяжении всей истории советско-северокорейских отношений основным направлением двусторонних отношений были безопасность и политическая поддержка. Для Москвы ключевой задачей было и есть расширение сферы своего влияния в регионе Восточной Азии. Для КНДР ее отношения с Россией – это вопрос национальной безопасности и дипломатической поддержки. Экономическое развитие – второстепенный приоритет для двух стран в двусторонних отношениях (хотя и требующий нового переосмысления).

Двусторонние отношения в 1990-е годы

В 1991 г. КНДР вступила в ООН. В течение следующего десятилетия КНДР установила дипломатические отношения со 150 странами и значительно улучшила отношения со странами Западной Европы. После распада СССР КНДР лишилась экономической и политической поддержки [Рыбаков, 2008]. Затем последовала череда неурожайных лет и стихийных бедствий. К концу 1990-х гг. экономическое положение КНДР стало очень тяжелым. Единственным работоспособным промышленным комплексом был военный, на который приходилось около 50% национального бюджета. Также наблюдалась серьезная нехватка продовольствия: согласно данным ИНМЕ (Институт показателей и оценки здоровья) только в 1995 году из 100 000 от белково-энергетической недостаточности умирало более 440 человек [Death rate...]. В условиях жесткого кризиса политическая элита КНДР опиралась на усиленную пропаганду корейского национализма: укрепление обороноспособности было объявлено жизненно важным государственным делом.

КНДР присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в 1985 г., но отложила соглашение о гарантиях с МАГАТЭ. В то же время в районе Йонбёна велось строительство ядерных объектов. 12 марта 1993 г. КНДР объявила о решении выйти из ДНЯО, объяснив это ответом на ядерную угрозу США. Кроме того, с начала 1980-х гг. КНДР разрабатывает технологию баллистических ракет. В 1993 г. была создана первая ракета с дальностью полета до 1 000 км – «Нодон-1».

Хотя в 1990-е у КНДР был весьма конструктивный переговорный процесс с США, который мог бы иметь положительные результаты, агрессивная риторика Джорджа Буша-младшего положила конец всем достижениям предыдущего периода. В 1990-е гг. отношения между Россией и КНДР были фактически свернуты. Россия пошла по пути налаживания отношений со странами Запада, в том числе с Южной Кореей. Кроме того, Москва осудила ядерную программу Пхеньяна и прекратила экономическую помощь из-за экономического кризиса в России и политической близорукости руководства. Китай стал новой опорой и экономическим донором КНДР.

Восстановление статус-кво в двусторонних отношениях в 2000–2010 гг.

Начиная с 2000 г. отношения между Россией и КНДР начали нормализовываться. В феврале 2000 г. в Пхеньяне был подписан договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между двумя странами. Впервые в истории отношений двух стран в июне 2000 г. глава России президент Владимир Путин посетил КНДР. Для восточной дипломатии это был очень значительный шаг для дальнейшего развития отношений. В ходе визита Путина стороны продемонстрировали решимость оставить взаимные претензии в прошлом (1980–1990 гг.) и развивать сотрудничество в конкретных практических областях. В частности, акцент был сделан на восстановлении железнодорожного сообщения двух Корей с восточными регионами

России. Летом 2001 г. Ким Чен Ир посетил Москву с ответным визитом. В ходе этих двух встреч были подписаны два важнейших документа – Пхеньянская и Московская политические декларации. В этих документах были изложены принципы взаимоотношений двух стран и схожесть их позиций по большинству проблем мирового развития. Одним из пунктов деклараций был мирный характер ядерной программы КНДР. Эти встречи символизировали начало нового этапа в российско-северокорейских отношениях [Kim, 2012].

Дальнейшее сближение и новая эра сотрудничества начались в 2011 г. Хотя Россия начала восстанавливать экономическое сотрудничество с КНДР, объем двусторонней торговли к 2010 г. сократился на 95 % по сравнению с позднесоветским периодом и составил всего 98,67 тыс. долларов [Статистика..., 2010]. Летом 2011 г. в городе Улан-Удэ (Россия) состоялась очередная встреча Ким Чен Ира и Владимира Путина, после которой российское правительство начало работу над перечнем инвестиционных проектов, направленных на восстановление и модернизацию предприятий, построенных на территории КНДР Советским Союзом. После прихода к власти Ким Чен Ына в конце 2011 г. отношения между двумя странами улучшились. Россия списала 10 млрд долларов кредитной задолженности КНДР. Оставшийся 1 млрд долларов долга был направлен в качестве инвестиций в развитие двустороннего сотрудничества в КНДР. В частности, были сделаны инвестиции в развитие инфраструктуры по проекту «Победа», в рамках которого была модернизирована железнодорожная сеть на территории КНДР (протяженностью 3,5 тыс. км). Транскорейская железная дорога в восточной части Корейского полуострова была соединена с Транссибом. Кроме того, началось обустройство зоны свободной торговли Раджин-Сонбон (СЭЗ «Расон»). Эта зона была призвана соединить северокорейские порты через корейскую железную дорогу с Транссибом для перевозки северокорейских товаров. В 2014 г. Пхеньян увеличил количество особых экономических зон на своей территории до 19 и с тех пор стремится привлекать в них иностранные инвестиции [Черкашин, 2015].

В апреле 2015 г. в Пхеньяне состоялось заседание российско-северокорейской межправительственной комиссии по экономическому, научно-техническому и техническому сотрудничеству. На заседании было объявлено, что основными направлениями российско-корейского сотрудничества станут энергетика и железнодорожные перевозки. Россия предоставит КНДР инвестиции и экспорт для доступа к ее минеральным ресурсам [Захарова, 2013].

Одной из главных целей и мотивов Пхеньяна в развитии торговых отношений с Россией является необходимость сбалансировать и выровнять структуру внешнеторговых операций, которая имеет очень сильный перекос в сторону Китая. На протяжении 2000-х гг. КНДР стремилась диверсифицировать свою торговлю. Однако по состоянию на 2019 г. торговля с Китаем составляла более 90 % всех внешнеторговых операций КНДР [Асмолов, 2020]. При этом Пхеньян в основном экспортирует в Китай полезные ископаемые, сырье и морепродукты, что сводит на нет перспективы развития ее производственных мощностей. В этой связи развитие торговых отношений с Россией имеет для КНДР ключевое значение, так как в них выше доля промышленных товаров.

Развитие российско-северокорейских отношений после Крымского референдума

После референдума о присоединении Крыма Россией, начала событий на Донбассе и зарождения серьезного противостояния со странами Европы и Северной Америки Москва ощутила острый дефицит союзников на международной арене. При голосовании на Генассамблее ООН по Крыму российскую позицию поддержали всего десять государств, одним из которых была КНДР, что стало поводом для более тесных отношений между странами. С февраля 2014 г. взаимные визиты высокопоставленных должностных лиц двух стран стали намного активнее [Черкашин, 2015], хотя уровень делегаций был не настолько высок, чтобы намекать на стремление Пхеньяна к тесным отношениям, он достаточен для демонстрации солидарности с Москвой.

В отношениях двух стран приоритетным является не экономическое, а политическое (и военно-политическое) направление сотрудничества. И Москва, и Пхеньян выступают против американской внешней политики и подвергаются санкциям со стороны многих стран Западной Европы и Северной Америки. Однако следует признать, что поддержка КНДР со стороны России непоследовательна (ситуация менялась только последние два года) [Захарова, 2023].

Почему два государства так стремятся выстроить отношения друг с другом? Улучшение отношений Пхеньяна с Москвой – это попытка выйти из изоляции и придать импульс развитию, снизить политическую зависимость от Китая.

Что касается мотивации Москвы, то выстраивание отношений с КНДР – это, прежде всего, стремление усилить своё влияние в Северо-Восточной Азии и снизить влияние США в регионе, попытка противостоять американским двусторонним военно-политическим союзам и системе ПРО. После 2014 г. отношения с Пхеньяном также стали попыткой России продемонстрировать международному сообществу наличие союзников и партнеров.

Ракетно-ядерная программа КНДР и позиция России

В 2012 г. КНДР запустила космические спутники, тем самым нарушив резолюции Совета Безопасности ООН 2000 и 2009 гг. В феврале 2013 г. с успехом было проведено третье ядерное испытание и отменен пакт о ненападении с Республикой Корея, подписанный в 1953 г. В результате Совет Безопасности ООН расширил санкции против северокорейского режима, однако это не повлияло на стремление Ким Чен Ына к созданию ядерного оружия [Черкашин, 2015].

С момента первого ядерного испытания КНДР в 2006 г. уровень конфронтации и санкций против страны росли: запреты были направлены как против экспорта военной техники и ценных металлов, так и на ограничения ввоза жизненно необходимых ресурсов (например, угля, продуктов питания). Так, после объявления КНДР о создании термоядерного оружия (сентябрь 2017 г.), были приняты резолюции Совета Безопасности ООН № 2371 и № 2375 о запрете экспорта из КНДР железа, свинца, морепродуктов, текстиля и газового конденсата, экспорта в страну нефти и нефтепродуктов, а также о запрете гражданам КНДР работать за рубежом, запрете любому правительству создавать совместные предприятия с участием северокорейского капитала [UN Documents for DPRK].

Однако за столько лет действия санкций стало ясно, что принятые меры не наносят ущерба ядерной программе КНДР, особенно с учетом лазеек в санкциях и развитием использования «серых» схем торговли [Коргун, Толорая, 2019], но они серьезно ухудшили положение рядовых граждан, поставив страну на грань гуманитарной катастрофы.

В 2017 и 2018 гг. даже Китай и Россия осудили действия КНДР. Россия заявила о своей приверженности санкциям, прекратила работу северокорейцев в стране, ограничила поставки нефтепродуктов и газовых конденсатов, призвав международное сообщество решать все сложные вопросы за столом переговоров.

Таким образом, несмотря на приближающуюся к критической ситуации в экономической, социальной, энергетической и продовольственной сферах, в начале 2018 г. КНДР стала фактическим обладателем ядерного и термоядерного оружия, а ее носители способны доставлять боеголовки в США.

В 2018 г. северокорейский лидер резко изменил свою стратегию: формальным поводом для этого стали зимние Олимпийские игры в Пхёнчхане. В январе 2018 г. Ким Чен Ын неожиданно выступил с инициативой совместно с южнокорейской командой выйти на церемонию открытия под одним флагом (белым, с синим силуэтом Корейского полуострова) [Источник..., 2018].

Ким Чен Ын также заявил о своем желании вести переговоры с Южной Кореей и президентом США Дональдом Трампом. Первая в истории встреча лидеров США и КНДР состоялась 12 июня 2018 г. в Сингапуре. 27 февраля 2019 г. вторая встреча состоялась в Ханое,

а 30 июня 2019 г. третья встреча прошла в демилитаризованной зоне. Эти саммиты не принесли никаких ощутимых результатов и были скорее политической пиар-кампанией. На сегодняшний день США остаются в глазах Пхеньяна ключевым и наиболее опасным, стремящимся к полной гегемонии противником, особенно в связи с разработкой противоракетных комплексов ТНААД, установка которых на территории Республики Корея усугубляет угрозу и усиливает необходимость развития собственного вооружения [Попытка..., 2025].

Что касается российско-корейских отношений с 2017 г., то форсированное развитие ракетно-ядерной программы Пхеньяна в 2016 и 2017 гг. осложнило отношения. Москва однозначно заявила о невозможности развития взаимодействия в отрыве от ситуации на Корейском полуострове и ракетно-ядерных экспериментов Пхеньяна. Несмотря на это внешнеполитические ведомства двух стран сохранили тесные контакты, посредством неоднократных переговоров и визитов [Жебин, 2018].

Экономическое двустороннее сотрудничество

Международные санкции серьезно осложнили развитие двусторонних экономических связей. По итогам 2018 г. товарооборот России и КНДР снизился на 56,26 % по сравнению с 2017 г., что ударило по экономике КНДР, развитию российского Дальнего Востока и двусторонним отношениям [Отчёт..., 2018].

25 апреля 2019 г. во Владивостоке состоялась первая личная встреча президента Путина и Ким Чен Ына. Двумя основными темами переговоров стали восстановление прежних параметров экономического сотрудничества двух стран. Кроме того, лидеры обсудили строительство новых линий электропередач, газопровода и нефтепровода из России в КНДР. В 2019 г. товарооборот России с Пхеньяном составил 47,9 млн долларов США, увеличившись на 40,62 % по сравнению с 2018 г. При этом российский экспорт в КНДР в 2019 г. составил 44,86 млн долларов США, увеличившись на 39,84 % (12,78 млн долларов США) по сравнению с 2018 г. При этом импорт России из КНДР в 2019 г. составил 3,03 млн долларов США, увеличившись на 53,12 % (1,05 млн долларов США) по сравнению с 2018 г.

После встречи лидеров России и КНДР, а также после начала международной разрядки и закрытия ядерного полигона в КНДР произошло заметное улучшение взаимного экономического сотрудничества двух стран. Однако при этом доля Пхеньяна во внешней торговле России в 2019 г. составила всего 0,0072 % (в 2018 г. – 0,005 %). В российском товарообороте в 2019 г. КНДР заняла 137-е место (в 2018 г. – 144-е место). Для КНДР доля России в ее торговле составляет около 1,5 %, что незначительно по сравнению с Китаем.

Пандемия COVID-19 серьезно нарушила внешнюю торговлю: с началом пандемии в мае 2020 г. Пхеньяну понадобилась гуманитарная помощь, которую предоставили Пекин и Москва [Захарова, 2021]. Более того, различные продукты питания стали в 2020 году одним из наиболее существенных аспектов российского экспорта в КНДР: ключевым экспортируемым Москвой товаром стали крупы, которых было продано на 15,39 млн долларов США [Russia Exports to North Korea]. Российско-северокорейское экономическое сотрудничество и объем торговли будут неуклонно восстанавливаться (что уже и происходит) [Отчёт..., 2020].

Политическое и военное измерение

Наиболее значимыми для обеих сторон являются политические отношения. Для Российской Федерации на данном этапе важно добиться частичной отмены санкций против КНДР и вернуть эту страну к нормальной жизни: возник вопрос продовольственной безопасности и гуманитарной катастрофы. В 2019 г. Россия передала КНДР через ООН 8 000 тонн пшеницы на сумму 8 млн долларов, а в мае 2020 г. – 25 тысяч тонн отборного зерна через Всемирную продовольственную программу ООН.

5–12 января 2021 г. в Пхеньяне прошел VIII съезд Трудовой партии Кореи, где звучала критика экономического развития, а также невыполнения 5-летнего плана (впервые с 1993 г.). Кроме того, подчеркивалась необходимость укрепления военного потенциала, особенно его ракетно-ядерной составляющей. В докладе северокорейского лидера была подчеркнута необходимость развития приоритетных отношений с Россией и Китаем. Для КНДР на данном этапе отношения с Россией являются вопросом национальной безопасности. Без РФ будет очень сложно противостоять одностороннему влиянию США и Китая.

В 2022 г. российско-северокорейские отношения получили новый импульс. Внешняя политика Кремля и начало специальной военной операции на Украине нашли поддержку в Пхеньяне, для КНДР «специальная военная операция России – это священная борьба не только против неонацистских сил Украины, но и против империалистической гегемонии во главе с США, направленная на защиту безопасности страны и национального достоинства, а также на поддержание региональной стабильности, международной справедливости и создание справедливого и мирного нового мирового порядка» [Народ России..., 2022]. В июле 2022 г. Ким Чен Ын сделал демонстративный шаг в поддержку Кремля: КНДР признала независимость ДНР и ЛНР. В ответ Украина разорвала дипломатические отношения с Пхеньяном. У северокорейского лидера появилась возможность вывести отношения двух стран на новый уровень, поддержав политику Кремля. Это возможность хотя бы частично выйти из ситуации международной изоляции и полномасштабных санкций, получить экономическую помощь от Москвы, наладить прежнее сотрудничество, а в перспективе – получить от России признание своего ядерного статуса. 15 августа 2022 г. стороны обменялись телеграммами в годовщину капитуляции Японии. Кроме того, если телеграмма российского лидера была выдержана в сугубо официальном тоне, то ответная телеграмма изобиливала мощными союзническими посланиями. 1 августа 2022 г. в интервью РБК вице-премьер России Хуснуллин назвал северокорейский рынок труда «весьма интересным». Несколькими днями ранее лидер ДНР Пушилин заявил о планах по привлечению северокорейских рабочих для восстановления Донбасса. Вполне возможно, что Москва, и без того находящаяся под жесткими международными санкциями, пойдет на этот шаг (в нарушение резолюций ООН), учитывая, что Россия испытывает нехватку рабочей силы [Красиков, 2023].

Вследствие решительной поддержки Пхеньяном позиции Москвы КНДР решила сделать следующий шаг: 9 сентября 2022 г. власти приняли новый закон, который дает республике право нанести превентивный удар по противнику в случае возникновения угрозы республике извне. Закон закрепил ядерный статус КНДР. Кроме того, в законе указано, что государство берет на себя обязательство по нераспространению ядерного оружия. Более того, уже в октябре Пхеньян провел очередное испытание крылатых ракет.

Информационное агентство Bloomberg выделило несколько факторов, отмечающих потепление отношений КНДР и России в конце 2022 г. – начале 2023 г.: во-первых, возобновление торгового железнодорожного сообщения, которое было приостановлено из-за пандемии COVID-19, во-вторых, Россия возобновила поставки нефти в КНДР, которые составили около 67 000 баррелей. 16 ноября 2023 г. был подписан протокол о расширении сотрудничества во всех вышеупомянутых отраслях областей.

18–19 июня 2024 г. президент России Владимир Путин прибыл в КНДР с официальным государственным визитом и подписал с Ким Чен Ыном договор о «всеобъемлющем стратегическом партнёрстве», что стало международной сенсацией и информационной бомбой. Помимо вопросов взаимной военной помощи, он предусматривают расширение сотрудничества в торговле, экономике, инвестициях, науке и технологиях, в том числе в сферах космоса и мирного атома. Согласно ст. 4, «если одна из сторон окажется в состоянии войны из-за вооруженного нападения одного или нескольких государств, другая сторона немедленно окажет ей военную помощь всеми имеющимися у нее средствами в соответствии со ст. 51 Устава ООН и законами КНДР и Российской Федерации» [Договор..., 2024]. В этом

же время около 10 000 северокорейских военных было отправлено в Курскую область, в зону специальной военной операции. По сути, данный договор стал первый современным полноценным военным союзом России с другим государством, причем не только оставшимся на бумаге, но и получившим реальное полноценное воплощение. Это очень сильно меняет расклад сил не столько даже на украинском направлении, сколько в Северо-Восточной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом.

Заключение

Таким образом, возвращаясь к российско-северокорейским отношениям, можно отметить, что Россия приложила максимум усилий, чтобы «вернуть» КНДР. Россия наладила экономическое сотрудничество (правда, незначительное), оказывала гуманитарную помощь, пыталась выступать с международными инициативами, поддерживала Пхеньян на международной арене, за исключением ядерной программы Пхеньяна (однако и это в прошлом, судя по всему). Для России КНДР – это едва ли не единственная возможность влиять на ситуацию в Восточной Азии, пытаться играть там более значимую роль и интегрироваться в процессы, которые сегодня происходят в регионе. Усилия по интеграции КНДР в мировое экономическое и политическое пространство способны существенно повысить авторитет Москвы на международной арене. Для Пхеньяна отношения с Москвой – это возможность диверсифицировать внешнеэкономические связи, избавиться от односторонней полной зависимости от Пекина, возможность решить свои гуманитарные, экономические и внешнеполитические задачи, а именно добиться снятия санкций, получить гарантии безопасности (вплоть до «ядерного зонтика»), выйти из международной изоляции. Двусторонний договор с его военными положениями в целом переключил военную карту региона, поставив его в положение неминуемого перерастания потенциального регионального конфликта в мировой.

Северо-Восточная Азия – регион с очень высоким потенциалом военных угроз безопасности. При наличии территориальных споров, разногласий и дискуссий о современных международных отношениях, в условиях конфликта России и западных стран, торговой войны США и Китая угроза возникновения военных конфликтов как никогда высока. Необходимо продолжить усилия по созданию многосторонних институтов безопасности, по снижению уровня напряженности в регионе. Но вместе с тем необходимо сказать, что Северо-Восточная Азия – это одна из важнейших точек разлома двух разных видений будущего мироустройства, именно здесь входят в непосредственное соприкосновение США и Россия, Китай и США, КНДР и Япония / Республика Корея. Вполне возможно, что именно здесь будет наиболее активно решаться вопрос о будущем мира, о том, кто будет играть в нем главные скрипки, а кто будет только звучать фоном.

Список источников

Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой (подписан 19.06.2024, ратифицирован Российской Федерацией 09.11.2024, КНДР – 11.11.2024) [Электронный ресурс]. Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62546/ (дата обращения 18.02.2025).

Список литературы

Асмолов К.В. 2020. Начало нового этапа китайско-северокорейских отношений (2018–2020 гг.). Китай в мировой и региональной политике. История и современность, 25: 243–261. doi: 10.24411/26186888202010015
Асмолов К.В., Бабаев К.В. 2024. Трехполярный мир и блоковые треугольники в Восточной Азии. Россия в глобальной политике, 22, 3(127): 165–181. doi: 10.31278/1810-6439-2024-22-3-165-181

- Жебин А.З. 2018. КНДР и РК – 70 лет. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 376 с.
- Захарова Л.В. 2013. Внешнеэкономические связи КНДР в XXI веке и перспективы их развития при Ким Чен Ёне. Проблемы Дальнего Востока, 4: 81–97.
- Захарова Л.В. 2021. Отношения России и КНДР в условиях пандемии коронавируса (2020–2021). Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение, 38: 46–50 <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.46>.
- Захарова Л.В. 2023. Перспективы экономических отношений России и КНДР в новых геополитических условиях. МИРЕС, 4: 16–30.
- Источник: СБ ООН одобрил поездку делегации КНДР на Олимпиаду в Пхёнчхан 2018. ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4942766> (дата обращения 10.02.2025).
- Коргун И.А., Толорая Г.Д. 2019. Влияние санкций на внешнюю торговлю КНДР с точки зрения теории сравнительных преимуществ. Экономика и управление, 6(164): 4–15. doi: 10.35854/1998-1627-2019-6-4-15.
- Красиков В.В. 2023. Трансформация подходов России к КНДР в начале XXI века. Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право, 25, 3: 97–105. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-3/97-105>
- Отчёт о внешней торговле между Россией и КНДР (Северной Кореей) в 2018 году: товарооборот, экспорт, импорт, структура, товары, динамика. Внешняя торговля России. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-kndr-severnoy-koreey-v-2018-g/> (дата обращения: 05.02.2025).
- Отчёт о внешней торговле между Россией и КНДР (Северной Кореей) в 2020 году: товарооборот, экспорт, импорт, структура, товары, динамика. Внешняя торговля России. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-kndr-severnoy-koreey-v-2020-g/> (дата обращения: 10.02.2025).
- Рыбаков Р.Б. 2008. История Востока. В 6 т. Т. 6: Восток в новейший период (1945–2000 гг.) М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1095 с.
- Статистика внешней торговли России. КНДР. 2010. Внешняя торговля России. URL: <https://russian-trade.com/statistics/by-country/north-korea/export/2010/> (дата обращения: 18.02.2025).
- Толорая Г.Д. 2019. У восточного порога России. Эскизы корейской политики начала XXI века. М.: «Дашков и К», 424 с.
- Торкунов А.В. 2000. Загадочная война: Корейский конфликт 1950–1953 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 312 с.
- Черкашин П.В. 2015. Российско-северокорейские отношения на современном этапе и перспективы их развития. Известия Восточного Института, 2(26): 30–37.
- Death Rate from Malnutrition. Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/death-rate-from-malnutrition?tab=chart&country=~PRK> (дата обращения: 10.06.2025)
- Haggard M.T. 1965. North Korea's International Position. Asian Survey, 5, 8: 375–388. <https://doi.org/10.2307/2642410>
- Kim Doug J. 2012. Russian Influence on North Korea: Views of Former South Korean Ambassadors to Russia. The Korean Journal of Defense Analysis, 24, 3: 391–404.
- Russia Exports to North Korea. Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/russia/exports/north-korea> (дата обращения: 10.06.2025).
- UN Documents for DPRK (North Korea). Security Council Report. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/un-documents/dprk-north-korea/> (дата обращения: 18.02.2025).
- The US Attempt to Create a New Missile Defense System is a New "Star Wars" Concept that seriously undermines the Global Security Balance [Попытка США создать новую систему противоракетной обороны является новой концепцией «звёздных войн», которая серьёзно разрушает глобальный баланс безопасности]. 2025. 민주조선. URL: <https://www.minzu.rep.kp/Home/index/disp/5851/ko> (дата обращения: 10.06.2025) (in Korean)
- The People of Russia Will Inevitably Achieve the Victory of Justice [Народ России обязательно одержит победу справедливости]. 2022. 민주조선. URL: <https://www.minzu.rep.kp/Home/index/disp/4535/ko> (дата обращения: 10.06.2025) (in Korean)

References

- Asmolov K.V. 2020. The Beginning of a New Stage in China-North Korea Relations (2018–2020). *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'*, 25: 243–261. doi: 10.24411/26186888202010015 (in Russian).
- Asmolov K.V., Babaev K.V. 2024. Trekhpoljarnyj mir i blokovye treugol'niki v Vostochnoj Azii [The Tripartite World and Bloc Triangles in East Asia]. *Rossiya v global'noj politike*, 22, 3 (127): 165–181. doi: 10.31278/1810-6439-2024-22-3-165-181
- Zhebin A.Z. 2018. KNDR i RK – 70 let [DPRK and RK – 70 Years]. Moscow, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, 376 p.
- Zaharova L.V. 2013. Vneshneekonomicheskie svyazi KNDR v XXI veke i perspektivy ih razvitiya pri Kim Chen Yne [Foreign Economic Relations of the DPRK in the 21st Century and Prospects for Their Development under Kim Jong Un]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 4: 81–97.
- Zaharova L.V. 2021. Relations between Russia and the DPRK in the Face of COVID-19 Pandemic (2020–2021). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 38: 46–50, <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.38.46> (in Russian).
- Zaharova L.V. 2023. Prospects for Economic Relations between Russia and the DPRK in the New Geopolitical Conditions. *MIRES*, 4: 16–30 (in Russian).
- Istochnik: SB OON odobril poezdku delegacii KNDR na Olimpiadu v Phyonchkan [Source: UN Security Council Approved the DPRK Delegation's Trip to the Pyeongchang 2018 Olympics]. 2018. TASS. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4942766> (accessed: 10 February 2025).
- Korgun I.A., Toloraya G.D. 2019. The Impact of Sanctions on North Korea's Foreign Trade from the Perspective of the Comparative Advantage Theory. *Ekonomika i upravlenie*, 6 (164): 4–15 (in Russian). doi: 10.35854/1998-1627-2019-6-4-15
- Krasikov V.V. 2023. Transformation of Russia's Approaches to the DPRK at the Beginning of the XXI Century. *Pacific RIM: Economics, Politics, Law*, 25, 3: 97–105 (in Russian). <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-3/97-105>
- Otchyot o vneshnej trgovle mezhdru Rossiej i KNDR (Severnoj Koreej) v 2018 godu: tovarooborot, eksport, import, struktura, tovary, dinamika [Report on Foreign Trade Between Russia and the DPRK (North Korea) in 2018: Turnover, Export, Import, Structure, Goods, Dynamics]. *Vneshnyaya trgovlya Rossii*. Available at: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdru-rossiej-i-kndr-severnoj-koreej-v-2018-g/> (accessed: 05 February 2025).
- Otchyot o vneshnej trgovle mezhdru Rossiej i KNDR (Severnoj Koreej) v 2020 godu: tovarooborot, eksport, import, struktura, tovary, dinamika [Report on Foreign Trade Between Russia and the DPRK (North Korea) in 2020: Turnover, Export, Import, Structure, Goods, Dynamics]. *Vneshnyaya trgovlya Rossii*. Available at: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdru-rossiej-i-kndr-severnoj-koreej-v-2020-g/> (accessed: 10 February 2025).
- Rybakov R.B. 2008. *Istorija Vostoka. V 6 t. T. 6: Vostok v novejsij period (1945–2000 gg.)* [History of the East. In 6 vols. Vol. 6: The East in the Modern Period (1945–2000)]. Moscow, Publishing House "Vostochnaya Literatura", Russian Academy of Sciences, 1095 p.
- Statistika vneshnej trgovli Rossii. KNDR [Foreign Trade Statistics of Russia. DPRK]. 2010. *Vneshnyaya trgovlya Rossii*. Available at: <https://russian-trade.com/statistics/by-country/north-korea/export/2010/> (accessed: 18 February 2025).
- Toloraya G.D. 2019. U vostochnogo poroga Rossii. Eskizy korejskoj politiki nachala XXI veka [At Russia's Eastern Threshold. Sketches of Korean Policy in the Early 21st Century]. Moscow, "Dashkov & Co," 424 p.
- Torkunov A.V. 2000. Zagadochnaya vojna: Korejskij konflikt 1950–1953 gg. [The Enigmatic War: The Korean Conflict 1950–1953]. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 312 p.
- Cherkashin P.V. 2015. Rossijsko-severokorejskie otnosheniya na sovremennom etape i perspektivy ih razvitiya [Russian-North Korean Relations at the Present Stage and Prospects for Their Development]. *Izvestiya Vostochnogo Instituta*, 2 (26): 30–37.
- Death Rate from Malnutrition. Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/death-rate-from-malnutrition?tab=chart&country=~PRK> (дата обращения: 10.06.2025)
- Haggard M.T. 1965. North Korea's International Position. *Asian Survey*, 5, 8: 375–388. <https://doi.org/10.2307/2642410>

Kim Doug J. 2012. Russian Influence on North Korea: Views of Former South Korean Ambassadors to Russia. *The Korean Journal of Defense Analysis*, 24, 3: 391–404.

Russia Exports to North Korea. *Trading Economics*. URL: <https://tradingeconomics.com/russia/exports/north-korea> (дата обращения: 10.06.2025).

UN Documents for DPRK (North Korea). Security Council Report. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/un-documents/dprk-north-korea/> (дата обращения: 18.02.2025).

The US Attempt to Create a New Missile Defense System is a New "Star Wars" Concept that seriously undermines the Global Security Balance [Попытка США создать новую систему противоракетной обороны является новой концепцией «звёздных войн», которая серьёзно разрушает глобальный баланс безопасности]. 2025. *민주조선*. URL: <https://www.minzu.rep.kp/Home/index/disp/5851/ko> (дата обращения: 10.06.2025) (in Korean)

The People of Russia Will Inevitably Achieve the Victory of Justice [Народ России обязательно одержит победу справедливости]. 2022. *민주조선*. URL: <https://www.minzu.rep.kp/Home/index/disp/4535/ko> (дата обращения: 10.06.2025) (in Korean)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 26.12.2025

Received 26.12.2025

Поступила после рецензирования 20.01.2026

Revised 20.01.2026

Принята к публикации 20.01.2026

Accepted 20.01.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гамерман Евгений Вячеславович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Биробиджан, Россия

Evgenii V. Gamerman, Candidate of Sciences in History, Senior Researcher, Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Birobidzhan, Russia

 [ORCID: 0000-0003-0225-0030](https://orcid.org/0000-0003-0225-0030)

УДК 327.7

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-1-222-231

EDN URTVHN

Оригинальное исследование

Экономические последствия Brexit: результаты и перспективы

Орехова М.С. , Колычева С.К.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85,
E-mail: orechova@bsuedu.ru, kolycheva@bsuedu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются последствия выхода Великобритании из Европейского Союза для экономического развития страны. Проведен компаративный анализ различных сценарных прогнозов влияния Brexit на макроэкономические параметры британской экономики. Авторы сопоставляют их с реальными изменениями в объеме производства, внешней торговле, инвестиционных потоках, динамике занятости производительности труда. Количественные данные свидетельствуют о сокращении совокупного объема производства на 6 %, что эквивалентно упущенным 140 млрд фунтов стерлингов. Выявлено влияние нетарифных ограничений на падение торгового оборота с европейскими странами, которое не удалось компенсировать переориентацией торговых потоков на глобальный рынок. Авторы проанализировали настроения британского общества, выявив разочарование британцев в Brexit: в настоящее время более 56 % из них считают ошибкой выход из ЕС. Авторы делают общий вывод, что отделение Великобритании от континентального блока представляет собой продолжающийся процесс экономического и институционального размежевания, долгосрочные последствия которого будут негативно сказываться на экономике страны на протяжении следующего десятилетия, а продолжающаяся общественная дискуссия вокруг Brexit будет актуализировать вопрос отношений с ЕС в политической повестке.

Ключевые слова: Великобритания, ЕС, Brexit, анализ последствий выхода, экономическая дезинтеграция

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Орехова М.С., Колычева С.К. 2026. Экономические последствия Brexit: результаты и перспективы. *Via in tempore. История. Политология*, 53(1): 222–231. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-222-231. EDN: URTVHN

Economic Consequences of Brexit: Results and Prospects

Marina S. Orekhova , Sabina K. Kolycheva

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: orechova@bsuedu.ru, kolycheva@bsuedu.ru

Abstract. The article examines the impact of the UK's withdrawal from the European Union on the country's economic development. A comparative analysis of various scenario forecasts of the impact of Brexit on the macroeconomic parameters of the British economy has been carried out. The authors compare them with actual changes in the volume of production, foreign trade, investment flows, employment dynamics, and labor productivity. Quantitative data indicate a six percent reduction in total output, which is equivalent to a loss of 140 billion pounds. The impact of non-tariff restrictions on the decline in trade turnover with European countries has been revealed, which failed to be compensated by the reorientation of trade flows in the global market. The authors have analyzed the mood of British society, revealing British disappointment in Brexit: currently, more than 56% of them consider leaving the EU to be a mistake. The findings make it possible to conclude that the separation of Great Britain from the continental bloc is an ongoing process of

economic and institutional separation, the long-term consequences of which will negatively affect the country's economy over the next decade, and the ongoing public discussion around Brexit will bring the issue of relations with the EU to the political agenda.

Keywords: United Kingdom, EU, Brexit, analysis of exit consequences, economic disintegration

Funding. The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Orekhova M.S., Kolycheva S.K. 2026. Economic Consequences of Brexit: Results and Prospects. *Via in tempore. History and political science*, 53(1): 222–231 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-222-231. EDN: URTVNH

Введение

На сегодняшний день процесс выхода Великобритании из Европейского Союза представляет собой уникальный в новейшей экономической истории пример масштабной дезинтеграции пространства общего рынка, повлекшего фундаментальную перестройку торговых, инвестиционных и институциональных связей, определявших развитие британской экономики на протяжении почти пяти десятилетий. Спустя несколько лет после оформления нового статуса отношений накоплен значительный массив эмпирических данных, позволяющих сопоставить многочисленные прогнозы и реализовавшиеся последствия Brexit для экономики Великобритании.

Актуальность проблемы данного исследования обусловлена в том числе наличием существенного методологического и фактологического разрыва между первоначальными дискуссиями, насыщенными политическими нарративами и сценарными прогнозами, и необходимостью комплексной, верифицируемой оценки уже реализовавшихся экономических эффектов. Необходимо подчеркнуть наличие методологической проблемы выделения «чистого Brexit-эффекта» для британской экономики, испытавшей также глобальные последствия пандемии COVID-19, инфляционного давления, вызванного ростом цен на энергоносители и геополитической турбулентности на европейском континенте. Сложности такого анализа обуславливают отсутствие консенсуса в научном сообществе и широкую общественно-политическую дискуссию вокруг реализации Brexit. В связи с этим представляется важным рассмотреть динамику британского общественного мнения по комплексу проблем выхода из ЕС и оценки его последствий.

Целью нашего исследования является анализ последствий Brexit для британской экономики в настоящее время и оценка прогнозов ее развития в ближайшее десятилетие, а также их влияние на европейский курс Великобритании.

Объект, метод и материалы исследования

Объектом исследования является динамика экономического развития Великобритании в период ее институционального отделения от Европейского Союза с 2016 по 2025 годы. В работе проводится комплексный анализ макроэкономических показателей – валовой внутренний продукт, объемы международной торговли, инвестиционная активность, производительность труда.

Одним из ключевых методов, использованных авторами статьи, является компаративный анализ сценариев, при котором текущие британские экономические индексы сравниваются с контрфактическими прогнозами экономического развития при условии сохранения членства в ЕС. Данный метод позволил изолировать чистый эффект Brexit от влияния других глобальных факторов (пандемия, геополитические потрясения). Кроме того, в статье авторами применен метод аналитического исследования статистических источников, позволивший проследить динамику общественных настроений по проблеме членства страны в ЕС, ожиданий и реальных результатов выхода из общеевропейского пространства, а также текущих представлений об отношении Великобритании с европейским сообществом.

Ключевыми материалами исследования стали отчеты по оценке влияния Brexit на ВВП, торговлю, инвестиции и производство Управления бюджетной ответственности Великобритании; прогнозы и модели Cambridge Econometrics и аналитические материалы Bristol Productivity Institute, Aston University, отчеты Управления национальной статистики Соединенного Королевства. Эволюцию британского общественного мнения о Brexit позволили проследить опросные данные компании YouGov.

Анализ темы исследования и его обсуждение

Прежде всего, анализ экономических последствий выхода из ЕС требует комплексного подхода, который учитывает как макроэкономические показатели, так и качественные изменения в структуре экономики, торговых связей, инвестиционных потоках и производительности труда в Великобритании. Можно сказать, что период с 2016 года по настоящее время представляет достаточную временную ретроспективу для анализа фактических результатов Brexit и оценки ряда экономических прогнозов, составленных во второй половине 2010-х гг.

Можно выделить несколько фаз воздействия Brexit на экономику Соединенного королевства:

- фаза 1 – 2016–2020 гг.: немедленный шок, обесценивание фунта на 12 % и рост инфляции на 1,7 %, неопределенность будущих торгово-экономических отношений с ЕС;
- фаза 2 – 2021–2023 гг.: краткосрочная адаптация к Соглашению о торговле и сотрудничестве с ЕС;
- фаза 3 – 2024–2035(прогноз) гг.: структурная перестройка экономики, снижение торговой открытости.

Решение о выходе Великобритании из ЕС повлекло за собой долгие переговоры об условиях экономической дезинтеграции и будущих торговоэкономических отношений. В 2018 году британское правительство представило несколько возможных сценариев выхода страны из общеевропейского экономического пространства и прогнозов для британской экономики. Все варианты предусматривали рост издержек от будущих торговых барьеров, но в долгосрочной перспективе экономика страны продолжит расти. Наиболее интересным представляется сценарий «моделируемое среднее соглашение о свободной торговле», поскольку реальные условия разъединения британской и европейской экономик оказались близкими к этому прогнозу. Такой сценарий предполагал сокращение доли торговли в ВВП на 4,9 % [EU Exit Long-term..., 2018].

Длительные и напряженные переговоры завершились подписанием Соглашения о торговле и сотрудничестве между ЕС и Великобританией, вступившего в силу в 2021 г. Оно сохранило беспопытный и бескровный характер торговли товарами и услугами между сторонами, но предусматривало таможенный контроль, возможность дополнительного налогообложения и другие нетарифные ограничения, что отразилось на внешнеторговом обороте. Падение доли торговли в ВВП значительно превысило оптимистический прогноз правительства и составило 12 % к уровню 2019 года, что в два с половиной раза больше, чем в любой другой стране G7, также пострадавшей от пандемии. Сопоставление динамики британских макроэкономических показателей с параметрами других развитых стран позволяет вычленить «чистый» Brexit-эффект. К концу 2021 года экспорт товаров из Великобритании в ЕС был на 9 % ниже уровня 2019 года, в то время как импорт товаров из Евросоюза упал на 18 %. Наиболее пострадал импорт услуг из ЕС, просевший на 30 % [The latest evidence..., 2022]. Негативно сказалось снижение заинтересованности импортеров в относительно небольшом британском рынке, для выхода на который теперь требуется дополнительная сертификация, разработка новых логистических маршрутов, таможенное оформление и т. д. Согласно данным Управления национальной статистики, к 2025 году британской экономике не удалось преодолеть негативные тенденции – стоимость экспорта товаров упала на 1,1 млрд фунтов

стерлингов (3,3 %) из-за снижения экспорта как в страны ЕС (5,3 %), так и в страны, не входящие в Евросоюз (1,5 %) [UK trade: August 2025..., 2025].

Не все представители британской аналитики согласны с негативными оценками влияния Brexit на внешнеторговый оборот Соединенного Королевства. Авторитетный Институт экономических исследований в ноябре 2023 года опубликовал опровержение очередного доклада Управления бюджетной ответственности. В статье утверждается, что выход из ЕС не оказал существенного влияния на внешнеторговый оборот, поскольку Соглашение о торговле и сотрудничестве с ЕС сохраняет беспошлинную и бесквотную торговлю товарами и услугами. По данным исследования, с 2019 по 2022 год экспорт товаров и услуг в ЕС вырос на 13,5 % и 14,8 % соответственно, что сопоставимо с ростом экспорта британских товаров за пределы европейского блока. Автор статьи Кэтрин Макбрайт упрекает Управление бюджетной ответственности в некорректной интерпретации данных торговой статистики, преувеличении влияния нетарифных ограничений на торговлю с ЕС, использовании устаревших данных при составлении прогнозов и политической ангажированности руководителей Управления [Mcbride C. Has Brexit..., 2023].

Однако, несмотря на бесспорную квалификацию и осведомленность автора, долгое время проработавшего в Министерстве финансов Соединенного королевства, ее выводы противоречат результатам большинства исследований, а политическая позиция активной сторонницы Brexit бросает тень на объективность исследователя, намеренно занижающего влияние нетарифных ограничений на торговлю с европейскими странами. В 2024 году британское бюджетное ведомство в очередной раз отчиталось об отставании темпов роста внешней торговли от других развитых экономик, которым удалось восстановиться после пандемии, в то время как внешнеторговый оборот Великобритании все еще был на 10 % ниже уровня 2019 года (по состоянию на конец 2023 г.) [Economic and fiscal outlook..., 2024].

Что касается других макроэкономических показателей, то в 2022 году Управление бюджетной ответственности Великобритании прогнозировало, что совокупный эффект Brexit выразится в сокращении ВВП примерно на 4 % по сравнению со сценарием сохранения членства в Евросоюзе, что эквивалентно приблизительно 100 млрд фунтов стерлингов в год, выход из ЕС приведет к сокращению торговли почти на 15 % как в сфере товарооборота, так и в сфере услуг [The latest evidence..., 2022].

Исследование, проведенное Cambridge Econometrics по заказу мэрии Лондона в 2024 году, показало более значительный ущерб выхода из общего рынка для британской экономики. Так, реальная валовая добавленная стоимость товаров и услуг, произведенных в Великобритании к 2023 году, была примерно на 140 млрд фунтов стерлингов (6 %) ниже альтернативного сценария сохранения страны в Едином рынке и Таможенном союзе. Cambridge Econometrics прогнозирует, что к 2035 году британская экономика лишится 311 млрд фунтов стерлингов реального валовой добавленной стоимости, что на 10,1 % меньше контрфактного прогноза [London's Economy After Brexit..., 2024] (рис. 1).

Негативное воздействие Brexit подтверждается данными Национального бюро экономических исследований США. Исследовательская группа под руководством Николаса Блума в ноябре 2025 г. опубликовала результаты комплексного анализа развития британской экономики с 2016 года, основанного на микро- и макроэкономических стратегиях оценки, что позволило отделить эффект Brexit от других экономических шоков. Прогнозы авторов выглядят еще более пессимистичными по сравнению с данными Управления бюджетной ответственности или Международного валютного фонда: в долгосрочной перспективе британский ВВП сократится на 6–8 %. Затянувшаяся неопределенность на этапе оформления выхода из европейского экономического пространства, а также ожидаемое падение спроса на товары и услуги негативно сказались на поведении рынков: инвестиции сократились на 12–18 %, что привело к снижению производительности и занятости на 3–4 %. Закономерно, что сильнее других пострадали фирмы, ориентированные на внешние рынки [Bloom, Bunn, Mizen, 2025].

Scenario	Central			Counterfactual			Diff. from CF
	2023	2035	growth p.a.	2023	2035	growth p.a.	2035
GVA (£2019bn)	2,207.0	2,771.2	1.9%	2,346.9	3,082.7	2.3%	-10.1%
Employment (millions)	35.3	37.2	0.4%	37.1	40.2	0.7%	-7.4%
Productivity (£2019k / job)	62.5	74.5	1.5%	63.2	76.8	1.6%	-3.0%
Investment (£2019bn)	520.9	620.0	1.5%	635.3	917.3	3.1%	-32.4%
Exports (£2019bn)	648.2	691.8	0.5%	683.9	725.2	0.5%	-4.6%
Imports (£2019bn)	708.8	673.6	-0.4%	773.5	800.3	0.3%	-15.8%

Рис. 1. Сценарии развития экономического положения Великобритании после Brexit

Fig. 1. Scenarios of the development of the UK's economic situation after Brexit

Исследование воздействия нетарифных барьеров на инвестиции и производительность в британской экономике было проведено Советом по экономическим и социальным исследованиям в 2025 году. На основе динамической стохастической модели общего равновесия авторы подтверждают выводы предыдущих исследований о сокращении внешнеторгового оборота между ЕС и Великобританией, но корректируют оценки глубины падения: по их мнению, общий импорт из ЕС сократился на 23,7 %, а экспорт – на 18,6 %. Нетарифные ограничения выразились в ужесточении таможенного контроля, введении правил происхождения товаров, росте бюрократических препятствий. Что касается производительности труда и объема инвестиций, то ущерб исключительно от нетарифных барьеров авторы оценивают в 1,2 % и связывают с нежеланием ТНК инвестировать в изолированный от ЕС британский рынок, что сокращает доступ к иностранным технологиям и человеческому капиталу. Если учесть, что и в предыдущий период инвестиционная активность существенно отставала от общеевропейской, перспективы для британской экономики выглядят еще более пессимистичными [Kaуa, Low, Millard, 2025].

В октябре 2025 года представитель Банка Англии Эндрю Бейли предупредил общественность, что Brexit будет иметь негативное влияние на экономический рост Великобритании «в обозримом будущем», сказав, что снижение потенциального роста Британии с 2,5 % до 1,5 % за последние 15 лет будет связано с замедлением роста производительности, стареющим населением, торговыми ограничениями и постбрекситовской экономической политикой [Brexit impact..., 2025].

Сторонники Brexit доказывали, что Великобритания сможет компенсировать ущерб от снижения торгового оборота с ЕС диверсификацией торговых связей. Выход из экономической интеграции, возвращение контроля за внешней торговлей и построение «Глобальной Британии» были важными аргументами брекзитеров. За прошедшие годы Великобритания смогла добиться ряда преференциальных торговых соглашений, наиболее значимым из которых стало присоединение к соглашению о свободной торговле (СРТРР) между 11 странами Индо-Тихоокеанского региона, включающими Австралию, Бруней, Канаду, Чили, Японию, Мексику, Малайзию, Новую Зеландию, Перу, Сингапур и Вьетнам. Потенциальный экономический эффект от соглашения оценивался в прирост ВВП на 1,8 млрд фунтов стерлингов за 10 лет, при этом ожидалось, что экспорт Великобритании внутри СРТРР может быть увеличен на 2,5 млрд фунтов [СРТРР agreement marks..., 2025]. Однако достигнутые к 2025 году результаты оказались гораздо скромнее: по оценке аналитиков Центра европейских реформ, подписанные соглашения смогут компенсировать 0,2–0,35 % от общего ущерба Brexit [Spyrakou, 2025].

Опросы общественного мнения демонстрируют разочарование британцев в Brexit. Надежды на «Take back control» обернулись замедлением экономического роста, реализация концепта «Глобальная Британия» осложняется глобальной неопределенностью и

трансформацией существующего миропорядка. В 2016 году за выход из ЕС проголосовало 51,8 % участников референдума при общественной поддержке 68 % населения. В 2025 году лишь две трети голосовавших за выход из ЕС продолжают считать свое решение правильным, но только 13 % британцев оценивают Brexit как успешный, в то время как 61 % рассматривают его как провальный. В целом 56 % британцев разделяют мнение, что решение о выходе из ЕС было ошибочным, а 65 % высказываются за сближение с ЕС [How do Britons feel..., 2025] (рис. 2).

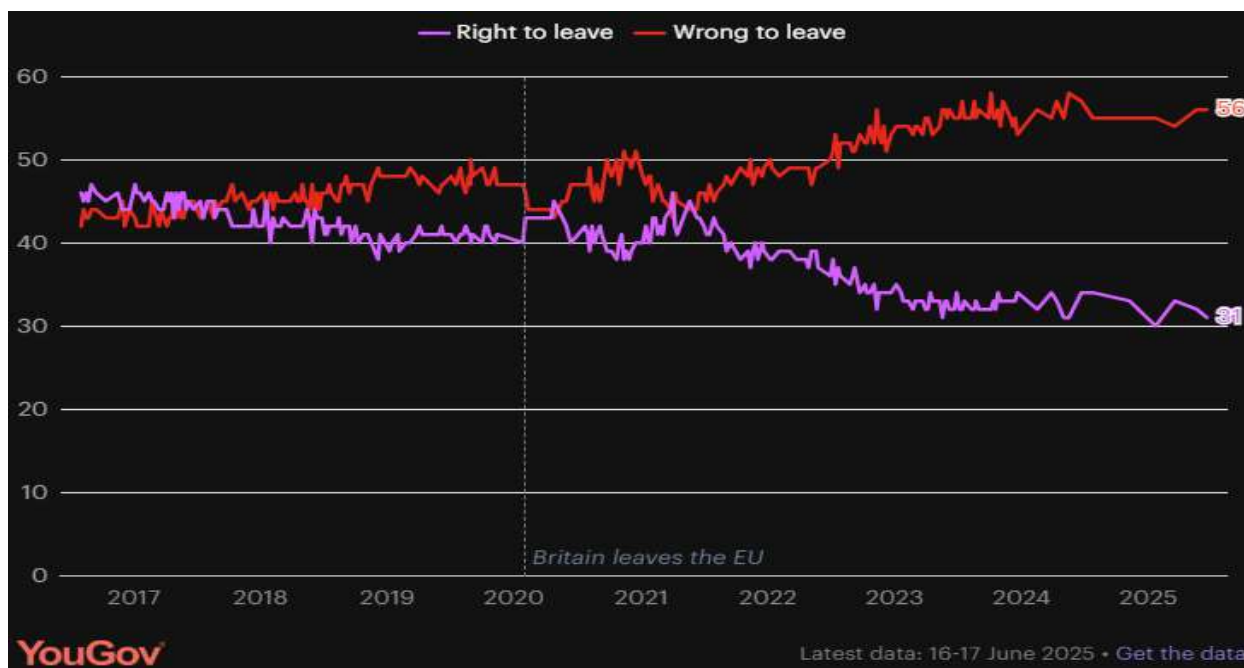

Рис. 2. Данные YouGov в рамках опроса британской общественности по вопросу правильности выхода из ЕС

Fig. 2. YouGov data from a survey of the British public on the correctness of leaving the EU

Заметна дифференциация отношения к Brexit в разных возрастных группах. В когорте британцев 18–24 лет, которые не могли принимать участие в референдуме 2016 г. в силу возраста, 75 % опрошенных считают ошибочным решение о выходе из ЕС, среди группы 25–49 лет такое мнение разделяют 67 % опрошенных. В то же время среди лиц старше 65 лет, активно участвовавших в голосовании, 55 % по-прежнему считают выход из Евросоюза правильным решением [In hindsight..., 2025].

Опрос NatCen Opinion Panel, проведенный в июле 2024 года, продемонстрировал, что 51 % британцев считают, что в течение следующих пяти лет необходим новый референдум, при этом 29 % – «точно» должно быть голосование, а около 23 % оценивают необходимость как «вероятную». Среди избирателей находящейся сейчас у власти Лейбористской партии доля сторонников евроинтеграции еще выше: 66 % поддерживают идею нового референдума, на котором 78 % готовы отдать свой голос за восстановление членства страны в ЕС [Public attitudes..., 2024]. Летом 2025 года 56 % лейбористского электората назвали возвращение в ЕС правильным приоритетом деятельности текущего правительства [Nine years after..., 2025]. Однако, несмотря на подавляющую поддержку возвращения Великобритании среди европейцев – 66 %, этот вопрос не стоит в актуальной политической повестке [Walters, 2026].

Разочарование в результатах Brexit, кризис стоимости жизни, рост глобальной неопределенности подталкивают лейбористское правительство к перезагрузке отношений с Европейским Союзом и поиску путей преодоления деструктивных последствий выхода из ЕС. В мае 2025 г. на первом саммите ЕС – Великобритания стороны заявили о начале переговоров и создании общей санитарной и фитосанитарной зоны, что облегчит британским аграриям доступ на европейский рынок. Планируемое объединение рынков углеводородных выбросов

позволит в перспективе избежать двойного налогообложения углеродоемких товаров и будет способствовать достижению целей устойчивого развития. Предварительные расчеты показывают, что достижение договоренности по этим вопросам может увеличить ВВП Великобритании на 0,3–0,7 % [Springford, 2024].

Результаты и выводы

Выход из европейского экономического пространства определил экономическую реальность для Великобритании, в которой страна выстраивает новую модель экономического суверенитета. Многочисленные исследования, основанные на сопоставлении сценарных прогнозов развития британской экономики в составе ЕС и реальных макроэкономических показателей, убедительно демонстрируют негативное воздействие Brexit на торговлю, инвестиции и производительность труда. Расхождения в оценках глубины воздействия выхода из единого рынка отражают разность методологических подходов и выбора контрфактных прогнозов для сравнения с текущими макроэкономическими данными. Консенсус среди экономистов, подтверждаемый обширными эмпирическими данными и множественными независимыми исследованиями, заключается в том, что Brexit нанес существенный ущерб британской экономике, а перспективы его преодоления не выглядят обнадеживающими.

Ключевыми вызовами остаются высокие транзакционные издержки в торговле с ЕС, необходимость переориентации торговых потоков на другие рынки через заключение соглашений о свободной торговле, а также сохранение макроэкономической стабильности в условиях возросшей неопределенности. Наиболее негативно на экономическом развитии страны сказались нетарифные ограничения в торговле с Евросоюзом: таможенное оформление, санитарный и фитосанитарный контроль, правила происхождения товаров, лицензирование части услуг, новые стандарты и сертификации, бюрократическое давление и разрывы в цепи поставок для предприятий, особенно малого и среднего бизнеса. Падение торгового оборота с европейскими странами не удалось компенсировать заключением преференциальных сделок с партнерами за пределами ЕС. Эти факторы определяют нарастающее разочарование британцев в Brexit, а проблемы и перспективы отношений с ЕС не покидают британскую политическую повестку, вынуждая текущее лейбористское правительство взять курс на «перезагрузку» отношений Великобритании с Европейским Союзом.

Список источников

- Brexit Impact on UK Economy ‘Negative for Foreseeable Future’, Bank of England Chief Says. 2025. Sky News. URL: <https://news.sky.com/story/brexit-impact-on-uk-economy-negative-for-foreseeable-future-bank-of-england-chief-says-13452747> (accessed: 15.10.2025).
- Brexit Institute 8th Annual Report. 2025. Dublin European Law Institute. URL: <https://dcubrexitinstitute.eu/wp-content/uploads/2025/06/Brexit-Institute-DELI-Annual-Report-2025.pdf> (accessed: 15.10.2025).
- CPTPP Agreement Marks Significant Global Trade Moment for UK. 2025. Hawksford. URL: <https://www.hawksford.com/insights-and-guides/cptpp-agreement-in-uk> (accessed: 15.10.2025).
- Economic and Fiscal Outlook - October 2024. Office of Budget Responsibility. URL: <https://obr.uk/efo/economic-and-fiscal-outlook-october-2024/#chapter-2> (accessed: 15.10.2025).
- EU Exit Long-term Economic Analysis November 2018. HM Government. URL: <https://euagenda.eu/publications/eu-exit-long-term-economic-analysis-november-2018> (accessed: 15.10.2025).
- How do Britons feel about Brexit Five Years on? 2025. YouGov. URL: <https://yougov.co.uk/politics/articles/51484-how-do-britons-feel-about-brexit-five-years-on> (accessed: 15.10.2025).
- In Hindsight, do you Think Britain Was Right or Wrong to Vote to Leave the European Union? 2025. Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1393682/brexit-opinion-poll-by-age/> (accessed: 15.10.2025).
- London’s Economy after Brexit: Impacts and Implications. 2024. Cambridge Econometrics. URL: https://www.camecon.com/hubfs/GLA_Impacts-of-Brexit-report_Final.pdf (accessed: 15.10.2025).

- Nine Years after the EU Referendum, where does Public Opinion Stand on Brexit? YouGov. URL: <https://yougov.co.uk/politics/articles/52410-nine-years-after-the-eu-referendum-where-does-public-opinion-stand-on-brexite> (accessed: 15.10.2025).
- Public Attitudes to a New EU Referendum. 2024. National Centre for Social Research. URL: <https://natcen.ac.uk/public-attitudes-new-eu-referendum> (accessed: 15.10.2025).
- The Latest Evidence on the Impact of Brexit on UK Trade. 2022. Office of Budget Responsibility. URL: <https://obr.uk/box/the-latest-evidence-on-the-impact-of-brexite-on-uk-trade/> (accessed: 15.10.2025).
- UK Overseas Trade in Goods Statistics: November 2025. 2026 GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/uk-overseas-trade-in-goods-statistics-november-2025/uk-overseas-trade-in-goods-statistics-november-2025-commentary> (accessed: 15.01.2026).
- UK trade: August 2025. Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/economy/nationalaccounts/balanceofpayments/bulletins/uktrade/august2025> (accessed: 15.10.2025).

Список литературы

- Фадеева И.А. 2024. Анализ последствий Брекзита на территории Великобритании: что дальше? Общество: политика, экономика, право, 6: 102–107.
- Bloom N., Bunn Ph., Mizen P. 2025. The Economic Impact of Brexit. NBER Working Paper Series. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w34459/w34459.pdf (accessed: 15.10.2025).
- Breinlich H. 2024. Die wirtschaftlichen Folgen des Brexits. Zeitschrift für Wirtschaftspolitik, 73: 40–46. <https://doi.org/10.1515/zfw-2024-2007>.
- Chazzaoui T. 2025. The Impact of Brexit on International Logistics: Challenges and Opportunities for Businesses. Brazilian Journal of Development. 11(5). 01–10. <https://doi.org/10.34117/bjdv11n5-066>.
- Gao Y., Cui F. 2025. Brexit and Pound's International Trade Competitiveness: A Counterfactual Analysis. World Econ. 48: 1174–1191. <https://doi.org/10.1111/twec.13685>.
- Du J., Shepotylo O. 2024. Brexit and the Services Trade—A Longitudinal Analysis. Journal of Service Research, 29: 115–131. <https://doi.org/10.1177/10946705241271384>.
- Du J., Shepotylo O., Yuan X. 2025. How did the Brexit Uncertainty Impact Services Exports of UK firms? Journal of International Business Policy, 8: 80–104. <https://doi.org/10.1057/s42214-024-00202-6>.
- Javorcik B., Kett B., Stapleton K., O’Kane L. 2025. Unravelling Deep Integration: Local Labour Market Effects of the Brexit Vote. Journal of the European Economic Association. URL: [Unravelling Deep Integration: Local Labour Market Effects of the Brexit Vote - Journal of the European Economic Association, 2025](https://doi.org/10.1093/jeea/jvaf040) (accessed: 15.10.2025). <https://doi.org/10.1093/jeea/jvaf040>.
- Jin N. 2025. Impacts of Brexit on Corporate Productivity in the UK: A Regionalism Perspective. The Annals of Regional Science. 74. URL: [Impacts of Brexit on corporate productivity in the UK: a regionalism perspective | The Annals of Regional Science | Springer Nature Link](https://doi.org/10.1007/s00168-025-01380-8) (accessed: 15.10.2025) <https://doi.org/10.1007/s00168-025-01380-8>.
- Kaya A., Low H., Millard S. 2025. Brexit and Non-Tariff Barriers: Effects on UK Business Investment and Productivity. The Productivity Institute. URL: <https://www.productivity.ac.uk/wp-content/uploads/2025/08/WP057-Brexit-and-Non-Tariff-Barriers-August-2025.pdf> (accessed: 15.10.2025).
- McAreavey R., Wright K., Donaldson R. 2025. Social Justice in Post-Conflict Societies: Lessons From Northern Ireland. The British Journal of Sociology, 76: 645–656. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.13207>.
- Mcbride C. Has Brexit Really Harmed UK Trade? Countering the Office for Budget Responsibility’s claims. 2023. Institute of Economic Affairs. URL: <https://iea.org.uk/publications/has-brexite-really-harmed-uk-trade-countering-the-office-of-budgetary-responsibilitys-claims/> (accessed: 15.10.2025).
- Onaran Ö. 2025. Uncertainty Kills the Cake: Economy and Society After Brexit and Beyond. Border Crossing. June 2025. 15(3), 113–120 <https://doi.org/10.33182/bc.v15i3.2927>.
- Portes J. 2025. From EU Expansion to Brexit: Free Movement and the UK from 2004 to 2021. Border Crossing. June 2025. 15(3): 3–15. <https://doi.org/10.33182/bc.v15i3.2919>.
- Shi S. 2025. An Analytical Study of Brexit as a Turning Point in the UK's Economic Policies in the European Region. Advances in Economics, Management and Political Sciences, 75–80. <https://doi.org/10.54254/2754-1169/2025.22112>.

- Song J. 2024. Research on the Effects of Brexit on the UK Economy. *Advances in Economics, Management and Political Sciences*, 229–235. <https://doi.org/10.54254/2754-1169/60/20231215>.
- Springford J. 2024. The Gap between the Brexit Reset Rhetoric and the Reality. Centre for European Reform. URL: <https://www.cer.eu/insights/gap-between-brexit-reset-rhetoric-and-reality> (accessed: 15.10.2025).
- Spyrakou V. 2025. Functional, not Federal – why Pragmatism Now Defines the EU-UK Relationship. The London School of Economics and Political Science. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2025/11/25/functional-not-federal-why-pragmatism-now-defines-the-eu-uk-relationship/> (accessed: 27.11.2025).
- Walters S. 2026. Brexit has Made Everything from Economy to Immigration Worse in Britain, New Poll Reveals. *Independent*. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/brexit-uk-economy-immigration-eu-starmer-b2895257.html> (accessed: 08.01.2026).
- Zhu Y. 2024. Research on Political and Economic Trends before and after Brexit: Take the Position of the Pound and Changes in the Exchange Rate as an Example. *Journal of Education, Humanities and Social Sciences*, 31: 140–145. <https://doi.org/10.54097/yxzc5p07>.

References

- Fadeeva I.A. 2024. Analiz posledstvij Brekzita na territorii Velikobritanii: chto dal'she? [Analysis of the Cosequences of Brexit in the UK: What's Next?]. *Obshhestvo: politika, jekonomika, parvo*, 6: 102–107.
- Bloom N., Bunn Ph., Mizen P. 2025. The Economic Impact of Brexit. NBER Working Paper Series. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w34459/w34459.pdf (accessed: 15.10.2025).
- Breinlich H. 2024. Die wirtschaftlichen Folgen des Brexits. *Zeitschrift für Wirtschaftspolitik*, 73: 40–46. <https://doi.org/10.1515/zfwfp-2024-2007>.
- Chazzaoui T. 2025. The Impact of Brexit on International Logistics: Challenges and Opportunities for Businesses. *Brazilian Journal of Development*. 11(5). 01–10. <https://doi.org/10.34117/bjdv11n5-066>.
- Gao Y., Cui F. 2025. Brexit and Pound's International Trade Competitiveness: A Counterfactual Analysis. *World Econ*. 48: 1174–1191. <https://doi.org/10.1111/twec.13685>.
- Du J., Shepotylo O. 2024. Brexit and the Services Trade—A Longitudinal Analysis. *Journal of Service Research*, 29: 115–131. <https://doi.org/10.1177/10946705241271384>.
- Du J., Shepotylo O., Yuan X. 2025. How did the Brexit Uncertainty Impact Services Exports of UK firms? *Journal of International Business Policy*, 8: 80–104. <https://doi.org/10.1057/s42214-024-00202-6>.
- Javorcik B., Kett B., Stapleton K., O’Kane L. 2025. Unravelling Deep Integration: Local Labour Market Effects of the Brexit Vote. *Journal of the European Economic Association*. URL: [Unravelling Deep Integration: Local Labour Market Effects of the Brexit Vote - Journal of the European Economic Association, 2025](https://doi.org/10.1093/jeea/jvaf040) (accessed: 15.10.2025). <https://doi.org/10.1093/jeea/jvaf040>.
- Jin N. 2025. Impacts of Brexit on Corporate Productivity in the UK: A Regionalism Perspective. *The Annals of Regional Science*. 74. URL: [Impacts of Brexit on corporate productivity in the UK: a regionalism perspective | The Annals of Regional Science | Springer Nature Link](https://doi.org/10.1007/s00168-025-01380-8) (accessed: 15.10.2025) <https://doi.org/10.1007/s00168-025-01380-8>.
- Kaya A., Low H., Millard S. 2025. Brexit and Non-Tariff Barriers: Effects on UK Business Investment and Productivity. The Productivity Institute. URL: <https://www.productivity.ac.uk/wp-content/uploads/2025/08/WP057-Brexit-and-Non-Tariff-Barriers-August-2025.pdf> (accessed: 15.10.2025).
- McAreavey R., Wright K., Donaldson R. 2025. Social Justice in Post-Conflict Societies: Lessons From Northern Ireland. *The British Journal of Sociology*, 76: 645–656. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.13207>.
- Mcbride C. Has Brexit Really Harmed UK Trade? Countering the Office for Budget Responsibility’s claims. 2023. Institute of Economic Affairs. URL: <https://iea.org.uk/publications/has-brexit-really-harmed-uk-trade-countering-the-office-of-budgetary-responsibilitys-claims/> (accessed: 15.10.2025).
- Onaran Ö. 2025. Uncertainty Kills the Cake: Economy and Society After Brexit and Beyond. *Border Crossing*. June 2025. 15(3), 113–120 <https://doi.org/10.33182/bc.v15i3.2927>.
- Portes J. 2025. From EU Expansion to Brexit: Free Movement and the UK from 2004 to 2021. *Border Crossing*. June 2025. 15(3): 3–15. <https://doi.org/10.33182/bc.v15i3.2919>.

- Shi S. 2025. An Analytical Study of Brexit as a Turning Point in the UK's Economic Policies in the European Region. *Advances in Economics, Management and Political Sciences*, 75–80. <https://doi.org/10.54254/2754-1169/2025.22112>.
- Song J. 2024. Research on the Effects of Brexit on the UK Economy. *Advances in Economics, Management and Political Sciences*, 229–235. <https://doi.org/10.54254/2754-1169/60/20231215>.
- Springford J. 2024. The Gap between the Brexit Reset Rhetoric and the Reality. Centre for European Reform. URL: <https://www.cer.eu/insights/gap-between-brexit-reset-rhetoric-and-reality> (accessed: 15.10.2025).
- Spyrakou V. 2025. Functional, not Federal – why Pragmatism Now Defines the EU-UK Relationship. The London School of Economics and Political Science. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2025/11/25/functional-not-federal-why-pragmatism-now-defines-the-eu-uk-relationship/> (accessed: 27.11.2025).
- Walters S. 2026. Brexit has Made Everything from Economy to Immigration Worse in Britain, New Poll Reveals. Independent. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/brexit-uk-economy-immigration-eu-starmer-b2895257.html> (accessed: 08.01.2026).
- Zhu Y. 2024. Research on Political and Economic Trends before and after Brexit: Take the Position of the Pound and Changes in the Exchange Rate as an Example. *Journal of Education, Humanities and Social Sciences*, 31: 140–145. <https://doi.org/10.54097/yxzc5p07>.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.12.2025

Received 20.12.2025

Поступила после рецензирования 10.01.2026

Revised 10.01.2026

Принята к публикации 20.01.2026

Accepted 20.01.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Орехова Марина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-0744-0258](https://orcid.org/0000-0002-0744-0258)

Marina S. Orekhova, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Chair of International Relations, Foreign Regional and Political Studies, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Колычева Сабина Константиновна, ассистент кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0008-8707-5457](https://orcid.org/0009-0008-8707-5457)

Sabina K. Kolycheva, Assistant Lecturer of the Chair of International Relations, Foreign Regional and Political Studies, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 323.2

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-1-232-238

EDN WPFDP0

Оригинальное исследование

Взаимоотношения власти и коренных народов Якутии в социально-пространственных проекциях и литературных образах

Дьячковский С.Н. , Шишкина С.К. ,

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Россия, 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, д. 58

E-mail: simon_dn83@mail.ru, Sh_sveta_7@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям отражения вопросов взаимоотношений власти и коренных народов Якутии в произведениях якутских писателей. В частности, дается разбор инструментария трактовки ключевых событий, способам формирования художественных образов. По мнению авторов, в указанных литературных текстах предприняты попытки освещения проблем самоопределения народа и его взаимоотношений с верховной властью. Методом иносказания писатели старались сформировать определенное общественное мнение среди образованных слоев коренного населения Якутии. Результаты исследования призваны определить роль художественных текстов в формировании этнической идентичности. Авторы приходят к выводу, что представители национальной интеллигенции начала XX века предлагали через литературные произведения и нарративы устного народного творчества социально-политические проекции. Они, оказав влияние на формирование идентичности и этнической картины мира, подвергались новым интерпретациям, стали катализатором дальнейшей политической активности. Изучение когнитивных стратегий прошлого дает возможность выявления специфики формирования общественного мнения в современный период.

Ключевые слова: власть, коренные народы, социально-политические проекции, политические образы, национальная идентичность, национальный герой, культурное пространство

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Дьячковский С.Н., Шишкина С.К. 2026. Взаимоотношения власти и коренных народов Якутии в социально-пространственных проекциях и литературных образах. *Via in tempore. История. Политология*, 53(1): 232–238. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-232-238. EDN: WPFDP0

The Relationship between the Authorities and the Indigenous Peoples of Yakutia in Socio-Spatial Projections and Literary Images

Semyon N. Dyachkovsky , Svetlana K. Shishkina ,

M.K. Ammosov Northeastern Federal University,
58 Belinsky St., Yakutsk 677000, Republic of Sakha (Yakutia), Russia

E-mail: simon_dn83@mail.ru, Sh_sveta_7@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the peculiarities of reflecting the relations between the government and the indigenous peoples of Yakutia in the works of Yakut writers. In particular, it provides an analysis of the tools used to interpret key events and the methods of creating artistic images. According to the authors, these literary texts attempt to address the issues of self-determination of the people and their relationship with the government. Through the use of allegory, the writers sought to shape a certain public opinion among the educated segments of the indigenous population of Yakutia. The results of the study are intended to determine the role of literary texts in the formation of ethnic identity. The authors conclude that representatives of the

national intelligentsia of the early 20th century offered socio-political projections through literary works and narratives of oral folk art. Having influenced the formation of identity and the ethnic picture of the world, they were subjected to new interpretations and became a catalyst for further political activity. The study of cognitive strategies of the past makes it possible to identify the specifics of the formation of public opinion in the modern period.

Keywords: power, indigenous peoples, socio-political projections, political images, national identity, national hero, spatial images

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Dyachkovsky S.N., Shishkina S.K. 2026. The Relationship between the Authorities and the Indigenous Peoples of Yakutia in Socio-Spatial Projections and Literary Images. *Via in tempore. History and political science*, 53(1): 232–238 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-232-238. EDN: WPFDP0

Введение

Проблема интерпретации вопросов взаимоотношения коренных народов с верховной властью в литературных проекциях актуализируется рядом факторов. Во-первых, необходимо переосмыслить роль национальной интеллигенции в общественно-политическом дискурсе. С одной стороны, она была призвана выполнять государственный заказ, создавая официальные идеологические сценарии. С другой стороны, писатели стремились вкладывать в свои произведения скрытые смыслы, обходя жесткую цензуру. Во-вторых, литература отражала общественную мысль своего времени и неизбежно формировала коллективную память общества. Между тем соответствующие нарративы транслируются последующим поколениям, эволюционно видоизменяются, за счет чего оказывают влияние на текущие политические и социальные процессы. Речь идет о многослойном феномене, который включает формирование идентичности и пространственного позиционирования. В-третьих, эти вопросы в течение длительного времени рассматриваются в рамках литературоведческого дискурса.

В этой связи необходимо предпринять попытку определения механизмов формирования социально-политических конструктов в произведениях искусства, выявления особенностей их отражения в общественном сознании.

Методология исследования

В теоретико-методологическом плане данная статья интегрирует подходы исследователей, занимавшихся изучением взаимосвязей между социально-политическими явлениями и сферой искусства, в частности литературой. Речь идет о трудах французского философа Мишеля Фуко «Слова и вещи» и «Надзор и наказание», в которых показано, как язык и категориальные структуры определяют социальную реальность и социальные нормы [Фуко, 1994]. Эти работы подкрепляют исследования социально-политических проекций, подчеркивая важность критического мышления, в частности в литературной практике.

Перспективными для данного исследования представляются выводы литературного критика Эдварда Вади Саида [Саид, 2006]. В научном труде «Ориентализм» отмечается способность литературных произведений как укреплять определенные стереотипы, так и подрывать их. Такие проекции, прежде всего, формируют мнение о внешней культурной среде, предопределяя характерное отношение к другим сообществам. Это могут быть пространственные образы, определенные чувства и ожидания. По мнению Саида, к примеру, страны Востока были обрисованы как выдуманный мир, состоящий из упрощенных образов и суждений, оправдывающих колониальное господство Запада.

Французский философ Ролан Барт в эссе «Смерть автора» представил неожиданный взгляд на литературный анализ. Как он отмечает, с течением времени смысл содержания произведения не зависит от первоначальной авторской задумки [Барт, 1994]. Другими словами, именно читатель выполняет центральную роль в дальнейшей интерпретации текста.

Это позволяет каждому по-своему воспринимать художественный текст, становится участником сотворчества новых смыслов. Применение такого подхода открывает новые горизонты для анализа социальных и политических аспектов литературы.

Исследование социально-пространственных проекций включает выявление динамики существовавших конфликтов и противоречий в обществе, определение способов конструирования образов как конкретных личностей, так и целых социальных групп, создающих основы для идентификации, а также политическую интерпретацию произведения, поиск отражения тех или иных социальных идей, наличия критики существующего строя.

Рассмотрим данное явление на примере социально-романтической драмы «Манчары» 1906 г. В.В. Никифорова-Кюлюмнюр [Никифоров, 1996], поэмы «Сон шамана» А.Е. Кулаковского, завершенной в 1910 году и выпущенной в печать в 1924 г. [Кулаковский, 2002], а также поэмы П.А. Ойунского «Красный шаман» (1918–1925 гг.) [Ойунский, 1975].

Результаты и их обсуждение

Отражение социально-исторического контекста. Конец XIX – начало XX века в России ознаменовались глубоким кризисом государственности, который затронул все слои общества и вызвал ухудшение социального положения. В условиях нарастающего недовольства и политической нестабильности идеи общественно-политических движений России начали активно распространяться. Это, в свою очередь, повлияло на формирование национального самосознания различных этнических групп. Важным аспектом этого процесса стало пробуждение культурной идентичности, которое стало возможным в том числе благодаря взаимодействию традиций, культуры и литературы. Именно в это время происходит зарождение якутской художественной литературы, которая вобрала в себя отражение жизни народа и отношение народа к существующей власти. Политическое творчество мыслителей «выражалось чаще всего в форме литературно-художественных или публицистических произведений, построенных на основе символического мышления» [Перевезенцев и Ширинянц, 2016; Перевезенцев, 2017].

Рассмотрение историко-культурного контекста, в котором создавалось произведение Василия Никифорова-Кюлюмнюр, позволяет заключить, что революционные события 1905–1907 гг. в Российской империи оказали существенное воздействие на формирование мировоззрения национальной интеллигенции Якутии, ставшей движущей силой национально-демократического движения [Степанова, 2006].

Драма Никифорова-Кюлюмнюра «Манчары» отражает стремления якутской интеллектуальной элиты, ассоциируемые с деятельностью национального объединения «Союз инородцев – якутов», которое ставило своей целью достижение самоуправления для якутского населения и обеспечение соблюдения его экономических и гражданских прав. Анализ произведения в контексте социально-политических реалий начала XX века выявляет его тесную связь с национальным самосознанием и борьбой за экономические и гражданские права [Сидоров, 1994].

Рассматривая контекст событий и социально-политический фон на примере произведения Василия Никифорова-Кюлюмнюр, отметим, что революционные события в России 1905–1906 гг. непосредственно повлияли на общественные настроения. В данной драме можно подчеркнуть чаяния якутской интеллигенции в рамках деятельности национального движения «Союз инородцев – якутов» в стремлении добиться самоуправления якутского населения на основе пространственного позиционирования, получить экономические и гражданские права. По земской реформе 1864 г. в ряде губерний европейской части России было введено земское самоуправление, но без охвата национальных окраин. «Союз якутов» был создан 4–5 января 1906 года как следствие Первой русской революции, разбудившей национальное самосознание коренных народов Российской империи. «Союз якутов» охватил своей деятельностью население крупных якутских округов (Якутского, Вилюйского и Олекминского) и привлек к участию широкий круг населения. В таком контексте образ Манчары представляется как национальный герой, призывающий сплотиться на борьбу за свои права и свободы вопреки политической системе.

В поэме «Сон Шамана» представлены раздумья писателя-мыслителя о судьбе своего народа. В варианте композиционной разбивки произведения В.Н. Протодяконов находит семь частей, отражающих динамику авторской мысли в русле развития темы произведения:

Вступление.

1. Человек и Природа.
2. Представление империализма, межнациональные отношения.
3. Классовое противостояние в Европе.
4. Мировая война и ее последствия.
5. Революция (гражданская война и ее завершение).
6. Переселение и его последствия.
7. Пути выживания нации.

Заключение-Алгыс [Протодяконов, 1994].

Поэма затрагивает описание социального кризиса как основной приметы переходного времени. Образ шамана раскрывает истоки и причины бедственного положения народов в трудный период в жизни общества. Здесь особое место занимает, на наш взгляд, шестая и седьмая части поэмы. Они посвящены размышлениям о судьбе народа саха, перед которым жизнь ставит нелегкую проблему выживания в условиях сосуществования в имперском государстве с развитой культурой и образованием. В произведении во главу угла ставится проблема самоидентификации Якутии, пространственного самоопределения и выбора пути ее развития. Писатель приходит к выводу, что лучшим вариантом становится проживание в лоне русской цивилизации.

Данный подход в форме диалога культур достаточно широко применялся среди современных исследователей истории Якутии [Иванов, 1999; Борисов, 2007; Степанова и Шишкина, 2020]. Авторы отмечали, что Российская цивилизация с момента своего становления обладала самобытными чертами, характеризующимися диалогом культур и тесной связью с конкретными территориями. В отличие от классических колониальных империй, расширение владений России происходило постепенно, что способствовало более мягкому встраиванию новых территорий в политическую и культурную структуру государства. Процессы взаимного влияния культур, адаптации и интеграции институтов власти учитывали местные традиции, не приводя к ассимиляции коренного населения «метрополий».

Сквозь призму социально-политической проекции поэмы П.А. Ойунского «Красный шаман» и А.Е. Кулаковского «Сон шамана» предстают не просто художественными произведениями, а двумя конкурирующими проектами будущего для народа в эпоху краха имперской государственности. В них архетипическая фигура шамана используется для моделирования различных форм отношений между новой политической властью и социокультурным пространством народа.

В поэме Ойунского «Красный шаман» представлена проекция молодого советского государства через этнический нарратив. Здесь главный герой одновременно выступает как проводник новой идеологии и хранитель наследия предков. На примере взаимоотношений с Орос Баем иллюстрируется непримиримая классовая борьба, невинной жертвой которого становится его дочь Айыы Куо, став символом неизбежной цены перемен.

В противоположность этому произведению поэма Кулаковского «Сон шамана» предлагает проекцию охранительно-традиционного сознания. Шаман здесь – не рупор государственной идеологии, а воплощение гражданской позиции национальной интеллигенции, стоящей перед лицом надвигающейся государственной машины радикальных преобразований. Социально-политическая проекция здесь выражает глубокую тревогу за судьбу народа не как класса, а как культурно-исторической общности.

Оба произведения являются ценными историческими свидетельствами, демонстрирующими, как в переломные эпохи литература становится полем для битвы альтернативных социально-политических проекций будущего устройства общества. Если Кулаковский представил проекцию культурной автономии народа, то Ойунский пропустил идеологию классовой борьбы через призму этнических образов и религиозных представлений.

Конструирование образов и их политическая интерпретация. В драме В.В. Никифорова-Кюльмюр через образ Манчары создана проекция бедняка как представителя социального слоя якутского общества в начале XX века. Через его судьбу раскрывается тема несправедливого отношения власть имущих над бедным населением. В трудах исследователей данный образ трактуется как воплощение романтического героя, мятежника и поборника справедливости, что позволяет интерпретировать его как символ противостояния устоявшимся порядкам [Семенова, 2022].

Бунтарские действия героя подталкивают к мысли о либеральных ценностях: свободе и равенстве, какого не существовало в Российской империи. Здесь образ главного персонажа, который борется за справедливость и свободу, формирует позитивное отношение к демократическим ценностям и протестному движению.

В образе Манчары формируется коллективное поведение с установкой борьбы за социальную справедливость в условиях острой социальной дифференциации. Возможным способом защиты своих прав демонстрируется борьба против системы. Таким образом, он становится символом критики существующего порядка: идентификация правового статуса якутов-инородцев по сословной структуре Российской империи; конфликт между Манчары и Чочо отражает конфликт разных социальных слоев.

В поэме «Сон шамана» А.Е. Кулаковского проецирована проблема выбора дальнейшего пути, проблема самоидентификации якутского народа. В поэме «Красный шаман» П.А. Ойунского конструирован образ борца против гнета и власти темных сил. Здесь достаточно интересным остается тот факт, что шаман не «белый» (служитель светлых сил) и «не черный» (обращающийся к темным силам) по народным представлениям, а красный, что символизирует цвет революции.

Посредством образа шамана Алексей Кулаковский поднимает вопросы о выборе народом исторического пути развития в условиях глобальных социально-политических катаклизмов. В сюжете произведения главный герой в своих сновидениях взмывает к небесам и бросает взор на ведущие державы мира. И, по сути, проводит своеобразный сравнительный анализ их внутреннего устройства и геополитического положения. В итоге шаман заключает, что основные угрозы для Якутии в скором будущем будут исходить из азиатских стран – Японии и Китая. В произведении он выполняет миссию медиатора между нижним, средним и верхним мирами. И в этом драматичном взаимодействии стремится выразить вековые устремления своего народа. Его мистические сновидения позволяют читателю понять особенности этнической картины мира и менталитета.

Заключение

Итак, на стыке двух эпох в Якутии происходит зарождение национальной интеллигенции как ответ на общественный запрос на выработку различных социально-политических проектов будущего.

Основным средством генерации и трансляции социально-политических проекций стала литература, призванная определить посредством языка и категориальных структур новую социальную реальность на основе пространственных образов, стереотипов и нарративов.

Анализ социально-политических проекций в литературе показал движение национальной интеллигенции в сторону достижения компромисса между этнической традицией и новациями советского руководства. Вместе с тем условия жесткой государственной цензуры подвигли представителей национальной интеллигенции выполнять двоякую роль: с одной стороны, обеспечивать легитимацию формирующейся политической системы, с другой – через образные средства и иносказание передавать идеи национального возрождения, самоопределения и автономии. В дальнейшей перспективе предстоит изучить процессы обретения литературными образами субъектности в политическом сознании, а также выяснить особенности их интерпретации в общественном сознании в наши дни.

Список литературы

- Барт Р. 1994. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., Прогресс, 615 с.
- Борисов А.А. 2007. Россия и Якутия: сквозь призму истории. Якутск, ИГИ АН РС (Я): 71–78 с.
- Иванов В.Н. 1999. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, Наука, 198 с.
- История якутской литературы: (середина XIX – нач. XX в.). 1993. / Н.Н. Тобуроков [и др.]. Якутск, Якут. науч. центр СО РАН: 195 с.
- Кулаковский А.Е. 2002. Сновидения шамана: Стихи и поэмы. Якутск, Бичик, 320 с.
- Никифоров В.В. 1996. Манчаары. Якутск, Литограф, 39 с.
- Ойунский П.А. 1975. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. Якутск, Якут. кн. изд-во: 288–290, 368–370, 371–373 с.
- Перевезенцев С.В. 2017. Традиционализм: русский взгляд. Родная Ладога, 3(41): 19–33.
- Перевезенцев С.В., Ширинянц А.А. 2016. Страницы русского «хранительства»: литература и политика. Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал), 4. <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/781> (accessed on: 20.04.2025.)
- Саид Э.В. 2006. Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб., Русский мир, 636 с.
- Прокудин Б.А. 2022. Общественный идеал в социально-политической мысли России периода Великих реформ. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки, 2: 54–62.
- Протодяконов В.Н. 1994. Ексекулээх Елексей уонна «Ойуун туулэ» поэма кэм кэрдии дьуулугэр. // Ексекулээх Елексей. Ойуун туулэ. Якутск, Бичик, 44–63.
- Семенова В.Г. 2022. Манчаары уобараһа уус-уран литератураҕа. Василий Манчаары: образ и концепт национального героя в истории и культуре народов Евразии. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Якутск, 3 июня 2022 г.). Якутск, ИЦ НБ РС (Я), 38–44.
- Сон шамана. 1994 / Пер., коммент. и исслед. Е.С. Сидорова. Якутск, Бичик, 3–61, 95–123.
- Степанова С.В., Шишкина С.К. 2020. Якутия в составе России: истоки межнационального диалога. Северо-Восточный гуманитарный вестник, 4(33): 40–45.
- Томский И.Е. 2001. «Учредим справедливый век...» (Социальные мотивы в художественных произведениях А.Е. Кулаковского). Якутск, Илин, 1: 24. 41–43.
- Фуко М. 1994. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. Москва, Ad Marginem: 480.
- Bourdieu P. 1979. The Distinction: Social Criticism of Judgment. Paris, Ed. from Midnight: 128–129, 189–199, 200, 201–204, 204–208.

References

- Barth R. 1994. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika [Selected Works: Semiotics. Poetics]. M. Progress, 384–391 p.
- Borisov A.A. 2007. Rossiya i Yakutiya: skvoz' prizmu istorii [Russia and Yakutia: Through the Prism of History] / Russia and Yakutia: Through the Lens of History. Yakutsk, IGI of the RS Academy of Sciences (Ya): 71–78 p.
- Ivanov V.N. 1999. Vhozhdenie Severo-Vostoka Azii v sostav Russkogo gosudarstva [The Entry of Northeast Asia into the Russian State]. Novosibirsk, Nauka: 198 p.
- Istoriya yakutskoj literatury: (seredina [XIX – nach. XX v.]) [The History of Yakut Literature: (Mid-XIX – Early XX Century.)] 1993. / N.N. Toburokov [et al.]. Yakutsk, Yakut Scientific Center SB RAS: 3–195 p.
- Kulakovskiy A.E. 2002. Snovideniya shamana: Stihi i poemy [Dreams of a Shaman: Poems and Poems]. Yakutsk, Bichik: 320 p.
- Nikiforov V.V. 1996. Manchaary [Manchaars]. Yakutsk, Lithograph: 39 p. (in Yakutian).
- Oyunsky P.A. 1975. Selected Works. In 2 volumes, vol. 2. Yakutsk: Yakut. Publishing House: 288–290, 368–370, 371–373 p. (in Russian)
- Perevezentsev S.V. 2017. Tradicionalizm: russkij vzglyad [Traditionalism: a Russian View] // Rodnaya Ladoga, 3(41): 24 p.
- Perevezentsev S.V., Shirinyants A.A. 2016. Stranicy russkogo «hranitel'stva»: literatura i politika [Pages of the Russian "Guardian": Literature and Politics]//Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (Electronic Journal), 4. <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/781> (as of: 04/20/2025.)
- Said E.V. 2006. Orientalism: Western Concepts of the East. St. Petersburg, Russian World: 3–637 p. (in Russian)

- Prokudin B.A. 2022. Obshchestvennyj ideal v social'no-politicheskoj mysli Rossii perioda Velikih reform [The Social Ideal in the Socio-Political thought of Russia during the Great Reforms]//Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki, 2: 54–62.
- Protod'yakov V.N. 1994. Eksekuleekh Eleksey uonna «Oyuun tuule» poema kem kerdii d'uuluger. // Eksekuleekh Eleksey. Oyuun tuule [Alexey Kulakovsky and the Poem "The Dream of the Shaman" on the Judgment of Time]. Yakutsk, Bichik, 44–63 (in Yakutian).
- Semenova V.G. 2022. The image of Manchaara in Oral Folk Literature. Vasily Manchaary: The Image and Concept of a National Hero in the History and Culture of the Peoples of Eurasia. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation, Yakutsk, June 3, 2022) Manchaary uobaraaha uus-uran literaturaҕа. Vasily Manchaary: obraz i kontsept natsional'nogo geroya v istorii i kul'ture narodov Evrazii. Materialy Vserossiyskoj nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Yakutsk, 3 iyunya 2022 g.). Yakutsk, ITs NB RS (Ya), 38–44 (in Yakutian).
- Son shaman. 1994/ Per., komment. i issled. E.S.Sidorova [The Shaman's Dream/ Trans., Comment. and the Research of E.S. Sidorov] Yakutsk, «Bichik»: 3–61, 95–123.
- Stepanova S.V., Shishkina S.K. 2020. Yakutiya v sostave Rossii: istoki mezhnatsional'nogo dialoga [Yakutia as Part of Russia: The Origins of Interethnic Dialogue]. Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik, 4(33): 40–45.
- Tomskiy I.E. 2001. «Uchredim spravedlivyy vek...» (Sotsial'nye motivy v khudozhestvennykh proizvedeniyakh A.E. Kulakovskogo) [Let's Establish a Just Century... (Social Motives in the Artistic Works of A.E. Kulakovsky)]. Yakutsk, Ilin, 1: 24. 41–43.
- Fuko M. 1994. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my [To Supervise and Punish. The Birth of Prison] / Per. s fr. V. Naumova pod red. I. Borisovoy. Moskva, Ad Marginem: 480.
- Bourdieu P. 1979. The Distinction: Social Criticism of Judgment. Paris, Ed. from Midnight: 128–129, 189–199, 200, 201–204, 204–208.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 12.12.2025

Received: 12.12.2025

Поступила после рецензирования: 20.01.2026

Revised: 20.01.2026

Принята к публикации: 25.01.2026

Accepted: 25.01.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дьячковский Семен Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры истории, обществознания и политологии исторического факультета, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

 [ORCID: 0000-0001-5861-605X](https://orcid.org/0000-0001-5861-605X)

Semyon N. Dyachkovsky, Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of History, Social Studies and Political Science, Faculty of History, M.K. Ammosov Northeastern Federal University, Yakutsk, Russia

Шишкина Светлана Кирилловна, старший преподаватель кафедры истории, обществознания и политологии исторического факультета, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

 [ORCID: 0009-0009-2913-003X](https://orcid.org/0009-0009-2913-003X)

Svetlana K. Shishkina, Senior Lecturer at the Department of History, Social Studies and Political Science, Faculty of History, M.K. Ammosov Northeastern Federal University, Yakutsk, Russia

УДК 323

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-1-239-246

EDN XCSYCT

Оригинальное исследование

Государственная политика России в Арктической зоне Республики Карелия в контексте Стратегии социально-экономического развития до 2030 года

Безбородов М.И. , Сидоров И.П.

Петрозаводский государственный университет,
Россия, 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33
E-mail: mibezborodov@gmail.com, ignacy.sidorov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается реализация государственной политики Российской Федерации в Арктической зоне Республики Карелия через призму региональной Стратегии социально-экономического развития до 2030 года. Исследование акцентирует внимание на том, как федеральные приоритеты арктической политики – развитие инфраструктуры, стимулирование инвестиций, обеспечение развития регионов и повышение качества жизни населения – воплощаются на территории северных районов Карелии. Анализ показывает, что включение части республики в состав Арктической зоны РФ создало условия для системной модернизации экономики и социальной сферы, интеграции региональных программ в рамки национальных арктических проектов. Цель статьи заключается в комплексном анализе реализации государственной политики Российской Федерации в Арктической зоне Республики Карелия через призму сопряжения федеральных приоритетов и региональной Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия до 2030 года. В условиях нарастающей глобальной конкуренции за арктические ресурсы и стратегического значения Северного морского пути Карелия выступает как уникальный субъект федерации для реализации механизмов адаптации общенациональных целей к специфике приграничного северного региона. Авторы статьи анализируют государственную политику в управлении территориями Карельской Арктики, произошедший после включения территорий Северной Карелии в состав Арктической зоны РФ. В работе рассматривается переход от традиционной экстенсивной модели освоения природных ресурсов к политике формирования высокотехнологичных кластеров и диверсификации экономики с точки зрения политического и государственного управления.

Ключевые слова: Арктика, Арктическая зона, Республика Карелия, Северный морской путь, государственная политика, социально-экономическое развитие, региональное управление, приграничное сотрудничество, национальная безопасность

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Безбородов М.И., Сидоров И.П. 2026. Государственная политика России в Арктической зоне Республики Карелия в контексте Стратегии социально-экономического развития до 2030 года. *Via in tempore. История. Политология*, 53(1): 239–246. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-239-246. EDN: XCSYCT

Russian State Policy in the Arctic Zone of the Republic of Karelia in the Context of the Socio-Economic Development Strategy until 2030

Mikhail I. Bezborodov , Ignat P. Sidorov

Petrozavodsk State University,
33 Lenin Ave., Petrozavodsk 185910, Republic of Karelia, Russia
E-mail: mibezborodov@gmail.com, ignacy.sidorov@yandex.ru

Abstract. The article examines the implementation of the state policy of the Russian Federation in the Arctic zone of the Republic of Karelia through the prism of the regional Strategy of Socio-Economic Development until 2030. The study focuses on how the federal priorities of Arctic policy – infrastructure development, stimulating investment, ensuring regional development and improving the quality of life of the population – are implemented in the northern regions of Karelia. The analysis shows that the inclusion of a part of the republic into the Arctic zone of the Russian Federation has created conditions for a systemic modernization of the economy and social sphere and for the integration of regional programs into the framework of national Arctic projects. The purpose of the article is a comprehensive analysis of the implementation of the state policy of the Russian Federation in the Arctic zone of the Republic of Karelia through the prism of combining federal priorities and the regional Strategy of Socio-Economic Development of the Republic of Karelia until 2030. In the context of increasing global competition for Arctic resources and the strategic importance of the Northern Sea Route, Karelia acts as a unique subject of the Federation for the implementation of mechanisms for adapting national goals to the specifics of the bordering northern region. The authors analyze the state policy in the management of the territories of the Karelian Arctic, which occurred after the incorporation of the territories of North Karelia into the Arctic zone of the Russian Federation. The paper examines the transition from the traditional extensive model of natural resource development to the policy of forming high-tech clusters and diversifying the economy from the point of view of political and public administration.

Keywords: Arctic, Arctic zone, Republic of Karelia, Northern Sea Route, state policy, socio-economic development, regional management, cross-border cooperation, national security

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Bezborodov M.I., Sidorov I.P. 2026. Russian State Policy in the Arctic Zone of the Republic of Karelia in the Context of the Socio-Economic Development Strategy until 2030. *Via in tempore. History and political science*, 53(1): 239–246 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-239-246. EDN: XCSYCT

Введение

Социально-экономическое развитие северных районов Республики Карелия рассматривается сегодня сквозь призму двух взаимосвязанных стратегических рамок: с одной стороны, это федеральная арктическая политика, задающая особый режим и проекты для Арктической зоны РФ, с другой – Стратегия социально-экономического развития Республики Карелия до 2030 года (далее в тексте – Стратегия-2030), определяющая приоритеты и ориентиры развития региона в целом. После включения части Карелии в состав АЗРФ возникла необходимость адаптировать и реализовать положения Стратегии-2030 применительно к специфике арктических территорий республики. Данная статья посвящена анализу того, как региональная стратегия развития реализуется в Арктической зоне Карелии, какие достижения и проблемы наблюдаются в ключевых сферах – экономике, социальной сфере, инфраструктуре – и какую роль играют специальные программы поддержки (такие как «Арктический гектар» и «Арктическая ипотека») в развитии этих территорий.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает система государственного управления социально-экономическими процессами в Арктической зоне Республики Карелия в контексте реализации национальных интересов России в Арктике.

Предметом исследования являются политико-административные механизмы и институциональные инструменты реализации государственной политики России в Арктической зоне Республики Карелия в рамках реализации Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия до 2030 года.

Цель статьи – оценить ход реализации Стратегии-2030 Республики Карелия в Арктической зоне республики, выявить основные результаты и сложности, а также предложить меры для повышения эффективности проводимой политики. Для этого в работе решаются следующие задачи:

- 1) рассмотреть экономические тенденции и инвестиционные проекты в карельской Арктике в контексте стратегических целей;
- 2) проанализировать социальное развитие северных районов и влияние целевых программ на социальную сферу;
- 3) изучить состояние и развитие инфраструктуры как базиса для роста;
- 4) определить основные проблемы и вызовы, стоящие на пути реализации стратегии.

Исследование направлено на выявление особенностей реализации Стратегии социально-экономического развития Республики до 2030 года в контексте федеральной Арктической политики, адаптивности региональной политической системы к вызовам внешней среды (санкционное давление, изменение геополитического ландшафта в Арктическом регионе) и определение эффективности инструментов «мягкой силы» (социальные программы) в обеспечении политической стабильности и национальной безопасности северных территорий России.

Методологическую основу составляет комплексный междисциплинарный подход, сочетающий методы политического анализа и политической регионалистики. В процессе исследования применялись следующие методы:

– *системный подход*: позволил рассмотреть Арктическую зону Карелии как сложную систему, находящуюся на пересечении федеральных арктических интересов и региональных приоритетов развития;

– *неоинституциональный метод*: используется для анализа «Арктической зоны» как особого политико-правового института, формирующего специфические «правила игры», систему стимулов и ограничений для политических и экономических акторов в регионе;

– *субрегиональный подход*: позволяет рассмотреть арктические районы Карелии не просто как экономические единицы, а как специфические политические пространства (опорные зоны), требующие особых методов государственного администрирования и пространственного планирования (развитие агломераций);

– *сравнительный метод*: применен для сопоставления эффективности различных инструментов государственной политики (программы «Арктический гектар», «Арктическая ипотека», налоговые льготы) в контексте их влияния на лояльность населения и закрепление человеческого капитала в стратегически значимом регионе.

Основная часть

Результаты и их обсуждение.

Основные направления развития Арктических районов Республики Карелии до 2030 года в контексте стратегии социально-экономического развития

Ускоренное развитие экономики и привлечение инвестиций в северные районы – один из центральных приоритетов как федеральной, так и региональной стратегии. Стратегия-2030 предусматривает переход от сырьевой модели к диверсифицированной экономике с ростом числа современных производств и рабочих мест во всех районах республики. Для арктических

муниципалитетов это особенно актуально, учитывая их историческую моноотраслевую специализацию и ограниченное число точек роста. Включение этих районов в Арктическую зону России предоставило им беспрецедентные стимулы для инвестиционной деятельности [Журавель, 2024]. Как показала практика, введение льготного режима резидентов Арктической зоны привело к всплеску предпринимательской активности: уже к 2024 году в карельской Арктике зарегистрировано 73 резидента, тогда как на старте программы в 2020 г. их было лишь 10. Большинство новых проектов инициированы местным малым и средним бизнесом либо инвесторами из других регионов, заинтересованными в использовании ресурсного и логистического потенциала Карелии.

Основу экономики северной Карелии по-прежнему составляют крупные промышленные предприятия, заложенные еще в советский период (горно-обогатительный комбинат «Карельский окатыш» в Костомукше, Сегежский ЦБК и др.). Однако сейчас вокруг них формируются новые производственные цепочки и кластеры. Например, для увеличения добавленной стоимости от добычи железной руды развиваются проекты по глубокой переработке отходов ГОК и выпуску продукции для экспортных рынков. Вокруг Сегежского ЦБК резиденты запускают предприятия по переработке древесных ресурсов, производству стройматериалов и т. д., уменьшая зависимость экономики от сырьевого экспорта.

Правительство Карелии активно продвигает концепцию опорных зон роста в арктической части. Кемско-Беломорская агломерация рассматривается как пилотная площадка пространственного развития. На государственном уровне этому проекту придан приоритет – он включен в число федеральных инициатив по развитию Арктики. Разрабатываемый мастер-план агломерации предусматривает создание в г. Беломорск современного морского порта арктического класса, способного принимать суда для отправки грузов по Северному морскому пути. Строительство глубоководного порта в Беломорске давно обсуждается, и теперь, благодаря арктическому статусу, проект получил поддержку: включен в планы Министерства транспорта РФ. Порт позволит Карелии интегрироваться в арктические морские перевозки, разгрузить Мурманский транспортный узел и ускорить экспорт продукции местных предприятий. Параллельно рассматривается проект строительства порта вблизи г. Кемь – в основном с туристическими целями (для сообщения с Соловецкими островами), а также для обслуживания части грузопотоков на Белом море. В перспективе Беломорск и Кемь могут превратиться в важные логистические центры, чему способствует и проходящая через них железнодорожная магистраль Санкт-Петербург – Мурманск (Октябрьская ж/д). Уже ведется работа по электрификации и усилению пропускной способности этого участка железной дороги, что важно для увеличения вывоза продукции «Карельского окатыша» и других предприятий на экспорт. Кроме того, планируется создание транспортно-логистического терминала на станции Беломорск, увязанного с портом, – это вписывается в стратегию формирования опорного транспортно-логистического хаба в агломерации.

Для достижения целей Стратегии-2030 по долгосрочному развитию региона необходимо продолжать курс на диверсификацию: запуск новых несырьевых производств, развитие малого предпринимательства, поддержка кооперации в сельском хозяйстве, ремеслах, туризме, открываются центры поддержки малого и среднего бизнеса в отдаленных районах.

Особое место в системе приоритетов государственной политики в регионе занимает освоение уникального ресурсно-сырьевого потенциала Карельской Арктики. Как справедливо отмечается в недавних исследованиях [Питухина, Белых, 2024], стратегическое значение Лоухского, Беломорского и Калевальского районов определяется наличием крупнейших в Российской Федерации месторождений драгоценных металлов (золота, серебра, платины, палладия), а также критически важных редкоземельных элементов (ниобия, церия, лантана и др.).

С точки зрения государственного управления, Правительство Республики Карелия рассматривает развитие данных минерально-сырьевых центров не только как экономический проект, но и как инструмент укрепления технологического суверенитета страны. В условиях современной геополитической конъюнктуры принципиально важным аспектом реализации

инвестиционных программ в сфере добычи полезных ископаемых становится активизация восточного вектора сотрудничества, что находит свое отражение в привлечении высокотехнологичных инвестиций из Китайской Народной Республики. Подобный формат взаимодействия позволяет обеспечить необходимый приток капитала в карельские арктические территории в обход санкционных ограничений западных стран.

Социальное развитие и качество жизни населения

Одна из самых острых социальных проблем Севера – это сокращение населения. Главные причины – ограниченные возможности трудоустройства, низкая доступность услуг, жилищные проблемы и отсутствие перспектив для молодежи. Для изменения ситуации федеральными и региональными властями внедрен комплекс мер стимулирования переселения и закрепления людей. С 2022 года в Карелии введен порядок, по которому работодатель обязан выплачивать вновь прибывшему сотруднику всю предусмотренную «северную» надбавку с первого дня работы (без привычного ожидания нескольких лет стажа на Крайнем Севере). Одновременно запущены программы обеспечения жильем. «Арктическая ипотека», действующая в Карелии с декабря 2023 года, предоставляет льготные условия для приобретения или строительства жилья под ставку до 2 % годовых. Программа распространяется на определенные территории Арктической зоны, включая Карелию, а условия включают первоначальный взнос от 20 % и максимальный срок кредита до 20 лет. Проекты решают задачи, обозначенные в Стратегии-2030: обеспечение роста уровня и качества жизни, доступ к социальным и культурным благам, развитие северных районов.

Важным аспектом качества жизни является транспортная доступность отдаленных районов. Большие расстояния и трудные дороги долгое время мешали людям своевременно получать медицинскую помощь или образование. Сейчас ситуация понемногу улучшается. В перспективе планируется восстановить регулярное транспортное водное сообщение по Беломоро-Балтийскому каналу и малую авиацию.

Отдельного внимания заслуживает сохранение культурного наследия и поддержка малочисленных народов севера Карелии. Стратегия-2030 нацелена на духовное и культурное развитие, укрепление межнационального и межконфессионального согласия и поддержку этнокультурных инициатив.

Инфраструктурное развитие

Развитие инфраструктуры – необходимое условие для экономического роста и повышения качества жизни в Арктике. Стратегия-2030 Карелии выдвигает одним из первых направлений принцип «Инфраструктура для жизни», подчеркивая, что без модернизации транспортной, инженерной и коммунальной инфраструктуры невозможно ни развитие экономики, ни улучшение соцсферы. В северных районах эта задача особенно трудна: огромная территория с суровым климатом, изреженная сеть дорог и коммуникаций. Тем не менее в последние годы благодаря поддержке федеральных программ началось инфраструктурное обновление арктической Карелии.

Транспортная инфраструктура. В сфере автомобильных дорог приоритетом стало приведение в нормативное состояние магистральных трасс и обеспечение круглогодичной транспортной доступности всех опорных населенных пунктов. Федеральная трасса Р-21 «Кола» (Санкт-Петербург – Петрозаводск – Мурманск) – главная «артерия» региона – практически полностью отремонтирована на территории Карелии, что сократило время пути из Петрозаводска до Мурманска и повысило безопасность движения. Теперь внимание переключается на региональные и межмуниципальные дороги. Запланирована реконструкция дороги Кемь – Рабочеостровск (к портовой зоне), строительство асфальтированных подъездов к ряду крупных поселков Лоухского и Калевальского районов, где пока имеются лишь гравийные пути. В долгосрочной перспективе обсуждается проект восстановления

полноценной судоходной линии по Беломорско-Балтийскому каналу с туристско-транспортными целями, для этого требуется модернизация шлюзов и гидротехнических сооружений, на что уже ищутся федеральные средства.

Морской транспорт становится стратегически значимым в условиях развития Северного морского пути. Беломорск при статусе опорного порта ждет масштабная реконструкция. Проект нового глубоководного морского порта Беломорск включен в перечень приоритетных арктических проектов РФ. Реализация этого проекта даст Карелии выход в северные арктические транспортные коридоры, создаст новые рабочие места в порту и сопутствующих сервисах.

Цифровая инфраструктура в Арктической зоне заметно улучшилась. За последние годы реализованы федеральные проекты по устранению «цифрового неравенства»: все районные центры и крупные города Карелии подключены к оптоволоконным линиям связи и имеют доступ к широкополосному интернету. Стоит задача – довести связь до малых населенных пунктов. Доступ к интернету также открывает новые возможности для дистанционного образования, государственных услуг и бизнеса на севере.

Заключение

Несмотря на комплекс предпринимаемых мер на пути развития районов Арктической зоны Карелии стоит ряд серьезных проблем. Их понимание важно для эффективности государственной арктической политики. К основным вызовам относятся:

Население северных районов сокращается из-за оттока молодежи и сокращения рождаемости. Это приводит к острому недостатку кадров – предприятиям все труднее найти квалифицированных специалистов [Волков, Тишков, 2022]. Государственные программы поддержки (арктический гектар, ипотека, «подъемные» выплаты) стали способствовать выходу из кризиса, но требуются еще комплексные системные усилия. Задача состоит в том, чтобы создать в Арктической зоне Карелии такие условия для жизни, при которых население захочет остаться, вернуться и переехать в северные районы республики.

Карелия – приграничный регион, и международное сотрудничество всегда играло роль в ее развитии. После начала специальной военной операции отношения с соседней Финляндией сошли на «нет» (вступление Финляндии в НАТО, санкции ЕС). Это привело к завершению всех ранее совместных программ, которые были важны для приграничных районов. Прекратился поток финских туристов, ранее активно посещавших Карелию. Закрывание границы сказалось на экономике приграничных районов, где раньше активно развивалась кооперация и действовали совместные бизнес-проекты. Региональные предприятия переориентировались на внутренний рынок и рынки дружественных стран. Адаптация к новым логистическим цепочкам – серьезный вызов для карельских предприятий. Вместе с тем Арктическая зона Карелии – наглядный пример того, как скоординированные усилия федерального центра и регионального правительства позволяют выстроить выверенную государственную политику долгосрочного развития северных территорий Арктической зоны Карелии.

Список источников

- Арктические территории. Корпорация развития Республики Карелия [Электронный ресурс]. URL: <https://kareliainvest.ru/p/arkticheskie-territorii1> (дата обращения: 12.10.2025).
- Возрождение Поморья: комплексное развитие Кемско-Беломорской агломерации. Корпорация развития Республики Карелия [Электронный ресурс]. URL: <https://kareliainvest.ru/mediacenter/news/vozhrozhdenie-pomorja-kompleksnoe-razvitie-kemsko-belomorskoi-aglomeratsii> (дата обращения: 12.10.2025).
- Государственная программа Республики Карелия «Экономическое развитие и инновационная экономика» [Электронный ресурс]. URL: <https://economy.gov.karelia.ru/about/3999> (дата обращения: 12.10.2025).

- Для резидентов Арктической зоны [Электронный ресурс]. URL: <https://property.gov.karelia.ru/about/6773> (дата обращения: 12.10.2025).
- Долгосрочный план комплексного социально-экономического развития Кемско-Беломорской агломерации на период до 2035 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 октября 2025 г. N 3014-р. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/412938543/> (дата обращения: 12.10.2025).
- Единый план мероприятий по реализации Основ и Стратегии Арктической зоны Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 15 апреля 2021 г. N 996-р (в ред. распоряжения Правительства РФ от 13.05.2022 N 1158-р) [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/603336627> (дата обращения: 12.10.2025).
- Инвестиционная декларация Республики Карелия: от 31 марта 2023 года № 19 (в ред. Указа Главы РК от 29.09.2023 № 66) [Электронный ресурс]. URL: <https://kareliainvest.ru/p/investstandart> (дата обращения: 12.10.2025).
- Инвестиционная стратегия Республики Карелия до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <https://kareliainvest.ru/p/investitsionnaya-strategiya-respubliki--kareliya-do-2030-goda> (дата обращения: 12.10.2025).
- Инвестиционный паспорт арктической территорий Республики Карелия [Электронный ресурс]. URL: https://economy.gov.karelia.ru/upload/iblock/100/Presentation-IPRK-2021_17.09.pdf (дата обращения: 12.10.2025).
- Кемско-Беломорская агломерация – новая точка роста в Арктике. Корпорация развития Республики Карелия» [Электронный ресурс]. URL: <https://kareliainvest.ru/mediacenter/news/kemsko-belomorskaya-aglomeratsiya--novaya-tochka-rosta-v-arktike> (дата обращения: 12.10.2025).
- Кемско-Беломорская агломерация вошла в перечень опорных населенных пунктов Российской Арктики Корпорация развития Республики Карелия [Электронный ресурс]. URL: <https://kareliainvest.ru/mediacenter/news/kemsko-belomorskaya-aglomeratsiya-voshla-v-perechen-opornikh-naseleennykh-punktov-rossiiskoi-arktiki-> (дата обращения: 12.10.2025).
- Не менее 1 тысячи рабочих мест должно быть создано в Кемско-Беломорской агломерации Карелии [Электронный ресурс]. URL: <https://economy.gov.karelia.ru/news/26-03-2025-ne-menee-1-tysyachi-rabochikh-mest-dolzno-byt-sozdano-v-kemsko-belomorskoy-aglomeratsii-karelii/> (дата обращения: 12.10.2025).
- О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации: Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ (ред. от 27.02.2023) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357078/ (дата обращения: 12.10.2025).
- О Государственной программе Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»: Постановление Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. № 366 [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 12.10.2025).
- О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения: 12.10.2025).
- Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526/> (дата обращения: 12.10.2025).
- Парфенчиков А. Мы завершили первый этап подготовки мастер-плана развития Кемско-Беломорской агломерации [Электронный ресурс]. URL: <https://economy.gov.karelia.ru/news/08-04-2024-artur-parfenchikov-zavershen-pervyy-etap-podgotovki-master-plana-razvitiya-kemsko-belomorskoy-aglome> (дата обращения: 12.10.2025).
- Поддержка предпринимательской деятельности в АЗРФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://economy.gov.karelia.ru/upload/iblock/46b/zq2ogt3ka2x1ls7r8l4rzcvl4fpoidk3/0.-Buklet-o-podderzhke-predprinimatelskoy-deyatelnosti-v-AZRF.pdf> (дата обращения: 12.10.2025).
- Совещание по развитию опорных населённых пунктов Арктической зоны [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72951> (дата обращения: 12.10.2025).
- Стратегия социально-экономического развития Республики Карелия до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <https://economy.gov.karelia.ru/about/3992/> (дата обращения: 12.10.2025).

Список литературы

- Волков А.Д., Тишков С.В. 2022. Стратегические приоритеты развития региона Карельской Арктики в условиях интеграции экономического пространства Арктической зоны России. Арктика и Север. 46: 5–32. doi: 10.37482/issn2221-2698.2022.46.5
- Журавель В.П. 2024. Арктическая зона Республики Карелия: поиск путей развития. Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 3: 100–110. doi: 10.15211/vestnikieran32024100110
- Питухина М.А., Белых А.Д. 2024. Карельская Арктика в направлениях арктической политики Китая на современном этапе. Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 1(35): 115–129. doi: 10.25587/2310-5453-2024-1-115-129

References

- Volkov A.D., Tishkov S.V. 2022. Strategic Priorities for the Development of the Karelian Arctic Region in the Context of the Integration of the Economic Space of the Arctic Zone of Russia. Arctic and North. 46: 5–32. doi: 10.37482/issn2221-2698.2022.46.5
- Zhuravel V.P. 2024. Arctic Zone of the Republic of Karelia: Search for Ways of Development. Scientific and Analytical Bulletin of IE RAS. 3: 100–110. doi: 10.15211/vestnikieran32024100110
- Pitukhina M.A., Belykh A.D. 2024. Karelian Arctic in the Directions of China's Arctic Policy at the Present Stage. The Arctic of the 21st Century. Humanities. 1(35): 115–129. doi: 10.25587/2310-5453-2024-1-115-129

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 22.12.2025

Received: 22.12.2025

Поступила после рецензирования: 20.01.2026

Revised: 20.01.2026

Принята к публикации: 26.01.2026

Accepted: 26.01.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Безбородов Михаил Иванович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия

 [ORCID: 0009-0003-0876-9850](https://orcid.org/0009-0003-0876-9850)

Mikhail I. Bezborodov, Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Сидоров Игнат Павлович, аспирант, 2 курс, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия

 [ORCID: 0009-0004-9980-4304](https://orcid.org/0009-0004-9980-4304)

Ignat P. Sidorov, Postgraduate Student, 2nd Year, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

УДК 32.019.51

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-1-247-262

EDN XLEGYK

Оригинальное исследование

Национальная идентичность молодежи: воздействие, эффекты, авторитетность приоритетных информационных систем

Пачина Н.Н. , Разомазова М.Н.

Липецкий государственный технический университет,
Россия, 398055, г. Липецк, ул. Московская, 30

E-mail: pachina_2017@mail.ru, mariarazomazova@gmail.com

Аннотация. В условиях цифровизации национальное самосознание формируется в медиапространстве, что влияет на устойчивость национальной идентичности и суверенитет государства. Настоящее исследование анализирует влияние ключевых информационных систем (образовательные, развлекательные, новостные) на компоненты национальной идентичности (эмоциональный, поведенческий, когнитивный). Эмпирическую базу исследования составили данные опроса, проведенного на территории Липецка, в котором приняли участие 300 человек. Теоретический анализ подтвердил, что национальная идентичность – сложный конструкт, формируемый через включение индивида в социально-культурный контекст. По результатам исследования выявлены связи между типом потребляемого контента и сформированностью компонентов идентичности. Идентичность конструируется в процессе сложного взаимодействия индивидуального выбора, социального окружения и дискурсивных практик, где медиа выступают лишь одним из многих «строительных блоков». Полученные результаты практически полезны для разработки образовательных стратегий, направленных на укрепление гражданской идентичности в цифровую эпоху.

Ключевые слова: национальная идентичность, медиа, источники информации, информационные системы, контент, молодежь

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Пачина Н.Н., Разомазова М.Н. 2026. Национальная идентичность молодежи: воздействие, эффекты, авторитетность приоритетных информационных систем. *Via in tempore. История. Политология*, 53(1): 247–262. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-247-262. EDN: XLEGYK

National Identity of Young People: Impact, Effects, and Authority of Priority Information Systems

Natalia N. Pachina , Maria N. Razomazova

Lipetsk State Technical University,

30 Moskovskaya St., Lipetsk 398055, Russia

E-mail: pachina_2017@mail.ru, mariarazomazova@gmail.com

Abstract. In the context of digitalization, national identity is formed in the media space, which affects the stability of national identity and the sovereignty of the state. This study analyzes the impact of key information systems (educational, entertainment, and news) on the components of national identity (emotional, behavioral, and cognitive ones). The study is based on survey data collected in the city of Lipetsk, Russia, from 300 participants. The theoretical analysis confirms that national identity is a complex construct that is formed through the individual's inclusion in the socio-cultural context. The study has revealed connections between the type of content consumed and the formation of identity components. Identity is constructed through a

complex interaction of individual choices, social environment, and discursive practices, where media serve as just one of many building blocks. The results obtained are practically useful for developing educational strategies aimed at strengthening civic identity in the digital age.

Keywords: national identity, media, sources of information, information systems, content, young people

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Pachina N.N., Razomazova M.N. 2026. National Identity of Young People: Impact, Effects, and Authority of Priority Information Systems. *Via in tempore. History and political science*, 53(1): 247–262 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-1-247-262. EDN: XLEGYK

Введение

В условиях глобализации и цифровой трансформации общество сталкивается с огромным потоком информации, который становится ключевым фактором формирования коллективного сознания. Устойчивая национальная идентичность важна для сохранения суверенитета государства. Идентичность, объединяющая граждан через общие ценности, историческую память и культурные коды, сегодня всё чаще конструируется под влиянием медиапространства.

Современные российские авторы, такие как Т.В. Закупень, И.А. Акимова, Д.Г. Воронина, И.С. Семенов, В.И. Пантин, Е.В. Морозова, А.В. Курочкин, С.С. Морозова, Г.В. Лукьянова, А.Ю. Соловьев сходятся во мнении, что разнообразие источников информации (от традиционных СМИ до социальных сетей, кинематографа и алгоритмически управляемого контента), наличие «лидеров мнений» на сегодняшний день являются одним из основных факторов, формирующих взгляды человека, в том числе на свою идентичность [Акимова, 2009; Закупень, 2009; Воронина, 2014; Курочкин и Морозова, 2024; Лукьянова, Соловьев, 2024; Семенов, Пантин, Морозова, 2024]. Современные источники информации обладают деструктивным потенциалом. Они могут исказить историческую память через «фейковые» нарративы, нивелировать культурную уникальность через глобализированный контент, формировать конфликтные идентичности. Исследование роли источников информации в формировании компонентов идентичности позволяет рассмотреть каналы с наиболее сильным влиянием на национальную идентичность, выявить природу этого влияния.

Целью исследования является выявление воздействия приоритетных информационных систем (образовательные, развлекательные, новостные источники информации) на сформированность национальной идентичности (эмоционального, поведенческого, когнитивного компонентов) молодежи.

Задачи исследования:

1. Проанализировать теоретические подходы к пониманию национальной идентичности и этапам ее формирования.
2. Провести анализ приоритетных источников информации.
3. Выявить зависимость между типом потребляемого контента и сформированными компонентами национальной идентичности у разных социальных групп.

Материалы и методы

Важным этапом проведения исследования является анализ подходов к определению понятия «национальная идентичность» и его декомпозиция с целью раскрытия влияния приоритетных источников информации на компоненты национальной идентичности.

Исследование проблемы формирования национальной идентичности применительно к современному обществу невозможно без знания фундаментальных трудов зарубежных и отечественных классиков психологии и социологии. Изучение идентичности невозможно без упоминания Э. Эриксона, который впервые ввел понятие «идентичность» и отмечал невозможность рассмотрения идентичности в отрыве от исторической ситуации, в которую помещен человек [Erikson, 1968, 1975].

Согласно Э. Эриксону, идентичность формируется через диалектику интеграции и дифференциации идентификаций, обеспечивая целостность «Я»-переживаний, что соотносится с концепцией «связующего самости» Х. Кохута [Kohut, 1979]. Однако Эриксон сосредоточился на теоретическом анализе, не разработав эмпирических методов, что затруднило проверку его идей из-за абстрактности определений [Marcia, Friedman, 1970].

Дж. Марсиа, опираясь на теорию Эриксона, предложил модель идентичности как динамической структуры эго, интегрирующей потребности, таланты, убеждения и опыт [Marcia, 1980]. В отличие от Эриксона, Марсиа акцентировал процесс перестройки идентичности в подростковом возрасте через отказ от старых и усвоение новых идентификаций. Марсиа, чтобы сделать понятие измеримым, предположил, что идентичность проявляется через стратегии решения значимых жизненных задач.

Модель Дж. Марсиа чаще применялась для анализа подросткового поведения [Bosma, 1985]. Принятие решений (даже незначительных) в этом возрасте способствует формированию идентичности, укрепляя осознание возможностей и целей. Л.Б. Шнейдер отмечает, что устойчивость идентичности обеспечивается психологической определённой и внутренней целостностью [Шнейдер, 2001]. Однако П. Бергер и Т. Лукман оспаривают идею фиксированной идентичности, акцентируя её динамичность [Berger, Luckman, 1967].

И. Гоффман акцентирует внимание на другом аспекте: формирование идентичности, по его мнению, требует баланса между двумя иллюзиями – стремлением к уникальности и необходимостью соответствовать социальным нормам. Для Гоффмана вопрос о существовании идентичности как таковой остаётся открытым, поскольку её устойчивость постоянно подвергается сомнению в процессе взаимодействия с обществом [Goffman, 1959].

Придерживаясь мнения, что идентичность – объективно существующий субъективный комплекс установок и восприятий, сделаем вывод, что это динамичный и противоречивый феномен, чьи границы и содержание зависят как от внутренних установок, так и от внешних социальных условий. Рассмотрению понятия национальная идентичность посвящена работа «Исследование дискурсивных практик в механизме конструирования национальной идентичности». Выводом данной работы является понимание национальной идентичности как особой характеристики общности людей, которые объединились на основе комплекса политических историко-культурных и морально-нравственных характеристик.

Процесс формирования национальной идентичности не однороден. Согласно Э. Эриксону, идентичность формируется пожизненно через интеграцию новых элементов (ценности, роли) и переосмысление устаревших, с кризисами при несоответствии меняющимся условиям [Erikson, 1960]. Дж. Марсиа выделяет два пути развития: через самопознание и конструирование идентичности и принятие решений [Marcia, 1980]. А. Ватерман подчёркивает нелинейность процесса: возможен регресс и повторные кризисы [Waterman, 1982]. Автор анализирует идентичность через процессуальный аспект – механизмы выбора ценностей (например, анализ в подростковом возрасте); содержательный аспект – конкретные цели и убеждения, формирующие идентичность.

А. Ватерман выделяет четыре сферы жизни, наиболее значимые для формирования идентичности: выбор профессии и профессионального пути; принятие и переоценка религиозных и моральных убеждений; выработка политических взглядов; принятие набора социальных ролей, включая половые роли и ожидания в отношении супружества и родительства [Waterman, 1985]. Исходя из данных положений, актуальным является исследование влияния дискурсивных практик на формирование национальной идентичности среди молодежи. Процессы выбора профессии, осознанная переоценка и принятие убеждений, появление политических взглядов и принятие социальных ролей особенно активно происходят в возрасте от 14 до 35 лет.

Национальную идентичность можно охарактеризовать как отнесение граждан к определённым государствам (утверждается прежде всего через систему воспитания, образования, государственный язык, традиции, культуру) [Зети, 2012]. Национальная идентичность – сложное, многокомпонентное понятие, при изучении которого стоит

учитывать когнитивный компонент (совокупность знаний), аффективный компонент (субъективную оценку и эмоции), поведенческий компонент (приверженность и вовлеченность в социальные практики) [Разомазова М.Н., Разомазова А.Л., Пачин, 2025].

В условиях развития информационного общества масс-медиа становятся ключевым инструментом формирования общественного сознания и идентичности. Однако, как подчёркивает С.П. Капица, деятельность СМИ далеко не всегда служит общественным интересам. Медиа часто способствуют эрозии ценностных ориентиров, искусственно преувеличивая значимость одних событий и замалчивая другие, что приводит к утверждению в общественном сознании ложных приоритетов, не соответствующих реальному влиянию этих событий на социум [Капица, 2009]. Например, акцентируя внимание на сенсациях, медиа подменяют подлинные ценности (образование, экология) поверхностными конструктами (потребление, развлечения), деформируя адекватное восприятие мира.

А.Б. Ромашкина и Д.А. Киричук отмечают, что медиа формируют общественное сознание через ценностно-смысловые категории, определяя, какие мнения и представления граждане транслируют в публичном пространстве [Ромашкина, Киричук, 2024]. При этом обилие противоречивых медиаматериалов и целенаправленных «вбросов» создаёт неоднозначный образ будущего, а репрезентация государства в общественном сознании становится неустойчивой и ситуативной. Как указывают С.В. Володенков, В.В. Зотов, Г.Р. Консон и О.Н. Гуров, это усложняет процесс консолидации общества вокруг единых целей, усиливая фрагментацию идентичности [Володенков и др., 2024].

У субъекта выстраивается новый, цифровой мир и представление о нём. Человеческая повседневная жизнь теперь определяется не только окружающей его природой, физической реальностью, но и цифрой. На него влияют постоянные алгоритмы рекламы, распространение информации, цифровые помощники [Кулакова, Лукьянова, Волкова, 2022].

Согласно зарубежным исследователям, междисциплинарный подход (дискурс-анализ, политологические и медиаисследования) необходим для анализа контента СМИ, формирующего информационную среду [De Cleen, Glynos, Goyvaerts, Stavrakaki, 2025]. В данной работе исследуется влияние медиа на национальную идентичность молодежи. Средства массовой информации наполняют информационное пространство определенным содержанием. Каналы информации, рассмотренные в рамках исследования, взяты из данных экспертного интервью, проведенного кафедрой политологии и политического управления Кубанского государственного университета и Южного научного центра РАН совместно с П.П. Зети. Эксперты выделяют такие каналы информации, как телевидение и Интернет (особенно социальные сети); газеты, в целом печатные СМИ, книги; межличностное общение; радио и семья; лидеры общественного мнения (президент, глава правительства, блоггеры и др.) [Зети, 2012].

Результаты

Эмпирическую базу исследования составили данные опроса, проведённого на территории города Липецка с 26 марта по 9 апреля 2025 года. В опросе приняли участие 300 человек. Среди них в возрасте от 14 до 18 лет – 70 девушек и 44 мужчины, в возрасте от 19 до 23 лет – 63 девушки и 38 мужчин, в возрасте от 24 до 28 лет – 19 девушек и 33 мужчины, в возрасте от 29 до 35 лет – 15 девушек и 18 мужчин.

Цель исследования: выявление уровня сформированности компонентов национальной идентичности: поведенческий (соблюдение традиций, участие в общественной жизни, посещение мероприятий, связанных с культурой нации); когнитивный (знания об истории своей страны); аффективный (чувство принадлежности к нации, реакции на государственные символы, критику в адрес государства); определение приоритетов в выборе источников информации, влияющих на формирование компонентов национальной идентичности. Определим приоритеты молодежи в выборе источников информации. Распределение ответов по выбору молодежью образовательных источников представлено на рисунке 1.

Рис. 1. Распределение ответов респондентов при выборе источников образовательной информации
Fig. 1. Distribution of respondents' answers when choosing sources of educational information

Таким образом, самым популярным местом получения образовательной информации до сих пор является школа, университет и место работы. Почти половина респондентов отмечают книги и учебники. Также набирает силу новый источник информации – Telegram-каналы.

Распределение ответов по источникам развлекательной информации представлено на рисунке 2.

Рис. 2. Распределение ответов респондентов при выборе источников развлекательной информации
Fig. 2. Distribution of respondents' answers when choosing sources of entertainment information

Распределение ответов по источникам новостной информации представлено на рисунке 3. Наиболее популярным источником являются видео и авторские программы, как отмечается респондентами, преимущественно на платформе YouTube.

Рис. 3. Распределение ответов респондентов при выборе источников новостной информации
Fig. 3. Distribution of respondents' answers when choosing news sources

Telegram-каналы занимают лидирующую позицию по выборам среди источников новостной и политической информации.

Исследуя поведенческий компонент, отметим, что 28 % респондентов стараются следовать традициям своей страны, своей нации, но у них не всегда это получается. 24 % редко обращают внимание на традиции, 22 % стараются соблюдать все традиции, невзирая на условия. Только 5 % респондентов не считают нужным соблюдать традиции.

Среди тех, кто старается соблюдать традиции по возможности, много тех, кто получает информацию из школы, университета (58 %), из книг и учебников (52 %), из познавательных видео, видеоуроков (50 %). 59 % получают развлекательную информацию из видео и авторских программ (Куплинов шоу (9 упоминаний), Энтони Юлай (3 упоминания)), 51 % – из Telegram-каналов (Овсянка, сэр! – 4 упоминания). Для получения политической информации респонденты этой группы выбирают Telegram-каналы (61 %) (Топор – 13 упоминаний, Mash – 4 упоминания, КСТАТИ – 3 упоминания) и телепередачи (38 %) (Первый канал – 5 упоминаний, Россия 1 – 2 упоминания).

Респонденты, редко ориентирующиеся на традиции, получают образовательную информацию не только из классических источников, таких как школа или университет (54 %), книги и учебники (57 %), но и активно используют Telegram-каналы и группы ВКонтакте (46 %). Для развлечения большинство из них (54 %) предпочитают просматривать Telegram-каналы, а 52 % выбирают авторские видеоролики. Политическую информацию 39 % опрошенных этой группы получают из Telegram-каналов и авторского видео. Среди тех, кто не считает нужным соблюдать традиции, наблюдается ещё больший крен в сторону цифровых источников: 83 % респондентов получают образовательную информацию исключительно через Telegram (без указания конкретных каналов), тогда как познавательные видео и видеоуроки используют 31 %, а традиционные источники (школа, книги) остаются в

меньшинстве (18 %). Для развлечения 81 % этой группы смотрят авторский контент, включая такие каналы, как «Юлик» (5 упоминаний), «Дудь» (3 упоминания) и «Топлес» (2 упоминания). При этом политическую информацию они чаще получают через ТВ-программы (43 %), например, Первый канал (5 упоминаний), а также через Telegram-каналы (41 %), такие как Юрий Подоляка (2 упоминания) и региональные группы, и подкасты (36 %).

Принимать участие в общественной жизни своей страны важно только для 28 % респондентов. Для 50 % – это очень неважно, для 22 % – неважно совершенно. В возрастной группе 14–18 лет 48 % считает участие в общественной жизни не очень важным, также высок этот процент в группах 19–23 лет и 24–28 лет (57 % и 46 % соответственно). Только в последней возрастной группе (от 29 до 35 лет) количество тех, кто считает, что участие в общественной жизни страны важно, сравнялось с теми, кто считает, что это не совсем важно (по 39 %). При этом самый высокий процент тех, кто считает, что участие в общественной жизни государства неважно совершенно, в группе от 24 до 28 лет (36,5 %).

Образовательную информацию те, кому важно участие в общественной жизни своей страны, преимущественно черпают в информации из школы, университета (63 %), книг и учебников (60 %). Респонденты получают развлекательную информацию практически в равной мере из многих источников (от 30 %, обращающихся к подкастам и аудиокнигам, до 49 %, обращающихся к книгам и учебникам). 50 % респондентов опираются в получении информации о новостях и политической ситуации на телепередачи, 43 % – на Telegram-каналы, 37 % – на новостные сайты, 31 % – на ТВ-программы.

Для группы, которой не важно участие в общественной жизни государства, основным источником образовательной информации, как и для предыдущей группы, остаются школа, университет или место работы. Однако на втором месте по популярности – Telegram-каналы (например, «Топлес» – 17 упоминаний) и группы ВКонтакте (по 48 %). За развлечением 55 % обращаются к авторским программам и видео, причем лидирует «Топлес» (5 упоминаний). В отличие от других, эти респонденты почти не используют подкасты и аудиокниги. Новостную и политическую информацию 69 % получают из Telegram-каналов (канал «Топор» – 20 упоминаний), а 21 % – из сайтов и телепередач («Первый канал» – 7 упоминаний, «Рен-ТВ» – 3).

Третья группа, не вовлеченная в общественно-государственную жизнь, демонстрирует равномерное распределение источников образовательной информации: 49 % получают её через учебные заведения и работу, 44 % – через видеоуроки, 37 % – из книг. В развлечениях преобладают авторские программы и видеоконтент (53 %) и Telegram-каналы (35 %). При этом только 6 % смотрят ТВ-программы (против 31 % в первой группе). Политическую информацию чаще всего черпают из Telegram-каналов (например, «Топор») и авторских проектов (Максим Кац, Артемий Лебедев).

Следующим аспектом поведенческого компонента является участие в праздниках и мероприятиях, связанных с культурой. Для 35 % респондентов характерно участие в таких мероприятиях редко, до раза в год. Для 29 % – иногда (два-три раза в месяц) и по 17 % регулярно принимают участие в культурных мероприятиях (два-три раза в месяц) и никогда не участвуют. Рассматривая возрастную структуру ответивших респондентов, можно сказать, что в возрасте от 14 до 18 лет большее число респондентов принимает участие в мероприятиях иногда, с 19 до 23 лет – редко, в возрасте от 24 до 28 лет – никогда, в возрасте от 29 до 35 лет – по 39 % либо редко принимают участие, либо регулярно принимают участие.

Для группы, которая никогда не участвует в мероприятиях, связанных с национальной культурой, характерно получение образовательной информации из школы, университета, места работы (56 %), второе место занимают научно-популярные сайты (47 %). Наиболее популярные – КиберЛенинка (7 упоминаний), Яндекс Дзен (6 упоминаний). В большинстве своём развлекаются путем просмотра видео и авторских программ 47 % респондентов, однако 45 % составляют просмотр телеграм-каналов и групп ВКонтакте. В 52 % этой группе

свойственно увлекаться просмотром авторских программ и видео для развлечения (Дудь – 8 упоминаний, Куплинов – 6 упоминаний), 46 % обращают внимание на Telegram-каналы и группы ВКонтакте (Овсянка, сэр! – 2 упоминания). Получение политической и новостной информации у 43 % респондентов происходит из Telegram-каналов (Топор – 15 упоминаний), на втором месте – авторские видео и подкасты (по 28 %). Просмотром телепередач увлекается всего только 7 % (преимущественно Рен-ТВ – 3 упоминания).

Для понимания сформированности когнитивного компонента национальной идентичности респондентам было предложено ответить на исторический тест, состоящий из 7 вопросов, касающихся культурных, политических и социальных изменений в России за весь период существования. Необходимо отметить, что полностью справились с тестом только 22 % респондентов (7 правильных ответов). Чуть хуже справились респонденты в 32 % случаев, совсем плохо – менее 5 %. В группе от 14 до 18 лет большая часть респондентов дала 6 правильных ответов из 7 (32 %), в группе от 19 до 23 лет – 40 % респондентов дали 7 правильных ответов из 7, в последних двух возрастных группах не было респондентов, которые полностью правильно ответили на тест. При этом в группе от 24 до 28 лет 46 % респондентов ответили правильно только на 4 вопроса, а в группе от 29 до 35 лет 60 % ответили на 6 вопросов из 7.

Среди респондентов, набравших максимум по историческому тесту, 64 % получают образовательную информацию из школы/вуза/работы, 61 % – из Telegram-каналов (без конкретики), 49 % – из видеоуроков («Топлес» – 12 упоминаний). Те, кто дал один неправильный ответ, реже используют Telegram (падение доли), зато чаще обращаются к онлайн-платформам (18 % против 16 %), например, FoxFord (4 упоминания), Учи.ру (3). Среди ответивших дважды правильно 66 % учатся на онлайн-платформах и смотрят Telegram-каналы, но не называют конкретных.

Респонденты с всеми правильными ответами развлекаются Telegram-каналами и группами ВКонтакте (58 %) без явных лидеров. Те, кто дал 6 правильных ответов, чаще выбирают авторские программы (54 %): «Куплинов шоу» (8 упоминаний), Vadcomedian (6), «Дудь» (5). Среди ответивших дважды правильно 67 % смотрят авторские видео (без конкретики), 33 % – Telegram/ВК.

71 % респондентов с 7 правильными ответами получают новости через Telegram (канал «Топор»). У набравших 6 баллов также популярен Telegram (57 %), но значима роль телепередач (31 %): «Россия 1» (5 упоминаний), «Первый канал» (2).

Рассматривая аффективный компонент национальной идентичности, отметим, что членами определённой нации себя чувствуют 232 человека из 300. Это 77 % опрошенных. Самый большой процент респондентов, которые не чувствуют себя приверженцем определённой нации, находятся в возрасте от 19 до 23 лет (32 человека).

Необходимо отметить, что доминирующим источником получения образовательной информации для тех, кто не чувствует себя членом определённой национальной группы, нет. Доля разных источников варьируется от 42 % (в группе получающих информацию из школы, университета, места работы) до 32 % (занимающихся на онлайн-курсах в электронных школах и посещающих Telegram-каналы группы ВКонтакте). Малая часть респондентов этой группы, около 19 % (7 человек), могут с точностью назвать самые востребованные для них источники образовательной информации. Среди них Telegram-каналы «Топор+» (4 человека), «Сон разума» (2 человека), каналы на youtube «Топлес», «УТОPIA show» (по 3 человека). Необходимо отметить, что все приоритетные источники не носят исключительно образовательный, познавательный характер, они носят «развлекательный» оттенок.

Самым популярным источником для получения развлекательной информации для группы респондентов, не чувствующих принадлежности к определённой нации, являются видео и авторские программы на платформах YouTube и Instagram (принадлежит Meta, признана экстремистской и запрещённой организацией на территории РФ)

(60 % респондентов). Чаще всего упоминаются YouTube-каналы Энтони Юлая (3 упоминания), badcomedian (4 упоминания), slivkishow (2 упоминания).

Среди респондентов, которые не относят себя к нации, 70 % получают информацию о новостях и политической повестке из Telegram-каналов (среди них по популярности лидирует «Топор» (16 упоминаний), лидер мнений Ходорковский (5 упоминаний)

Большая часть респондентов (70 %) испытывают гордость и радость при звуках гимна своей страны, при виде флага и герба. При этом, если рассматривать возрастное распределение, то только в одной группе 24–28 лет количество респондентов, которые испытывают нейтральное чувство и безразличие, превышает тех, кто испытывает гордость и радость (73 % против 26 %). Только 15 % в возрастной группе от 29 до 35 лет испытывают злость и презрение. Также необходимо отметить, что треть респондентов (107 человек), помимо гордости и радости, испытывают нейтральные чувства и безразличие к символам своей страны.

Респонденты, испытывающие гордость по отношению к символам своей страны, в 55 % случаев получают информацию из школы, университета, места работы, в 46 % – из книг и учебников и в 45 % – из Telegram-каналов.

Подавляющее большинство тех, кто чувствует злость и презрение по отношению к символу своей страны, получают образовательную информацию из приложений, однако при свободном ответе респонденты либо затрудняются назвать определённое приложение, либо (в 73 % случаев) больше склонны называть YouTube как источник образовательной информации. Надо отметить, что такая тенденция свойственна также и для развлекательных источников информации, и для новостных. Респонденты, испытывающие гордость и радость по отношению к символам страны, равномерно получают информацию для развлечения из различных источников. Люди, испытывающие злость и презрение, в 100 % случаев отмечают авторские программы на YouTube. Большая часть респондентов, испытывающих гордость при виде символов своей страны, получают новостную и политическую информацию из Telegram-каналов. Чаще всего упоминается канал «Топор» – 25 упоминаний, региональные каналы. Респонденты, испытывающие злость и презрение, в 77 % случаев не стремятся получать такую информацию вообще.

При реакции на критику страны 46 % респондентов признают её недостатки, сохраняя гордость, 36 % – активно защищают, 16 % – безразличны, 2 % – согласны. Защита чаще встречается среди молодежи 14–18 лет (41 %), снижаясь до 30 % у группы 29–35 лет, где растёт безразличие (с 12 % до 27 %). Согласие с критикой характерно для первых двух возрастных групп.

Защитники страны чаще получают информацию из учебных заведений/работы (59 %) и книг (51 %), упоминая «КиберЛенинку» и электронные библиотеки. Новости предпочитают смотреть по ТВ: Первый канал, Рен-ТВ, РИА-новости.

Среди тех, кто признаёт недостатки своей страны, но гордится ею, появляются те, кто в качестве источника образовательной информации чаще упоминает видеоуроки и познавательные видео (43 % против 26 % в прошлой группе). Примечательно, что и развлекательную информацию эта группа чаще всего получает из видео и авторских программ (57 % случаев). Лидируют Куплинов шоу – 12 упоминаний, Юлик – 8 упоминаний, Дудь – пять упоминаний. Новости данная группа узнаёт из Telegram-каналов (Топор – 15 упоминаний, Артемий Лебедев – 2 упоминания).

В группе согласных с критикой образовательная информация получается из школы, университета, места работы и книг, учебников (по 80 %). Развлекательную информацию данная группа склонна черпать из книг и учебников, однако при открытом вопросе с просьбой назвать таковые, респонденты уклоняются от ответа. Аналогично для каналов с политической информацией. Основной канал получения – Telegram-каналы (60 %).

На завершающем этапе исследования была предпринята попытка корреляционного анализа для выявления зависимости между выбором источника информации и уровнем

сформированности компонентов национальной идентичности. Изначально исследование не предполагало получения строгих количественных данных, поэтому возможности применения данного метода ограничены. Выводы о наличии зависимостей, представленные в работе, основывались на качественном кодировании и сравнении процентных распределений в конкретных группах молодежи, различающихся по потребляемому контенту.

Среди респондентов, набравших максимальный балл в историческом тесте, который в исследовании представляет когнитивный компонент, 47 % составляли пользователи Telegram-каналов. Среди тех, кто полагается на книги, такой результат показали 43 %. Интересная тенденция наблюдается среди пользователей электронных библиотек: 43 % из них набрали лишь 1 балл, что может указывать на неэффективность или сложность данного источника для усвоения базовых исторических знаний. Среди респондентов, получающих знания в образовательных учреждениях, результаты распределились более равномерно (5 баллов у 53 %, 4 и 6 баллов – по 21 %). У аудитории YouTube пик результатов пришелся на 6 баллов (34 %). Однако успешное прохождение теста слабо ассоциируется с каким-либо одним источником, что позволяет предположить, что знания формируются под влиянием более широкого спектра практик.

На уровне поведенческого компонента анализировалась связь между источниками развлекательной информации и участием в культурных мероприятиях. Наблюдается слабая тенденция: среди тех, кто регулярно участвует в мероприятиях (17 % от выборки), наибольший процент (69 %) составляют зрители телевизионных развлекательных программ (НТВ, Рен-ТВ, СТС). Среди никогда не участвующих в мероприятиях высока доля тех, кто развлекается чтением книг (33 %). Это указывает на потенциальную связь между пассивным, домашним форматом досуга и низкой вовлеченностью в публичные культурные практики.

Третьим пунктом анализа стала связь между источниками политической информации и значимостью традиций (аффективный компонент). Для респондентов, считающих традиции очень важными (23 %), характерно получение политической информации через телепрограммы (44 %). В группе, где традиции не важны, заметную роль играет YouTube (6 %). Это согласуется с теоретической рамкой исследования, в которой идентичность понимается как динамичный феномен, зависящий от множества факторов.

Таким образом, даже качественный анализ распределения процентов подтверждает выводы, полученные с помощью опросного и аналитического методов. Отсутствие сильных и однозначных корреляций свидетельствует в пользу теоретических положений о том, что идентичность конструируется в процессе сложного взаимодействия индивидуального выбора, социального окружения и дискурсивных практик, где медиа выступают лишь одним из многих «строительных блоков», а не единственным определяющим фактором. Полученные результаты указывают на необходимость более глубоких, возможно, качественных методов исследования для понимания механизмов этого влияния.

Обсуждение результатов

Для сравнительного анализа полученных данных представим результаты проведенных исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ).

В исследовании от 17 августа 2023 г. ВЦИОМ представил результаты опроса россиян о гражданской идентичности.

Гражданская идентичность выступает основой группового самосознания, интегрирует население страны и является залогом стабильности государства. Вместе с гражданской идентичностью происходит и становление патриотической идентичности, которая выражается в любви к Родине, готовности поддерживать, работать во благо своей страны, готовности отстаивать ее интересы.

Россия лучше других стран – с этим утверждением сегодня согласны шесть из десяти россиян (57 %), за пять лет показатель вырос на 5 п. п. (2018 г. – 52 %). Считают иначе треть наших сограждан (32 %, минус 8 п. п. к 2018 г.), каждый десятый не смог ответить на этот

вопрос (10%, плюс 5 п. п. к 2018 г.) [ВЦИОМ, 2023]. Это соответствует полученным в исследовании данным, где 70 % респондентов испытывают гордость при виде национальных символов государства.

В исследовании ВЦИОМ от 14 декабря 2022 года представлены результаты опроса о национальной идентификации. Согласно исследованию, большинство молодых (83 %) россиян идентифицируют себя как граждане РФ. Среди 14–17-летних преобладает национальная идентичность (30 %), среди 18–24-летних 38 % идентифицируют себя как «гражданин мира», религиозная идентичность преобладает у 25–29-летних (36 %), в старшей молодежной группе 30–35 лет наряду с национальной (44 %) доминирует гражданская (42 %) [ВЦИОМ, 2022]. Эти данные могут быть полезны для дальнейшего анализа полученного материала, могут быть выделены группы среди молодежи, отличающиеся по типам приоритетной идентичности.

В исследовании ВЦИОМ от 15 января 2025 г. представлены результаты опроса по оценке школьных знаний россиян по истории. Только 6 % россиян смогли правильно ответить на все семь вопросов ВЦИОМ по истории, еще 11 % набрали шесть правильных ответов. От трех до пяти правильных ответов удалось набрать 53 %. В среднем россияне знают отечественную историю на 3,6 балла из 7 возможных. Это также входит в соответствие с нашими данными, где более 50 % респондентов набрали от трех до пяти баллов [ВЦИОМ, 2025].

В исследовании ВЦИОМ от 31 мая 2023 года «Актуальность, искренность и вовлечение: триада эффективного молодежного контента» описаны следующие данные: 73 % россиян пользуются интернетом ежедневно, и если старшее поколение еще использует для получения информации и общения «неинтернетные» источники, то молодежь в подавляющем большинстве предпочитает именно интернет. Аналогично с мнением ВЦИОМ полагаем, что тема молодежного контента – одна из наиболее обсуждаемых сегодня. Проблемы контента обсуждаются на российских форумах. Представленное исследование ВЦИОМ «Участие детей в создании контента – польза или вред?» обозначило пониманием большинством опрошенных (59 %), что интернет для юной аудитории – эффективный инструмент саморазвития и совершенствования коммуникативных навыков [ВЦИОМ, 2023]. В связи с этим необходимо сказать, что требуется дальнейшее, более глубокое изучение контента, потребляемого молодежью, в том числе в контексте его влияния на политические и ценностные ориентации.

Заключение

Среди общих выводов работы можно сказать, что традиционным средством получения образовательной информации является школа, университет, места работы. Только 20 % респондентов продолжают заниматься в свободное время самообразованием.

Новым сильным источником информации любого рода являются Telegram-каналы и авторские видеоролики, что требует их дальнейшего изучения, в том числе контент-анализу должен быть подвержен тот материал, который преподносится потребителям. Среди телеграм-каналов можно выделить «Топор», среди видео – «Куплинов шоу», «badcomedian», «Топлес».

Менее всего респонденты склонны разглашать каналы получения политической и новостной информации, активнее всего сообщают источники развлекательной информации. Менее всего развиты компоненты национальной идентичности у поколения 24–35 лет. Возможно, это связано с тем, что детство этих людей, период взросления, выпал на 90-е годы, когда развитию национальной идентичности уделялось мало внимания.

По поведенческому компоненту необходимо отметить ряд ключевых тенденций. Соблюдение традиций связано с образовательными ресурсами, так как 58 % соблюдающих традиции получают информацию из школ/вузов, 52 % – из книг, 50 % – из познавательных видео. Это указывает на роль формального образования в сохранении культурных норм.

Также стоит отметить сдвиг в сторону неформальных и часто развлекательных источников информации. Такие источники, как видно из данных, зачастую формируют критическое или равнодушное отношение к традициям. Группы с высокой гражданской активностью опираются на традиционные СМИ, тогда как группы с низкой активностью предпочитают альтернативные источники, такие как Telegram-каналы или конкретные сайты.

Примечательно, что в культурных мероприятиях чаще участвуют группы, черпающие информацию из книг и учебников. Группы, развлекающиеся и образовывающиеся на онлайн-платформах (YouTube-каналах, Telegram), практически не участвуют в таких мероприятиях. Таким образом, цифровизация досуга может снижать интерес к реальному культурному участию, заменяя его виртуальным потреблением.

По когнитивному компоненту национальной идентичности упомянем, что историческая грамотность респондентов практически не связана с возрастом – только 1/5 часть справилась с тестом полностью. Констатируем системные пробелы в знаниях истории, особенно среди молодых людей. Наилучшие результаты показывают группы 19–23 лет (40 % ответили полностью правильно), тогда как старшая группа демонстрирует снижение знаний. Респонденты с успешным прохождением теста сочетают традиционные и цифровые источники: часто отмечаются научно-популярные Telegram-каналы и познавательные видео. Здесь также сильна роль школы и вуза (важность отмечает 64 % респондентов). Самые низкие результаты – у тех, кто чаще указывает образование через онлайн-платформы вроде Foxford или Uchi.ru. Это можно связать с поверхностным потреблением научной информации или распространением дезинформации в соцсетях и каналах.

В качестве практической закономерности: авторские программы популярны среди респондентов с 5–7 правильными ответами, что показывает: развлекательный формат может стимулировать интерес к истории. Однако он несет риск упрощения сложных тем в зависимости от субъективной интерпретации авторов. Среди потребителей таких программ есть и те, кто демонстрирует минимальные знания, это указывает на иллюзию образованности без критического анализа.

По аффективному компоненту: большая часть опрошенных идентифицирует себя с конкретной национальной группой. Наибольший процент отчужденных (не чувствующих связи) – в возрастной группе 19–23 лет. Эта же группа не идентифицирует себя ни с какой нацией и не имеет четких предпочтений в образовательных источниках, но доминируют развлекательные платформы. У респондентов, испытывающих гордость за страну, преобладают традиционные источники – формальное образование и классические СМИ укрепляют национальную идентичность. Группа, которая испытывает злость и презрение к государству, почти полностью (73 %) отмечает YouTube как развлекательный и образовательный источник, подчеркивая роль авторских программ. Это указывает на влияние критического и оппозиционного контента, формирующего негативное восприятие страны.

46 % признают недостатки, но гордятся страной – это самая большая группа. Они склонны к критическому патриотизму, сочетая рациональный анализ с эмоциональной привязанностью. Их медиапотребление включает YouTube-каналы (Куплинов, Дудь), что указывает на поиск альтернативных точек зрения. 36 % активно защищают страну, особенно молодежь 14–18 лет (41 %). Эта группа опирается на официальные СМИ (Первый канал, РИА-новости), что указывает на возможную связь между патриотизмом и доверием к государственным медиа.

Согласные с критикой (2 %) демонстрируют формальное отношение к информации: 80 % используют книги/школы, но не могут назвать конкретные источники. Это может быть признаком обмана в ответе. Критика страны чаще вызывает защитную реакцию или рациональное принятие, но не массовое отрицание. Однако рост безразличия в старших возрастных группах (до 27 % в 29–35 лет) может сигнализировать о кризисе гражданской вовлеченности.

Список источников

- ВЦИОМ Новости. 2023. Актуальность, искренность и вовлечение: триада эффективного молодежного контента. URL: <https://wciom.ru/expertise/aktualnost-iskrennost-i-vovlechenie-triada-ehffektivnogo-molodezhnogo-kontenta> (дата обращения: 18 апреля 2025).
- ВЦИОМ Новости. 2025. Помни свои корни. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pomni-svoi-korni> (дата обращения: 28 октября 2025).
- ВЦИОМ. Новости. 2023. Россияне о России. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-o-rossii> (дата обращения: 18 апреля 2025).
- ВЦИОМ: Среди российских подростков доминирует национальная идентичность. 2022. Национальный аспект – межэтническая журналистика. URL: <https://nazaccent.ru/content/39689-wciom-sredi-rossijskih-podrostkov-dominiruet-nacionalnaya-identichnost/> (дата обращения: 18 апреля 2025).

Список литературы

- Акимова И.А. 2009. Средства массовой информации как фактор формирования идентичности личности в современном обществе. Сервис +, (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-massovoy-informatsii-kak-faktor-formirovaniya-identichnosti-lichnosti-v-sovremennom-obschestve> (дата обращения: 17 апреля 2025).
- Володенков С.В., Зотов В.В., Консон Г.Р., Гуров О.Н. 2024. Перспективы формирования просоциального образа цифрового будущего в России (экспертная оценка) / *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 49 (1): 39–51. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2024-49-1-39-51>
- Воронина Д.Г. 2014. Масс-медиа как фактор формирования российской идентичности. *Социально-гуманитарные знания*, (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mass-media-kak-faktor-formirovaniya-rossiyskoj-identichnosti> (дата обращения: 13 марта 2025).
- Закупень Т.В. 2009. Понятие и сущность информационной безопасности и ее место в системе обеспечения национальной безопасности РФ. *Информационные ресурсы России*, 4(110): 28–34.
- Зети П.П. 2012. Проблемы формирования российской идентичности в контексте обеспечения информационной безопасности южнороссийского макрорегиона (по результатам эмпирических исследований). *Южно-российский журнал социальных наук*, (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-rossiyskoj-identichnosti-v-kontekste-obespecheniya-informatsionnoy-bezopasnosti-yuzhnorossiyskogo> (дата обращения: 20 апреля 2025).
- Капица С.П. 2009. Гиперболический путь человечества. Через демографическую революцию к обществам знаний. М., ИД ТОНЧУ, 128.
- Кулакова Т.А., Лукьянова Г.В., Волкова А.В. 2022. От экономического патернализма к цифровому контролю. *Проблемы современной экономики*, 1(81): 79–83.
- Курочкин А.В., Морозова С.С. 2024. Цифровая колонизация как угроза национальной безопасности. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 20(1): 64–72. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.105>
- Лукьянова Г.В., Соловьев А.Ю. 2024. Особенности формирования повестки дня в мессенджере Telegram. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, 24(1): 90–97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-povestki-dnya-v-messendzhere-telegram> (дата обращения: 18 апреля 2025).
- Разомазова М.Н., Разомазова А.Л., Пачин Г.Р. 2025. Исследование дискурсивных практик в механизме конструирования национальной идентичности. *Человек. Общество. Наука*, 6(1): 80–94. doi 10.53015/3034-3151_2025_6_1_80-94
- Ромашкина А.Б., Киричук Д.А. 2024. Трансляция ценностно-смысловых нарративов в публичной цифровой коммуникации: возможности и ограничения. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 26(4): 630–643. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-630-643>
- Семененко И.С., Пантин В.И., Морозова Е.В. 2024. Кино как зеркало идентичности, идентичность в зеркале кино. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 26(4): 733–752. doi: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-733-752
- Шнейдер Л.Б. 2001. Профессиональная идентичность: Монография. М., МОРУ, 272. URL: <https://psychlib.ru/mgppu/sh1/SH1-003-.htm#p3>

- Berger P.L., Luckman T. 1966. *The Social Construction of Reality*. London, Alien lane. 249 p. Electronic resource. Available at: https://www.academia.edu/50118615/Berger_Social_Construction_of_Reality#title (accessed: 17.04.2025).
- Bosma H.A. 1985. *Identity Development in Adolescence: Coping with Commitments*. Groningen, Rijksuniversiteit Groningen. Electronic Resource. Available at: https://www.academia.edu/127049105/Identity_development_in_adolescence_Coping_with_commitments (accessed: 17 April 2025).
- De Cleen B., Glynos J., Goyvaerts J., Stavrakakis Y. 2025. Discourse Theory and the Turn to Practice: Lessons from the Populist Moment. *Journal of Language and Politics*, vol. 24, no. 1. Electronic Resource. Available at: <https://www.jbe-platform.com/content/journals/15699862/24/1> (accessed: 17 April 2025).
- Erikson E.H. 1960. The Problem of Ego Identity. In: Stein M.R. et al. (eds.) *Identity and Anxiety: Survival of the Person in Mass Society*. Glencoe, The Free Press, pp. 37–87.
- Erikson E.H. 1975. *Life-history and Historical Moment*. New York, W. W. Norton & Company, 282 p.
- Goffman E. 1959. *Presentation of Self in Everyday Life*. Garden City, New York, Doubleday Anchor Books, Doubleday & Company, Inc., Electronic Resource. Available at: https://www.academia.edu/2098910/The_presentation_of_self_in_everyday_life_1959 (accessed: 17 April 2025).
- Waterman A.S. (ed.). 1985. *Identity in Adolescence: Processes and Contents*. San Francisco – London, Jossey-Bass, 235 p.
- Jacobs T. 2025. Discourse Theory and Strategic Communication. *Journal of Language and Politics*, vol. 24, no. 1. Electronic Resource. Available at: <https://www.jbe-platform.com/content/journals/10.1075/jlp.24199.jac> (accessed: 17 April 2025).
- Kohut H. 1971. *The Analysis of the Self*. New York, International Universities Press, 392 p.
- Marcia J.E. 1980. Identity in Adolescence. In: Adelson J. (ed.) *Handbook of Adolescent Psychology*. New York, John Wiley, pp. 159–187.
- Marcia J.E., Friedman M.L. 1970. Ego Identity Status in College Women. *Journal of Personality*, vol. 38, no. 2, pp. 249–263. doi:10.1111/j.1467-6494.1970.tb00007.x
- Waterman A.S. 1982. Identity Development from Adolescence to Adulthood: An Extension of Theory and a Review of Research. *Developmental Psychology*, vol. 18, no. 3, pp. 341–358. doi:10.1037/0012-1649.18.3.341

References

- Akimova I.A. 2009. Sredstva massovoy informatsii kak faktor formirovaniya identichnosti lichnosti v sovremennom obshchestve [Mass Media as a Factor in the Formation of Personal Identity in Modern Society]. *Servis +*, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-massovoy-informatsii-kak-faktor-formirovaniya-identichnosti-lichnosti-v-sovremennom-obschestve> (accessed: 17.04.2025).
- Volodenkov S.V., Zotov V.V., Konson G.R., Gurov O.N. 2024. Perspektivy formirovaniya prosotsial'nogo obraza tsifrovogo budushchego v Rossii (ekspertnaya otsenka) [Prospects for the Formation of a Prosocial Image of the Digital Future in Russia (Expert Assessment)]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, vol. 49, no. 1, pp. 39–51. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2024-49-1-39-51>
- Voronina D.G. 2014. Mass-media kak faktor formirovaniya rossiyskoy identichnosti [Mass Media as a Factor in the Formation of Russian Identity]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, no. 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mass-media-kak-faktor-formirovaniya-rossiyskoy-identichnosti> (accessed: 13.03.2025).
- Zakupen' T.V. 2009. Ponyatie i sushchnost' informatsionnoy bezopasnosti i ee mesto v sisteme obespecheniya natsional'noy bezopasnosti RF [The Concept and Essence of Information Security and its Place in the National Security System of the Russian Federation]. *Informatsionnye resursy Rossii*, vol. 4, no. 110, pp. 28–34.
- Zeti P.P. 2012. Problemy formirovaniya rossiyskoy identichnosti v kontekste obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti yuzhnorossiyskogo makroregiona (po rezul'tatam empiricheskikh issledovaniy) [Problems of Forming Russian Identity in the Context of Ensuring Information Security of the South Russian Macro-Region (Based on the Results of Empirical Research)]. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk*, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-formirovaniya-rossiyskoy-identichnosti>

- identichnosti-v-kontekste-obespecheniya-informatsionnoy-bezopasnosti-yuzhnorossiyskogo (accessed: 20.04.2025).
- Kapitsa S.P. 2009. Giperbolicheskiy put' chelovechestva. Cherez demograficheskuyu revolyutsiyu k obshchestvam znaniy [The Hyperbolic Path Of Humanity: Through the Demographic Revolution to Knowledge Societies]. Moscow, ID TONChU Publ., 128 p.
- Kulakova T.A., Luk'yanova G.V., Volkova A.V. 2022. Ot ekonomicheskogo paternalizma k tsifrovomu kontrolyu [From Economic Paternalism To Digital Control]. Problemy sovremennoy ekonomiki, vol. 1, no. 81, pp. 79–83.
- Kurochkin A.V., Morozova S.S. 2024. Tsifrovaya kolonializatsiya kak ugroza natsional'noy bezopasnosti [Digital colonization as a threat to national security]. Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS, vol. 20, no. 1, pp. 64–72 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu23.2024.105>
- Luk'yanova G.V., Solov'ev A.Yu. 2024. Osobennosti formirovaniya povestki dnya v messendzhere Telegram [Features of Agenda Setting in the Telegram Messenger]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya, vol. 24, no. 1, pp. 90–97 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-povestki-dnya-v-messendzhere-telegram> (accessed: 18.04.2025).
- Razomazova M.N., Razomazova A.L., Pachin G.R. 2025. Issledovanie diskursivnykh praktik v mekhanizme konstruirovaniya natsional'noy identichnosti [A Study of Discursive Practices in the Mechanism of Constructing National Identity]. Chelovek. Obshchestvo. Nauka, vol. 6, no. 1, pp. 80–94. doi 10.53015/3034-3151-2025-6-1-80-94
- Romashkina A.B., Kirichuk D.A. 2024. Translyatsiya tsennostno-smyslovyykh narrativov v publichnoy tsifrovoy kommunikatsii: vozmozhnosti i ogranicheniya [Transmission of Value-Semantic Narratives in Public Digital Communication: Opportunities and Limitations]. Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya, vol. 26, no. 4, pp. 630–643. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-630-643>
- Semenenko I.S., Pantin V.I., Morozova E.V. 2024. Kino kak zerkalo identichnosti, identichnost' v zerkale kino [Cinema as a Mirror of Identity, Identity in the Mirror of Cinema]. Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya, vol. 26, no. 4, pp. 733–752. doi: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-733-752
- Shneyder L.B. 2001. Professional'naya identichnost': Monografiya [Professional Identity: A Monograph]. Moscow, MOSU Publ., 272 p. URL: [https://psychlib.ru/mgppu/sh1/SH1-003-.HTM#\\$p3](https://psychlib.ru/mgppu/sh1/SH1-003-.HTM#$p3)
- Berger P.L., Luckman T. 1966. The Social Construction of Reality. London, Alien lane. 249 p. Electronic resource. Available at: https://www.academia.edu/50118615/Berger_Social_Construction_of_Reality#title (accessed: 17.04.2025).
- Bosma H.A. 1985. Identity Development in Adolescence: Coping with Commitments. Groningen, Rijksuniversiteit Groningen. Electronic Resource. Available at: https://www.academia.edu/127049105/Identity_development_in_adolescence_Coping_with_commitments (accessed: 17 April 2025).
- De Cleen B., Glynos J., Goyvaerts J., Stavrakakis Y. 2025. Discourse Theory and the Turn to Practice: Lessons from the Populist Moment. Journal of Language and Politics, vol. 24, no. 1. Electronic Resource. Available at: <https://www.jbe-platform.com/content/journals/15699862/24/1> (accessed: 17 April 2025).
- Erikson E.H. 1960. The Problem of Ego Identity. In: Stein M.R. et al. (eds.) Identity and Anxiety: Survival of the Person in Mass Society. Glencoe, The Free Press, pp. 37–87.
- Erikson E.H. 1975. Life-history and Historical Moment. New York, W. W. Norton & Company, 282 p.
- Goffman E. 1959. Presentation of Self in Everyday Life. Garden City, New York, Doubleday Anchor Books, Doubleday & Company, Inc., Electronic Resource. Available at: https://www.academia.edu/2098910/The_presentation_of_self_in_everyday_life_1959 (accessed: 17 April 2025).
- Waterman A.S. (ed.). 1985. Identity in Adolescence: Processes and Contents. San Francisco – London, Jossey-Bass, 235 p.
- Jacobs T. 2025. Discourse Theory and Strategic Communication. Journal of Language and Politics, vol. 24, no. 1. Electronic Resource. Available at: <https://www.jbe-platform.com/content/journals/10.1075/jlp.24199.jac> (accessed: 17 April 2025).
- Kohut H. 1971. The Analysis of the Self. New York, International Universities Press, 392 p.
- Marcia J.E. 1980. Identity in Adolescence. In: Adelson J. (ed.) Handbook of Adolescent Psychology. New York, John Wiley, pp. 159–187.

- Marcia J.E., Friedman M.L. 1970. Ego Identity Status in College Women. *Journal of Personality*, vol. 38, no. 2, pp. 249–263. doi:10.1111/j.1467-6494.1970.tb00007.x
- Waterman A.S. 1982. Identity Development from Adolescence to Adulthood: An Extension of Theory and a Review of Research. *Developmental Psychology*, vol. 18, no. 3, pp. 341–358. doi:10.1037/0012-1649.18.3.341

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 10.12.2025

Received: 10.12.2025

Поступила после рецензирования: 20.01.2026

Revised: 20.01.2026

Принята к публикации: 10.02.2026

Accepted: 10.02.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Пачина Наталия Николаевна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социологии, Липецкий государственный технический университет, г. Липецк, Россия

 [ORCID: 0000-0002-2356-9713](https://orcid.org/0000-0002-2356-9713)

Natalia N. Pachina, Doctor of Sciences in Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Sociology, Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia

Разомазова Мария Николаевна, студент четвертого курса, направление «социология», Институт социальных наук, экономики и права, Липецкий государственный технический университет, г. Липецк, Россия

 [ORCID: 0009-0005-4771-1912](https://orcid.org/0009-0005-4771-1912)

Maria N. Razomazova, Fourth-Year Student in Sociology, Institute of Social Sciences, Economics and Law, Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia